

ГОДУ ПЕДАГОГА И НАСТАВНИКА ПОСВЯЩАЕТСЯ

- **Рассказы, стихотворения, очерки и статьи, художественное и декоративно-прикладное творчество воронежских педагогов**

А. Золотых. Лето у бабушки

Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
ЕРМАКОВ Д.А. (Вологда)
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
КАН Д.Е. (Оренбург)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МЕЩЕРЯКОВ Ю.А. (Тамбов)
МИЗГУЛИН Д.А. (Санкт-Петербург)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — шеф-редактор (ответственный секретарь)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
ПЫЛЁВ С.П.
СКИФ В.П. (Иркутск)
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

9. 2023

ГОДУ ПЕДАГОГА И НАСТАВНИКА ПОСВЯЩАЕТСЯ

СЛОВО	Наталья САЛОГУБОВА, <i>руководитель департамента образования Воронежской области.</i> Открытие личности 4
ПРОЗА	Ружена ОБЕРЕМКО. Мишка — Мальчиш-Кибальчиш. Рассказ ..... 12 Иван БЫКОВ. Шибзик. Рассказ ..... 25 Анна ВИСЛОУХ. Заяц в детстве не труслив. Рассказ .. 48 Любовь МАКАРОВА. Странный сон. Рассказы ..... 68 Вера СУСОЕВА. Всё будет хорошо. Рассказ ..... 86 Дарья СУДАКОВА. Лучший друг детства. Рассказы ... 100
ПОЭЗИЯ	Земное наследство. Авторские подборки стихотворений Виталия АПЕВАЛОВА, Валентины БОДРОВОЙ, Владимира БУГРИМА ..... 5 Сад, посаженный отцом. Авторские подборки стихотворений Любви ГОРЯЙНОВОЙ, Николая КОРОТКИХ, Татьяны ЛОГАЧЕВОЙ ..... 20 Линия времен. Авторские подборки стихотворений Светланы МАСЛОВОЙ, Андрея МОНАСТЫРНОГО, Геннадия ПЕТРЕНКО ..... 41 В небе ласточки в стаи сбиваются. Авторские подборки стихотворений Татьяны ПОВАЛЮХИНОЙ, Елены РУДАЕВОЙ, Ларисы ХЛОПКОВОЙ ..... 62 Необъятная даль. Авторские подборки стихотворений Елены ШАБАНОВОЙ, Алексея ШЕВЧЕНКО, Татьяны ШЕВЧЕНКО ..... 79 Чтобы песни вновь русские пели. Стихи. Общая тетрадь ..... 93 Как рассказать мальчишке о войне! Стихи. Общая тетрадь ..... 104 Человек смотрел на солнце. Стихи. Общая тетрадь 145
ИМЕНА	Марина КАРТАВЦЕВА. У памяти своя тропа. (Из книги Народного учителя СССР «...Есть любовь и память») ..... 111 Людмила ШИЛИНА. След человека на земле. (Рассказ о Народном учителе России Альбине Золотаревой) 118

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Юрий ПЫЛЬНЕВ. **Страницы прошлого лисяя.**
(Главы из книги «История народного образования
Воронежского края») 152

ДИНАСТИИ

Ирина ПАРИНОВА, Оксана КОВАЛЬЧУК.
Шесть педагогических веков. (Очерк о династии
Раевских — Елисеевых, подаривших отечественной
литературе поэта Анатолия Жигулина) 171
Татьяна КАНИНА, Нина СТРУКОВА.
Сохранить для потомков. (Традиции династии
Пуховых — Лепешинских) 182

ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ

Вера ТИМОФЕЕВА. **Классика и краеведение.**
(Как помочь школьнику глубже понимать культуру
и историю народа) 186

ИСТОКИ

Виктор СТЕПКИН. **Детство на Красном кордоне.**
(Школа жизни заслуженного учителя России) 196
Виталий СТЕПКИН. **В пещерах донской земли.**
(Воронежские подземные лабиринты открывают
архивные тайны) 211

СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Игорь ГОРЯИНОВ. **Не исчезают судьбы без следа.**
(Высокая нравственная миссия поисковой работы) .. 216

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Татьяна ЧЕРНОБОЕВА. **То, что выбрано сердцем.**
(Музейные раритеты рассказывают о людях) 222

КРУГ ЖИЗНИ

Зинаида МЫСЛИВЦЕВА. **Несмотря ни на что.**
(Незрячий учитель был истинным
профессионалом) 225

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Перед именем твоим.
(Размышления Марины ИЛЬИНОЙ,
Виталия АПЕВАЛОВА, Владимира ИВАНОВА) 229
Тропинка школьная моя.
(Заметки Галины ДМИТРИЕВОЙ,
Валентины ОСТРОКОСТОВОЙ,
Елены ПРОКУРОРОВОЙ, Ольги БАХОЛДИНОЙ) 234

Номер подготовлен при содействии
Воронежского института
развития образования имени Н.Ф. Бунакова

На 1 стр. обложки: И. Ворошилина. Аллегория знаний

Подписной индекс:

Каталог Почта России: ПЗ239, все регионы РФ.

Сайт и мобильная версия журнала: <http://www.podiemvrn.ru>

Наталья Салогубова,
*руководитель
департамента образования
Воронежской области*

ОТКРЫТИЕ ЛИЧНОСТИ

*Только личность может действовать
на развитие и определение личности,
только характером можно образовать характер.*

Константин Ушинский

Учитель и ученик... Две основные фигуры в школе, чьи взаимоотношения определяют весь образовательный процесс. Успех этого сотрудничества зависит от того, насколько педагог интересен. Если педагог хочет воспитывать человека как целостную личность, то он и сам должен быть всесторонне развитой, целостной личностью, которую отличает ярко выраженная индивидуальность и способность быстро и нестандартно решать возникающие задачи.

При общении с учителем мне важно наблюдать за раскрытием его индивидуальности, поэтому мероприятия, проводимые в рамках Года педагога и наставника, сознательно направлены не только на выявление новых педагогических тенденций, но и на открытие ярких педагогических талантов. По итогам прошедших мероприятий с уверенностью говорю, что в регионе очень много педагогов, которые формируют престиж нашей профессии. Сегодня у учительства в России особая миссия — обеспечить интеллектуальный суверенитет России, и талантливый учитель с богатым духовно-нравственным миром — гарант сохранения и развития нации.

Замечательные слова доктора педагогических наук М.М. Поташника емко и точно выражают учительское предназначение: «Педагогический труд нетворческим не бывает, и быть не может, ибо неповторимы дети, обстоятельства, личность самого учителя, и любое педагогическое решение должно исходить из этих всегда нестандартных факторов».

Специальный выпуск журнала «Подъём» обращает внимание читателей на творческий потенциал наших педагогов. Этот номер посвящен людям, которые вдохновляются и вдохновляют своей профессией.

*Авторские
подборки
стихотворений*

ЗЕМНОЕ НАСЛЕДСТВО

Виталий Апевалов

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Поэма

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Нет истории ближе, роднее,
И близка нам ее география.
От ветров и страницы бледнеют.
Край родной, ты моя биография!

Седина на висках серебрится:
Не по паспорту юным намерили.
Простодушные, милые лица,
Нет, не зря вы боролись и верили.

И сегодня ничто вам не стоит
Закружиться, как лебеди, парами
В тех краях, где молитвой простою
В молодое запуталось старое.

А тогда, в дни и ночи проклятий,
Как один, своей Родины сторожи
Выходили дозором ребята
За свободу и счастье Воронежа.

Много разных историй я слышал,
Среди них, может, вам неизвестная,
Что победу большую нам свыше
Подарила сама рать небесная.

* * *

Из разведки. Ночью. Воды
Отражают свет луны.
Руки судороги сводят,
И в глазах гнездятся сны.

Шорох кажется вулканом,
Так и гнет со всех сторон.
Трое в лодке — истуканы
Из языческих времен.

Неудачная рыбалка,
Даром поступь их легка.
Нет улова. Очень жалко,
Что не взяли языка.

Трое в лодке: старший, Павел,
Слух напряг, но тишина...
Алексей бесшумно правил,
Словно сгинула волна.

В даль безглазую, немую
Все глядел Иван Круглов,
Ждал, когда они минуют
Зону вымершую слов.

Вдруг привстал, рукою машет.
«Али немца нанесло»? —
Уточняет взглядом старший,
Алексей убрал весло.

Что-то белое все ближе,
Лихорадочно дрожит.
— Что, Иван, ты видишь? — Вижу:
Лебедь раненый лежит.

— Что за штука, мать честная!
Лебедь, правда, и живой!
— Тише, Леха! Иль не знаешь:
Отвечаем головой...

... — Ты чего задумал, Ваня? —
Старший сумрачно глядит. —
Мы еще не знаем сами,
Что нам светит впереди.

— Ничего, авось, дотянем,
Да и он не пропадет —
Так и взял. А утром ранним
Часть сложила анекдот:

«Трое хлопцев трое суток
Доставали языка
И достали... кроме шуток,
По дороге гусака».

Старший весел был нередко,
Ванька был невозмутим,
Алексей ругался крепко
Так, как он любил один.

— Эх ты, Ванька, рыжий леший!
Что разводишь детский сад?
Ты сумел себя потешить.
Я же в чем тут виноват?

— Этот лебедь наш, Алеша,
Наши мысли и дела.
— А! С дурного разве спросишь —
Вмиг закусит удила!

Лебедь щурил глаз украдкой,
Словно силился понять,
Чья берет в жестокой схватке
Без железа и огня.

Ванька гладил еле-еле
Шею лебеда и пел,
Звезды искоса глядели,
Как разведчик на тропе.

Шли бои в январской стуже,
Бились танки за февраль.
Тот, кто служит, тот не тужит
За сегодня и вчера.

Сердце будущим тоскует.
Март, апрель и милый май ...
Эх, девчоночку б такую,
Чтобы вмиг свела с ума!

И в руках букет сирени,
Трели льются соловья,
И подумает военный:
«На гражданке, что ли, я?...»

А вблизи два великана
Бьются насмерть день и ночь.
Черной тучей вьются камни,
Дикий ветер мчится прочь...

Зря снаряды были грозно,
Звали смертную постель,

К новой жизни, к дальним звездам
Белый лебедь полетел.

И слеза из глаз катилась...
Знает, стерва, свой черед!
— Эй, Круглов! Отставить сырость! —
Старший за руку берет.

— Есть отставить, только мне бы
Болью больше не дышать.
Белый лебедь в синем небе —
Наша русская душа.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Нет истории ближе, чем эта.
Нам дороже ее фотография,
Чем сокровища целого света.
Край родной, ты моя биография!

Левый берег и правый, как эхо,
Возвещают о славе Воронежа.
Поклонитесь дорогой, прохожие,
Тем, чью молодость танки проехали.

*Первомайская СОШ
Эртильского района*

Валентина Бодрова

ПАМЯТНИК ПОЭТУ КОЛЬЦОВУ

Запахнув шинель твердокаменну,
Опустив лицо в думы вечные,
Он стоит один, в сердце раненный
Тем, что жил в года бессердечные.
А дожди слезят на седой гранит,
А снега на плечи — сугробами.
Не простор вокруг его ног лежит,
Окружен домами-дорогами.
Тут река машин, незнакомый шум
И людской поток бьются волнами.
Он не видит банк, супермаркет, ГУМ,
Видит только степь, степь привольную.
Но теперь он часть городской среды —
Наш поэт, герой, бренд практически.
В честь него бульвар и домов ряды,
Тихий сквер, театр драматический.
На него гляжу, проезжая вдаль
По широкой Кольцовской улице.
Не пойму, отчего на душе печаль.
И глаза от слез часто жмурятся.

Есть в Воронеже монумент один:
Алексей Кольцов — молодой поэт
Там стоит, донских разнотравий сын.
Не забыт его стихотворный след.

СИМОНОВ ЯР

Средь балок закралось,
В лугах затерялось,
На склонах седых меловых
Бескрайнее детство —
Земное наследство
Даров и преданий живых.
Аукну, как в сказке, —
Проснутся подсказки,
Как долго от дома идти
На выгон и поле,
Где божию волей
Я чудо увижу в пути:
Там храм у природы,
Что сделали воды,
Зовется он — Симонов яр.
Зайти мне предложит,
На книгу похожий,
Как будто открытую в дар.
Там травы и росы,
На склонах — березы
Гудят, словно трубы в эфир.
Их белая скромность,
Органная стройность
Зовет в заповеданный мир.
Грибами богаты
Лесные палаты,
А ягодой склоны полны.
Ну чем не причастье:
Духмяное счастье —
В руках земляничные сны?
Дойду я до края —
Преддверие рая
Найду в теневой глубине.
Припасть, наклониться —
Источка водица
Как в душу вливается мне.
В ней сила земная,
И пусть я не знаю,
Но верю — живая вода.
И девочкой юной
В каком-то июне
Останусь я там навсегда.

*с. Парижская Коммуна
Верхнехавского района*

Владимир Бугрим

У РЖЕВА

Земля у Ржева — с прахом пополам,
С солдатским потом, выбелившим плечи.
Здесь ветер помнит всех по именам
И зажигает звезды, словно свечи.

Здесь человека рвал металл,
Огонь сжигал, земля стонала...
Но человек из пламени вставал,
Он крепче был горящего металла.

Здесь кровь окрасила штыки,
И солнце было в копоти и дыме.
Здесь насмерть встали русские полки —
И молодые стали вдруг седыми.

Земля у Ржева — с кровью пополам,
Солдатской, алой, как закат.
Разлился этот цвет по куполам,
И стайей журавлиной стал солдат.

В руках — уже остывший автомат,
Однополчан доносит ветер голоса...
Но не в атаку он зовет солдат —
Он вместе с ними улетает в небеса.

У Ржева, в бронзе, у дорог,
Что сходятся всегда у всех святынь,
Стоит солдат — он русский Бог.
Простой, земной, России сын.

* * *

Рассвет играл в полутона,
А в сумерках на дальнем берегу
Стальным оскалом щерилась война,
И замолчал сверчок в стогу...

И до пронзительного звона
Сгустилась над рекою тишина.
До крика первого, до стона,
Пока не началась война.

Еще природа просыпалась,
И серебром рассыпалась роса.
Мгновенье до войны осталось —
Реки прохладной полоса.

Как зеркало — прозрачная вода.
Над нею не волнуются стрекозы.
И села, и большие города
Спят, не предчувствуя угрозы.

Еще живем, уже минуты...
Как это время мне остановить,
Чтобы навек коричневого спрута —
Войну — безвременьем убить?

Запомни, время, эту тишину
И мир, вернувшийся из снов.
Запомни это утро, и войну,
И небо в росчерках крестов.

Запомни, запиши на обелисках,
Вчекань металлом в ордена,
Чтоб не вернулась даже близко
На землю русскую война.

г. Воронеж

Ружена Оберемко

МИШКА — МАЛЬЧИШ-КИБАЛЬЧИШ

Рассказ

Ох и нравилось же Мишке Скорикову учиться! Сначала он с удовольствием выводил палочки и крюочки. Затем с наслаждением писал цифры и буквы. А уж когда научился читать, то трудно было его оторвать от книги. Мать гоняла Мишку за это, несколько раз даже била ремнем, но никакое наказание не могло отлучить мальчика от любимого занятия. Он был частым гостем сельской библиотеки. Выберет книгу, сядет в укромный уголок за книжными полками и читает. Благо, библиотекарь Марья Ивановна всячески поощряла увлечение Мишки и разрешала ему подолгу засиживаться в читальном зале.

— Читай, читай, Журавушка! — часто приговаривала Марья Ивановна и почему-то грустно вздыхала.

— А разве я похож на журавля? — удивлялся Мишка.

— Похож, родимый, похож. Посмотри, какая шейка у тебя длинная и тоненькая. Небось, недоедаешь? Еще бы, пойдешь, прокорми столько ртов-то.

И после этих слов Марья Ивановна обычно гладила Мишку по голове и непременно давала ему что-нибудь вкусненькое, чего мальчик не ел дома даже по праздникам: конфетку или пряник.

У родителей Мишки было семеро детей. Мал мала меньше. Отец работал зоотехником в колхозе, мать — дояркой. Она вставала в четыре утра, управлялась по дому, доила корову Зорьку, которую в семье уважительно называли кормилицей, и уходила на утреннюю дойку. К обеду возвращалась домой и опять хлопотала по хозяйству. Старше Мишки были сестра Оля и брат Ваня, они погодки, одной четырнадцать лет, другому — тринадцать. Дальше шел Мишка, за ним еще два брата и две сестры, самой младшей из которой было два годика. Старшие дети утром уходили в школу, а после обеда помогали матери по дому. Отец же возвращался с работы не раньше семи вечера, уставший, молчаливый. Когда Оля, Ваня и Миша были на занятиях, с младшими оставался шестилетний Коля. Трудно приходилось всем. С утра до вечера семья была занята делом: работали в огороде, убирали в доме, заготавливали сено, следили за малы-

шами... Вот поэтому мать и не поощряла Мишкино увлечение чтением, сварливо приговаривала:

— Некогда глупостями заниматься, надо дело делать.

И вообще, если бы не отец, мечтавший о том, чтобы его дети получили образование, мать давно бы запретила старшим ходить в школу.

Когда Мишка перешел в шестой класс, к ним пришла молоденькая учительница Анна Марковна. Ученики сразу дали ей прозвище «Маркушенька». Она с интересом рассказывала ребятам о поэтах и писателях, об их удивительных и непростых судьбах. Читала отрывки из знаменитых произведений, останавливалась на самом интересном месте, и когда ученики просили ее дочитать рассказ до конца, загадочно улыбалась и говорила:

— Нет, до окончания урока осталось мало времени. Если вам интересно узнать, чем закончилась история, дочитайте сами, а на следующем уроке перескажете мне. Я с удовольствием послушаю.

И большая часть детей дочитывала произведение. Конечно же, среди этих учеников был и Мишка. Ему очень нравились уроки Анны Марковны, он приходил в восторг от ее рассказов, представлял себя то на месте писателей, то на месте героев их рассказов.

Но однажды Маркушенька не стала останавливаться на самом интересном месте, а дочитала произведение до конца. Это была «Сказка о Военной Тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове» Аркадия Гайдара. Ребята, затаив дыхание, слушали о Красной Армии, о «белых войсках проклятых буржуинов», о смелом Мальчише-Кибальчише, о трусливом и подлом Мальчише-Плохише, о Военной Тайне...

Плывут пароходы — привет Мальчишу!

Пролетают летчики — привет Мальчишу!

Пробегают паровозы — привет Мальчишу!

А пройдут пионеры — салют Мальчишу!

От этих слов у Мишки сжалось сердце. Сказка настолько затронула за живое, что мальчику стал сниться Мальчиш-Кибальчиш, но на его месте был он, Мишка. Это он собрал своих товарищей и повел их на войну против буржуинов...

О своем сне он как-то рассказал ребятам. Одноклассники с тех пор стали звать Мишку Мальчишом.

22 июня 1941 года рано утром Мишку разбудил странный гул. Мальчик выбежал на улицу и увидел в небе самолеты, которые с жутким ревом летели на восток, а на их крыльях были кресты. А потом Мишка узнал, что началась война. Он не мог еще до конца осознать, что скрывается за этим страшным словом. Но он видел заплаканную мать, отца, спешно собиравшегося на фронт, односельчан, переставших улыбаться. И он понял, что произошло что-то ужасное. Мишка со всех ног помчался к любимой учительнице:

— Анна Марковна, что же теперь будет?

— Миша, ты уже большой мальчик. Помнишь сказку о Мальчише-Кибальчише?

Мишка с волнением кивнул.

— Так вот, — продолжала Анна Марковна, медленно подбирая слова, — буржуины снова напали на нашу Родину, и наши отцы и братья пошли защищать ее от фашистов, так теперь зовут буржуинов, а мы здесь должны помогать им.

— Как? — с нетерпением спросил Мишка.

— Поддерживать матерей, младших сестер и братьев, бабушек, хорошо учиться...

— Зачем? — с недоумением перебил ее мальчик, — кому нужна теперь эта учеба?

— А как же ты будешь помогать фронту, если останешься неучем? Как изобретешь, например, новое оружие, чтобы наши войска победили?

— Все понял, — немного подумав, ответил Мишка.

— Собери сейчас ребят, и идите все в класс. Мне надо с вами поговорить и поручить вам что-то важное.

Мишка стремглав помчался искать одноклассников. Он быстро нашел своего лучшего друга Юрку, который во дворе колот дрова. В заброшенном сарае на окраине села ребята отыскали Машу, Витю, Сережу, Юлю и братьев-близнецов Игоря и Сеню. Дети тихо обсуждали события последних дней. Эти ребята были одной командой с первого класса. Вместе ходили за ягодами, играли в казаков-разбойников, учили уроки. Они встречались в своем месте, в потайном сарае. Он был не простой развалюхой, несмотря на кажущуюся ветхость. Дубовый, с крепкой дверью сарай друзьям казался настоящей крепостью. Ребята даже прорыли лаз, который выходил к лесу. Это было настоящее убежище. Так вот, в этом сарае Юрка с Мишкой и нашли своих одноклассников.

— Ребят, бежим скорей к Маркушеньке, — задыхаясь, произнес Мишка.

— Это еще зачем? Уроки, что ли, будут? — усмехнулся Витька.

— Нет, будем помогать фронту.

— Как? — удивились близнецы.

— Пойдемте, все узнаем, — нетерпеливо подытожил Мишка.

Ребята считали его своим вожаком. Даже задиристый Витька признавал за Мишкой лидерство. Поэтому все встали и помчались к учительнице.

— Анна Марковна, что надо делать? — с порога спросили ребята.

— Давайте посадим огород. Я понимаю, что немного поздно, но морковь, свекла, лук и картошка еще успеют до осени вырасти, — смущенно проговорила Анна Марковна.

— Ну, вот еще, — разочарованно выдохнул Витька. — Мы думали, что будем армии помогать, а тут... морковка!

Другие ребята тоже недоуменно посмотрели на учительницу.

— Подождите, — не сдавалась Анна Марковна, — вы же хотите, чтобы ваши отцы и братья, воюя, не волновались о том, что вы здесь голодаете? Сейчас идет война, надеюсь, что она быстро закончится и к осени наши солдаты очистят землю от фашистов. А если нет? Стране трудно, а мы поможем ей: будем сами себя обеспечивать овощами.

Друзья, наконец, поняли, для чего Анна Марковна решила разбить огород. Они с энтузиазмом принялись за дело. К вечеру школьный огородик был полностью засажен. Анна Марковна пригласила ребят к себе на чай. Для них побывать у учителя в гостях было полной неожиданностью. Дети даже мечтать о таком не могли. Они с любопытством рассматривали книжную полку, столько книжек ребята видели только в библиотеке. Анна Марковна показала ученикам фотоальбом. Друзья увидели ее детские фотографии, спрашивали о родственниках. Им хотелось побольше узнать о своей Маркушеньке. А она с удовольствием рассказывала о детстве, об учебе в пединституте, о местах, где посчастливилось побывать.

За чаем и беседой время пролетело незаметно. Пора было прощаться. Перед уходом Мишка с надеждой посмотрел на книжную полку. Анна Марковна перехватила его взгляд и предложила мальчику выбрать любую книгу. Он попросил сказку о Мальчише-Кибальчише.

Всю ночь Мишка не мог заснуть. Он думал о Мальчише, о его смелости, о проклятых буржуинах, погубивших Кибальчиша...

В сентябре ребята пришли в школу. Они были уже учениками 7 класса. Все лето подростки ухаживали за своим мини-огородом: выпалывали сорняки, окучивали картошку, поливали. Урожай получился на славу. Ребята его собрали и торжественно вручили школьному повару тете Паше.

— Милые вы мои, голубки! Да какие же вы молодцы! А овощи — загляденье! — прочитала добрая, пышная повариха. — Кормильцы вы наши! Дети, смущаясь и краснея от удовольствия, слушали тетю Пашу. Им было приятно, что их труд так оценили.

Начались трудовые будни. Ученики приходили на занятия уставшие, невыспавшиеся. Их отцы и старшие братья воевали. С фронта приходили неутешительные вести. Почтальон принес уже в некоторые дома похоронки. В школе каждый день обсуждали последние новости.

— Анна Марковна, — как-то на уроке спросила Юлия, — а что будет, если немцы придут в наше село?

— Будем как Мальчиш-Кибальчиш сражаться! — возбужденно воскликнул Мишка.

— Вояки вы мои, — ласково отозвалась Анна Марковна, — очень надеюсь, что этого не произойдет. Ну а если все-таки фашисты появятся здесь, то вы будете сидеть по домам. А воевать, Миша, будут взрослые.

— Но это же трусость, — в запале произнес Витька. — Что же мы, маленькие? Надо истреблять фашистскую нечисть, а не сидеть по домам.

— В первую очередь, вы должны думать о своих мамах. Что будет с ними, если вас расстреляют? Разве это трусость — оберегать своих родных?

Больше ребята не противоречили Анне Марковне, но на душе у нее было беспокойно.

Шло время. Зима сменила осень. Уроки продолжались. Но не все ребята ходили в школу, не до учебы многим было. Но команда друзей посещала занятия в полном составе. В помещении было холодно. Ребята, чтобы протопить здание, каждый день после уроков ходили в лес, собирали хворост. Бумаги тоже не хватало. У Маши дома было очень много старых газет. Она принесла их в школу, срезали края, где не было текста, на этом и писали. Чернил тоже не было. Приспособились писать сажей. Вот так и учились.

Занятия прекратились в середине января, когда немцы появились в селе. Они собрали около школы всех жителей. Тех, кто не пришел добровольно, пригнали автоматчики. Фашисты представили старосту, им оказался плешивый, тщедушный Вадим Усов, житель села. Его не любили за склочный характер. Усов был одиноким, жена и дочка уехали от него в другое село незадолго до войны. Он и объявил сельчанам о новых порядках:

— Ночью нельзя ходить по селу. За неповиновение — расстрел. В течение двух дней надо сдать излишки продуктов для нужд немецкой ар-

мии. Некоторые дома будут изъяты для проживания доблестных немецких солдат...

Казалось, что новым правилам не будет конца. Мишка в толпе отыскал Сережу, пробрался к нему, шепнул:

— Сообщи нашим, сегодня в пять вечера встречаемся в потайном месте.

— Хорошо, — тихо ответил Сергей.

Вечером дети прокрались к сараю и поделились неутешительными новостями. Семью Мишки выгнали в летнюю кухню, всех кур порезали, молоко Зорьки обязали отдавать «доблестным немецким воинам». У Юрки и Вити та же картина. А Игорь и Сеня вместе с мамой переселились в дом Юли, потому что их выгнали, а жить зимой в ветхом сарае нельзя. Мамы близнецов и Юли — подруги, вот теперь и живут все вместе. Семья Сережи тоже перебралась в сарай. Благо, в нем была печь. И только Маша почему-то не пришла на встречу. Никто не знал, что случилось.

Через час ребята разошлись. Как только Мишка появился дома, старший брат рассказал ему жуткую историю про Машину семью. Староста доложил немецкому офицеру, что Машин отец — коммунист, командир Красной Армии. Фашисты вывели Машину маму, бабушку и младшего братика и расстреляли перед школой, в которой немцы устроили командный пункт. А Машу успела спрятать Анна Марковна. От услышанного у Мишки зашевелились волосы на голове. «Да как же так, — думал мальчик, — ведь Машиному братику было три годика! А мама, тетя Люба, такая молодая и красивая! А бабушка Аня?! Какие вкусные пирожки она пекла! Да что же это такое?!»

Не следующее утро Мишка объявил общий сбор.

— Ребята! Нельзя сидеть сложа руки! — кричал он. — Что эти сволочи делают?! Маша теперь осталась совсем одна. Отец погиб, мать, брата и бабушку расстреляли! А мы тихо будем сидеть по домам, как учила нас Анна Марковна? Вы как хотите, а я буду мстить!

— Я согласен, ты не кричи, — ответил Юра, — да мы все согласны! Только как? Что делать-то надо?

— Давайте взорвем их штаб? — робко предложила Юля.

— Вот-вот, — возмутился Игорь, — засели фашисты в нашей родной школе!

— Взорвать-то можно, но чем? — задумчиво произнес Витька.

— Можно же не взрывать, а поджечь, пусть горят душегубы, — предложил Мишка.

— Правильно, — согласился Юрка, — давайте до завтра подумаем, как это лучше сделать, соберемся здесь в двенадцать часов и разработаем подробный план.

На том и порешили. Но быстро осуществить задуманное у ребят не получилось. Школа охранялась и днем и ночью. Подойти близко с керосином было практически невозможно. Но друзья не отчаивались. Решили пока попытаться добыть оружие.

Тем временем закончилась зима. Пришла весна. Однажды поздно вечером ребята возвращались из своего потайного места. Вдоль посадки им навстречу медленно двигалась телега, запряженная худой старой лошастью. В повозке сидели два пьяных полицейя. Юрка с Витькой подошли поближе, остальные остались наблюдать за дорогой. Ребята увидели у предателей автоматы и решили забрать их. Но один из полицейяев вдруг

открыл глаза, и дети испугались. Через несколько минут Мишка все же подкрался к повозке и осторожно оцупал сено на телеге. Полицай мирно спали. В сене мальчик нащупал четыре гранаты, схватил их и скрылся в посадке. Такая добыча подняла боевой дух ребят.

Витя, Миша, Юра, Сережа, Игорь и Сеня решили не посвящать девчонок в свой новый план, он был очень рискованным. За школой росли кусты сирени. В начале мая они буйно цвели. А за кустами начиналась новая улица. Ребята планировали подойти к школе через эту улицу, спрятаться в кустах и ждать. Чего ждать, они еще не знали. «Будем ждать удобного случая», — пояснил Юрка.

Так и сделали. На рассвете друзья вчетвером (Севку и Сережу отправили караулить на соседнюю улицу) засели в сирени и замерли. Было очень страшно, но отступить мальчишки не собирались. И вот в полдень немцы открыли одно из окон, которое как раз выходило на кусты сирени. Наверное, фашистам стало жарко. Быстро переглянувшись, ребята решили бросить гранаты в окно. Как по команде друзья, не сговариваясь, кинули их в класс. Раздался жуткий взрыв, началась суматоха. Мальчики со всех ног помчались от школы.

Позже дети узнали, что убили четырех фашистов, находящихся в момент взрыва в классной комнате. Один их фрицев был важным начальником.

Но радость друзей омрачилась ужасным известием. За смерть немцев фашисты согнали в сарай часть жителей села, всего семьдесят человек. Немецкий офицер сообщил, что если в течение суток не объявится тот, кто совершил «злodeйство по отношению к солдатам вермахта», то все запертые в сарае будут сожжены.

Поздно вечером Мишка тихо постучал в двери к Анне Марковне. Она пустила мальчика и облегченно вздохнула.

— Анна Марковна, я пришел попрощаться с вами и Машей, — печально сказал Мишка.

— Почему? Разве ты уезжаешь? Куда? — набросилась на него с вопросами Маша.

— Ничего не понимаю, объясни, что случилось? — поинтересовалась Анна Марковна.

— Никуда я не уезжаю. Вы же знаете, что произошло сегодня?

— Да, конечно, — в один голос ответили Маша с Анной Марковной.

— Так вот, это мы с ребятами сделали. Отомстили за твою семью, Маш. Не могли мы по-другому.

— Ребята, что же вы натворили?! Вас же могли поймать, и тогда я даже боюсь представить, что было бы.

Маша заплакала и обняла Мишку:

— Спасибо вам, друзья!

— Маша, Анна Марковна! Я хочу сказать, что очень люблю вас! Завтра утром я пойду к немцам и сдамся. Не могу я, понимаете, чтобы из-за меня погибли люди.

Маша стала отговаривать Мишу, а Анна Марковна сразу почувствовала, что это бесполезно. Она ласково попросила мальчика:

— Мальчиш, останься с нами до утра, пожалуйста! А потом пойдешь прямо отсюда к немцам, раз не можешь иначе.

Мишку не надо было уговаривать. Полночи они втроем проговорили, вспоминая смешные и грустные истории из школьной жизни. Под утро

дети заснули. А когда открыли глаза, был уже полдень. Анны Марковны нигде не было. Ребята растерялись и не знали, что делать. Но вскоре прибежал испуганный Юрка и рассказал последние новости. Анна Марковна, их любимая Маркушенька, рано утром явилась к немецкому офицеру и призналась, что это она забросала гранатами штаб.

Миша и Маша от изумления не могли вымолвить ни слова. Первым пришел в себя Мишка:

— Где она сейчас? — закричал мальчик.

— У немцев. Ее через все село протащили. Вся избитая, на груди табличка «Партизан», — с ужасом рассказывал Юрка. — Мишка, она же все на себя взяла! Понимаешь? Это мы убили фрицев, а она спасла нас и жителей тоже. Главный фрицевский офицер сказал, что они «благородные» и держат свои слова. И выпустил всех из сарая. Что же нам теперь делать?

— Хватит ныть! — прикрикнул на друга Мишка. — Спасать надо Маркушеньку. Куда ее повели?

— В наш потайной сарай, — что-то соображая, прошептал Юрка.

— В наш сарай?! Так у нас же там лаз! — радостно воскликнул Мишка.

— Дождемся темноты и пойдем, — вмешалась в разговор Маша.

— Нет, — категорично отрезал Мишка. — Ты останешься дома и будешь ждать нас здесь. А мы с Юркой сами справимся.

— А еще, — заговорщически прошептал Юрка, — в селе поговаривают, что наши близко. Не сегодня-завтра освободят село.

— Это было бы здорово, — промолвила Маша и тяжело вздохнула, вспомнив своих родных.

— Ничего, ничего, — успокаивал ее Мишка, — они свое уже получили и еще получат, Маш. Ответят за каждую твою слезинку, — пообещал мальчик.

В полночь, крадучись, ребята пробрались к потайному месту. Немец, карауливший у сарая, дремал, опершись на винтовку. Друзья обошли сарай и стали пробираться через лаз.

— Анна Марковна, — позвал Мишка, когда оказался внутри.

В ответ — тишина.

Ребята стали аккуратно исследовать сарай. В полной темноте в углу помещения они нашли Маркушеньку, истерзанную, окровавленную, но живую.

— Анна Марковна, это мы, Мишка и Юра, отзовитесь, пожалуйста.

Учительница открыла глаза и застонала. Потом еле слышно прошептала:

— Родные мои мальчики...

— Анна Марковна, потерпите, мы сейчас вас попробуем протащить через лаз.

— Хорошо, я потерплю.

С большим трудом ребята подтащили Анну Марковну к лазу. Сначала пролез Юрка, потом Мишка помог учительнице залезть в дыру. Юра потянул ее за руки и вытащил наружу. Анна Марковна не проронила ни слова. Лишь до крови искусала губы. Ребята решили по очереди нести Маркушеньку к лесу, а потом подумать, что делать дальше. Но в это время началось какое-то движение. Послышались автоматные очереди. Суетились, убегая, немцы. Друзья поняли, что это русские солдаты вошли в село. Мишку и Юрку переполняла радость.

— Дождались, — прошептала Анна Марковна, — поднимите меня, ребята, я попытаюсь пойти сама.

Друзья обхватили учительницу за талию, она их — за плечи, и так тройца медленно двинулась к лесу. Вдруг перед ними возник запыхавшийся немецкий солдат и передернул автомат, наведя на учительницу. Мишка, ни минуты не думая, оттолкнул Юрку в сторону и закрыл собой израненную Маркушечку. Протрещала очередь. За нею тут же прогремел выстрел, потом еще. Немец упал, сраженный пулей нашего солдата. Упал на землю и Мишка.

— Миша, Мишенька, Мальчиш! — рыдала Маркушенька, наклоняясь над мальчиком.

— Мишка, ты чего? — испуганно спрашивал у друга Юрка.

— Анна Марковна, не плачьте, и ты, Юрка... — прошептал Мальчиш-Кибальчиш, закрывая глаза...

Спустя три месяца молодую учительницу выписали из больницы, и она вернулась в село, освобожденное от фашистов.

Анна Марковна решила немного отдохнуть, но только прилегла на кровать, услышала во дворе какой-то шум. Встала, открыла дверь и засыпала от изумления. Весь двор был заполнен людьми. Это сельчане пришли поблагодарить учительницу за спасенные жизни.

— Анна Марковна, дорогая наша, — начал председатель колхоза, — низко кланяемся Вам за наше спасение. Вы настоящая героиня. Мы все до конца жизни будем помнить вашу доброту, смелость.

Анна стояла и не знала, что надо делать, что отвечать. Наконец она произнесла:

— Ну что вы, я поступила так, как мне подсказывала совесть, долг. Вот только нашего Мишу я спасти не смогла. Это он... герой... — Она закрыла лицо руками и не смогла больше вымолвить и слова, слезы душили ее.

Вдруг кто-то обнял Анну, она отняла руки от лица и увидела Мишину маму, Ульяну Егоровну.

— Не плачь, милая, — поглаживая учительницу по голове, произнесла женщина. — Он очень уважал тебя, любил твои уроки и не простил бы себе, что не спас тебя...

Анна Марковна прильнула к ее плечу...

С тех пор прошло много лет. Анна Марковна осталась в селе и всю свою жизнь учила детей. Она вышла замуж, родила сына Михаила, который стал летчиком. Он с высоты зорко наблюдает за тем, чтобы больше никакие буржуины не смогли напасть на нашу Родину. Мишкины друзья выросли хорошими людьми. Они занимаются любимым делом. Юрка стал строителем, Юля и Маша, как и Анна Марковна, учителями, Витька — врачом, Игорь и Сеня выбрали профессию инженера, а Сергей — отличный агроном. Иногда они собираются вместе и вспоминают своего друга Мишку.

На окраине села поставили памятник воинам, погибшим во время Великой Отечественной войны. И среди фамилий воинов есть надпись: «Михаил Скориков — Мальчиш-Кибальчиш».

Плывут пароходы — привет Мальчишу!

Пролетают летчики — привет Мальчишу!

Пробегают паровозы — привет Мальчишу!

А пройдут пионеры — салют Мальчишу!..

*МКОУ СОШ №4,
г. Нововоронеж*

*Авторские
подборки
стихотворений*

САД, ПОСАЖЕННЫЙ ОТЦОМ

Любовь Горяйнова

* * *

Снегири — поцелуи зимы,
Ожерелья коралловых бус
на калину наброшены...
Льется пар от печалью наполненных уст,
И тропинки в сугробах совсем запорошены.
Вслед за песней пойду на свиданье с зимой,
С нежной грустью мне хочется
веток касаться...
Красным пламенем вспыхнут мои снегири,
Снег сожгут до крови,
станет он под рукой осыпаться.
Шелест крыльев и вьюг перезвон,
Зимних бабочек к сердцу касанье
И виденья из сладостных снов
Не хотят мне сейчас говорить:
«До свиданья!»
Наблюдаю: зима расплетает свои кружева,
На атласных полях, будто иглы,
Лучи под углом острым скошены,
Улетает закат большим снегирем,
И дневные сомненья, как локон,
отброшены.
Я прислушаюсь — всюду стоит тишина,
Я признаюсь в любви
и нисколько не струшу,
Снегири — поцелуи зимы —
Обжигают мне жаром ладони
и радуют душу.

* * *

Опять вернулось одиночество,
Зашторив плотно занавески,
Оно читало мне пророчества,
Ссылая цвет с вишневой ветки.

Чуть свет за стол со мной садилось
И чай пило с зеленой мятой,
А ночью с плеч моих катилось,
Припав к постели неизмятой.

А мне хотелось выйти в поле,
Со свежим ветром повстречаться,
И там, гуляя на просторе,
Росой алмазной умываться.

Смотреть на синеву густую,
На солнце — золотое око,
Постигнув истину простую,
Что быть одной не одиноко.

* * *

Сад, посаженный отцом, так поредел,
Поседел, готовится к покою,
Много лет с весною цветом млел,
Много снов увидел он зимою.
Под рукой — шершавая кора,
Спрятал старый сад биенье сердца.
Никогда не знал он топора,
До сих пор зовет душой согреться.
Помню этот беспокойный стук,
Яблоки шалили, словно детки,
Как летели, падая в траву,
Сочные плоды с пригнутой ветки!
Всем казалось: светлый Дионис
Погулял на радостях с тобою —
И налив, и пепин, и анис
Сыпались к земле, прикрыв собою!
Ароматом наполнялся сад,
Детским смехом, запахами счастья,
И бежали братья наугад
Испытать на прочность старых груш запыстья...
Незаметно пролетали дни,
И хозяин попрощался с садом,
Поиссякли сочные ручьи,
И в тени не сесть, как прежде, рядом.
Чаще Бунин, Чехов на слуху...
Мысль одна — о младшем поколенье,
И сегодня здесь, в родительском саду,
Прощавшись с ним, я преклоню колени!

Грибановский район

Николай Коротких

В ШКОЛЬНОМ МУЗЕЕ «РУССКАЯ ИЗБА»

Полотенце мамино,
Вышитое крестиком.
«Утирайся сухонько,
Умывайся беленько».

Образа накрытые
Исключают пошное.
Вещи позабытые
Воскрешают прошлое.

Сундучок от бабушки —
Тряпками заваленный.
С русской печкой рядышком,
Для любви поставленный.

В уголке, за прялкою,
Вижу маму с пряжею,
Будто бы за арфою
У любви на страже.

Звуки прялки древние
Сотворят мелодию.
И виденья прежние
Оживают вроде бы.

Вижу с изумлением
Я за далью даль.
Подвиг поколения —
Папина медаль.

Под стеклом, средь книжек,
Моя книга тоже...
Ничего нет ближе,
Ничего дороже.

МОЕ ЛЕТО

Снова лето свое узнаю
По приметам простым и знакомым —
День пастушества в милом краю,
На лугу меж Девницей и Доном.

Это ты, это ты, это ты.
Я во всем здесь тебя нахожу.
Это ты, это ты, это ты,
Я по летнему храму брожу.

В сад Башкирцева вновь захожу —
Он заброшен и ждет воскрешенья,
Но как прежде я здесь нахожу
От жары и от скуки спасенье.

И покоса, как праздника, жду,
Чтоб услышать косы моей пенье.
Опущу свои ноги в росу,
Получу от нее исцеленье.

Вот спускаюсь к своим родникам
По тропинке в густом разнотравье
И прозрачную воду рукам
Доверяю, как знак мирозданья.

Вновь хожу по знакомым буграм,
Что от ягод с цветами пестреют,
Посетив этот Божеский храм,
Я на год свое сердце согрею.

Это ты, это ты, это ты.
Я во всем здесь тебя нахожу.
Это ты, это ты, это ты,
Я по Божьему храму брожу.

Семилюкский район

Татьяна Логачева

* * *

У войны не детское лицо.
В сорок первом, проводив на фронт отцов,
Слишком быстро мы мужали и росли,
Свою ношу непосильную несли.
И нет вовсе нашей в том вины,
Что зовемся до сих пор детьми войны.
Не пришлось нам радость детства испытать,
Школу жизни надо было познавать.
Мы со взрослыми трудились наравне,
Жизнь в тылу была — как будто на войне.
Обжигало нас в окопах артогнем.
Очень больно вспоминать сейчас о том.
Но случался и тогда счастливый миг,
Когда старенький учитель-фронтовик,
Чуть прихрамывая, заходил в наш класс.
И смотрели на него десятки глаз
Переростков любопытных, озорных,
Не писавших, не читавших прежде книг.
На любой вопрос учитель знал ответ.
Был для нас тогда он словно интернет.

О далеких он поведал нам краях,
О равнинах, плоскогорьях и морях.
Мы Есенина читали с ним в тиши:
Доходил до каждой он души.
Мудрый и седой учитель наш
Щедро знаний разделил багаж.
Рады были мы в тяжелый час
В нашей сельской школе видеть вас.
Это детство, опаленное войной,
Очень часто предстает передо мной.
Образ светлый я учителя храню
И за все его благодарю.

* * *

Посажу под окном березу —
Символ Родины милой моей.
Пусть весной в ее зелени пышной
Свои трели прольет соловей!
Ветерок пробежит несмело
По березке, листом играя.
Яркий шмель на сережки сядет,
Как обычно, в начале мая.
Сколько песен, стихов березе,
Красоте ее вислых ветвей
Посвящали в России нашей —
Белоствольной подруге моей.
В ней величие русской силы
И широкую удаль полей,
Хороводов веселье, пляску
Вижу в памяти я своей.
Словно девушка в нежной дымке,
Опуская свой робкий взгляд,
Распустила зеленые косы.
Лепестки на ветру шумят.
Если станет когда-то грустно,
Обниму я ее рукой —
Символ стойкости и поддержки
Будет в жизни всегда со мной.
И прошепчет — подруга — тихо
Мне березка своей листвою:
«Не печалься и будь счастливой,
Оставайся сама собой!»

*Отдел по образованию
и молодежной политике
администрации
Поворинского района*

Иван Быков

ШИБЗИК

Рассказ

Егор был крутолоб, но бараном не был хотя бы потому, что имел жену, да не какую-нибудь, а чернобровую, черноглазую, миловидную, пухленькую, с ямочками на щеках. А еще она родила ему дочку и сыночка: вариант, о котором мечтают многие. Дочка родилась вскоре после свадьбы, а вот сын — уже после того, как жена года два проработала на стадионе кладовщицей. Егор помнил, как Нина на Восьмое марта принесла вместе с желтыми тюльпанами совершенно новый футбольный мяч — белый с черными квадратиками, терпко пахнувший кожей, сказав, мол, ей молодой тренер подарил. А к концу лета она мяч «проглотила», то есть ее живот округлился, да и сама она тоже округлилась. «Может быть, футбольный слопала, может, волейбольный, но вернее всего, — посмеивался иногда Егор, — баскетбольный». Посмеивался он так потому, что сынок, который родился на осеннюю Казанскую, в отличие от своей сестры, рос как на дрожжах. Уже в пятом классе под два метра вымахал! А таким дорога куда? Ясное дело — в баскетбол.

Дочь удалась в отца: такая же кареглазая, кучерявая, смуглая, такая же маленькая росточком, плосколицая и крутолобая с вздернутым носом-пуговкой, но то, что украшало мужчину, увы, совершенно портило девушку. И умом Люба тоже была в папу, то есть учеба ей совершенно не давалась. Она, пожалуй, единственная девочка не только на школу, но и на весь город, которая оставалась раз за разом на второй год еще в начальных классах. У нее во втором классе нашли какие-то лямблии, долго лечили, но не долечили. Хитренькая Люба, которая уже в пятом классе была на четыре года старше сверстниц, нет-нет, а падала в обморок, мечтая лишь об одном: чтобы молодой классный руководитель подхватил ее на руки и понес в медпункт. Путь был довольно неблизким: сначала по рекреации, потом по длинному коридору, еще по одной рекреации, по лестничной площадке, сворачивал влево, потом еще влево, то есть тянулся метров на сто с лишним. Как же было сладостно лететь на любимых, да-да, вы не удивляйтесь, сильных руках, закрыв глаза. Вокруг испуганно раступались, спрашивали, мол, а что с ней, а учитель нес пятнадцатилетнюю пятиклассницу едва не бегом, даже не задумываясь, а сколько его подопечной лет. Ради этого она терпела анализы, уколы, постельный ре-

жим и горькие порошки от гельминтов, хотя, по правде говоря, их и не было. Но врачи находили по записям, мол, когда-то уже болела, тем более, не по годам худенькая и бледная, а потому прописывали лекарства на всякий случай.

Люба ужом увивалась вокруг классного руководителя, старалась ему во всем помогать. Она как никто умела договариваться по поводу дежурства в столовой, вовремя доставала пасту и тряпочки для генеральной уборки, умудрялась строго следить за дежурством в классе, умела наводить чистоту и порядок. Разумеется, классный руководитель назначил Любу старостой, чем навлек на себя неудовольствие актива класса. Соперницы посчитали, что на такую должность нельзя назначать двоечницу и второгодницу, а потому очень быстро настроили против старосты весь класс. Она почти целый год этого не замечала, но первая любовь внезапно прошла, как какое-то наваждение. И не важно, сколько мук доставила она, но после стало еще хуже: Люба вдруг оказалась одинокой и в школе, и дома. Раньше мечта о классном руководителе переполняла сердце, и было кому служить, к чему стремиться, а теперь в душе и вокруг образовалась пустота. Она сидела на уроках, ничего не понимая. Вокруг бушевал другая стихия — еще детская, а Люба, которой уже исполнилось шестнадцать лет, вдруг разом почувствовала себя взрослой. Ей не нужна была школа.

Дома донимал младший брат. О, он это умел! Виктор всюду подсовывал ей зеркало и бесконечно повторял: «Только посмотри, какая же ты красавица!» Еще любил всклокотать свои (пусть короткие) волосы так, чтобы они торчали во все стороны, и ахать, округляя красивые искривленные глаза от ужаса, вскрикивая: «Ну и Африка, что за Африка!»

Егор видел, как похожа на него кареглазка, а потому любил ее и... жалел. Так уж получилось, но для отца дочурка все время оставалась маленьким ребенком. И впрямь брат вскоре обогнал ее в росте, а затем и в учебе. Люба училась в пятом классе, а Виктор уже в шестом. К этому времени он был на целую голову выше сестры, занимался в секции баскетбола, подавал, по мнению тренера, большие надежды. Дома, разумеется, сын являлся гордостью родителей. Особенно им восторгалась мама, просто души не чаяла.

А Люба и в седьмом классе по-прежнему осталась малорослой, как и Пашка Воробьев по прозвищу Шибзик, который учился уже в одиннадцатом, то есть считал себя выпускником. Дело в том, что Люба раньше училась в том же «Г»-классе, в котором учился и Паша, сидела с ним за одной партой весь первый год учебы, даже однажды подралась, когда Воробей несправедливо обвинил ее в том, что это из-за нее, из-за ее дурацкой фамилии «Коротких» и он не растет.

— Сама коротышка! — наступал, сжимая острые кулачки, нахотенный Воробей. — И фамилия у тебя коротышкина...

Первоклашки обступили их, образуя тесный круг. Разгорячено галдели, сгорая от любопытства и нетерпения, неужели на самом деле подерутся?

— А ты — шибзик! — замахнулась тяжелым портфелем разгневанная Люба.

Однако ударить не успела, так как проворный Воробей увернулся и очень больно ткнул кулаком в глаз.

Драка на этом закончилась. Люба плакала, зажимая ладошками лицо, вокруг кричали, пытаясь объяснить учительнице, что же произош-

ло: и жалели, и обвиняли. Виновник пытался убежать, но его догнали и привели на расправу. Он упрямо молчал, не желая извиняться. Досталось им обоим: Пашка Воробьев приобрел оскорбительную кликуху, а Люба Коротких почти две недели ходила с синяком под глазом. Сколько воды с тех пор утекло, а вот не забылось. Правда, Пашку Воробьева родители вскоре перевели в другую школу, но его били и там. За время учебы мальчишка проучился почти во всех школах города.

И что Шибзик рассмотрел в ней, в маленькой и некрасивой девушке, которую и родной брат часто обзывал «манки», девушка не знала. Как говорится, просто не за что было ухватиться. Кучерявые волосы вечно сбиты в какой-то войлок, торчат во все стороны — впрямь как у обезьяны, — глаза опухли от слез, на лице вечная скорбь. Ноги кривые, грудь совсем не выросла... Что ни наденет — висит как на чучеле. Брат и это подметил, а потому часто напоминал про дачу, мол, там пора тебя выставить вместо чучела, а то воробьи все подсолнухи обклевали.

Пашкины глаза, видимо, смотрели на мир Божий по-особому, сквозь призму непостижимой сердечной тайны, а потому он нет-нет, а оказывался то в Любином дворе, а то и возле кабинета химии, в котором проходил очередной урок или очередное мероприятие у семиклассников.

Увы, Пашку задирали многие, даже семиклассники могли унижить, ведь добрая половина из них была куда крупнее его и драчливей. Солидность старшеклассника тут мало помогала, а его удивительное упрямство только раздражало. Как такого не излупить, тем более старшего. Шибзик он и есть Шибзик — худой, с цыплячьей шеей, с тонкими руками и впалой грудью.

На Восьмое марта семиклассники отморозили: добрая половина мальчиков, втайне вздыхавшая по самой милой и красивой девочке, приготовили, как просил классный руководитель, подарки своими руками и... вручили эти рукоделия всеми обожаемой синеглазой Анжелике. Возглавляющий культмассовый сектор Андрей взял фанерки и выжигатель, обещал сделать шесть разноцветных кошечек, но, увы, на поздравление не явился, а потому семерым девочкам подарков не хватило.

Хорошо, что в гости к химику буквально перед этим заглянул бывший ученик, которому выпало служить в морфлоте. Зная увлечение учителя морскими раковинами, привез в коробке всяких диковинок. Срочно пришлось их раздать. О ужас! Не хватило одного подарка — для Любы Коротких.

Анжелика, разглядывая выжженные и раскрашенные цветы, цветы, вырезанные из бумаги, цветы, сделанные из тряпочек и даже из склеенных семян, торжествующе переглянулась с подружками:

— А коротышка знаете, почему без подарка осталась? Потому что фейсом не вышла, старуха!

На Любу было страшно смотреть. Она, считая, что ребята специально так подстроили, чтобы не дать ей подарка, потемнела лицом, на глазах заблестели слезы. И сдался ей этот подарок! Что она, маленькая? — лезли в голову обидные мысли. Но в этот момент почему-то хотелось быть маленькой, хотелось обязательно получить безделушку, ведь это ее праздник. Она кусала губы, не зная, что же делать. Будь подростком, давно сорвалась бы с места и ушла всем назло, но она уже не была подростком, в ней проснулся другой человек, более серьезный и более ответственный. Люба как никто другой понимала мальчишек, ведь они дарили подарки

тем девочкам, которые им нравились, а кто подарит ей — дурнушке. Но не только за это ей было обидно — привыкла; она обижалась на равнодушные классного руководителя. Почти два года с половиной Люба его любила, просто обожала, как говорится, пела и плясала под его дуду, а он подошел, наклонился и прошептал, мол, ты уже взрослая, а потому поймешь, почему так получилось.

— Игорь Петрович, можно выйти, — привычно подняла руку добродушная толстуха, отличница Даша, кокетливо встряхивая пышной златокудрой прической и сдувая снизу вверх белесую челку. Она была довольна, ведь сидевший рядом с ней Тапочек, то есть Потапов Илья, подарил розового слона.

— Можно. Тебе все можно, наше солнышко, — хмуро кивнул учитель, кусая губу.

И впрямь — словно яркое солнышко в ярком желтом платье проплыло мимо него.

Получилось нехорошо, а потому, ругая себя на чем свет, ведь стоило собрать денег, купить всем одинаковые подарки и... не было бы никаких неприятностей, классный руководитель кинулся в сторону начальных классов, чтобы выпросить какую-нибудь поделку. И тут худенький незнакомый мальчик, стоявший у окна, будто прочитал его мысли. Он шагнул к учителю и, краснея, даже заикаясь, пробормотал, протягивая ярко-голубую коробочку с духами и букет, в котором краснели пять свежих тюльпанов:

— П..п..передайте, ппожалуйста, Любе Кккоротких... сам выросил...

— Голубчик мой, как же ты вовремя-то! Выручил, просто спас! Она — твоя сестра? — буквально выхватил он просто бесценные дары из рук парнишки.

В это время предательски скрипнула дверь кабинета, и высунулись одна, вторая, третья любопытные головы мальчишек.

— Не-е, — выкрикнули из дверей, — она его невеста... хи-хи-хи!

И не подумал классный руководитель о том, чтобы позвать Любу, пусть юноша ее поздравит с приходом весны, пусть сам вручит подарки. Как не заметил и того, что парнишка одет в праздничный костюм, в белую рубашку и галстук, что у него над губой темнеет пушок.

Лишь прикрикнул на любопытствующих и хихикающих подопечных и сунул коробочку с духами в боковой карман пиджака.

— Гуньков, Потапов, а ну брысь!

С теплой торжествующей улыбкой, пряча цветы за спиной, вошел в кабинет, не удержавшись, подмигнул смотревшему на него вопросительно с портрета Дмитрию Ивановичу Менделееву, мол, все в элементе.

— А для Любочки Коротких у меня припасен особый подарок, — он высоко поднял руку, в которой полыхали красным пламенем тюльпаны, и пошел по ряду. — Живые цветы, что может быть лучше! Но и это еще не все. Держи французские духи.

Люба ужасно покраснела, растерялась, не понимая, почему ей вдруг такая особая почесть.

А сбоку уже ехидничали:

— Коротышка, Коротышка, за это ты должна поцеловать классного в ответ, давай, по-це-луй!

— Хватит! — оборвал учитель, хотя в душе был очень благодушен, а потому сиял глазами.

— Должна же она вас отблагодарить.

— Повторяю, хватит завидовать.

— Ха, было бы кому!..

Спасибо Славику Гунькову, что неожиданно прервал неприятный разговор.

Он, перемигнувшись с Потаповым, замахал рукой.

— Игорь Петрович, можно выйти... можно, а... срочно... ну, Игорь Петрович...

Тот пожал плечами, конечно же, можно.

Следом за Славиком выскочил еще один драчун, и с криком «Бей Шибзика!» задиры накинудись на Пашку.

И не узнал бы при всеобщем ребячьем шуме улыбающийся, довольный собой химик, занятый разрезанием торта, про вспыхнувшую драку в рекреации, но в кабинет вбежала испуганная толстуха Даша.

— Там наших бьют! — вытаращилась она на классного руководителя. — Игорь Петрович, они дерутся.

Только драки не хватало. Ведь директор на последнем педсовете запретил проводить «огоньки» в кабинетах, мол, школьных мероприятий предостаточно. Если про это узнает администрация, то он пропал.

— Гуньков! Потапов! Что вы бьете шестиклассника? — добжевав до рекреации, классный руководитель оттолкнул одного парнишку и оттащил за шиворот другого.

Разумеется, незваного гостя смяли и даже здорово попинали ногами. Ему с мясом отодрали две пуговицы на костюме и разбили в кровь лицо.

— Это он на нас накинудись, думал, если в одиннадцатом классе, то ему можно ко всем лезть! — заорал долговязый Слава Гуньков и попытался еще раз достать ногой без вины виноватого.

Плотный крепыш Потапов даже всхлипнул, притворяясь обиженным.

— Он на голову торкнутый, ко всем, скотина, пристаает.

Весом Пашка Воробьев был легче перышка, а потому классный руководитель легко поднял его одной рукой и поставил на ноги.

— А ну марш в класс! — рявкнул на драчунов и остальных зевак, высыпающих в рекреацию. — Кому сказал, марш! А то вы у меня получите «огонек».

Если бы не одно «но», то классный руководитель схватил бы избитого за шиворот, встряхнул и ледяным голосом спросил: «Ты почему моих семиклашек обижаешь?» И был бы прав. Но он мигом сообразил, зачем одиннадцатиклассник пришел к ровеснице, для чего принес ей тюльпаны, чем буквально спас его, классного руководителя, от позора. Недаром подопечные тогда крикнули «Она его невеста», ведь Люба уже, как ни крути, а взрослая семнадцатилетняя девушка.

Он дождался, когда закроется дверь, а затем недоверчиво спросил:

— Ты впрямь учишься в выпускном классе?

Стирая кровь от разбитых губ, Пашка кивнул головой.

— А из какой школы?

— Из фтовой, кхе-кхе... ваньше вут учився...

«Не убежал, не испугался, не стал оправдываться, не стал ни в чем обвинять забияк... — пронеслось в голове у классного руководителя. — И есть-то шибзик, но мужиком растет, с характером».

— Не понимают они еще ничего, героев из себя строят, — сказал сочувствующе. — Лучше иди от греха подальше, подарки я передал, поздравил, а встретитесь в другой раз.

— Кхе-кхе, пассибо...

Пашка и впрямь заковылял, чуть прихрамывая к лестнице.

— Же-ни-их... — покачал головой учитель, — надо же...

На областных соревнованиях Витька упал и сильно ушиб голову. Мать тут же этим воспользовалась: она через свою тетку, которая работала в медсанчасти старшей медсестрой, сумела зафиксировать сотрясение мозга и искривление позвоночника, то есть получила на руки справки, которые освобождали сына от службы в армии.

Если маленькая Люба соответствовала фамилии Коротких, то ее брат, вытянувшийся в два метра и три сантиметра, вызывал удивление. К нему прилепилось прозвище Корот, не крот, не коротыш, а именно корот, то есть короткий на справку.

Частенько на играх Витьку коротило, особенно в те моменты, когда его толкали. Кровь бросалась в голову, в кулаки — взмах, короткий тычок в ответ. На областных соревнованиях за то, что он разбил сопернику нос, его дисквалифицировали с красной карточкой. Без основного нападающего команда проиграла, а потому тренер натравил на него ребят. Разумеется, кончилось дракой, то есть Витьку выгнали из баскетбола, хотя потом он всем рассказывал, мол, ушел сам из-за «паршивого» тренера.

С математикой и физикой не стало ладиться из-за «паршивого» учителя; с литературой — потому, что все писатели — недоумки.

Разумеется, назло учителям Витька совсем перестал ходить на баскетбол, отказывался играть даже за команду класса, мол, хватит, наигрался на свой век. Нет, он не бросил спорт, наоборот, усиленно посещал чалку, а еще секцию рукопашного боя.

Девчонки были от него просто без ума. Они визжали от восторга, когда в рекреации, а то и в классе, он время от времени очень красиво наказывал очередную жертву. Витька бил всякий раз по-новому: то отвешивал злобный пендаль, то ласково разговаривая, неожиданно ударял ногой в ухо, то тыкал локтем под дых, то засвечивал фонарь, чтобы виноватый, глядя в зеркало, помнил, что гадить нехорошо. Он разработал для себя и для своего окружения определенные, довольно странные правила. Запрещалось вставать, когда в класс входит учитель, запрещалось стирать с доски, запрещалось собирать макулатуру, запрещалось дарить учителям цветы, много чего еще запрещалось.

Нарушил эти правила — будешь бит.

Увы, привычка — вторая натура, а потому одноклассники послушно бежали в учительскую за журналом, шли в столовую, собирали деньги на подарок. Но за этим неотвратимо следовала расправа. Среди мальчишек ее учинял Витька, а среди девчонок — дзюдоистка Алина, по прозвищу герцогиня Алба, так ее фамилия была Баева. Приземистый, почти квадратный слиток жаждал крови. А как не жаждать, если практически все девчонки класса сохли по высоченному красавцу. Они сохли, а она их месила от души, то есть убеждала, что лучше сдохнуть, чем по Витьке «сохнуть».

В десятом классе Алина внезапно исчезла, недоучившись буквально полмесяца. Поговаривали, что она родила двух девочек. Витька царствовал, а вот жениться по «царской» крови на всяких там герцогинях не спешил. Его влекла златокудрая Анжела из класса, в котором училась сестра. Как поется в песне, «для него была милее всех она».

Славик Гуньков попытался подговорить ребят, чтобы проучить долгоязого Короты, но за это только лишился двух передних зубов.

Задружили Паша и Люба в мае на пляже. Тогда был долгожданный выходной день, такой жаркий, что Егор вместо того, чтобы поехать на дачу, предложил семье махнуть на «Ниве» на Белую горку к Лесному озеру. Туда же только несколькими часами раньше на велосипеде с тремя самодельными удочками приехал заядлый рыбак Пашка Воробьев. У него был облюбованный уголок среди камышей под развесистой ивой, в тихом, удаленном от пляжа месте, метрах в двадцати от родника. Парень любил одиночество, ведь в такие мгновения можно беспрепятственно мечтать о самом заветном. Разумеется, он хотел стать высоким, сильным и ни от кого не зависеть, а еще он мечтал увидеть Любу. Художник Леонадро да Винчи когда-то говорил, что на небе, в облаках, всегда можно увидеть воображаемый образ. В том месте, где застыл красный поплавок от средней удочки, отражалось бело-розовое облако, накрытое сбоку пышной желтоватой шапкой кроны от нависающей ивы, тут же между округлыми листьями желтел яркий цветок кувшинки. И даже в этом облаке мечтателю виделось живое личико любимого человека. Сам того не замечая, Павел заговорил вслух, убеждая самого себя в нереальном:

— А что, и причес похож, и округлый воротник платья с янтарной брошью-лилией... Опочки!.. ха... губы зашевелились, будто заговорила...

Пашка даже не понял сначала, так разыгралось его воображение, что это красный поплавок стал вздрагивать от поклевки, а звонкий и веселый голос раздался с бугра, с которого вниз к озеру едва не бегом спускались брат с сестрой, соревнуясь, кто скорее.

Сердце у парня замерло, потом затрепетало. Он вздрогнул, образ мгновенно исчез, остался лишь камыш вокруг, четыре пляшущих стрекозы с голубыми крылышками, на мгновение ушедший под воду поплавок — да мысль: ведь клюет, надо тащить...

Однако не исчез голос, он был и далеко, и совсем близко, это, несомненно, был ее голос, голос Любы.

Забыв про удочки, да и про все на свете, Пашка, крадучись, вылез из своей засады и, напряженно вглядываясь сквозь кусты и сереющие стволы ольхи, поспешил к пляжу.

Пляжем называлась довольно широкая, сужающаяся полумесяцем песчаная коса, уходящая к обрыву. Песок у родника плавно уходил под воду, но чем ближе к глинистому обрыву, тем уклон становился круче, а потому здесь был сооружен мостик для желающих нырнуть в воду с полтора-метрового высоты. Сейчас пляж, закрытый сверху другим, более низким пригорком, на котором росли раскидистые дубы и березы, был залит утренним солнцем, а потому вода резко делилась на светлую, сияющую в ярких лучах, и совершенно черную, закрываемую пригорком и деревьями.

Брат полез на мостик: загорелось показать свою удаль — он решил открыть купальный сезон нырянием с высоты.

Вода еще не совсем прогрелась, а потому сестра, опробовав ее ногой, пошла к другому краю пляжа, к отмели.

Паша едва не бегом спустился вниз, к роднику, а потом по извилистой тропке взбежал вверх, словно бы вынырнул из курчавых лозиновых кустов.

Глядя прямо на него, навстречу шла в красном купальнике Люба. Ее пышная курчавая шевелюра так и светилась в солнечном свете, карие глаза были полуприкрыты, а руки словно обнимали небо. Ахнувшему парню показалась, что она не идет, а парит по белому песку.

Он попытался присесть, спрятаться за куст, но было поздно, а Люба

остановилась, удивленно распахнула заискрившиеся глаза, затем смущенно их потушила. Тогда, на мартовском «огоньке», она краем уха услышала, о чем перешептываются семиклассницы, как, фыркая в кулаки, перемигиваются и поглядывают на нее, вспоминая про Шибзика, шепчутся о том, что будто бы тот в нее влюблен, будто бы это он тогда передал в руки химика и классного руководителя духи и тюльпаны.

Девчонка кивнула парнишке, а затем повернулась к воде и осторожно, чуть вздрагивая, пошла в глубь озера.

Он хотел поздороваться, хотел сказать, что уже с зари тут рыбачит, что у него в садке около десятка окуней, три леща и даже два линя. Ему тоже захотелось разбежаться и лихо нырнуть в воду, но он не взял плавок, а дефелировать в трусах перед девушкой было как-то неудобно. Вот Люба кокетливо оглянулась, как ему показалось, даже мило улыбнулась, а он все так же остоленело стоял, не в силах пошевелиться, не понимая, что за сила сковала его по рукам и ногам.

«Ба-бах!» — вдруг плюхнуло в озеро невиданное чудовище. Это брат Любы, Витька, разбежавшись, прыгнул солдатиком в воду, подняв фонтан брызг. Пашка словно очнулся, хотел поздороваться, но сердце предательски убежало в пятки. Он опустил глаза, страстно желая опять посмотреть на Любу в красном купальнике, ему ужасно хотелось тоже браво взлететь на мостик, лихо разбежаться и ласточкой прыгнуть вниз. Да он бы и с бугра прыгнул, не забоялся... но непонятная сила по-прежнему держала его на месте.

Вода еще не разогрелась, а потому худенькая Люба никак не решалась окунуться и поплыть.

А в это время сверху, из облаков, раздался сердитый басистый голос. Как тут не рассердиться Егору. Разожгли костер, сунулись в багажник, а контейнера с мясом нет.

— Витька, — рявкнул отец, — а где шашлык? Ты же утверждал, что положил!

А у того от холода так и сдавило грудь, он хотел сказать про шашлык сестре, но забыл...

— Я Любке говорил, — Витька выплыл на берег и стал привычно оправдываться, прыгая на одной ножке, чтобы вытряхнуть воду из левого уха. — Это она, дура, не взяла.

Сестра возмущенно замахала руками, мол, она тут не причем.

— Ты ничего не говорил, не ври! — звонко крикнула Люба.

— Говорил, говорил, — настаивал брат.

Так и получилось, мать, разумеется, посчитала виноватой дочь, которая глупа и вечно все забывает.

Сердитый Егор возвращаться в город из-за какого-то мяса был не намерен.

— Как хотите, хоть лапу сосите, раз такие ротозеи!

— А может, рыбы наловите? — намекнула миролюбиво мать на удочку, которую Егор взял скорее для сына, так как не любил рыбалки, считал ее делом бездельников. — Сорви чабреца или душицы для чая, а я сейчас котелок с водой поставлю.

Было во взгляде худенького паренька что-то такое нежное. На Любу никто и никогда так не смотрел, даже отец. Отец глядел, жалея, а тут ею любовались. Острым женским чутьем она уловила, поняла, что ею восхищаются, а потому холодная вода в единый миг стала не холодной, наоборот,

горячей. Она смело нырнула в глубину и решительно поплыла вперед. Плавала Люба плохо, но сейчас ей показалось, что она рук и ног под собой не чувствует, плывет с какой-то невиданной скоростью. Она была счастлива как никогда. Какое ей дело до мяса, которое забыл брат. Пусть валит на нее, не привykать, но ведь она не виновата. Сейчас ее будут ругать, попрекать за то, что она не делала, обозленный брат опять начнет травить. Ну и что?! Зато у нее есть заветная тайна: они не знают, что теперь рядом с ней есть человек, который ею любит, восхищается, видит, что она — лучше всех...

Люба оглянулась — Пашки на берегу не было. Он уже бежал через колодец к своему заветному месту, туда, где в воде был затоплен его металлический садок с уловом.

И сразу Любе стало холодно, ее худенькое тело мигом продрогло. Она поспешно поплыла к берегу. Только вылезла, встала, согреваясь, а тут опять перед ней вырос он... Он... в застиранной зеленой футболке, в коричневых шортах. Счастливая девушка не замечала его худобы, его длинного острого носа с горбинкой, оттопыренных ушей и некрасивой шеи.

— Вот, — протянул Пашка серебрящийся садок, в котором шевелилась живая рыба. — Бери, вам тут на уху хватит.

Увидев богатый улов, Егор удивился, а мать обрадовалась.

— Это нас Пашка Воробьев угостил, — покраснела смущенно Люба, хотя говорила не скрывая гордости. — Он тут с утра рыбачит.

Егор, разом сообразив, подмигнул. Он же видел сверху парнишку рядом с дочерью.

— Ухажер, что ли, Люб, а?

— Да, это мой парень, — еще сильнее покраснев, с гордостью сказала Люба, радуясь, что теперь она в единый миг из дурнушки и глупышки становится обычной девушкой, такой же, как все.

Отец, смеясь глазами, надул щеки и возвел глаза к небу, мол, не рано ли о женихах-то думать, ведь пока еще в седьмом классе. Но вспомнив про то, как недавно отмечали семнадцатилетие Любы, добродушно разрешил:

— Ну что же, раз так, то приглашай рыбака на уху.

Обрадованная девчонка замахала руками и стала звать Пашку.

Тот свистнул в ответ, раздумывая, вытаскивать ли наверх велосипед.

И так хорошо все складывалось, но брат разом все испортил: сначала Витька начал истошно смеяться, потом даже упал на траву и стал кататься, хохоча и хватаясь за живот, словно его щекотали в десять пальцев.

— Ха-ха-ха, умора... же-ни-их, — глаза Витька аж слезами наполнились. — Шибзик — жених!.. Да если бы вы увидели этого коротышку, вы сразу радоваться перестали бы. Это же самый позорный пацан в нашем городе... полный отстой... же-ни-их...

— Заткнись! — отчаянно крикнула сестра.

Брат презрительно фыркнул и отвернулся.

— Сейчас сами увидите, — пожал плечами и злорадно добавил, издеваясь над сестрой: — Хотя, ха... какая невеста, такой и жених. Уроды!

Когда Егор услышал, кто ухаживает за его дочерью, то просто взвился до небес, так заело его самолюбие. Он не раз слышал от сына про некоего доходягу парнишку, которого лупят все, кому не лень. Конечно, его дочь не красавица, но затюканный шибзик ей не пара. Нужен заступник, умеющий не только постоять за себя, но и за дочурку. И чтобы был не метр с кепкой, а посолидней, эдакий крепышок среднего роста.

А тут еще и Нина подлила масла в огонь, она фыркнула, поглядела на дочь осуждающе, покачала головой и твердо проговорила:

— Нет, нам такие женихи не нужны!

Пашка не стал брать велосипед и удочки, он резво взбежал наверх и остановился, улыбаясь, тяжело дыша. Легкий ветерок веял как раз в его сторону. От костра тянуло не только горячей древесиной — аппетитно пахло разваристой ушицей, и так хотелось есть. Вот только Люба, отвернувшись, почему-то плакала, а с трех сторон на него пристально глядели отчужденные глаза. То, что его не приняли, он понял сразу. Еще бы. Особенно жалко гость смотрелся в сравнении с Витькой. Тот высокий, красивый, да еще при этом плечистый, с выпирающей грудью, ведь недаром же он уже четыре года ходил в спортивную секцию, да еще в качалку.

Мать, закатив глаза и презрительно поджав губы, отвернулась, отец же, сравнивая Любкиного ухажера с сыном, просто ужасался: «Да его мой Витька с одного удара убьет. Господи, и взаправду шибзик!»

— Извините, — только и пробормотал Пашка, воробьем сорвался с места, ринувшись вниз.

От озера шла другая, очень неудобная дорожка — низом, через кусты и песчаные взгорки, но юный рыбак не стал подниматься вверх, на более накатанную тропу, которая выводила на асфальтовую дорогу, он решительно потащил велосипед по кустам и песку — в обход.

Плохо, когда осень начинается уже в мае, плохо, потому что в эту пору не цветы высыхают, а сердца. Егор тогда, на том злополучном бугре у Лесного озера, не пожалел ни слов, ни красок для милой Любушки, предрекая ей не просто несчастное, а позорящее весь род их, Коротких, будущее. Он рубил воздух рукой и старался быть убедительным: «Что за мужик такой, которого даже голуби клюют? А какие дети, посуди сама, будут от этого карлика? Нет, ты, Любаш, как любая девушка, должна себя ценить, пока молода, а нам такие шибзики не нужны, точка! Увижу — ноги поотрываю и тебе, и твоему хахалю, мать вашу, ты меня знаешь!..»

Люба, заплавав еще сильнее, зажала руками лицо, потом решительно встала и пошла в сторону леса. Отец, догнав ее, опять принялся увещевать и доказывать свою правоту.

— Ну вот скажи, скажи мне, что твой Пашка умеет?

Люба не отвечала, лишь громко всхлипывала и вздрагивала худыми смуглыми плечами.

— А я уверен — ни-че-го! Вон твой брат — уже первый разряд по баскетболу получил, с командой на областные соревнования ездит...

Помолчав, махнул рукой, мол, что тут попусту турысы разводить.

— А-а, кому я говорю, упрямой дурехе. Ничего ты, Любка, пока еще не понимаешь! Ни-че-го! Слышала, что мать сказала, так вот, и я тебе твердо говорю — не нужен!

А Люба как чувствовала, что она теперь долго не увидится со странным парнишкой, единственным, который на нее смотрел с любовью, а потому замкнулась в себе, не прикоснулась к еде, не стала больше купаться в озере, так и пролежала в палатке вплоть до отъезда. Она не реагировала на насмешки брата, а на следующий день не пошла в школу.

А Пашка пропал. Парню уже исполнилось восемнадцать лет, а потому его сразу же после школьных экзаменов забрали с летним призывом в армию. Попал он в стройбат, где год с лишним плотничал, выкладывал кирпичом подвалы, казармы, крыл шифером гаражи. Приходилось штукатурить и бетонировать, клеить обои и вешать двери. И вот тут-то вдруг проявились в этом неказистом солдатике просто удивительные способности схватывать все на лету, словно до этого его держали под спудом, а затем освободили — и он, как говорится, дорвался до работы.

Однажды Пашу как человека, который хорошо умеет читать чертежи, направили на секретный объект, на котором нужно было огнеупорным кирпичом обложить круглые, очень высокие колодцы. Что это был за объект, не сказали, но по возвращению всю бригаду поместили в медсанбат, где почти две недели обследовали на различных приборах и заставляли пить кисленькие капсулки желтого цвета. А после этого ребят наградили медалью «За воинскую доблесть».

Через некоторое время у всей бригады стали вдруг просто клоками вылезать волосы. Не минула чаша сия и Пашку, а потому на похороны своей бабушки он вернулся совершенно лысым. Цвел май, то есть ровно год минул с той удивительной встречи у озера, но этот год совершенно поменял парня. Во-первых, он раздался в плечах, а, во-вторых, будто постарел сразу на десять лет. Даже родные попросту не узнавали бывшего Шибзика.

Отпустили его всего на три дня. Бабушка оставила единственному внуку старенький дом на станции Колодезной, а потому время ушло на оформление всяких документов.

В середине октября Пашку демобилизовали в звании младшего сержанта. На груди, кроме медали, висел знак отличия, выданный за доблесть и усердие в военной службе. Вернувшись, он сразу же отучился на права, взял кредит, купил себе старенькие «жигули» и стал подрабатывать в таксопарке. На накопленные деньги приобрел и прицеп, чтобы возить различные грузы.

К этому времени Люба как раз заканчивала девять классов. Разумеется, ей поставили тройки и выдали аттестат. Девушке исполнилось двадцать лет. Отец похлопотал, и ее взяли уборщицей в детский сад, расположенный прямо напротив дома...

Про них так и говорили — самая красивая пара в школе. Для Анжелы Витька не жалел ничего, но она жаждала большего. Это из-за Анжелы он преследовал и бесконечно третировал родную сестру, из-за нее же, подобрав ключи, влез в кабинет химии и учинил там погром, надев большой портрет автора периодического закона на брызнувший осколками аппарат Кипа. Так синеокая красавица мстила учителю за тройку, которую ей поставили за полугодие.

Анжела через свою подружку точно знала, что видеокамеры в школе в связи с предстоящими экзаменами временно отключены, что их должен подключить специалист, который придет только на следующей неделе из Воронежа. Однако произошли изменения, и экзамен по химии перенесли на неделю раньше, а потому, приехав поздно вечером, программист в спокойной обстановке, когда никто не мешает, установил видеокамеры в тех кабинетах, в которых учащиеся будут сдавать единые госэкзамены. И произошло это за день до погрома.

Дорого обошелся ухажеру Анжелкин каприз, про который герой,

разумеется, умолчал, а всю вину взял на себя. Егору пришлось продать не только «Ниву», но еще и гараж, чтобы на сына-выпускника не завели уголовное дело. Про институт тоже пришлось забыть.

Роли поменялись. Как ни крути, красавица чувствовала себя виноватой, а потому согласилась пойти к Витьке в гости. Триста сорок тысяч, а именно такую сумму пришлось выплатить его родителям, на дороге не валяются.

Денег у Витьки не было, потому он решил встретиться с братьями Орловыми: попросить в долг. Те, разумеется, тут же пригласили Корота «пройтица, там, где мельница вертица». Часов до одиннадцати проиграли в «дурачка», а затем пошли к пивному ларьку.

— Туда частенько Боря Чурок заглядывает, а у него денежки имеются. Вроде не родной, а родители все равно балуют. Оба работают, получают прилично, своих детей нет, ну и жалеют дурака. Тряхнем?

Августовская ночь была достаточно темной, но на улице Первомайской там и сям горели яркие фонари. Два таких фонаря освещали площадку перед ларьком, на которой стояли столики.

Крупный, очень оживленный Боря, одетый в клетчатую рубашку, что-то рассматривая в мобильный телефон, подошел к ларьку.

— Привет, Ленок! — бросил на тарелочку две пятисотки. — Дай пять, не, шесть бутылок охлажденного «Чешского бархатного», большого вяленого леща, ну и шоколадку «Аленку».

— Самое дорогое берешь, — кокетливо улыбнулась молодая продавщица, подавая пакет. — С кем же пить собираешься, Борь?

— А что тут пить-то, хотя могу тебя пригласить... На вот, держи, Ленок, «Аленку», га-га-га! Смешно, правда?

Натянув на лица темные маски, трое встретили жертву между домами. Дорога тут шла в гору и была не освещена.

Один из Орловых шагнул с правой стороны и выхватил бряцнувший стеклом пакет с пивом, Витя с другой стороны молча лягнул Бориса ногой в ухо, другой брат прыгнул сзади и зажал ему рот.

— Пикнешь — прищучу, падла!

Испуганный толстяк затрясся и дрожащим голосом проговорил:

— Все отдам, только не бейте.

Забрали не только кошелек, еще смартфон и часы. Один из братьев Орловых решил толкнуть ходовые вещички в селе у бабушки. Посидели на пустой детской площадке, попивая вкусное пиво, пересчитали деньги. Щедро отстегнули мальцу пару тыщенок.

Витька был доволен — он честно заработал, теперь есть на что накрыть «поляну» для златокудрой фурии.

В начале сентября, который был теплым и урожайным, после работы у ворот садика Любу встретил с большим букетом красных роз солидный лысый мужчина в черном костюме. Люба, которая поставила крест на своей личной жизни, так и охнула: на нее глядели все те же любящие, восхищенные глаза, серые и такие ласковые, немного вопросительные, в которых можно и утонуть, и раствориться, и найти много чего удивительного. Да, Паша стал совершенно другим за два с половиной года: стал усатым, лысым, крепко сбитым, даже подростком, но вот глаза остались прежними.

Люба не заплакала, слезы уже были выплаканы, а сердце давно высохло, нет, она просто поняла, что впрямь была глупой до сих пор, зря не

верила в свое счастье. Она все это время думала, что Пашка обиделся, что ушел и никогда теперь не вернется. У Любы даже загорелись щеки, в этот момент она стала очень хорошенькой и милой — пришла пора из гадкого утенка превращаться в белую лебедушку. Паша как никто ее понимал, ведь сам был долгие годы тем же утенком, загнанным в угол и заклеванным.

— Садись в машину, — сказал он ласково, но басом, — поговорим.

Она, не владея собой, вцепилась в него, стала целовать как самого дорогого человека, которого столько ждала и... наконец-то дождалась.

Когда родителей не было дома, Люба собрала свои скромные пожитки и перебралась к жениху на станцию Колодезную, в бывший бабушкин дом.

Свадьбу играть не стали, хотя деньги были, просто расписались втихую.

Мать и брат, разумеется, оскорбились, а отец был крайне озадачен. Одно его утешало: в частном доме жизнь далеко не сахар, там надо топить печь, таскать из соседней колонки воду, подметать двор, полоть огород и при этом каждый день ездить в город на работу.

«Какая же Любка глупая! — думал он, дымя папироской. — Променять город на село. Тут ведь и детсад был под боком. Ничего, дурь быстро выветрится, когда увидит, что такое сельская жизнь».

Всю зиму они даже не ездили друг к другу. Любаша рассчиталась из детсада и по телефону не звонила. Время шло, первым не выдержал Егор. В самом деле, как там поживает дочь? В один из теплых и сухих апрельских выходных купил колбасы, бананов, красной рыбы, прихватил для порядку бутылку водки.

Пашку, бывшего худенького шибзика, он попросту не признал. Во дворе, где там и сям зеленела трава и цвели одуванчики, за широким верстаком строгал доски лысый, плотно сбитый усатый мужичок. Тут же стоял прицеп, полный этих самых досок. В открытом гараже синели «жигули».

— Место! — крикнул незнакомец басом.

Гремя цепью, мохнатый черный кобель послушно улез назад в зеленую будку.

— Здравствуй, отец, — отряхивая золотистую стружку с фартука, подошел к калитке степенный мужичок. — Рад, что приехал.

Егор не верил своим глазам. Перед ним, несомненно, стоял прежний Любин «женишок», которого они подняли на смех почти три года назад. Но как изменился, окреп, да и ростом, пожалуй, ему, Егору, не уступает. Как же зовут бывшего шибзика? Ах, да, вспомнил — Пашка.

— А где Любашка? — спросил несколько растерянно.

— Пока на работе, а уже скоро ей в декрет.

Егор прошел до свежеекрашенной в яркий синий цвет скамьи, присел и закурил. Спросил:

— А сам-то работаешь?

— Конечно. Возглавляю строительную бригаду. Раньше клали гаражи для грузовых машин на маслозаводе, а сейчас нас перекинули на ремонт свеклоприемника... Идемте в дом. Я сейчас позвоню Любе, она обязательно отпросится.

Егор никак не мог прийти в себя. В детские годы, когда его сестра вышла замуж и уехала в далекий Казахстан, он тоже думал, что там жи-

вут отстало. Отец нагнал самогону и повез его в резиновой грелке, желая угостить и повеселить народ. Но оказалось, что там живут вполне культурные и чистоплотные люди. Самогонку они не гнали и не пили, при каждом доме была баня. Горячая вода подавалась от общей котельной. В каждом доме было колхозное отопление. Подворья утопали в цветах, в комнатах — удивительная чистота...

— В сельском доме — так же, как в городской квартире, — степенно рассказывал зять. — Я купил новый котел, поменял отопление. В этом вопросе мне друг помог, с которым мы вместе в стройбате служили. Теперь на кухне, в туалете, в ванной у нас горячая и холодная вода. Разумеется, бригадой выкопали глубокую канализационную яму, выложили кирпичом. А в будущем обязательно срублю во дворе баньку. Я уже облюбовал место. Любаша корову мечтает завести, у нас же за огородом большой выгон. Пока козу держим, двадцать пять курочек и подсвинка. Зерно закупил, на дробилке в комбикорм перерушил. Кстати, а вот и Любаша пришла.

За восемь месяцев, пока не виделись, дочь заметно изменилась. Куда только исчезли ее затравленный вид и вечная беспомощность. Люба коротко постриглась и сильно поправилась, округлилась не только лицом, но и телом, а особенно сильно округлился живот. Во всем чувствовалась степенность и женственность, которой раньше отец за дочерью не замечал.

Люба не торопилась, она постояла у калитки, зачем-то поправляя щеколду, потом прошла к собачьей будке, там поправила цепь, хотя кровь так и стучала у нее в висках. Взяла черепушку и прошла к сараюшке, где стоял закром с зерном, желая посыпать цыпочкам пшенички. Надо было успокоиться.

«Всполошился... через год... папаша родненький... приехал посмотреть... есть ли теперь над чем им языки почесать, потешиться, посмеяться вволю...»

Хотелось зайти и сказать, мол, делать нечего, сколько не знались, столько бы и еще не виделись. Даже всхлипнула от нахлынувшей обиды. Но с этим и перегорела, а увидев в гнезде восемь коричневых яиц, окончательно успокоилась. В конце концов, она тут теперь хозяйка, как скажет, так и будет.

Зашла в курятник как раз в тот момент, когда петуху вдруг приспичило вспрыгнуть на насест и закричать во все горло свое кукареку. Прокричал и тут же слетел с насеста, поспешив к зерну.

Обошла двор и вернулась серьезная, неприступная. Егор это разом почувствовал, а потому потянулся к пакету, желая достать бутылку.

— Никакой водки! — резко заявила Люба, даже не поздоровавшись.

— Здравствуй, дочка, так встречаешь отца родного, — вставая, обиженно произнес Егор. Затем спохватился, ведь Любаша на сносях, он скоро станет дедом. Потому разом поубавил свой гонор.

— Как провожали, так и встречаю, — ответила, хмыкнув, Люба и прошла в спальню, чтобы переодеться.

Пашка не спешил встречать в их беседу, пусть поговорят. Он словно знал слабость тестя, а потому быстро порезал сало, достал из духовки еще теплую картошку, блюдо с дюжиной свежих яиц, литровую кружку холодного козьего молока, помидоры, яблоки и виноград.

— Садись отец, все свое, — широко показал на место под божницей.

— Дорогой шла, а «Нивы» твоей не видела, неужели поломалась? — спросила у отца Люба.

Она уже слышала от одноклассниц про Витькины фокусы-филиппокусы, после которых исчезают и «Нивы», и квартиры.

— Ага, поломалась, — почему-то не стал рассказывать правду отец. — Пришлось на маршрутке добираться.

Возвращаясь обратно, Егор вез назад свои дары. Зять ушел строгать доски, а Люба по-прежнему осталась холодной и недоступной. Разговор не клеился.

— Нам ничего не надо! — сказала строго. — Спасибо, что навестил, па-по-чка!

Весь обратный путь Егор не знал, радоваться ему или печалиться.

— Подарки передали! — сказал, протягивая пакет жене. — Забираю бутылку, остальное — вам...

Шло время. Классного руководителя Любы крепко выпивший Егор однажды увидел на рынке. Химик приценивался к речной рыбе, не зная, что же предпочесть: судаков или жирный кусок толстолобика. И вспомнилась родителю Белая гора у Лесного озера, костер, злополучная уха, его дурацкие морали...

— Здравствуй... — он поглядел тяжелым взглядом и, вздохнув, добавил: — Здравствуйте, я отец Любы Коротких, еще не забыли такую?

Любу Коротких классный руководитель хорошо помнил, еще бы — девочка была на четыре года старше своих сверстников, а потому сильно от них отличалась. Правда, болела часто, а потому приходилось вызывать родителей. Приходил обычно отец.

— Егор Степанович, здравствуйте, — улыбнулся натянуто химик, ожидая неприятного разговора, с пьяным родителем. — Простите, но вашу дочь я уже долгое время не встречал, вот, кстати, хотел у вас спросить, может быть, уехала куда? С ней все хорошо, надеюсь?

Говорил скорее для порядка, так как не верил, что у больной и некрасивой девушки может сложиться нормальная жизнь.

— Давай по кружке пива, — вцепился в него крепкой рукой родитель. — Посидим не спеша, все расскажу... как вас... забыл, простите...

— Игорь Петрович...

— Эх, Игорь Петрович... баран я!.. баран... и больше никто... Пошли по пивку... посидим, покалякаем.

У химика было жесткое правило: никогда ничего от родителей не брать, тем более — никогда с ними не выпивать. А потому он показал на стоящую у аптеки скамью, на которой сидела маленькая девочка и крошила голубям булку.

— Посидим здесь. Я не люблю ничего спиртного, тем более пиво.

— Здесь так здесь, — повернулся и зашагал к скамье Егор, размахивая руками. — Кыш, кшы отсюда! И ты кыш! — крикнул он на девочку.

Игорь Петрович удивился: оказывается, у Любы все хорошо.

— И не просто хорошо, — рубил воздух грязной ладонью родитель. — А так, как надо! Повезло моей дочушеньке... как у Христа за пазухой живет за Пашкой своим... Не мужик, а золото. Да, зо-ло-то. Не пьет, не курит, и что самое главное — домашний... хозяйственный.

Голубиная стая, увидев, как размахивает Егор руками, опять слетелась и загуртовала, бегая вокруг скамейки, думая, что тот собирает их кормить.

— Мы вот тут сидим с тобой, то есть с вами, распистониваем про то, про се, а вот зять мой на разговоры не особо горазд, зато на дела по дому — мастеровитый. Они же теперича в Колодезной живут...

«Вон оно что, замуж вышла...» — порадовался в душе химик, он всегда радовался, когда узнавал, что у его бывших учеников жизнь сложилась.

— У них там — как в городской квартире... вода горячая, холодная, ванная, туалет, канализация, отопление... Мастеровой мужик, ремесловый. Баню сам срубил, курятник с постоянным освещением, с тройным насестом, овин, катух для коровы, крольчатник... С работы как вернется, так по дому и хлопочет. И в выходные хозяйством занимается. «Ниву» новую недавно приобрели, а ведь... вы не поверите... а-а-а, я и сам просто не верю... но ведь у Любаши четверо ребятишек, а внучка-то Егором назвали. И за что мне честь такая?

Химик встал, ему давно пора, ведь дома ждут. Он же обещал мигом вернуться с рыбой.

— Вы же моего сына знаете? — почему-то выпятив губу, ощетинился Егор.

— Наслышан о его спортивных успехах еще по школе. Видел на соревнованиях. Статный парень, просто на зависть видный. Где же он теперь, институт физкультуры окончил?

— Ага, окончил... пять лет в Боброве за разбой отсидел, а теперь пьянствовать взялся. Работать не заставишь, с меня и с матери денежки тянет. Уже дважды руку на меня поднимал... на отца родного, эх! Я ведь что сказать-то хотел...

Егор тоже встал, похлопал учителя по плечу, тот нетерпеливо топтался на месте.

— Мне зять-то теперь сына дороже, он все — в дом, а этот, дубина здоревенная, все — из дома, нас с матерью сверзал. Нехорошо говорю, но зятек-то, выходит, по всем статьям до-ро-же...

— Образумится, — попытался успокоить его учитель. — Рад за Любашку, очень рад, — химик ободрительно улыбнулся и, повернувшись, зашагал в сторону парка.

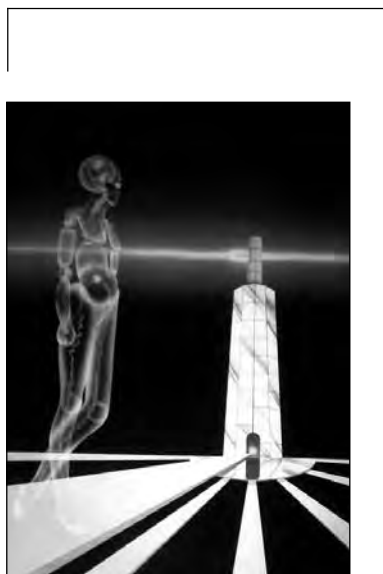
И.В. БЫКОВ,

член Союза писателей России,

ранее работал учителем биологии и химии,

г. Новоронез

*Авторские
подборки
стихотворений*

ЛИНИЯ ВРЕМЕН

Светлана Маслова

* * *

Рожают мамы в голод и в войну.
Не зная, что не время, в лихолетье
счастливыми на свет приходят дети,
готовые к винтовке и к кайлу.

Всех мамы любят: толстых и худых,
с веснушками, с сопливыми носами,
послушных, робких, вредных, озорных,
с зелеными и с карими глазами.

Жалеют больше неродных детей.
Безропотно, за руку по дороге
ведут того, кто меньше и слабей
и сам не поднимается на ноги.

Котлеты жарят и пекут блины,
компоты варят и стирают платья.
Снимают словом груз любой вины,
отогревают от обид в объятьях.

Творят для чад сплошные чудеса,
врачуют боль и послабляют муки.
И сам Господь, покинув небеса,
целует им натруженные руки.

ЕЩЕ НЕ ЗНАЯ, ЧТО УБЬЮТ ХРИСТА

В провинциальных городках и в селах старых
есть храмы без решеток и охраны,
без Благовестов и без колоколен,
с отбитой штукатуркой на стенах,
где бьют челом на земляных полах,
а всяк кирпич оплакан и намолен.
Там неожиданно порой вскрываешь раны,
случайно заглянув на полчаса,
когда заутреннюю спели голоса,
а до вечерней службы слишком рано.
Безлюдна церковь, гулка и пуста.
Затеплишь свечку и положишь три креста.
Свет пламени у тьмы отнимет раму
с иконой, что как истина — проста:
к груди младенца прижимает мама,
еще не зная, что убьют Христа.

ДВА СЫНА

В сороковые под Смоленском было
у старика с старухой два сына:
один — красавец, балагур, шельмец;
дугой — как отражение, близнец.
Но в сорок первом опустела хата,
под слезы матери ушли сыны в солдаты.
В июле немцы ворвались в село,
немало наших у околицы слегло.
Под дулами фашистских автоматов
к конторе гнали взятых в плен солдат,
на колокольне били в Благовест.
Пришли на площадь все, кто жил окрест.
Стоял старик с старухой своей,
а мимо фрицы гнали их детей.
Без гимнастеров, окровавленных, в пыли.
Друг друга видели. Окликнуть не могли.
Построили фашисты у крыльца
солдат пленных. На глазах отца
и матери обоих сыновей
поставили перед толпой людей.
Овчарки лаяли и скалили клыки.
В толпе волками выли старики.
В перчатках белых и в погонах фриц
отдал команду. Уложили ниц
всех пленных. Но оставили стоять
двух близнецов. Кричала выпью мать.
Смотрел старик, как сын своей рукой
нажал курок, как слег в пыли дугой.

Сверкал улыбкой белозубый офицер,
в Аду смеялся пьяный Люцифер.
Не видела старуха из-за спин,
как рядом с братом рухнул первый сын,
как расстреляли всех. Смотрел старик
безмолвно. В ребра бился крик.
Рассвет росой окропил траву.
Ушли фашисты дальше — на Москву.
Село, осиротев, осталось жить.
Убитых пленных стали хоронить.
И показали старику детей.
Он встал у изголовья сыновей.
Закрыв глаза им собственной рукой,
сказал тихонько: здесь один лишь мой.

г. Борисоглебск

Андрей Монастырский

НОСТАЛЬГИЯ

Знакомый переулок, тот же клен
над влажным глазом старого колодца,
но я не тот и больше не влюблен
в ту, что с портрета озорно смеется.
Я здесь когда-то бегал босиком,
в следах с тревогой видя плоскостопье,
и в огород размашистым броском
швырял из веток сделанные копыя.
А в этот сад мы мелкою шпаной
безлунной ночью крались за грушовкой —
и хоть, казалось, видели спиной,
все ж попадались глупо и неловко.
А вот и дядя Коля, что был скор
на строгий суд и легкое прощенье.
Ах, дядя, дядя, разве только вор
не любит летом старое варенье?..
Вот тут стоял тогда наш ветхий дом
с огромной печкой в половину кухни.
С нее зимою мы с сестрой вдвоем
смотрели, как свеча в лампаде тухнет.
Теперь на этом месте лопухи
Повисли вниз зелеными ушами,
и ждет своей рачительной сохи
наш двор, где мы играли малышами.
Эхма! А где же бабка, что жила
лет девяносто с гаком длинным веком?..
Давно тропинка к дому заросла,
упал забор, как брошенный калека...

Все здесь не так! Не тот живет народ,
знакомых лиц все меньше по дороге,
а те, кто хоть немного узнает, —
как могикане, редкие из многих.
Привет, речушка! Что-то ты сдала,
Покрылась камышом, как дед — щетиной;
наверняка лопатою весла
не провернуть твою густую тину.
А ведь совсем недавно здесь зимой
на хрупкий лед ступали мы несмело.
Ты нас держала выгнутой спиной
и гулко эхом в берегах звенела.
Совсем недавно... Двадцать лет назад
здесь ночью в мае соловели вишни,
но сбросил ветви тот весенний сад:
он, как и я, здесь оказался лишним.
Другое поколение босиком
сорит мечтами вдоль знакомых тропок...
Зачем тридцатилетним чужаком
тревожить мир, что так пуглив и робок?..
Знакомый переулочек, тот же клен
над влажным глазом старого колодца,
но я не тот и больше не влюблен
в ту, что с портрета озорно смеется.

ГЕРОЯМ АФГАНА

Поверь, не бывает напрасной войны,
И думать так даже не стоит.
И нет, и не будет у нашей страны
Напрасных военных героев.

И подвиги наших советских солдат
Под солнцем палящим Афгана,
Живых и погибших надежных ребят,
Поверь, забывать еще рано!

Они понимали вдали от родных,
Их долг — интернациональный.
И Родина ждет их, конечно, живых,
Хоть выжить почти нереально.

Они, как и мы, лишь по книгам-кино
Да играм, что в детстве играли,
Знавали войну, что гремела давно,
В победных звенела медалях.

Их юность в армейских прошла сапогах,
И песни их слушали горы,
И слышал молитвы не только Аллах
Под рев раскаленных моторов.

И вот под ногами чужая земля,
Вверху — азиатское небо,
И как-то иначе глядят дембеля
На тех, кто в «аду» еще не был.

«Здесь вам не гражданка, здесь, братцы, война,
Здесь в каждом ущелье душманы.
И часто посмертно дают ордена
Солдатам Афганистана».

Они понимали, что «здесь вам не там»,
Что смерть здесь — «обычное дело»,
Но как рассказать этим страшным горам,
Как мать в один день поседела.

Здесь эхо — за «них» и тебя предает,
Здесь боги — лишь только «вертушки».
И подвиг — в бою посадить вертолет
И бить «духов» на всю катушку.

И подвиг здесь — выжить всем бедам назло
И, честь не роняя солдата,
Вернуться в свой город, поселок, село
От бьющего в цель автомата.

И подвиг — обидное слыша порой,
Что кровь они зря проливали,
Лишь орден прикрыв от обиды рукой,
Молчать, как герои молчали...

Поверь, не бывает напрасной войны,
И думать так даже не стоит.
И нет, и не будет у нашей страны
Напрасных военных героев!

*Отдел по образованию
и молодежной политике
администрации Поворинского района*

Геннадий Петренко

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

* * *

Ковыль-трава под вольный ветер
на север горбится в поклон
и на серебряном отсвете
кольшет линию времен.

И дальние в тумане гоны
стремительных степных коней,
и птиц весенних перезвоны...
То думы Родины моей.

* * *

Да, у сверчка мелодия стара:
туда-сюда, тупой пилой в две ноты,
и — с вечера до самого утра —
мотив один, какие там фокстроты!..

Пусть ночью трели лучше соловей
распределит свои на нотном стане...
Ан, брат, сверчок свое пилить не перестанет:
в природе все — почти как у людей.

* * *

Но Бог опять на испытанье
готовит, грешного, меня —
на тридешатое страданье
без сабли, сбруи и коня.

По бездорожному раздолью,
по зову — в темень-стужу-лед
бреду, в кулак сжимая волю
и все-то зная наперед.

Иду туда, где мне не рады,
где полно горюшко обид...
Но от людей не прячу взгляда —
костер души для всех горит.

* * *

Над тихой речкой полная луна
висит у темноты на середине —
колеблет отражение она,
прокладывая путь в зеленой тине.

И лодка отдыхает на мели —
качаясь, убаюкивая душу,
свивая цепью краешек земли
и дикую невызревшую грушу...

Смиранный дух до райского угла
в глубоком сне под шелест очерета
взлетит с луной — она же дальше поплыла,
забрав печали середины лета.

* * *

Вот стих летит по Божьей воле
в осенних листьях сентября —
через дорогу... к старой школе...
лег на страницу букваря.

Через препятствия большие
летел строкой — через судьбу...
Стихи рассыплются в стихии —
а я в них снега нагребу.

Из трав сухих копну возвышу,
мечтами к небу поднимусь,
увидев голубя на крыше
и детством сотканную Русь.

* * *

Сон прерван вражеской бомбежкой
с родной когда-то стороны —
живем тревожно и сторожно
на грани мира и войны.

Теперь небезопасна трасса
на белгородской полосе,
и тянет, гонит по Донбассу
беду на темном колесе...

За окровавленным закатом
и в маскировочном дыму
мой ученик пошел солдатом,
и жизнь в бою спасли ему.

Там повзрослев, он стал героем,
едва раненье пережив,
и вновь ушел на поле боя...
Армеец. Фронтовик. Мужик.

Эх, «я б» да «я б»!.. Сейчас, ребята,
душой и сердцем за своих,
усердней молится за них
учитель русского солдата...

*Педагог дополнительного образования,
станция юных техников,
г. Павловск*

Анна Вислоух

ЗАЯЦ В ДЕТСТВЕ НЕ ТРУСЛИВ

Рассказ

-Девушка! Немедленно достаньте шпаргалку из кармана! — преподаватель по вычислительной технике буквально буравила глазами Женькину юбку и, казалось, видела содержимое ее карманов насквозь.

— М-м-м, — промычала Женька. — Из какого?

По логике на этот дурацкий вопрос полагалось бы ответить: «Из обоих!» — но затурканная бестолковыми студентами и измученная жарой дама ткнула ей пальцем в правый бок и рявкнула:

— Из этого!

Женька судорожно зашарила в модном широченном кармане, выудила оттуда треклятую лекцию и, аккуратно расправив свернутый листок, покорно положила его на стол. Вот ведь сквозь карман разглядела!

Но на бедрах прихваченные резинками еще остались шикарные «бомбы»: все ответы на вопросы билетов, написанные заранее. И Женька, семеня, как японская гейша, попыталась спрятаться где-то на «камчатке», но в спину ей немедленно полетело:

— Куда это вы направились?! На первую парту — и живенько!

Конечно, можно было все честно выучить — и не такое видали. Но разве полезет в голову эта несусветная заумь, когда на улице только начало лета, а жарко уже, как на экваторе! В квартире плотно задернуты все шторы, но даже это не создает желанной прохлады, и ты валяешься на полу и честно пытаешься понять разницу между Фортраном и Алголом — и, хоть убей, не понимаешь.

...С чувством выполненного долга и с заветной четверкой в зачетке по непонятному и нелюбимому предмету Женька легко перемахнула через ступеньки у выхода из института и, мурлыча под нос какую-то песенку, побежала к автобусной остановке.

— Женя!

Обернувшись, Женька увидела симпатичного молодого человека невысокого роста с гривой светлых волос. Миша?!

— Ааа... привет, — ответила она. — Ты что-то хотел спросить?

— Да ничего, — засмеялся парень. — Просто увидел тебя и вспомнил, как мы песню про свечи пели. Ну, в колхозе, на картошке. Помнишь?

Вот этого напоминать ему было не нужно. Этого позора Женьке не забыть во всю оставшуюся жизнь. Она нахмурилась.

— А-а, припоминаю, — ехидно протянула Женька. — Тебя, кажется, зовут Мишей?

Месть была мелкой. Но удержаться Женька не могла.

— Точно. А ты экзамен только что сдала? — Он словно не заметил ее пренебрежительной забывчивости. Или понял, что она нарочита, и почему-то решил не обращать внимания. С чего бы?

— Ну да... «Вычтех» проклятый!

— О, сочувствую. Вернее, поздравляю. — Он снова улыбнулся. — А можно тебя проводить?

— Пешком или на автобусе поедем?

— Пошли лучше пешком, ведь ты не очень далеко живешь. Правда?

— Правда, — Женька с удивлением взглянула на парня: «Откуда знает?» А впрочем, не все ли равно. Миша ей уже нравился (или всегда нравился?), и вообще, на душе было так разноцветно и радостно, что эта ни к чему не обязывающая встреча только придавала дополнительный шарм чудесному дню.

Так они познакомились во второй раз. Женька к своим неполным двадцати годам, в общем-то, не имела большого опыта общения с противоположным полом. Был, конечно, мальчик, еще в школе, с которым она дружила целых два года, и они даже собирались пожениться. Правда, за все время так ни разу и не поцеловались: ходили, взявшись за руки, по парку у школы, стояли вместе на переменах у окна, а летом ездили на электричке купаться на речку. На них любовалась вся школа, учителя умилялись особенно, предрекая им счастливое и безоблачное будущее, но... В конце десятого класса Женька от этого красавца сбежала. Ей вдруг стало невыносимо скучно и захотелось бешеной страсти, бурных ссор с романтическими примирениями, цветов к ногам и ночных серенад. Ну, может, и не совсем серенад, но чего-то такого... Она и сама не до конца понимала, что ее так раздражало в ежевечернем аккуратном Борькином появлении у ее подъезда и в чинных променадах за руку под бдительным оком дворовых старушек. Про секс тогда мало что говорили. И в основном шепотом, в девчачьем туалете, а более опытные старательно помалкивали и особо о своих похождениях не распространялись.

Борис еще ходил под Женькиными окнами недели три, вздыхал, окутывая ее печальным взором при каждой встрече, но объяснений никаких не требовал. Женьке от этого стало еще скучнее, она словно застряла на бесконечном сеансе в кинотеатре повторного фильма. А потом вдруг резко выдернула себя из мягкого кресла и, не дожидаясь в титрах слов «Конец фильма», выскочила из душного зала на свежий воздух и стала глотать его полной грудью, упиваясь свободой и независимостью. От кого, от чего — неважно.

Потом она поступила в институт. Правда, не в тот, в который хотела. Родители уговорили: «Получи сначала специальность, а потом сочинишь себе, сколько хочешь». Почему послушалась? Сколько себя помнила, с самого детства всегда принимала решения сама и только потом ставила в известность мать или отца, они к этому привыкли уже. А тут... Устала, наверное. Захотелось поплыть бездумно на волне чьей-то воли, а самостоятельность свою пока оставить до лучших (или худших?) времен. Пригодится еще. Чувствовала, что пригодится.

Уже через месяц после начала занятий Женька поняла: ей отсюда надо срочно удирать, или она сойдет с ума, так и не познав всей красоты начертательной геометрии и теоретической механики. В это время заболела мама. И Женька так и не смогла сообщить ей о своем решении, оставила все как есть, утешая себя тем, что в любой момент сможет что-то изменить, дождется только более удобного случая. Потом она вдруг простудилась, лежала дома, обложенная любимыми книгами. Писала грустные, какие-то декадентские стихи. Ей мнилось, что никто ее не любит, и даже покорный Борька с глазами беременной коровы показался вдруг вполне симпатичным и условно годным к возобновлению отношений. Дойдя до таких мыслей, Женька поняла: «Температура...» — и стала медленно, но верно поправляться.

Когда вернулись на занятия в институт, выяснилось, что всех первокурсников отправили в колхоз «на свеклу», а она как бы и не у дел. Собственно, это она потом только поняла, что ей, с одной стороны, крупно повезло: она не в поле, продуваемом остервенелым студеным ветром, и не выковыривает из земли намертво схваченную первым морозом свеклу, ту, что вовремя не убрали, а потом, спохватившись, бросили на ударный фронт девчонок с тяжеленными ломачами в руках. С другой, не совсем приятной стороны, в этой жуткой битве за урожай ее однокурсники здорово сплотились, все передружились, а она осталась совсем одна со своими комплексами, завихрениями и обидами. Впрочем, таких было двое: она и Вика, девчонка из их группы, постарше Женьки и в чем-то опытнее.

Когда их послали собирать свеклу во второй раз — после ноябрьских праздников, после обязательной демонстрации и небольшой праздничной передышки, — они с Викторией уже были вместе. Вместе поселились на квартире у глухого дедка и даже спали на одной кровати: так было теплее и пошептаться удобнее, пока остальные дрыхнут, сморенные бессмысленным трудом на свекольной ниве. Женька буквально смотрела Вике в рот. Та рассказывала ей о своем парне, с которым не только целовалась, но и занималась тем самым сексом, о котором Женька имела самое смутное представление. Женька парня этого видела: он провожал Вику в колхоз, тискал ее огромными ручищами и слюнявил мокрыми, пухлыми губами. Женьке он не понравился. Она представляла себе человека, с которым можно разделить постель, как-то по-другому. Как дети пририсовывают портретам в учебниках усы и бороды, так и она мысленно к портрету какого-нибудь знаменитого артиста приставляла другой нос, примеряла глаза, меняла их выражение, лепила губы, подбородок и, получив то, что нравилось безоговорочно, удовлетворенно складывала новый образ в уголок своей памяти, чтобы через какое-то время благополучно забыть о нем и начать «работать» над новым. «Так и старой девой можно остаться», — грустила Женька, в свои восемнадцать лет чувствуя себя черепахой Тортиллой, нашедшей золотой ключик, но не сумевшей отыскать заветную дверцу и открыть ее.

Чтобы скоротать долгие осенние вечера, оставшиеся свободными от добывания так необходимого родному государству сахарной свеклы, они с Викторией начали писать роман под названием «Заяц в детстве не труслив». Это был роман о зайцах, об их нелегкой судьбе и разных жизненных коллизиях, из которых они всякий раз с честью выходили. Закончить его им не удалось: все то же родное государство наконец-то вспомнило, что будущим инженерам неплохо было бы в свободное от полевых работ время посидеть и на лекциях, чтобы набраться инженерного ума-разума и при-

менить его потом на благо опять же государства. Поэтому их всех срочно вывезли в город, не выковырянная свекла осталась в поле, а вместе с ней туда вмерзло Женькино детское чувство влюбленности во всех и каждого, и стала проступать, освобождаясь от пеленок, какая-то житейская мудрость и определенность. Хотелось чего-то высокого и чистого. Очень высокого и очень чистого. Но не было ни того, ни другого.

В колхоз Женька попала еще один раз. Больше она туда не ездила. Не довелось. Причина, по которой это произошло, не могла тогда ей даже прийти в голову. Как и то, что состоявшееся там знакомство перевернет ее жизнь.

Обычный лагерь, летом принимавший, как и положено, пионеров, в сентябре заселялся студентами, десантированными на поля Отечества для сбора картофеля. Располагался он в низине у подножия высокого холма, поросшего довольно густым лесом. Поэтому молодежь с наступлением темноты собиралась в лесу напротив лагеря, и холм покрывался огоньками от костров, как новогодняя елка лампочками гирлянды. Они горели зазывно и жадно, притягивая к своему пламени даже тех, кто строго придерживался линии партии-комсомола. Они сидели почти всю ночь у костра: мальчики, девочки, взгляды, прикосновения, гитара... Да, конечно, гитара, как же без нее. Игра на гитаре — это был высший пилотаж. Молодой человек, играющий на гитаре да еще более или менее сносно исполняющий популярные в те годы песни, как правило, купался в лучах славы. А уж если это была девушка...

Женька с Викой играть на гитаре не умели. Зато умели петь. Да не просто, а на два голоса: за плечами у Вики была музыкалка, а у Женьки — солирование в хоре Дворца пионеров.

Научиться играть на гитаре — это была их заветная мечта. И тут на сцену можно вывести ту личность, без которой дальнейшее повествование будет бессмысленным. Этой личностью был вполне себе симпатичный паренек с архитектурного по имени Миша, который знал-то, может быть, три-четыре аккорда, да неплохо напевал пару веселых песенок тогдашней поры: «На старой кобыле, с ослом в поводу / Я еду в Монтану, овечек веду...» Девчонки дружно заводили припев: «Эгей, эге-ге-гей!» Особенно любили они, когда Миша, глядя задумчиво на яркие иголки костра, отскакивающие в темноту, затягивал напоследок: «Ночь притаилась за окном, туман рассорился с дождем...» И так он задумчиво выводил про свечи, которые, сгорая, пели «о чем-то дальнем, неземном, о чем-то близком, дорогом», что подруги готовы были слушать об их страданиях снова и снова. Они долго приставали к Мише, чтобы он научил их хотя бы тем трем аккордам, которые знал сам. Наконец он сдался, и по вечерам девчонки по очереди терзали Мишину гитару.

Через пару вечеров их соседки, жившие в комнате, пообещали выселить Женьку с Викой на улицу — гитару из рук они практически не выпускали. Если одна дергала струны, то другая что-то ей подвывала, и наоборот. Через неделю этих мучений они довольно сносно могли пробренчать пару незатейливых песенок, но вершина исполнительского творчества — песня о свечах — ими еще освоена не была.

Приблизительно в это же время комитет комсомола озадачился проблемой студенческого досуга, то бишь выведения гитаристов и их поклонников из темных лесов на свет Божий и легализации их полуночного творчества. Словом, решили провести смотр самодеятельности факультетов. Кому тогда в голову пришла идея, чтобы Миша сыграл, а Женька с Ви-

кой спели про эти несчастные свечи, не важно. Но факт остается фактом: решили петь именно эту песню. И все бы ничего, да только они почему-то запомнили первый ее куплет, а второй и третий как-то не зацепились за память и проскальзывали мимо сознания, теряясь в той самой романтической дымке, окутывавшей сие лирическое произведение. Куплеты нужно было, кровь из носу, выучить до завтра. Репетировать особо некогда: картошку никто не отменял. На поле пару раз песенку промурлыкали, вроде помнили слова, да ведь и Миша с ними рядом, в случае чего подхватит, подпоет, если где-то они запнутся. Но Мишка вдруг петь отказался наотрез, сказал, что будет только аккомпанировать, мол, стесняется на публике. А Вика Женьку честно предупредила:

— У меня со словами проблема, я их плохо запоминаю. Так что вся надежда на тебя!

— Ой, да что там запоминать, — отмахнулась та. — И потом, у меня память — сама знаешь: стоит повторить разика два — и все, на всю жизнь отпечаталось!

На концерт их снаряжали всей комнатой. Как же — честь факультета доверили защищать! И упасть лицом в грязь они не должны были ни при каких обстоятельствах. Надя Хорошкина, комсорг факультета, тяжело вздохнув, отдала Женьке свои небесно-голубые джинсы, которые тогда только что появились у фарцовщиков, стоили неимоверно дорого, и обладатели их, а особенно обладательницы, получали значительную фору в привлечении внимания противоположного пола перед теми, кто такими штанами не обзавелся. Еще раз прорепетировав свою коронную песню, все дружной гурьбой двинулись в столовую, где смотр самодеятельности и должен был проходить.

После песенки конкурирующего факультета про комиссаров в пыльных шлемах должно было выходить на импровизированную сцену их дружное трио. То, что их появление произвело неизгладимое впечатление, стало ясно сразу. Небесно-голубые джинсы были надеты явно не зря — по залу пронесся вздох восхищения. «Щас еще как запоем, погодите», — успела подумать Женька. Но тут Миша взял первые аккорды песни. Девчонки бодро завели: «Ночь притаилась за окном, туман рассорился с дождем...» Первый куплет благополучно спели. В зале стояла благоговейная тишина. Еще несколько аккордов и — начало второго куплета. И тут Женька поняла, что напроочь забыла слова! Ну хоть убейте, не помнила даже, про что там дальше речь идет... Посмотрела на Вику и увидела, что и та судорожно вспоминает хоть какую-то зацепку, и надежды на нее никакой. Так ведь она и предупреждала! Тем временем Миша с абсолютно непроницаемым выражением на лице закончил еще один, повторный, проигрыш между куплетами, и Женька прыгнула в ледяную прорубь, не придумав ничего лучше, как запеть: «Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла...». Вика с облегчением подхватила это «ла-ла-ла», ставший вдруг багровым Мишка ударил по струнам, и они в полной тишине бросились вон из столовой. Подальше от вселенского и всеинститутского позора!

...Через час, когда, закрывшись в комнате, они уже нарыдались вдоволь, кто-то робко постучал в дверь.

— Девчонки, откройте! Очень нужно!

Вика нехотя оторвалась от подушки, промокшей насквозь.

— Вот они, пришли полюбоваться на наши страдания...

— Да уж, — уныло согласилась Женька. И подумала: «А все равно — джинсы на мне сидели классно!»

— Девчонки! Да откройте же! — за дверью уходить не собирались.

Женька сползла с кровати и, скорчив как можно более скорбную физиономию, приоткрыла дверь. На пороге стояла целая делегация из параллельной группы.

— Девчонки! Какую красивую песню вы пели! Спишите слова, а?

В комнате раздался истерический хохот. Это у Вики окончательно сдали нервы...

Миша в то первое, не слишком удачное знакомство Женьку не заинтересовал. Она тогда только что «нарисовала» новое лицо: мужественное, с резким грубым носом и жесткими губами, ориентировалась на него и вокруг никого не замечала. Да и не встречала его больше: учились они на разных факультетах, в разных корпусах огромного студенческого комплекса. Пару раз мелькала в коридоре его невысокая фигура с гривой светлых волос, но Женька старалась побыстрее пробежать мимо.

В тот момент, когда он кликнул ее у института, Женькина замершая в состоянии куколки детсадовская восторженность вот уже полгода как превратилась в бабочку и настойчиво давала о себе знать прежним, забытым состоянием легкой увлеченности, требовавшим какого-то выхода в виде необременительного романа.

* * *

Он поцеловал Женьку на третий день их нового знакомства. Стоял рядом, что-то говорил, вдруг замолчал и, когда она удивленно оглянулась, взял ее лицо в ладони, притянул к себе и закрыл своим ртом Женькины губы, на которых так и застрял невысказанный вопрос.

— Ты пахнешь молоком, — Миша уткнулся носом в Женькину шею, и пока она, ошеломленная, думала, как ей положено отреагировать, снова тихо прикоснулся губами к ее губам — как-то по-другому, словно нарочито неумело.

— Я молоко не люблю, — пробормотала Женька, так и не определив свою линию поведения и решив оставить это на потом. Она словно видела себя со стороны и пыталась примерить на себя это новое состояние, как перед зеркалом примеряют только что купленное платье.

Она стала ждать встреч с Мишей, все глубже проникаясь осознанием того, что ждет и не его вовсе, а того момента, когда он возьмет ее лицо в свои ладони и закроет своими губами ее вопрошающий рот, и все вопросы превратятся в ответы и закивают, как китайские болванчики: «Да! Да! Да!» Женька не могла определить своего отношения к этому парню, долго копать в себе не хотела — боялась доковыряться до чего-то болезненного и стыдного, а потому решила считать, что влюблена, и этот статус показался ей приятным и удобным. Женька не знала, как надолго она в нем задержится, и не очень представляла, что будет потом, когда она решится с ним, с этим статусом, расстаться. В том, что это случится, она не сомневалась, и заранее обдумывала пути к отступлению, отыскивая и в самом Мише, и в его поведении неприятные ей черты, вывешивая их в уголках своего сознания, как флаги на домах в дни всеобщих торжеств, чтобы они напоминали о несовершенстве ее поклонника и не позволили ей привыкнуть к нему. Флагов было мало. Их катастрофически не хватало для того, чтобы с чистой совестью отпраздновать освобождение, как когда-то она отпраздновала освобождение от Борькиного страдальческого взгляда.

«С Борькой мы не целовались!» — догадывалась Женька, и эта разница перевешивала чашу весов в пользу Миши. Дальше все произошло быстро и буднично. Его родители отправились в санаторий, квартира была в их распоряжении, они собирались в ней шумными компаниями — в основном это были Мишины друзья, — пили вино, слушали до жути модных в те годы сладкоголосых Smokie, умудряясь попутно чертить какие-то чертежи, сдавать коллоквиумы и курсовые. Версия, придуманная для мамы, критики не выдерживала, но какое-то время срабатывала: она живет в общежитии, у Вики, по ее лекциям готовится к зачетам. В последнюю ночь перед приездом родителей они наконец-то остались одни, налепили пельменей, пили отцовский коньяк из специальных широких рюмок, и Миша учил Женьку согревать напиток в ладонях. Потом они оказались на диване, и что было дальше, Женька помнила плохо. Она словно плыла по волнам, они иногда перекатывались у нее над головой, и тогда она начинала задыхаться, а когда выныривала, пыталась нащарить ногой дно, и это ей не удавалось. Бездна пугала ее, и от страха, наверное, в животе стал расти большой колючий ком, и когда он взорвался, внутри сделалось звонко и пусто, только осталось сердце, потому что его было слышно так, будто оно превратилось в молоток и лупило что есть силы в грудь.

Женьке не понравилось тонуть и захлебываться, она не любила, когда под ногами не было дна, которого в любой момент можно было коснуться, встать и стоять, зарываясь ногами в песок так, что никакие волны тебе ни о чем.

Женька сжалась в комок и заплакала. Ей стало так жалко своих ожиданий и предчувствий чего-то необыкновенного, которые не отсвечивали уже своей заманчивой отрешенностью, а проявились реальностью, грубой и четко очерченной реальностью. Эта реальность осталась лежать между ними, словно забытый на полу носок.

— Детский сад, — пробормотал Миша и закурил сигарету.

— Ты меня любишь? — спросила вдруг Женька, сама не понимая зачем.

— Да, — ответил он, не повернув головы, словно губы его утверждали одно, а глаза — другое, и посмотрев в них, можно было сразу определить, правду он говорит или лжет.

— Заяц в детстве не труслив, — четко сказала Женька, глядя в стену и запоминая рисунок ковра, как сложную формулу перед экзаменом.

— Что? Ты о чем? — он забеспокоился и попытался повернуть ее лицом к себе. Она подчинилась — он улыбался, и по его глазам уже нельзя было прочитать ни правды, ни неправды.

Все в их отношениях будто бы осталось по-прежнему. Тот вечер они не вспоминали, встречались то у Женьки дома, то у Миши, ходили в гости к друзьям, в кино, на концерты. Как-то Миша обмолвился, что собирается летом в стройотряд, заработать денег. «На кольца», — добавил уточняюще и посмотрел на Женьку.

— Ты мне делаешь предложение? — вскинула брови она.

— Ага, — засмеялся он. — Как порядочный человек.

— А если я откажусь?

— Стоит ли? Мы будем счастливы и умрем в один день. — И он снова умело запечатал ее губы поцелуем, и снова какой-то вопрос так и повис в воздухе и растворился в нем без следа.

Женьке чего-то не хватало в их отношениях, она все время была настороже, как заяц в лесу, полном охотников и собак, и пыталась внутрен-

ним зрением поймать неуловимо ускользающий момент чужого лукавства. Ей это не удавалось, все распадалось, как в детском калейдоскопе, на мелкие стекляшки, и она покорно подчинялась более сильной воле, как в захваченных противником городах люди вынуждены подчиняться оккупантам. И удивлялась своей покорности.

Прошел еще месяц. Он был никаким. Она все так же мирно сосуществовала сама с собой, пока вдруг не обнаружила, что не все-то в ней и ладно. Женька лихорадочно покопалась в памяти, кое-что подсчитала, охнула про себя, но решила в панику не впадать и никому о своих подозрениях не рассказывать. Мише в том числе.

А он приходил все реже, отговариваясь делами на факультете, отводил в сторону глаза, и Женька опять не могла прочитать в них ту правду или неправду, которая ей не предназначалась. К концу второго месяца она жутко похудела: не от того, что ее тошнило и она мало ела, а, как ей казалось, от тяжелых, мучительных мыслей, которые заполняли не только голову, но и желудок, подступали комом к горлу и все никак не могли оформиться в те слова, которые наконец-то вырвутся наружу и облегчат ее существование. Женька скажет о них ему и услышит в ответ... Что? «Как порядочный человек...» Она испуганно прижимала к губам кулачок, словно заталкивала назад рвущиеся наружу фразы, давилась ими, и они там, внутри, сворачивались тяжелым комком.

— Что с тобой происходит? — настойчиво спрашивала мама.

Женька улыбалась, говорила что-то про трудные курсовые, уходила в свою комнату и там совершенно беззвучно ревела, ненавидя себя, свой живот и того, кто там уже находился.

...Это письмо белело на дне почтового ящика как флаг с просьбой о капитуляции. Она открыла дверцу, осторожно, словно боясь обжечься, взяла в руки конверт. Обратного адреса не было. Она стала лихорадочно вскрывать его еще на лестнице, быстро выхватила глазами первые строчки: «Милая, ты чудесная, добрая, но нам нужно расстаться...» Не веря глазам и не до конца понимая смысл написанного мелким, быстрым его почерком, она еще раз заскользила взглядом по строчкам, которые вдруг закорчились, заухмылялись и пустились в какой-то сумасшедший пляс, то расплываясь, то вновь четко проступая на бумаге. Женька села на стул и, обхватив голову руками, вдруг завывала — по-бабьи, в голос, причитая и раскачиваясь из стороны в сторону.

— Что? Что случилось? — из кухни прибежала мама, заметила белеющий на столе листок, взяла его, поднесла поближе к глазам...

— Ну и что? — спросила тихо. — Что ты так из-за этого кричишь?

Она брезгливо ткнула пальцем в письмо.

В это время тяжелый комок на дне Женькиного желудка ожил, стал подниматься кверху, подступил к горлу, и она все-таки отпустила его на волю.

— Я беременна, — сказала — и удивилась: это же так легко. Слова, долгие дни жившие внутри нее и, наконец, обретшие свободу, словно открыли невидимые шлюзы, и потоком хлынули слезы. Она плакала, как в детстве, задыхаясь и икая, растирая руками слезы и сопли по лицу и жалобно приговаривая: «Мама, мамочка...»

— Замолчи, — приказала мама. — Не вой, не из-за чего. Когда я умру, тогда будешь так плакать.

С этого дня Женькина жизнь словно спрессовалась в одни сплошные

уговоры родственников, сменявшиеся угрозами («Нужно идти к его родителям, все рассказать»), — настаивала мать, а отец отмалчивался, лишь под кожей на скулах резче проступали желваки да руки мяли очередную сигарету, так и не прикурившую), и собственные смятенные поиски выхода, складывавшиеся в воспаленном мозгу в какие-то совсем уж фантастические картины: пойти и застрелить его из пистолета или самой наглотаться таблеток и умереть. Женька так ясно представляла себя в гробу, красивую, молодую, всю в белом, что начинала снова в голос рыдать, оплакивая собственные похороны. Мать, каким-то своим особым чутьем догадывавшаяся о причине новых рыданий, предусмотрительно спрятала от Женьки все колюще-режущие предметы и лекарства, мало-мальски имеющие отношение к снотворным и успокоительным, а уходя на работу, запирала дочь на ключ.

Женька слонялась по квартире непричесанная, в ночной рубашке, опухшая от слез, бессмысленно прикасалась пальцами к знакомым с детства предметам, ощупывала их как слепая, подходила к телефону, снимала трубку с рычага, слушала длинные гудки и удивленно клала трубку обратно. Мише она звонить пыталась — на другом конце провода никто не подходил к телефону. Потом перестала набирать знакомый номер, подумала: а что она у него спросит — почему ты меня бросил? Скажет о беременности? И услышит в ответ: «Как порядочный человек...»

Однажды мама вернулась домой довольно поздно, долго сидела в коридоре одетая, а потом, устало разматывая шарф, проронила:

— Я ходила к его родителям...

Женька замерла. Она ждала продолжения, как ждет приговоренный к смерти указа о помиловании, который зачитывают прямо на эшафоте за несколько минут до исполнения приговора.

— Они сказали, что Миша бросил институт и уехал куда-то на Север. О твоей беременности никто ничего не знал... Ты что, даже ему не говорила?

Женька молча покачала головой. До нее с трудом, как сквозь толщу воды, доходили слова, сказанные матерью. Уехал на Север? Зачем? А она? Ах да... «Нам надо расстаться...» Мысли путались, сталкиваясь друг с другом. Пространство вокруг словно сузилось и смялось, как лист бумаги, бума...

Как мать успела ее подхватить, она уже не видела. Очнувшись, не поняла, что произошло, попыталась резко сесть и вдруг почувствовала, как в животе что-то мягко шевельнулось, скользнуло вниз, потом вверх, потом угнездилось где-то посередине и затихло. Прижала руки к животу, посмотрела на мать совершенно сухими, запавшими глазами и тихо сказала: «Заяц в детстве не труслив».

* * *

Она проснулась первой. Тимка заворочался через несколько секунд, зачмокал губами и высунул из-под одеяла розовую пятку. Женька быстро пробежалась по ней пальцами.

— Вставай, соня!

Пятка дернулась, исчезла под одеялом, зато показалась взлохмаченная Тимкина голова и заныла:

— Еще рано!

— В самый раз! — пропела Женька и, ухватив сына за теплую ногу,

стала щекотать и щипать его круглую попку, залезла под майку, забежала быстрыми пальцами по спине — массаж, массаж! — а он вырывался, хохоча и взбрыкивая ногами, как норовистый жеребенок. Потом она поставила его на пол и легонько шлепнула: «Быстро умываться!» — а сама, накидывая халат, побежала на кухню, шмякнула на конфорку чайник и заглянула в ванную — там было подозрительно тихо.

— Не филонить! — погрозила пальцем застывшему у раковины Тимке. — Чисть зубы и бегом на кухню!

Она любила своего сына какой-то материализованной, биологической любовью, постоянно испытывая потребность потрогать, потискать его руками. Ей все время хотелось прикоснуться к нему, будто проверяя: он здесь, никуда не делся, не исчез, как мираж в пустыне, он с ней рядом, и так будет всегда и во веки веков. Аминь.

Она любила его так же неровно, как и жила: то бросалась целовать от макушки до пяток, то обрушивала на его голову праведный гнев за какую-либо провинность. Ей казалось, что пуповина, когда-то связывавшая их, не разорвалась, а лишь растянулась, и когда они на время расстаются — она уходит на работу, а он в детский сад, — эта нить натягивается до звона, как гитарная струна, и зовет их друг к другу, стоит лишь ее коснуться.

После рождения Тимки нелюбимый технический вуз она все-таки окончила. Помогала старенькая бабушка-соседка, присматривала за Тимкой, пока Женька на несколько часов убегала на лекции. Только вот мама ее диплома уже не увидела — умерла от сердечной недостаточности. Женька даже успела немного поработать по специальности — на маминном месте в плановом отделе небольшого предприятия. Однажды на столе начальника отдела зазвонил телефон. Он поднял трубку и через несколько секунд на глазах стал наливаясь кровью. Женька даже испугалась — лопнет сейчас и всех забрызгает, б-р-р... Ее начальник пытался что-то вставить в бурную речь невидимого собеседника, но получалось это у него плохо. Скорее, совсем не получалось. Бросив трубку на рычаг, он повернулся к Женьке.

— Ты делала последний отчет для Москвы?!

— Ну, я... — Женька недоуменно пожала плечами. — А че случилось-то?

— А то случилось, что ты там все к чертовой бабушке перепутала! А еще там какие-то стишки!

Визг начальника неся вслед бежавшей по коридору Женьке еще долго. Да, помнила она этот отчет: когда сверяла цифры, ей пришло в голову совершенно гениальное стихотворение, которое нужно было срочно записать. Вот она его и записала. А тут отчет какой-то...

На следующий день она отправилась в редакцию областной молодежной газеты, где пару раз опубликовали ее письма-отклики на «гвоздевые» материалы номера. Леденея от ужаса и своего нахальства, открыла двери в первый попавшийся кабинет и выпалила:

— Возьмите меня на работу! Я пишу стихи! И еще сочинения в школе были на пятерки...

Как ей потом рассказывали, редактор отдела культуры просто онемела от такого явления и долго не могла произнести ни слова. Но в газету ее взяли — с испытательным сроком. А через полгода перевели в штат.

Вечером они вместе возвращались домой. Тимка бежал рядом вприпрыжку, весело треща о чем-то своем, детском:

— Мама, смотри, вон большая звезда на небе — это наша воспитательница, вон те, поменьше — это ребята. А все остальные — столы!

— Почему столы, Тим? — не понимала Женька.

— Ну как же, мам, — удивлялся Тимка. — Как же в группе без столов?

В тот вечер они никого не ждали в гости, поэтому прозвеневший в тишине звонок показался особенно громким и требовательным. Женька подошла к двери, глянула мельком в глазок, на секунду замерла, еще раз прильнула к нему и перестала дышать.

— Я не открою тебе, — прошептала она, словно тот, кто стоял за дверью, мог услышать ее шепот.

— Жень, открой, пожалуйста, — голос был просительный, даже какой-то умоляющий. — Ты должна меня выслушать.

— Я никому ничего не должна, — снова прошептала Женька. За дверью будто опять услышали ее слова.

— Ты должна меня выслушать! — раздалось в звенящей тишине. — Я не уйду отсюда, пока ты не откроешь.

Женька непослушными, негнуцимися пальцами отодвинула задвижку замка и обреченно посторонилась. В дверь вошел Миша.

— В комнату пригласишь? — спросил он спокойно.

— И кухни с тебя хватит, — фыркнула Женька, потихоньку пришедшая в себя и пытавшаяся овладеть ситуацией. Ну, пришел через столько лет, но ведь ты все это время ждала его, слабо признаться? Хотя бы сама перед собой не лицемерь!

Выбежавший на громкие голоса Тимка доброжелательно поглядывал на дядю из-под длинной прямой челки. «Подстричь пора!» — машинально отметила Женька и, взяв сына за плечи, мягко развернула его в сторону двери.

— Тима, посиди в комнате, нам с дядей надо поговорить.

Миша стоял молча, с любопытством разглядывая пацана.

— Что ж ты не поправляешь меня? — вскинулась Женька. — Скажи уж сразу, что ты его отец!

— Скажу. Попозже, — он уверенно прошел на кухню, выдвинул табурет из-под стола. — Присаживайся. В ногах правды нет.

— А в чем она, эта правда? — вежливо поинтересовалась Женька. — В том, что ты сегодня к нам пришел? Мы тебя не звали.

В ее груди уже начинал разгораться маленький костерчик, словно кто-то ехидный подкидывал в него дровишек. Женька чувствовала, как языки пламени становятся все больше и больше, от нестерпимого жара ей захотелось пить, она, не глядя, нашарила в холодильнике бутылку минералки и жадно глотнула прямо из горлышка.

— Хватит, не злись, — Миша миролюбиво взял ее за руку. — Поиграли в игрушки и будет.

— В игрушки?! — Женька задохнулась. — Это, — она ткнула пальцем в сторону комнаты, где находился Тимка, — это тебе игрушки?! Слушай, уходи по-хорошему, оставь нас в покое! Ну откуда ты взялся? Катись на свой Север, что тебе там не сиделось?!

— Твои родители дома? — вдруг без всякой связи спросил он. Женька ошеломленно замолчала, села все-таки на табурет и выдавила:

— Мама умерла... У нее было больное сердце. А отец снова женился, живет у новой жены. Мы здесь одни.

Сказала и тут же подумала — зачем? Зачем она ему все это объясня-

ет? И что это изменит в ее решении, которое она приняла сама, не поддавшись в тот раз ни на чьи уговоры.

— Я приду еще, — он произнес это так, что она поняла — придет, и грош цена ее хвастливым лозунгам: «Мы вдвоем с сыном, и больше нам никто не нужен».

— Почему ты тогда написал мне это письмо? — тихо спросила Женька, испытывая жгучее желание дотронуться до его щеки, провести пальцем по губам, чтобы он шутливо прихватил ими палец и стал целовать ее руки все дальше и дальше, до локтя и выше... Она вздрогнула, провела ладонью по лбу, словно снимая с него паутину, в которой сама запуталась, как глупая муха.

— Какое письмо? — Он удивленно оглянулся. — Я не помню, да и тебе советую забыть.

Дверь стукнула гулко, и этот звук больно оттолкнулся от Женькиной груди, как отдача от выстрела тренировочной винтовки, из которой Женька стреляла в институтском тире на занятиях по гражданской обороне.

«Разве это он? — спросила она себя. — А почему тогда я его не ненавижу?»

Боль и недоумение, скопившиеся у нее за эти годы где-то в районе солнечного сплетения (наверное, там и помещается душа!), вдруг хлынули изнутри. Она медленно съехала по стене на пол и заревела так, как не плакала даже на похоронах матери.

Испуганный Тимка выскочил в коридор и, увидев мать сидящей на полу и рыдающей в голос, заревел что было силы сам, кинулся ее поднимать своими слабыми ручонками. Она безвольно сидела, уткнувшись в колени, задыхаясь, и снова как в детстве размазывала по лицу слезы и сопли, и снова звала: «Мама, мамочка...»

Он появлялся почти каждый вечер. Шумный и веселый, подкидывал Тимку к потолку, всовывал ему в ладошку шоколадку, проходил на кухню, быстро расставлял по полкам холодильника продукты, и всякий раз Женька находила после его ухода деньги — в разных местах. Он ничего не просил, ничего не требовал, ни о чем не спрашивал, просто изо дня в день выполнял эту работу: словно заданную себе самому норму посещения. По крайней мере, Женьке так казалось.

Как-то появился совсем поздно вечером, усталый, грязный, протопал молча в ванную, там глухо зашумела вода, и Женька вспомнила: она только что выстирала висевшее на крючке полотенце. Быстро схватила с полки шкафа чистое, постучала в дверь.

— Миша, возьми полотенце.

Он приоткрыл дверь. Она, стараясь не смотреть, просунула в щель полотенце и нечаянно выхватила глазами треугольник живота с резко очерченной косой мышцей. Дверь закрылась, а Женька так и осталась стоять, прислонившись к косяку. Или она сошла с ума, или у нее что-то случилось со зрением, но на том месте, где у «того» Миши располагался шрам от аппендицита, у «этого» Миши ничего не было! Девственно гладкая, чистая кожа и никаких признаков хирургического вмешательства, после которого, как правило, остается некрасивый неровный шрам.

Женька отшатнулась от двери, бросилась в комнату, схватила на руки Тимку и растерянно заметалась по квартире. Кто сейчас моется в ее ванной? Что ему от них нужно? Она не успела принять никакого решения,

когда дверь ванной отворилась и, вытирая голову ее полотенцем, чистый и сияющий мужчина появился на пороге.

— Привет, — улыбнулся он. — Прости, что ввалился как чумак со шляху.

— Привет, — выдохнула Женька. — Ты кто?

Улыбка сошла у него с лица, будто стертая ластиком, и он внимательно посмотрел на Женьку.

— Догадалась как?

— Шрам, — Женька показала на себе. — Шрам от аппендицита. У Миши он был.

— Да, верно, — легко согласился мужчина. — Мишке аппендикс вырезали лет в двенадцать. А вот у меня не случилось, хотя говорят, у близнецов все одинаковое, даже болезни.

— У близнецов?! — Женька изумленно уставилась на незнакомца. — Ты Мишин брат?!

— А он тебе разве ничего обо мне не говорил? — вопросом на вопрос ответил тот.

— Да нет, я знала, что у Миши есть брат, что он учится в Москве, но что вы так похожи...

Женька пыталась осознать происходящее с точки зрения здравого смысла и не находила его, как ни старалась. Она судорожно прижимала к себе притихшего Тимку, словно пытаюсь прикрыться им от всего непонятного и тревожного, что пришло в их дом с этим человеком.

— Олег... — вдруг вспомнила она его имя. — Почему ты ко мне пришел? Откуда ты про меня узнал?

— Мишка написал мне письмо в Москву, — тихо сказал мужчина. — За несколько дней до своей смерти. Он работал на стройке, там произошел несчастный случай... Мишка долго лежал в больнице, врачи обещали, что выживет. Только он чувствовал, что это — конец. Просил меня позаботиться о тебе. От родителей он узнал, что у него родился сын.

— Не нужна мне ничья забота, — Женькино притихшее было самолюбие вновь встрепенулось и заворочалось опять же где-то в районе солнечного сплетения.

— Это не тебе решать, — жестко взглянул на нее Олег. — Тебе не нужна, ему пригодится.

Он кивнул на мальчика, не спускавшего со взрослых испуганных глаз.

— Я ничего о тебе не знаю, — сдалась Женька.

Олег молча надел рубашку, пригладил пятерней мокрые волосы и, обернувшись, широко и красиво улыбнулся.

— Окончил Московский архитектурный институт, не женат, не привлекался, — отрапортовал шутливо. — В Москве у меня своя фирма. Чтобы успевать к тебе, мотаюсь оттуда на машине. Сегодня сломался прямо на дороге, еле-еле доковылял до города, сдал здесь машину в ремонт, завтра обещали сделать. Другие вопросы будут? А то я очень устал. Да, и еще. Ехать обратно мне не на чем. Ты уж разреши переночевать у тебя. Надеюсь, спальное место найдется?

— Найдется, — машинально, как эхо, ответила Женька, напряженно думая о чем-то своем. Наконец она уловила кончик мысли, стала ее вытягивать, наматывая на невидимую, но жесткую ось, и со всего размаху шмякнула этой палкой по незащищенной его улыбке.

— Зачем я тебе? — она закрыла лицо руками, чтобы не видеть, как он

закорчится от боли, и услышала будто со стороны свой звенящий, готовый вот-вот сорваться на крик, голос: — Позаботился и хватит! Выполнил волю брата, совесть твоя теперь чиста, можешь спать спокойно! Катись в свою Москву, и чтобы я тебя больше не видела! Заботник нашелся...

В комнате установилась какая-то подозрительная тишина. Женька раздвинула пальцы и осторожно посмотрела в образовавшуюся щелочку. Олег спал, откинув голову на спинку кресла, спал красиво и безмятежно, как может спать мужчина, привыкший выполнять свой долг так же красиво и незаметно.

Она принесла из спальни подушку, попыталась пристроить ее у Олега в изголовье. Он приоткрыл глаза и пробормотал:

— Ты ко мне привыкнешь...

Потом обнял подушку двумя руками и, посапывая, совсем как маленький Тимка, заснул. Женька всю ночь просидела на полу возле него, до рези в глазах вглядываясь в знакомые и такие незнакомые черты. Проваливаясь в воспоминания, снова будто бы поплыла по волнам и опять не могла достать ногами до дна, но бездна уже не пугала ее, ведь она все-таки научилась за эти годы плавать. И на гитаре играть тоже.

«Заяц-то в детстве не труслив», — вдруг вспомнила она их с Викой неоконченный роман. Подумала немного и решила: «И в отрочестве тоже».

Л.П. ШИЛИНА

(лит. псевдоним Анна Вислоух),

член Союза писателей России,

бывший редактор областной газеты

«Вестник просвещения»

*Авторские
подборки
стихотворений*

В НЕБЕ ЛАСТОЧКИ В СТАИ СБИВАЮТСЯ

Татьяна Повалюхина

* * *

В коридорах светлых школы,
Где бежит навстречу время, —
Эти вечные глаголы,
Это при дороге семя.

Отболев своим уроком,
Смотрим друг на друга строго.
Ну а подражать пророкам,
Возлюбить, стараясь много, —

Разве мне потщиться, люди?
Мне ли путь ваш крестный славить?
Тут успеть бы, живы будем,
Хоть ошибочки исправить.

* * *

Не отчуждением —
«опасен мир», —
Но силой книг
спасаясь непрестанно,
Росли,
их зачитавшие до дыр,
Серёги, Саньки,
Леночки, Оксаны.
Быть может, с ними —
радость или грусть,
Но одолев и взлеты, и паденья,

Пусть твердо встанут на ноги
и пусть
Разумны будут юных убежденья.
Безумству века
и людских страстей
Те книги — не преграда,
но граница.
Приветствуйте
читающих детей!
Читайте
их распахнутые лица!

23 ФЕВРАЛЯ

А.

Голос был в трубке растерян и тонок,
в сомненьях, в напряге, тревогой томим.
Я поздравляю тебя, ребенок,
с праздником взрослых, а значит — твоим.

Год не прошел еще с того мига,
Где ждать обещали и школа, и класс.
С чем вы ушли? С ощущением мира
Или войны, будоражащей вас,

Словно героев баллад гитарных,
Коиим «досаден их возраст и быт...».
Не только в атаке взрослеют парни.
Есть неизменный — прощенья обид —

путь, где занозой — не «око за око»,
путь, где защитником ты наречен,
где не песчинками в волнах потока
тонем, но каждый по Слову крещен.

РАСТЕРЯВШИМСЯ

Укрывала Русь собольей шубой
поспешивших к нам издалека.
Было под покровом русским любо
согреваться жаром камелька.

Люди злые, добрые, повесы
в поиске и «счастья», и «чинов»:
Остерманы, Ганнибал, Дантесы
приезжали под славянский кров.

И порой, освоившись немного,
презирать иные брали тон
наш обычай — тот, что здесь «от Бога»,
влет «убогим» дерзко наречен.

Но простите, что вопрос затрону:
Ганнибала внук — Руси поэт.
Первый средь поистине достойных,
что воспел ее на сотни лет.

Жорж Дантес, не знавший слова «милость», —
Европейской гордости фантом...
Остерману Русь не покорилась.
Возродилась. И не под кнутом

иноземным. И своим укладом
продолжала жить по мере сил.
Это нам вменить в вину так рады
все хулители Святой Руси.

Кто же вы, чьи дети — наши внуки?
Будущего смысл и благодать...
Мы отдали силы, ум и руки,
знания готовы все отдать.

И, поверьте, речь не о пристрастье
Строить так непросто Божий храм.
Так не стройте на несчастье счастье,
Вавилон на месте личных драм.

Этот лед растапливать готова,
жаркий уголек отдать в запас.
И не отбирайте смысл у слова.
Ведь оно за вас. Не против вас.

Верьте нам, и хватит, как под током,
дорогие, строить вопреки ...
Сей эскиз окончит мой потомок
росчерком поэтовой руки!

* * *

Дивногорские милости
Подари мне, Царице.
Чудной силой явилась Ты
Там, где молятся птицы.

В заповедной и дикой
Из времен несказанных
Встала стражей великой
От потрав окаянных.

На Тебя вся надежда,
Умоли Бога-Слово,
Не оставь, как и прежде,
Нашу Русь без Покрова!

г. Воронеж

Елена Рудаева

* * *

Я зерно доброты в детском сердце незримо посею
И любовью своею прольюсь, как весною вода,
Все тревоги их хрупких сердец я надеждой развею,
А иначе зачем я на землю спустилась тогда?
Каждый день с нетерпением большим я спешу к своим детям,
Груз проблем за калиткой оставляю я и суету.
Драгоценнее миссии нету на всем белом свете,
Чем зажечь свет в глазах у детей, подарив им мечту.
Собираются дети мои, как жемчужины в бусы,
Ну а я, словно нитка, их нежно, но крепко держу
И учусь каждый раз я их правильно слышать и слушать,
Ведь иначе зачем на земле этой вечной живу?!
А когда моей жизни земной станет гаснуть лампада
И весь путь промелькнет, как немое кино наяву,
Крикну в небо: «Спасибо, Всевышний, тебе за награду,
Что не зря на земле этой вечной, чудесной живу!»

* * *

Я живу в березовой России,
Где цветут ромашка с васильком
И бабуля с добрыми глазами
Поит своих внуков молоком.

Где в полях, бескрайних, словно море,
Золотится колос на ветру
И Господь алмазами росинки
Щедро сыплет в травы поутру.

Я гляжу в озера голубые,
Слышу звонкий голос ручейка,
И с лугов побеги молодые
Шлют мне свой привет издалека.

Я дышу надеждой и любовью,
Что приносит ветер удалой,
И весна свое тепло и нежность
Разливает бурною рекой.

Мне отраднo слышать птичье пенье,
Созерцать закаты и рассвет,
В пояс кланяться таланту и уменью,
Что несет в себе наш русский человек!

Замирает сердце в умиленье,
Наблюдая детской жизни ход

И как женщины великие со рвением
Молятся за русский весь народ.

«Господи, спаси Россию нашу,
Огради ее от зла и бед!
Только Ты наполнишь миром чашу,
Лишь с Тобой одержим множество побед!

Научи мя кротости, смиренью,
Научи мя ближнего любить,
Дай мне, Боже, мудрости, терпенья,
Помоги мне милосердной быть!

Воскреси в душе моей надежду,
Ледяную веру отогрей,
И тогда любовь моя, как прежде,
Станет больше, чище, горячей!»

И пока молитвы эти слышит
Милосердный и Всевышний Бог,
Русь моя крепчает, верит, дышит,
Собирая свой народ в Его чертог!

Семилукский район

Лариса Хлопкова

ЖУРАВЛИ

Облаками белыми журавли летят —
То пропавших без вести в нас глаза глядят,
Песню нам солдатскую журавли поют,
Весточку военную матери не ждут.

Годы ждали матери сыновей с войны,
Но пропали без вести, нашей нет вины.
Где сложили головы, где теперь лежат?
Плачут, плачут матери — просят их назад...

Зарастает полюшко сорною травой,
Обуяло горюшко, слезы льют рекой:
«Как прожить мне, матери, без тебя, сынок,
Не оставил детушек, был ты одинок.

Ковылем покрылася голова моя,
Так проходят горькие годы без тебя.
Проглядела глазоньки с ночи до зари,
Где ж ты, мое дитяtko, сверху посмотри!»

Пролетели тяжкие долгие года,
Не дождалась сына мать, хоть ждала всегда...
Белоснежным облаком журавли летят,
Под небесным пологом встретит сына Мать...

ДУША МОЕЙ РОССИИ

А России моей душа —
Это мамы седая коса,
Это грустные песни войны,
Что остались со мной навсегда.

А России моей душа —
На полях золотая волна,
Шум комбайнов до самой зари
И в мозолях все руки отца.

А России моей душа —
Небо чистое и облака,
Голубая лента реки
И хрустальная трель соловья.

А России моей душа —
Это тропка в леса и луга,
И зайчонок среди травы,
И семья лебедей — красота!

А России моей душа —
Песни русские на века,
Слово русское!.. Не смотри
Ты со злобой России в глаза!

* * *

В небе ласточки в стаи сбиваются,
Скоро осень взойдет на порог.
С Спасом яблочным звонкими песнями
Вслед за птицами лето уйдет.

И укроются реки туманами,
И прокапают тучи дождем,
Полетят журавли караванами,
Нам взмахнув на прощанье крылом.

А деревья нарядятся в золото,
Жемчугами повиснет роса,
И грибные появятся тропочки,
И калина зардеет... Слегка

Будет утром мороз подмораживать
Лужи, реки и воду в ведре...
А пока — вьются ласточки стаями
И все больше сединок в траве...

*Бондаревская СОШ
Кантемировского района*

Любовь Макарова

СТРАННЫЙ СОН

Рассказы

Я исчезла, растворилась, потерялась, заблудилась... Хотя последние два слова относились уже не ко мне, а к тому существу, которое выскочило из меня и, разразившись неистовым воплем, понеслось сломя голову через проезжую часть. Фонари тускло перемигивались в забкой мартовской стыни и равнодушно взирали на ползающие под ногами тени. Но что-то было не так... Не так, как обычно, и это «что-то» вызывало дискомфорт и страх. Я огляделась по сторонам: полуразвалившаяся скамейка, покосившийся столб, когда-то служивший основанием стола, валяющиеся окурки, смятая пачка из-под сигарет и тень... Моя? Тень шевелила ушами, виляла хвостом и поджимала мерзнущую на морозе лапу... Поверить в это было невозможно, и я засмеялась, залиvisto, от души, дерзко и вызывающе, потому что поняла, что сплю, и все, что происходит — часть моего сна! Тень покрутила головой, попробовала поймать свой хвост и завертелась волчком, смешно виляя задом. Я захохотала от восторга, потому что осознать, что ты одновременно спишь и бодрствуешь, было странно, но безумно интересно. Так не бывает! Но так было...

На мой смех из подворотни выбежали четыре лохматых пса и с негодованием наскочили на мою тень. Потеряв равновесие, я растянулась в обледенелой луже и ощутила, как острая боль обожгла бок. Оказаться под грудой рычащих разгоряченных борьбой тел было непривычно, нелепо, жутко, дико... Меня стошнило от внезапного испуга и смрадного дыхания этих тварей. В горле застрял клочок вонючей шерсти, в глазах потемнело, и мне показалось, что я умираю... Из всех сил я закричала, моля о спасении, но к своему ужасу услышала душераздирающий собачий вой! «Я же теперь... собака...», — пронеслось у меня в голове, а что делают в таком случае псы, я не знала. Отчаянно сопротивляясь, я уже не замечала укусов и боли и по инерции, как бы со стороны, глядела на озверелых псов. Силы были неравны, и я предчувствовала скорую развязку. И тут внезапно меня кольнула мысль: я же человек! Как я могу лежать посреди грязной заплеванной лужи и терпеть всю эту мерзость? Это же сон и только! Сейчас я очнусь от кошмара, попью воды и посмеюсь над своими страхами...

Но кошмар не заканчивался, а из переулка, наперерез несущимся машинам, бежали другие собаки. Предвкушая драку, они азартно лаяли на пролетавшие мимо машины, соревнуясь с ними в беге. И тогда я, дико взвизгнув и выскользнув из кучи беснующихся хвостов, клыков и непонятно чего еще, зарычала и вцепилась в первое попавшееся ухо. От неожиданности лохматое чудовище по-щенячьи заскулило и в испуге отпрыгнуло в сторону.

Скрип тормозов, ледянящий душу всхлип, вой мотора... Все случилось так быстро, что я даже не поняла, что произошло. Укушенный мною хромой вожак непроизвольно выскочил на проезжую часть, а через мгновение, дергающийся в конвульсиях, катался по асфальту, щедро поливая его фонтанирующей кровью. Страшно подумать, но именно это и спасло мне жизнь.

Я еще сидела, всклокоченная, грязная, ничего не понимающая, как вся стая снялась с места и, слабо подвывая, бросилась врассыпную. Чей-то теплый нос ткнулся мне в бок, призывая к действию, и, не отдавая себе отчета, повинувшись инстинкту самосохранения, я приняла приглашение и засемила за своим новым *другом*.

Странно, но впервые это слово открылось мне во всех своих смыслах одновременно, означая и обещая и спокойствие, и защиту, и надежду... Мы бежали по темным улочкам, перепрыгивая через слабо застывшие канавы, по подворотням и еле намеченным тропинкам, по осевшим грязным сугробам, по свалкам... Бежали целую вечность. И мне казалось, что конца не будет этому марафону. Я не чувствовала ни своего тела, ни попадавшихся камней — только острый запах тревоги.

Впереди показались деревья, сваленный в кучи мусор и что-то еще. Разобрать было трудно из-за набегавших слез и непонятно откуда взявшейся слюны. Дико хотелось пить, и я нагнулась к первой попавшейся луже и жадно стала лакать мерзлую воду. Странно, но никакого неудобства я не испытывала. Боковым зрением улавливала свое отражение в черной воде, ощущала легкий парок от взмыленных боков и, четко сознавая, что я не собака, а человек, с наслаждением лакала грязную воду. Мой спутник, а это был именно он, в чем я ни капли не сомневалась, нетерпеливо переминался с ноги на ногу и торопил коротким поскуливанием. Бежать дальше оказалось выше моих сил: все тело саднило и горело, как в огне. Я еле добрела до кучи с прелой листвой и в изнеможении рухнула на мокрую постилку. Остальное помню смутно: кто-то подталкивал и тормозил мое безвольное тело, потом лег рядом и согревал своим теплом. Казалось, нет ничего важнее этого спасительного тепла, все остальное стало мелким и незначительным. Мне снились кошмары, и я никак не могла от них очнуться. Все время мучительно хотелось пить, и я вспоминала какие-то слова из прошлой жизни, очень важные... И никак не могла вспомнить...

Я еще не открыла глаза, как поняла, что чего-то не хватает, что-то изменилось с тех пор, как я боролась со смертью и победила. Я еле разлепила слипшиеся веки, и дневной свет безжалостно ослепил мои привыкшие к мраку глаза. Яркая вспышка — и вдруг я вспомнила ту ужасную ночь и поняла, чего мне не хватает... Рядом не было спасительного тепла, и мое тело почти ооченело от холода. Я лизнула запекшийся от крови бок и тихо заскулила от боли. Желудок резко сжался и потребовал пищи, перед глазами поплыли желтые круги. На негнущихся лапах я подползла к оттаявшей луже и, пытаясь потушить бушевавший внутри

пожар, стала лакать ледяную воду. И вдруг я ощутила знакомый запах, от которого хвост помимо моей воли задрожал и начал выписывать невообразимые кренделя. Из зарослей вышел поджарый на длинных мускулистых лапах дог. Он был с ног до головы облеплен грязью и держал в зубах славно пахнущий сверток. О том, что там хот-дог, я догадалась мгновенно и, не успев опомниться, потрусила навстречу. Он положил добычу к моим ногам и отошел поодаль, как бы рассеивая мои сомнения: делиться добычей не нужно, он сыт. Но это было не так. Я видела, как подрагивают его ноздри от сладковатого запаха снеди, как дрожат его худые бока и нервно вздрагивают мускулы, но не могла остановиться. Это было выше моих сил. Когда с обедом было покончено, он медленно подошел, лизнул сверток и... улыбнулся. Я все поняла без перевода: он приветствовал меня и радовался моему спасению! Он лизнул мой бок и, осмотрев рану, остался доволен: опасность миновала.

Так я познакомилась с Томом, моим новым другом. Его имя, как и гордая осанка, были тоже из другой жизни, которая навсегда осталась в прошлом. Ему не надо было рассказывать, что я на самом деле не собака... Он и так это знал.

Когда-то Том жил в большом загородном доме. У него всегда была чистая постилка и вкусная еда, а еще веселый Хозяин — самый лучший, добрый, единственный на всем белом свете! И Том был счастлив, ведь только это и имеет значение для собаки. Конечно, в доме жили еще люди: они готовили и убирали, кормили Тома, гуляли с ним, возились, иногда выпускали в сад, где он носился сломя голову за пролетающими бабочками. Но все равно Хозяином для Тома был Он, которого пес часами ждал в прихожей или в саду. Том даже научился уважать это ненавистное слово «работа», к которому так благоговейно относился Хозяин. А потом все кончилось в одночасье, как будто это был сон или мираж, если переводить с собачьего языка на человеческий.

Летним утром Хозяин и другие люди с хохотом и торопливой возней стали сносить всякую снесь из дома в другой, на колесах, который каждое утро увозил Его на работу. Такое было уже не раз, и Том с предвкушением веселья кинулся помогать им.

На берегу реки люди жарили мясо, купались, и Том с радостью плавал за мячом и следил за Хозяином, который почти не участвовал во всеобщем веселье. Сердце Тома разрывалось на части от жалости к Нему, он то и дело подбегал, поскуливая, к Хозяину, приглашая побегать, но Он оставался равнодушным и только курил, поджав под себя ноги. А потом встал и взял с собой Тома (разве это не счастье!), и они пошли в лес, и Хозяин был необычайно добр к нему: все время что-то говорил и трогал кончики ушей Тома... Это был незабываемый вечер!

Потом они собирались домой и Том с радостью помогал и, как всегда, забрался на заднее сиденье... Потом... Том почти ничего не запомнил... Все как-то странно смешалось, запахло бензином и гарью... Хозяин лежал, запрокинув голову, и спал... К ним бежали какие-то люди, трогали Хозяина, кричали... Белая, страшно воющая машина с мигающим фонарем увезла Хозяина в неизвестном направлении... Напрасно Том бежал следом и долго нюхал тревожный воздух: запах Хозяина исчез навсегда... Он долго скитался по автотрассам, пока, наконец, не нашел свой дом. Может, Хозяин там и давно ждет его? Но в доме жили другие, не знакомые Тому люди, и у них была своя собака — маленький толстый мопс, который даже не посмотрел в сторону Тома...

Так Том стал бездомным. Он долго постигал школу выживания, оказавшись на улице. Потом даже обзавелся «своей стаей» и жил возле городской свалки. Но меня почему-то знакомить с собачьей братией не ропился и разрывался «на два дома». Это я потом поняла, что из меня еще не выветрился «человеческий дух», который в большинстве своем так ненавидели бродячие собаки. Испытав на своей шкуре презрение и зуботычины, Том старался оградить меня от них.

Знакомство состоялось намного позже, когда на мне все заросло «как на собаке» и я почти ничем не отличалась от его бездомных сородичей.

В общем-то, быть собакой оказалось не так уж и плохо, если не считать некоторых гигиенических тонкостей. Зато я теперь знаю, почему четвероногие не любят мыться и вообще бояться воды. Просто при избыточном количестве влаги тело собаки быстро охлаждается, и это чревато даже летальным исходом, потому что перестает вырабатываться тепло, необходимое для жизни. Это как если бы люди ходили по морозу в мокрой шубе и ждали, пока она высохнет сама собой.

Первой меня увидела Картошка — собака неизвестной породы, напоминающая вытянутой мордой таксу и лису одновременно. Она безбоязненно обнюхала меня со всех сторон и, кажется, осталась довольна.

Вообще для собак запах — это основа жизни. Он предсказывает погоду, приносит известия, даже показывает... время. Оказывается, ни одна собака не ошибется во времени суток! Нет, конечно, они не знают его в том значении, как понимают его люди, но приближение рассвета, когда меняется направление ветра и волна свежести прижимается к земле, чувствуют точнее курантов. В это время глубокий сон сменяется чуткой нервной дремотой, хотя со стороны кажется, что собака крепко спит, укутав нос в теплую шубу. Внутренний механизм в совокупности с острым нюхом точно подсказывает, когда открылись мясные лавки, пришли на работу повара чебуречных и общепитов, и где можно без опаски пожить несвежим пирожком.

В веренице прохожих каждая собака без труда «унюхает» того, кто непременно угостит чем-нибудь человеческим. Для бездомной собаки этот жест милосердия несоизмерим ни с одним куском парной свинины, сляпанной у зазевавшегося продавца, потому что каждая из них в глубине души, прикрываясь ненавистью и презрением к человеку, все равно ждет... Чего? Каждая своего... Знака внимания, взгляда, легкого прикосновения, подачки, в которой все это объединено в одно целое... И конечно же, каждый беспризорный пес мечтает обрести свой дом и быть кому-то нужным, потому что они острее людей чувствуют свою отчужденность. Каждый несет в своем сердце клеймо БЕЗ-ДОМНОГО и переживает его по-своему...

Картошка никогда не жила в доме и не имела Хозяина, но и у нее была своя мечта. Когда-то ее еще щенком сбила машина, и от слабости и потери крови она, наверное, умерла бы... Слабому на улице ни за что не выжить, тогда лучше и не родиться... Но Картошке повезло: ее подобрал охранник автостоянки и долго выхаживал. Впервые она узнала ни с чем не сравнимый вкус печеной картошки, за что и получила свою кличку. Картофельное детство закончилось, когда на место охранника пришел новый человек... Но на всю жизнь она запомнила ласку и запах печеной картошки, который навсегда слился с образом Хозяина...

Мне кажется, что я вообще до этого момента не знала жизни, как будто и не жила. Оказывается, главное — это «быть своим» в стае. Тогда

тебе — почет и уважение в соответствии с собачьей иерархией, доля при разделе добычи, сухое место во время ночлега и защита в случае нападения. Почти как у людей. Только честнее и справедливее. Все это ты получаешь не в довесок к своему экстерьеру, породе, силе, а «по понятиям». Но что это такое — человеку не объяснишь, нужно хотя бы день побыть в шкуре бездомной собаки...

Кажется, теперь я понимаю, почему собаки ненавидят кошек, хотя в другой жизни не чаяла в них души... Оказывается, они по-другому пахнут. Как бы сразу сигнализируют: я — чужой! А для пса «чужой» — это враг номер один. Все члены стаи должны одинаково пахнуть, иначе ты — изгой! Это закон, которому подчиняются все без исключения.

В стае нас было девять хвостов, и у каждого своя роль и своя судьба...

Дрыщ, нелепый долговязый кобель, весь в репьях и шрамах, был всегда спокоен и миролюбив. Его мечта и смысл жизни были сосредоточены на одном единственном существе, живущем в соседнем доме напротив. Дело в том, что Дрыщ был влюблен... И каждое утро задолго до Ее появления, притырив лакомый кусочек, терпеливо ждал утреннего моционна. Она выходила, заспанная, с припухшими ото сна раскосыми глазками и вальяжно и гордо проплывала мимо в сопровождении эскорта из хозяйки и прислуги, либо одной хозяйки, либо одной прислуги. Это была роскошная сука породы королевский пудель по кличке Белль. Она осторожно пронесла мимо Дрыща свое выхоленное, надушенное собачьим парфюмом тело, а бедный Дрыщ обливался слезами восторга и умиления, глядя на нее во все глаза. Он нервно теребил куриную косточку или свиновую шкурку и переливчатым поскуливанием обращал на себя внимание. Но Белль капризно-кокетливо тянула поводок и не замечала настырного ухажера. И так дважды в день. Ничто не могло в это время отвлечь его или заставить покинуть пост. Том снисходительно относился к его слабости, поэтому зуботычин от других членов стаи Дрыщ почти не получал, хотя нередко был рассеян, как любой влюбленный.

В тот вечер нам необычайно повезло: Пегий и Мозг в чебуречной раздобыли целый пакет с фаршем и устроили пир. У собак вообще не бывает условностей. Все предельно четко и конкретно. Понятий типа «потом», «где-то», «как-то», «с кем-то» вообще не существует, поэтому мы вмиг смолотили добычу и готовились к новому набегу. Если честно, то для меня, еще не забывшей вкус свиных котлет, эта трапеза была пыткой, лишь притупившей чувство голода. Том знал, что мне просто необходима человеческая еда, но возвращаться к чебуречной было нельзя, несмотря на сытое место, которое Том с таким трудом отбил у Хромого, погибшего под колесами такси в тот злополучный вечер. Я лучше знала повадки людей и понимала, что это может быть опасно. Ведь для человека все собаки «на одно лицо», и люди никогда не будут разбираться, кто украл пакет с фаршем — Пегий, Мозг или Том...

Но Том решил рискнуть, как я ни просила подождать хотя бы до закрытия общепита, потому что тогда можно легко получить кусок черствого чебурека или даже сосиску. Во время «охоты» вся стая рассредоточена по своим наблюдательным постам. Все были на месте, кроме Дрыща.

Том не спеша подошел к киоску, задрал голову, заглянул в окно и униженно «попросил милостыню». Это было невыносимо, потому что у собак благородства больше, чем у людей. Это я теперь точно знаю...

Из киоска показалась сытая физиономия, расплывшаяся в улыбке, которая не сулила ничего хорошего. Том это понял, но убежать не спешил,

в душе надеясь: «А вдруг...» Мне бы закричать тогда, броситься под ноги, даже укусить, но Том взглядом показал, чтобы мы уходили. На «охоте» приказ вожака — закон, и непослушание карается очень сурово... Но я ведь не собака! Почему я об этом забыла? Как я могла? Хотя сделать было уже ничего нельзя, даже у собак все предопределено...

Четверо здоровых мужиков с лопатами окружили Тома. Зажатый в кольцо, он просто стоял и открыто, не таясь, глядел им в глаза. Наверное, что-то все-таки покорило их, задело за живое. Они увидели в глазах Тома то, что сами давно утратили. Грязно выругавшись, крупный мужчина замахнулся на Тома лопатой в надежде, что он испугается и закроет глаза, но Том стоял как вкопанный и взгляда не отвел... И тогда я, не помня себя от отчаяния, кинулась к ним, туда, где стоял Том... Мой крик заполнил все пространство, заглушив даже базарную брань. Я неслась, чтобы закрыть, защитить, спасти...

Я обнимала обмякшее тело Тома и видела, как из него по капле вместе с кровью уходит жизнь, смотрела в его живые глаза и гладила твердые мускулы, худые бока... Я хотела успеть сказать Тому что-то важное, нужное, но слова не шли с языка, судорогой сковало горло. Мне хотелось выговориться, оправдаться перед ним, ведь он почему-то спас меня... Почему? А я не смогла, не сумела... Том осторожно лизнул мою руку... Руку?.. Да, я, кажется, опять обрела человеческий облик. Хотя это слово имело теперь для меня совсем другой смысл. И я, как в агонии, повторяла одно и то же слово: «Почему-у-у-у?»

Том поглядел на меня тускнеющим взглядом, и я скорее поняла, чем услышала ответ:

— Ты просто пахла... Как мой Хозяин...

МИШКА

Был у нас бык. Не теленок, не бычок, а именно бык. Почти тонна живого веса! Громадина! Поначалу мы боялись выводить его на пастбище. А вдруг как вздумает «поиграть», кто его удержит? Разнесет все в пух и прах! Но он оказался на редкость спокойным и покладистым. Дал себя спутать (на всякий пожарный случай мы приняли меры предосторожности) и, очевидно сознавая свою мощь и силу, степенно пошел за мамой на луг. Семена позади для страховки, я слышала, как гудит земля под ногами нашего исполина.

На лугу, сплошь усыпанном золотистыми одуванчиками, над которыми деловито гудели пчелы и порхали пестрые бабочки, он сначала огляделся, словно любясь весенним благоденствием, шумно понюхал воздух, смешно морща курносый нос, и неспеша принялся за трапезу. Пасущаяся поблизости живность пришла в неопишное волнение. Коровы начали реветь, телята нарезали круги в радиусе отпущенной веревки, флегматичные овцы — и те прекратили жевать и тупо уставились на нашего богатыря. И только Мишка миролюбиво пощипывал сочную травку, скромно опустив длинные ресницы долу.

С этих пор мы водили нашего тихоню без опаски, даже не спутывая. Он просто шел вальяжно впереди, а мы за ним следом. Не поспевая, мама кричала ему: «Миш, ну не так быстро! Я за-пыха-лась...» Он останавливался и, опустив голову, терпеливо ждал. На мамины охи-вздохи Мишка мотал головой, смешно морщил нос, выдыхая воздух через ноздри, словно извинялся. Прости, мол, не рассчитал, исправлюсь...

Однажды в полдень я пришла поить нашего гиганта. «Мишка, попей холодненькой. Жарко!» — я поставила ведро недалеко от него. Но он с упоением «бодал» одинокую яблоню и, казалось, не замечал ничего вокруг. «Наверное, веревку сильно отпустили. Надо подвязать, а то длинная слишком», — подумалось мне при виде такой картины, и я подошла к привязи. Веревки никакой не было... «Так он отвязался!...» — душа ушла в пятки.

— Безобразие! Распустили монстров, каких свет не видывал!

Я прямо обомлела от неожиданности. Подняв глаза, увидела сидящую на яблоне нашу соседку.

— Управы на вас нет! Для каких таких целей быка держите? Чтобы он вместо собаки на людей бросался?

Я повернула голову и увидела, как из нашего колодца показалась голова соседа. А из кустов выглядывала другая голова и тоже источала ругательства.

— Извините, не бойтесь! Он у нас смирный... — оправдывалась я. — Ведь правда, Миш, ты у нас воспитанный и спокойный?

Словно соглашаясь со мной, Мишка закивал кудрявой башкой и показал длинный шершавый язык, норовя лизнуть в доказательство справедливости моих слов.

— Вы ведь не сердитесь? Ну-ка, Мишка, проси прощение, негодник! — я потянула за веревку, а саму колотил озноб. Шутка ли, это ж не кто-нибудь, а самый настоящий племенной бык! Недаром по астрологическому календарю пальма первенства по праву принадлежит ему. Даже Тигр боится и потому не любит Быка, что тот победил его, когда звери мерились силой.

Мишка задрал голову, с силой выдохнул воздух и уморительно сморщил нос, чем привел в неописуемый восторг публику, метавшую грома и молнии минуту назад:

— Вы его что, дрессируете?

— Умный какой, а!

— Надо же! Скотина, а понимает...

К осени он едва помещался в нашем сарае. Нам не удалось пристроить его на ферму в качестве племенного производителя. «Слишком большой... Не прокормим такого...» — ответ был однозначен. Напрасны оказались мои слезы и мамины увещевания о Мишкиной непротивительности. «Как можно отправить такую умницу на мясо?! Это же преступление!» — не унималась я. Но держать его дома не было никакой возможности. Вердикт был вынесен окончательный. Но тут неожиданно встал вопрос с транспортировкой: как перевезти его на другой конец села? Не пешком же!

Обычно это делается так: теленка или корову привязывают к телеге с лошадей и не спеша ведут позади повозки или везут на кузове трактора. Но все шоферы и конюхи, которых мама приглашала пособить нашей беде, бежали как от огня, едва взглянув на такого пассажира: «Да он вдребезги разнесет и трактор, и телегу, и кобылу, и нас впридачу!» Объяснять обратное было бесполезно — не верили ни в какую. Прием скота проходил в три дня, за которые нужно было успеть оформить документы, прибыть к месту назначения, предварительно взвесившись...

Мама, не теряя надежды, предлагала деньги, магарыч, но даже за такое, по тем временам, богатство никто не соглашался нам помочь. Лихие 90-е эхом прокатились по всей стране. Надо было как-то выживать,

выкручиваться... В нашем сельском магазине в то время полки были пустыми, изредка завозили хлеб. Талоны за несколько месяцев лежали неотваренными.

Не дождавшись ниоткуда помощи, мама махнула рукой: «Пошли, Миш, сами... А что делать?» Он поглядел на нее и, словно взвесив свои возможности, согласно закивал головой. Со слезами всей семьей мы провожали нашего атланта за ворота. Как всегда, по привычке, он первым пошел по дороге, а мама следом. Он как будто знал, куда надо идти, лишь изредка останавливаясь, чтобы подождать заливавшуюся слезами маму...

Еще два дня ходила она проводить своего любимца, кормила, приносила лакомство — горбушку с солью... Возвращалась с заплаканными глазами, опустошенная, нервная: «Лучше с голоду умереть, чем так мучиться...» И с тех пор зареклась навечно держать дома какую бы то ни было живность.

МИТЬКА ВАЛЯНАЯ БОРОДА (Незатейливый рассказ со слов деда)

Мой дед по вечерам, когда за окнами лежали сугробы до самого подоконника, после духмяного чая из разнотравья, который бабушка заваривала особым способом, рассказывал невыдуманные истории из жизни — что из детства запомнил, как на охоту ходил — и, конечно же, сказки, которые я слушала, затаив дыхание. Это был особый ритуал. Я запрыгивала к деду на колени, разглядывала его узловатые неразгибавшиеся пальцы на руках, трогала шрамы и тихонечко так канючила:

— Ну расскажи, де-да... Расскажи!

— Да что рассказывать-то? — притворно сердился дед.

— Что-нибудь... Сказку или про охоту-у-у...

— Да я дюже уморился нынче, — кряхтел дед и укладывался на кровать.

— Но язык-то у тебя не уморился! Он же ничего не делал! Пусть рассказывает! — я хитро прищурилась и примазивалась рядом.

Дед откашливался, закрывал глаза и степенно начинал свой рассказ...

Жил когда-то в нашем селе мужик-горшечник по прозвищу Митька Валяная Борода. Бороденка жиденская, лошадь дрянная, телега скрипучая, а у самого — ни кола ни двора. С утра до ночи ездил Митька по селу на захудалой кляче:

— Кому горшки-и-и-и! Кому горшки-и-и-и!

Менял товар на тыкву, картошку, хлеб — а случалось, и на деньги. Тем и кормился.

А под горой пан жил, дюже богатый и потому злой. То урожай у крестьян вытопчет, то оброками задушит. Много натерпелось от него мужики, а на рожон не лезли, мирились, значит, с его прихотями. Нередко и Митька оказывался у пана в немилости. Привезет он товар к пану на двор, а тот начнет цену сбивать — да все горшки и переколотит.

Случилось как-то Митьке в жаркий летний день через речку на другой берег переправляться. А моста тогда еще и в помине не было. Остановил он клячу, дал ей напиток и видит: что за чудо! Бежит ему навстречу... верблюд! Пот с него градом катится, а на горбе баба с малым ребя-

тенком сидит, спит как будто. Упал верблюд перед Митькой на колени и взмолился человеческим голосом:

— Выручи меня, мил человек! Такая оказия со мной приключилась...

Смекнул Митька, что перед ним сам черт, но виду не подал. А случилось вот что...

В воскресный день убралась баба к родне в гости сходить, а они на той стороне жили. Подошла к реке. Дите в руках держит, а в воду ступить боится: вода студеная. Думает в сердцах: «Хоть бы меня черт, что ли, на другой бок перенес!» Откуда ни возьмись — верблюд, здоровый такой, лохматый. Встал перед ней на колени и говорит: «Садись на меня верхом. Я тебя в один мах перенесу!» А баба не робкого десятка была, сообразила, что к чему, уселась между горбами и поехала. Перенес ее черт на ту сторону, а баба притомилась на солнышке и сомлела. Тепло ей, хорошо да мягко! Черт и так, и сяк — ни в какую! Пустился он тогда бежать — по горам и долам, чуть к облакам не поднимается, а баба как сидела, так и сидит, не шелохнется. Он пуще прежнего стал бегать, уже совсем из сил выбился, баба во сне губами перебирает, вроде как шепчет: «Вот бы сюда маманю, папаню, да братку, да сестрицу, да мужика моего...» У черта аж ноги подкосились! «Ее одну еле-еле уже таскаю, а она всю родню свою на мой горб пристроить хочет!» Сорвался с места и опять побежал пуще ветра, да толку никакого. А тут Митька на берегу коня поит. Взмолился черт, стал сулить золотые горы, только бы от ноши такой избавиться... Пожалел Митька черта, что ж, хоть и нечисть, а все одно мучается живая душа — жалко. Говорит ему:

— Садись на колени и глаза зажмуривай, я тебе помогу.

Сделал черт все, как Митька ему велел. А тот взял кнутовище да и вытянул им бабу во всю спину. Она спросонья и не поняла, что случилось. Ойкнула только, схватилась — и деру! Черт не поверил своему счастью... Поклонился Митьке в ноги да и говорит:

— Я от своих слов не отказываюсь. За твою услугу сделаю тебя богатым и славным человеком. Только слушай меня внимательно и запоминай. Под горой пан живет — ты его знаешь. Побегу я сейчас к нему, заберусь на шею и стану душить. А ты поезжай домой и объяви всем, что ты теперь не горшечник, а лекарь. Вызовут тебя к пану, а ты соглашайся. Пошепчи что умеешь — пан и выздоровеет. Только бери за работу мельницу да денег в придачу...

Сказано — сделано! Свалил Митька свои горшки под берег и убрался восвояси. Повязал голову кушаком и объявил себя лекарем. Долго ли, коротко ли, приехали от пана к Митьке люди: «Просим, де, пожаловать к пану. Ему недужится: ни пить, ни есть не может... Помогите. Ты, сказывают, лекарь у нас теперь...»

Митька, недолго думая, собрался, взял мешочек кое с какими травами и поехал. Видит Митька: пану совсем плохо. Глаза под лоб закатил, того и гляди дух выпустит. Митька думает: «Пусть пан дюжей помучается...»

Говорит родне:

— Дайте мне пук овса, макитру с водою, и будем ждать вечера.

А пан уже на последнем издыхании, пена изо рта хлопьями валится. А это черт на нем сидит и ногами на шею давит (кроме Митьки, понятно, его никто больше не видит). Взял тогда Митька макитру, пошел в амбар, насыпал туда песка, под насестом помета куриного собрал, размешал и велел пану испить малость. А остальным окропил пана со всех сторон.

Макает пук овса и на пана воду льет, как поп на водосвятии, а сам при этом с умным видом себе под нос шепчет:

— Пы-пы-пы, пы-пы-пы, пы-пы-пы! Пы-пы-пы!

Покропил так, походил для важности сколько нужно, а у пана тем временем щеки порозовели, взгляд прояснился... Через время глядят — пан в память вошел, языком заворочал. Увидел Митька, что черт отпустил его, и прекратил свое действие. Стал пан спрашивать Митьку о награде, тот, как его черт учил, и выпалил:

— Да мне, ваша панская милость, самую малость надобно. Мельницу вашу, что на реке стоит, да деньжонок... Хочу, ваша панская милость, избу срубить да амбарчик и все, что к подворью прилагается...

Услышал пан такие речи, ногами затопал, чуть не задохнулся от гнева. А черт тут как тут. Прыг ему на шею и ну душить пуще прежнего. Пан уже еле языком ворочает, хрипит, задыхается, а Митька стоит спокойненько и ухом не ведет.

— Все от-да-ам! — хрипит пан. — Только избавь меня от этой напасти-и-и.

— Так и быть, — отвечает Митька, — только если обманешь, больше помощи от меня не жди.

Пошептал опять Митька что там по обряду положено, «излечил» пана и болезнь его и стал ждать награды. Поскрипел пан зубами, а что делать, пришлось все отдать, как договаривались. А черт на ухо шепчет Митьке:

— В соседнем селе тоже пан проживает... Я побегу к нему, а ты не плошай, когда приедут об исцелении просить, бери лошадей, коров, овец и про деньги не забудь...

«Вылечил» Митька и этого пана, и другого, из соседней волости. Получил подарки дорогие, мошну набил, что и сказать нельзя.

— Ну, теперь я тебе не нужен больше. Ты и без меня теперь не пропадешь. Только бери втридорога. Бедняков не пользуй. Деньги в рост давай под большие проценты. Да меня почаще поминай! Так-то!

Сказал это и исчез, будто его никогда и не было.

И пошла с тех пор про Митьку Валяная Борода слава славная. Всяк к нему идет: и старый, и малый. Забогатель Митька, хоромы отстроил, подворье завел. Жену себе хорошую взял. Лечил всех без разбору. Соседям помогал. Кто в долг попросит — не отказывал. Отдадут — хорошо, нет — и не спрашивал.

Церковь хорошую отстроил, богомазов, говорят, из столицы выписал. А для черта эти дела ох как не по нутру пришлись. И решил он тогда наказать Митьку, что тот слова не сдержал и договор их нарушил.

Обратился в старца хромого да немощного и стучится под вечер к Митьке. Тот в горницу проводил гостя, напоил, накормил, постель пуховую постелил. Ест черт угощение, а сам недоволен хозяйской щедростью. Пренебрег Митька его мудростью...

Наутро Митька повозку снарядил добрую, запасов всяких на дорогу положил, меду, воды налил и, как дорогого гостя, в путь отправил.

Через какое-то время черт обернулся старушкой-слепушкой и стучится под окном к Митьке. Тот ее обогрел, глаза промыл, спать уложил. Наутро нажарил-напарил и в дорогу снарядил. Денег дал и повозку в придачу. Заскрипел черт зубами пуще прежнего, аж искры посыпались.

Так и ходил к нему не раз и пастухом, и калекой, и нищим... Всех Митька принимал, никого не обидел. И вот пришел к нему самим собой. Встал у ворот и глядит, что будет. Митька и ему почести оказал. А черт

недоволен. Его, благодетеля, со всеми вместе поравнял! Деньги на бродяг транжирил... Стал черт Митьке пенять, не забыл и про обиду кровную — церковь. И говорит Митьке такие слова:

— Долго я терпел, но больше не буду. Жить тебе осталось до завтрашнего утра. Ночь, так и быть, живи, а наутро — ты мой!

— Хорошо, — отвечает Митька, — будь по-твоему.

А сам лег на лавку и захрапел. А черту не спится. Не терпится ему с Митькой рассчитаться. Еле дождался утра.

— Пойдем, — говорит черт Митьке, — в сад, там и смерть примешь.

— Ладно, — говорит Митька, — только вот найду одну вещицу, не помню, куда она запропастилась.

— Какую вещицу? — любопытствовал черт.

— Да кнут помнишь?

— Как мне его забыть! Помню, конечно... Только зачем он тебе?

— Да, как же, — отвечает Митька, — баба тут та ходит — тебя ищет.

Сейчас вот зайти обещала.

Только черт услышал эти слова, его как ветром сдуло. И больше его у нас на селе не видели.

А Митька еще долго жил, людям помогал, никого не обижал, а когда помер, поставили ему памятник высокий и всяк сожалел потом... Хороший был человек — Митька Валяная Борода.

*МБОУ СОШ №51,
г. Воронеж*

*Авторские
подборки
стихотворений*

НЕОБЪЯТНАЯ ДАЛЬ

Елена Шабанова

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Донская степь то плачет, то поет.
Поникшие головки зверобоя
Качают ветры эры кайнозоя
Средь сонных трав ночами напролет.

Под шелест флейт, связующих миры,
Нежнее взгляд и рук прикосновенья,
Сильней в сто крат земное притяженье,
А над рекой обрывистой яры.

Когда падет туманов пелена,
Мне воздуха не хватит, чтобы вспомнить,
Что в осени просторы монохромны,
Что зелень глаз съедает рыжина.

ХОХЛОМА

Ноябрьский снег прилип
к горбатым крышам.
Пенять на деревенский неустрой
не стоило... Травкою темно-рыжей,
смеющейся кленовою листвою
отгорожусь. Опять теряю речь я.
Зачем слова, меняющие смысл?
В моих глазах вся глупость человечья
застыла в ожидании зимы.

Опять учусь безмолвию у ветра,
у девочки чернобыльской из снов.
К отметке нулевого километра
по кромке равнодушных облаков
я не стремлюсь. Мы вместе были — были
в кайме нижегородской хохломы
искрой рябинной, золотистой пылью
и птицей, не дожившей до зимы.

МАМКИНО ПЛАТЬЕ

Из старенького платяца в горошек
Смешного человечка сошью
И усажу дружочка между кошек
На маленькую детскую скамью.
Лишь кукла ватная хозяйку понимает:
«Все хорошо...» — головкою кивает.

Скрипит надрывно позвоночек шейный —
Зрит человечек маленький за мной.
На ужин приглашу его семейный.
На пятницу — ближайший выходной.
Тряпичной куколке уже почти три года.
Все хорошо. Прекрасная погода.

Все хорошо. Никто у нас не умер.
Торгуют вдоль дорог медовой дыней.
Прерывисто жужжит пчелиный зуммер.
Все хорошо. Вовеки и отныне.
Страх вымирания не равен страху смерти —
Род человеческий продолжают дети.

Но, иногда, мне кажется, что птицы
Разносят по полям сухой горох.
И всходят человеческие лица,
И слышится сквозь время мамин вздох:
«Что вашим деточкам достанется в итоге?
Любите же друг друга хоть немного...»

Осознаю, впустую время трачу,
Что падают слова в безумный мир.
Их все равно порвут, переиначат.
Во времена чумы снесут на пир.
А что стихи мои? Стихи не виноваты.
На вкус они немного горьковаты.

*Нижнедевицкий
Дом пионеров и школьников*

Алексей Шевченко

* * *

Я создал мир — в нем маленькая школа,
и бабье лето, и звенит звонок.
Летает паутинка по приколу
над местом, где стоит спортгородок.

...Беги, мой друг, по парку на урок!

Пусть вызывают маму или папу
к директору — какие пустяки, —
ты всем прочтешь «Дай, Джим, на счастье лапу...»,
в волненье легком стоя у доски.

Да так, что та не сможет скрыть тоски.

Беги туда, где длится шум веселый,
пока его учитель не прервет.
За то и любишь, и не любишь школу,
что в ней бывает все наоборот.

Ты в сентябре встречаешь новый год.

Я создал мир и сам его разрушил:
класс опустел давно, скропился мел.
Звенит звонок, но с каждым мигом глуше —
ты ничего запомнить не успел.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Объяснительная

Я доложу вам лишь одно:
я вел урок — вторая смена, —
прошла спокойно перемена,
и было за окном темно.

Я объяснял пример для всех,
как он решаться должен, но
тут кто-то бросил взгляд в окно
и радостно воскликнул — снег!

Летели хлопья над дворами
и пропадали во дворах,
пример решался впопыхах,
и я не знал, что будет с нами.

Забыв как будто про урок,
на снег смотрели без затей —
и невнимательных детей
я упрекнуть ни в чем не мог.

КОННЫЙ ЛУЖОК

Мечтать и смотреть интересно,
как редкий январский снежок
летит на любимую местность
с названием «конный лужок».

Хребта мелового громада,
речушка под этим хребтом —
и большего просто не надо,
чтоб не сожалеть о другом.

По этой грунтовой дороге,
вдоль этих больших тополей
гулял я охотно и много —
все в памяти детской моей.

Снежок на ладони искрится,
а в сердце — и радость, и пыл.
Я с девушкой здесь проходил,
которая все еще снится.

РОССОШЬ

Поезд идет в направлении станции Россосшь.
С севера? С юга? Откуда? С какой стороны?
Я не отвечаю, а ты никогда и не спросишь.
Высчитай путь, если скорость и время даны.

Время проносится, скорость бывает различна,
путь — он, как правило, долог, и то не всегда.
Вот из Воронежа в Россосшь идет электричка,
с севера, с юга идут и идут поезда.

Значит, в окошке — хребта мелового полоска;
значит, вдоль речек — ракиты, в полях — чернозем;
значит, опять перед смертью красиво, неброско
тихое солнце закатится за оком.

Я не отвечаю, а ты никогда и не спросишь.
Пусть вдалеке, словно в тире, стоят тополя.
Я не отвечаю... Сойдем перед станцией Россосшь —
в тихом поселке, где плещется память моя.

* * *

О бедном, бесценном, чудном и родном,
о тихом и скромном о месте одном
хотелось бы в красках, но все ж без прикрас,
составить в стихах живописный рассказ.

Здесь взгляду в картине предстанет простор,
где между холмами — монетки озер,
и, как поезда по железным путям,
посадки бегут по покатым полям.

Здесь дуб у дороги могучий стоит,
и хищная птица на дубе сидит,
и если узрит она (значит, судьба) —
за жертвой слетит в золотые хлеба.

Здесь я родился и вырос большой
и к людям любимым приклеен душой,
как мокрый листочек к другому листку,
что сорваны ветром на кратком веку.

И если на сор вдруг посмотришь в упор,
то впору воскликнуть как в книгах — все вздор! —
и, взгляд заводя за пустую деталь,
увидеть опять необъятную даль.

г. Россошь

Татьяна Шевченко

* * *

Скажи мне, Господи,
Как мужа ждать с войны
И днем вчерашним
Душу не тревожить?
Как друг без друга
Нам прожить одним,
ведь на двоих у нас
одна лишь кожа.
Стою под криками
железных грозных птиц,
Летящих прочь на запад,
все на запад.
Прикрыть глаза
недостает ресниц.
И не хватает слез,
чтоб всех оплакать.

Скажи мне, Господи,
как брата ждать с войны?
Смотри, он за руку
привел меня из детства.
И там, в снегу, на горке —
это мы.
А это варежки его,
Чтоб мне согреться.
Он стал большим.
Он в армии служил.
Продолжил путь отца.
Теперь вот — деда.
Так сделай, Господи,
чтоб он подольше жил,
Еще лет 50 после победы.

Скажи мне, Господи,
Как сына ждать с войны?
И как молиться,
чтоб остался жив он?
Я — мать,
и я молюсь за вас, сыны.
В билет военный
сердце положила.

Молю тебя, о Господи,
Спаси
для этой жизни
ныне всех живущих.
И пули, Господи,
все мимо пронеси
от сыновей,
на бой сейчас идущих.

Ты видишь, Господи,
Я сердце отдала.
Ты знаешь,
Я свою сорвала кожу.
Все это невысокая цена
За жизнь детей.
И пусть им бог поможет!

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

«Привет» сменился — «Мира вам, ребята».
«Пока» сменилось — «Будем завтра жить».
Не в память возвращаются солдаты —
Идут, как деды, Родине служить.
Мы поколение, выросшее в мире.
Не строили, привыкшие ломать.

Убийц детей не «замочив» в сортире,
Мы мира детям не сумели дать.
И вот она — не плата, а расплата:
Развал страны, грабеж, дележ, дележ...
Тимуровцы былых 80-х,
Взрастивших золотую молодежь,
Не понявших: под вывеской «свобода»
Таился беспринципный беспредел.
Он деньги все оттяпал у народа,
Но совесть отобрать он не сумел.
Заблудшие уже открыли очи.
Услышь их, явный и неявный враг!
Вдруг кто из них опять дойти захочет
К солдату с девочкой немецкой на руках?
О, не считите, это не угрозы.
Но не на ветер брошены слова:
«Да здравствуют крещенские морозы!
Готовьте воду.
Свечки.
И дрова».

* * *

Жизнь коротка, и бег ее стремителен.
И нам не усмирить его, пока
Спешим навстречу своему Учителю,
К которому приходят без звонка.
Чем оправдаться нам за опозданье?
Работа? Долг? Заботы? Седина?
Придумать можно разные названья,
А на поверку выйдет — пыль одна.
С какой сумою постучишься в двери?
Что за постой ты сможешь предложить?
Что до последних бед в Него не верил?
Что думал, можешь без Него прожить?
Какой же ты приют душе готовил?
Ей, сирой и убогой, может быть?
Спасибо, Господи, что на Земле позволил
Жить и страдать, работать и любить.
Я постараюсь жизнь прожить негромко,
Исполнить, что начертано, вдвойне,
Чтоб на земле оставшимся потомкам
Не стыдно было помнить обо мне.

*Покровская СОШ
Павловского района*

Вера Сусоева

ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО

Рассказ

“Алексей!
Я постараюсь быть краткой. Нам с тобой не по пути. Не для меня семейная жизнь с постоянной рутинной: готовка, уборка, пеленки... Я нашла свою настоящую любовь и ухажу к нему. Ребенка оставляю тебе, знаю, что ты будешь лучшим отцом, чем я матерью. Мы уезжаем за границу. Не ищи, не мешай, я больше никогда не вернусь. У тебя все будет хорошо.

Прощай. Марина».

Леша стоял посреди комнаты, держа обрывок листка в напряженной руке. Всего несколько минут назад его жизнь была совсем другой. Он торопился с работы, спеша увидеть жену. Быстрее лифта взбежал по лестнице на 4-й этаж до двери своей новой квартиры. Зная, что двухнедельный первенец Алешенька спит, осторожно открыл дверь ключом и, на цыпочках пробираясь на кухню, взволнованно прятал за спиной красивый букет роз для ненаглядной Маришки...

«Наверное, в магазин побежала, пока малыш спит... — подумал он, не найдя ее в квартире. — Ну, это даже лучше. Сейчас по-быстренькому сооружу столик с чаем и цветами, как раз к ее приходу все будет готово». С этими мыслями Алексей подошел к столу и хотел было смять и выбросить лежащий на нем листок, как рука вдруг дрогнула, а взгляд остановился на знакомом почерке Марины.

«Что это? Шутка?! Розыгрыш?»

— Мари-и-иш! — позвал он жену. — Ну хватит, зай, этим не шутят.

В этот момент из спальни стало раздаваться слабое покряхтывание малыша.

— Зай, Ленчик проснулся! — еще громче позвал Алексей, отмеряя быстрыми широкими шагами расстояние от кухни до зала.

В спальне уже надрывно плакал сынишка.

— Марина! Марина! — не просто кричал, а бешено орал Леша на всю квартиру. Метнувшись в спальню, он схватил покрасневшего от плача малыша, прижал к груди и снова кричал — уже не на всю квартиру, а на весь белый свет.

На улице быстро стемнело. Алексей продолжал сидеть на полу посреди неосвещенной комнаты. Бесцельно глядя в пустоту, он медленно раскачивался из стороны в сторону, крепко прижимая малыша к своей груди.

— Эй, новоселы! — вдруг раздался из прихожей зычный Серегин бас. — Чего двери не закрываете? Кума ждете? Кум пришел. Че, не вовремя пришел?.. — Стараясь говорить все тише и тише, Серега пробирался по темным комнатам. — Ладно, подожду вас у крестника, позанимаюсь пока с ним.

Почти шепотом закончил он эту фразу и, щелкнув выключателем, выругался от неожиданности:

— Твою мать, Леха!

В одно мгновение он подскочил к нему, хотел было поднять его с пола и взять Алешеньку, как Алексей вдруг резко повернул к нему голову и, еще сильнее прижав малыша к груди, дико закричал:

— Не отдам! Никому не отдам!

— Тихо, Лех, тихо, спокойно... — вытянув вперед руки, отступал от него Сергей. — Ты че, кум? Это ж я! Ты Алешеньку-то отпусти, задавишь дитя.

Алексей вздрогнул и, словно очнувшись, разжал объятия, в которых еле слышно пищал сын.

— Вот. Так-то лучше. Давай, вставай потихоньку, малец-то есть просит. Пошли на кухню, смесь искать надо.

Сергей аккуратно взял крестника на руки и, чуть подтолкнув Алексея, помог ему подняться с пола.

— Лех, поговорим?

Алексей молча кивнул в знак согласия. Еле передвигая ноги по паркету, он первый вошел на кухню и плюхнулся на стоявший у окна стул.

— Дай закурить, Сереж... — слабым голосом произнес он.

Зная, что друг давно бросил курить, Сергей все же протянул ему сигарету.

— Где Марина, Алеш?

От этих слов Алексей почему-то резко сжался, словно от сильного удара, и, подняв перекошенное болью лицо, протянул ему сжатый в кулаке листок.

— Так... — сказал Сергей, дочитав послание Марины. — Ладно. С бедой мы с этой справимся — и крестника настоящим мужиком воспитаем, только одно скажу: не верю я этой бумажке.

— Что? — взорвался Алексей. — Не веришь? Я, может, тоже не верю, не хочу верить. Я ж любил ее, и она меня любила, знаю! Вон и сына назвала моим именем. Почему сейчас все так? Как она смогла так, Серый, как?! — И взрослый, здоровенный мужик Леха, по-детски уткнувшись в плечо друга, зарыдал.

В этот вечер Сергей ночевал у друга. Накормив и уложив маленького Алешку, кумовья «раздавили» бутылку горькой.

— Ты, Алексей, вот что, квартиру эту на съем отдай, нечего тебе одному волком выть в этих четырех комнатах, а сам пока у меня поживешь. Нам с мамой Галей в нашей трешке хоть в салки играй. Веселей станет, да и за Алешкой она, поди, лучше нас приглядывать будет, а мы с тобой работать начнем за троих. Ну, как мысль?

— Даже и не знаю, что сказать...

— Ну а раз не знаешь, завтра возьмем на заводе день за свой счет и переберемся. Не дрейфь, все будет хорошо!

— Спасибо, друг. Сереж, а как ты будешь со своей личной жизнью — ну там, девушки...

— Кум, какие девушки?! Сам знаешь, после гибели моей Надюшки я словно сам умер, и нет больше на свете той женщины, что воскресила бы меня...

...Прошло шесть лет. Сергей с Алексеем, как и было запланировано в тот вечер, работали не покладая рук в двух местах.

Алешеньке подоспело время идти в школу.

— Так, Леш Лешич, кончается твоя житуха беззаботная. Вот август пройдет — и в школу, — объявил Алексей, вытирая измазанные щеки сыну.

— Папка, а мы с палатками сходим в лес до школы? Пап, ты обещал...

— Ну раз обещал, сходим. Вот подгадаем с твоим крестным один выходной — и сходим.

— Ура! Бабуля, давай провизию готовить, мы с папкой и крестным послезавтра в лес поедем! Ура! — кричал Алешенька, несясь вприпрыжку на кухню к бабе Гале.

Созвонившись со своим начальством и с кумом Серегой, Алексей за несколько минут решил все вопросы и, войдя на кухню, торжественно сказал:

— Баба Галя, готовь сухой паек на неделю, начальство дает добро, мужики твои в полном составе убывают за тридцать земель покорять таежные леса.

— Очумели, что ли?! — всплеснула руками баба Галя. — Зачем мальчонку-то с собой потащите, ненормальные!

— Не мальчонку, мамуль, а мужчину будущего! — подхватил разговор вошедший Сергей. — Хватит ему у твоей юбки просиживать, да и мы со своей работой света белого не видим. Решено. Едем.

Сборы прошли быстро. Погрузив в машину все необходимое, веселая компания двинулась в путь. Всю дорогу «мужики», как звала их баба Галя, планировали свой недельный отдых, но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает.

По приезду к Дмитрию, их знакомому егерю, Сергей с Алексеем уложили спать разморенного за дорогу Алешеньку, а сами отправились на прогулку.

Когда вернулись, Сергей невольно обратил внимание, что мальчик слишком долго спит.

— Что-то крестник расслабился, будить надо, а то ночью глаз не сомкнет! — сказал он и аккуратно коснулся лба малыша. — Леха, Димка, скорее сюда, у Алешки жар сильный!

— В больницу надо, срочно! — скомандовал Сергей. — Дим, далеко до больницы?

— Какой больницы? Мы в тайге. Больница только в городе. Есть, правда, фельдшерский пункт, и тот километров за семьдесят отсюда. Да и нет там сейчас никого, выходные ведь.

— Поехали туда быстро, всех фельдшеров на ноги поставим! Укол Алешке срочно нужен, по-другому жар не сбить.

— Нет, не поедем... — вздохнул егерь. — Без нужды. Тут километров за пять от нас бабуля одна живет, знахарка, травами всякими лечит здорово! До нее быстрее доберемся.

— Какая знахарка? Какие травы? Ему укол нужен, он без сознания, не видишь, что ли! — закричал Леха, вцепившись в Димкин рукав.

— Лех, он прав, — вмешался Сергей, — до города можем не успеть.

— Что значит — не успеть? — начал было Алексей.

Друг осторожно положил ему руку на плечо и, глядя в глаза, тихо сказал:

— Заворачивай сына в одеяло, поехали к этой бабуле.

За несколько минут были на месте.

— Красиво тут у нее. Чистота. Цветы кругом. Сад ухоженный... — осторожно заметил Сергей.

У крылечка уже громко крикнул:

— Хозяева! Есть кто дома?!

— Чего кричишь? В лесу, что ли? — раздался у них за спиной приятный шуточный женский голос.

Мужчины, одновременно вздрогнув, как по команде обернулись.

— Пошли, посмотри твоего сынишку, а вы вон там в беседочке пока присядьте, гости дорогие, нечего всем в доме толпиться, — распорядилась хозяйка.

— З-з-здрасьте, бабуля! — только и смог от изумления и испуга выдать из себя Серега.

Позади него, освещенная лучами заходящего солнца, слабо пробивающегося через густые еловые ветки, стояла обворожительная рыжеволосая женщина. Аккуратно уложенная вокруг ее головы, чуть ли не медного цвета, густящая коса отсвечивала, образуя прозрачный нимб, словно бы это стоял ангел, а длинная челка, дерзко спадая до округлых сочных щек, кокетливо прикрывала черные брови и делала совсем неотразимыми ее зеленые глаза, добавляя в них озорные огоньки.

— Насчет «бабули» мы потом поговорим, а сейчас отдохните с дороги...

Женщина осторожно подтолкнула Сергея, указав в сторону беседки, а Алексея с сыном повела в дом. Войдя в первую комнату, женщина попросила Алексея положить мальчонку на диван, а самому посидеть в сторонке. Она быстро раздела маленького пациента, принесла какие-то пузырьки, баночки, натерла его, что-то нашептала на ушко, приподняв мальчику голову, дала выпить несколько глотков какого-то снадобья.

Через несколько минут Алешка открыл глаза и попытался привстать.

Алексей чуть ли не подскочил на месте:

— Женщина, он очнулся!

Он было шагнул к сыну, но хозяйка одним жестом руки как приковала его к месту.

— Во-первых, я просила не мешать мне! А во-вторых, у меня имя есть. Яна, — отчетливо проговорила она. — Ты не бойся, помогу я твоему сыну. Застудили вы его сильно, ну это ничего, не таких на ноги ставила.

— Лежи, Алешенька, поспи немножко, а папка тут рядом будет... — погладила она по голове мальчику. — Скоро все пройдет, и все у тебя будет хорошо.

— Яна, — вдруг спохватился Алексей, — а вы откуда знаете, что это мой сын и что его Алешей зовут?

— Тише... — сдержанно вздохнула она. — Мальчику нужно уснуть. Потом все вопросы. Я много чего знаю, только объяснить не могу.

«Точно — ведьма, а такая приятная, добром от нее веет, — подумал Алексей. — Ну и ладно, главное — сыну помогла бы».

— Ну я же сказала — помогу, — незаметно подойдя к Алексею, спокойно прошептала Яна прямо ему на ухо. — Пойдем, пусть спит.

Оторопел от неожиданности, Алексей послушно вышел за хозяйкой. — Не бойтесь ничего. С мальчиком действительно все будет в порядке. Вам нужно его оставить здесь, — резко обернувшись на месте, она своими зелеными глазами, казалось, взглянула Алексею прямо в душу. — Верь мне. А вам нужно уезжать скоро. Ливень начнется, не проедете по- том долго — дороги здесь глинистые.

Алексей взглянул на небо — ни облачка, и воздух был сухим и горя- чим, а Яна продолжала:

— Приедете через два дня, когда дороги просохнут. Готовься ко все- му хорошему. Хорошее тоже нужно уметь принимать правильно.

С этим разговором они дошли до беседки.

— Что ж, гости дорогие, теперь мы можем продолжить наше знаком- ство. С мальчиком все будет нормально, успели вы вовремя. Я чайку при- несу, тут и про бабулю побеседуем, правда? — И она кокетливо подмиг- нула Сергею, который все это время как загипнотизированный ловил взглядом каждое ее движение, а услышав подкол в свой адрес, покраснел, словно спелая вишня.

— Вот тебе и бабуля! — проговорил Сергей, толкнув Димку локтем, как только Яна ушла на веранду.

— Да ведь все про бабулю говорили, вот и я сказал. А может, только говорили, а видеть-то ее никто не видел. Наверное, — начал виновато оп- равдываться егерь.

Тут в дверном проеме веранды с подносом в руках появилась Яна, и друзья замолчали.

— А про бабулю правду люди говорят, — начала Яна, еще идя по до- рожке. — Ведь не зря же ведьмы кому старухами являются, а кому — кра- савицами. — И снова бросила лукавый взгляд на Сергея, но тут же, гром- ко рассмеявшись, весело продолжила, расставляя угощения на столи- ке. — Да шучу я, мальчики, шучу. С мамой я тут старенькой живу. Она в свое время много болезней перенесла, и по больницам я ее возила, и в городе у себя оставляла, я ведь и сама медик, а она все твердила: «Матуш- ка-природа меня на ноги поставит». Так уехала в ваши края, а мне и са- мой чуть позже пришлось сюда перебраться. А ведь травки-то всякие и вправду маму мою на ноги поставили. Да и я сама с каждым разом убеж- далась, что нет ничего сильнее природы и Господа Бога. Теперь вот сама людям помогаю. А то, что дар какой есть у меня, так это и вправду семей- ное — и тоже только волею Господа нашему роду дается. Хороших людей я чувствую, хотя помогаю всем, кто придет, с какими бы мыслями ни шел человек; и проблемы с болезнями тоже чувствую, и чем помочь знаю. Так разве ж это плохо?! Единственное плохо, что продолжения нашего рода нет. Я у мамы одна, а мне не дано деток иметь. Так вот. Другим помогаю, а себе помочь не смогла, или просто Бог не давал. — Она вдруг замолчала и грустно отвела взгляд в сторону, но тут же, тряхнув головой, словно отбрасывая ненужные мысли, снова заговорщически улыбнулась: — Ведь у нас, у ведьм-то, дети только от большой любви рождаются.

— Это, наверное, не только ведьм касается... — вдруг с болью в голо- се произнес Сергей.

— На все воля Божья, — взглянув ему в глаза, ответила Яна. — Да что-то мы тут атмосферу печали нагоняем, давайте чай пить!

Мужчины оживились. Стали наперебой рассказывать веселые исто- рии, нахваливать хозяйку за чай и выпечку.

Допив очередную чашечку, Яна взглянула на небо и поежилась:

— Пора вам, ребята: скоро ливень опустится, да и мне уже отдыхать надо. У нас еще будет время поболтать.

— Да и у нас с Серегой впереди выходные на целую неделю, еще надоедим, — пошутил Алексей.

— Хорошие люди никогда не надоедят, — отозвалась Яна. — Завтра мама с Аришкой вернутся, травы они собирают, еще веселее будет. Мама у меня — компанейская старушонка, да и Аришке на пользу будет общение с мужчинами.

— Аришка — это кто? — плюбопытствовал Алексей. — Родственница?

— Уже можно сказать, да. Это долгая история. Позже об этом поговорим, а сейчас — счастливого пути.

Друзья поблагодарили хозяйку и, полные новых эмоций, отправились к себе в хижину. Весь следующий день лил проливной дождь. И начался он, как и сказала Яна, поздней ночью.

Только спустя трое суток дорога подсохла, и мужчины собрались в путь.

Немного забуксовав на мокрой дороге, Алексей припарковал машину возле уже знакомого дома. Не успев заглушить мотор, увидел, как по вымощенной камнями дорожке от дома к калитке бежит его Алешенька.

— Сынок! — выпрыгнув из машины, Алексей раскинул руки и подхватил, закружил сына. — С тобой все в порядке?

— Да, все хорошо! Мы теперь можем идти с палатками — и маму с собой возьмем!

После этих слов Алексей резко остановился и, опустив сына на землю, медленно присел рядом с ним.

— Алешенька, нашей мамы больше нет, я же тебе говорил, сынок.

— Есть, ты обманываешь... Она приходила ко мне вчера ночью! — И мальчик, расплакавшись, побежал в дом.

Сергей осторожно положил руку на плечо друга.

— Привиделось ему что-то в бреду. Ты не ругай его, он теперь в любой женщине будет маму видеть.

— Да все я понимаю, Серег.

И они вошли в дом. Прямо у порога их встретила пожилая, опрятно одетая женщина.

— Вот и гости, дождались вас на силу... Алешенька все уши прожужжал про папку. Меня баба Аня зовут.

Она быстро накрыла на стол в светлой гостиной.

— Пойду вареньица достану, а вы подождите малость. А ты, худощавенький, — обратилась она к топчущемуся у порога громадине Сереге, — может, поможешь крышечку погреба открыть?!

— Помогу... — несколько обиженно промычал Сергей и пошел за хозяйкой.

Алексей громко позвал сына:

— Ленчик, ну хватит дуться, иди сюда, я по тебе очень соскучился! — Не услышав ответа, он шагнул вперед к приоткрытой двери параллельной комнаты. И просто остолбенел. Вся комната была увешана, уставлена игрушками. Большие и маленькие, мягкие и заводные — чего тут только не было. А вот мебель в комнате была нехитрая: небольшой письменный стол с компьютером, кресло-кровать, аккуратно убранное, шифоньер и огромный книжный шкаф, в котором несколько полок занимали детские книги и журналы.

Он присел на кресло. Рядом с ним на низенькой тумбочке лежала большая тетрадь, больше похожая на книгу, с крупной надписью на обложке «Мой дневник». Алексей не сумел преодолеть любопытств и открыл первую страницу...

«1996 год. Мой новый день рождения я буду отмечать сегодня, 20-го сентября. Еще вчера в это время я стояла на краю крутого обрыва и держала в руке выписку из своей медицинской карты со страшным диагнозом “опухоль головного мозга” — это рак. Понимая, что моя жизнь и так закончена, я оставила дома записку любимому, а сама, уехав за сотни километров, сделала последний шаг вперед в глубокую холодную воду...»

Алексей медленно поднял голову, когда за его спиной зазвучал голос Яны:

— А дальше были трудные дни и ночи борьбы врачей за мою жизнь... Желание умереть сменялось острым желанием жить, и наоборот. И для того, чтобы окончательно выбрать жизнь, ушли годы. Но с помощью Господа Бога и природы-матушки болезнь и самоубийственные мысли отступили.

— Ты сильная женщина, Яна... — срывающимся голосом сказал Алексей. — А, извини, почему игрушки здесь в таком множестве?

Яна улыбнулась и, пройдя вперед, подошла к окну.

— Ну, сначала первая часть вопроса. Эта женщина действительно сильная, но это не я. А игрушки...

— Пап... — Алексей обернулся на голос сына. И его взгляд встретился со взглядом женщины, которую держал за руку сын.

Это была его Марина.

— Господи, как же это?..

— Пап, это мама, смотри, сколько она мне игрушек купила, пока ждала нас! — радостно защебетал сын, а Алексей, оцепенев, смотрел на жену.

— Здравствуй, любимый... — тихо сказала она и, крепко прижавшись к нему, разрыдалась.

Во время разговора за волшебным чаем бабы Ани, Марина рассказала, как сразу после родов узнала о своей тяжелой неизлечимой болезни; как не хотела умирать на глазах у своего любимого мужа и сына; как сама вынесла себе приговор... Но когда Яна с бабой Аней вытащили ее из холодной сентябрьской воды, они долго и терпеливо возвращали ее к жизни.

— Прости меня, Алеша, и ты, сынок, прости, за все простите... — прошептала она. И, уронив голову, обняла обоих...

И тут Серега вдруг встал и, сделав шаг в сторону Яны, громко объявил:

— Я без тебя, волшебница, никуда не поеду. Полюбил я тебя. Выходи за меня замуж!

В комнате воцарилась тишина.

— А вот и выйду... — также неожиданно ответила Яна.

И осталась баба Аня одна в своем доме...

Правда, через год Серега и Яна вернулись к ней навсегда с очаровательной крохой Олесей. Как известно людям знающим, дети у ведьм только от большой любви рождаются!

*МКОУ «Ростошинская СОШ»,
Эртильский район*

*Общая
тетрадь*

ЧТОБЫ ПЕСНИ ВНОВЬ РУССКИЕ ПЕЛИ

Людмила Аверьянова

ЖИЗНЬ НАС ТАК ЛЮБИЛА...

Все чаще наплывает:
«А помнишь, раньше было:
Мы жили как в тумане,
А жизнь нас так любила!»

Любила... За ошибки,
За глупые паденья,
За невпопад улыбки.
За не всерьез сомненья,

За сумасбродство мысли,
За неуместность слова,
За вечный поиск смысла
(Понять еще б, какого).

За то, что очевидность
Увидеть не пытались.
За то, что компромисса
Мы как огня боялись.

Любила, баловала,
И шанс — всегда на блюдце...
А нам все было мало
Любви, страданий, грусти.

Вернуть бы все сначала,
Что не было и было:
Исправиться, исправить...
Но жизнь вдруг заспешила.

ЖУРАВЛЬ И СИНИЦА

Мне часто сон под утро снится,
Как говорит неясно кто:
— Бери, ручная ведь синица,
Журавль в сравненье с ней — ничто...
И в дымке утренней вдруг тает
Его нечеткий силуэт.
Я ничего не понимаю —
Здесь кто-то был, а может — нет.
Но... в клетке золотой синица
сидит, и жалок ее вид:
Из тусклых глаз печаль струится.
А за окном журавль летит.
Крылами небо обнимает,
Он счастлив, воли суть познав...
И вдруг синица оживает.
Ручная? Кто это сказал?
И грудью за свою свободу —
о прутья клетки: больно, в кровь!
Глаза горят призывно, гордо!
В них вольный плещется огонь!..
И я пустил ее на волю,
И унеслась она в зарю.
И я готов с любым поспорить —
Она умчалась к журавлю!

*Шанинская СОШ
Таловского района*

Юлия Агеева

* * *

В русских ремеслах, как в зеркало глядя,
Увидишь свой край в особом наряде.
Жизненный круг идет своим ходом
В руках мастеров и в силе природы.

ОСЕНЬ

Посмотрите, у меня
Краски есть и кисти,
Перекрашиваю я
Во дворе все листья.

Посмотрите, у меня —
Урожай в лукошке,
Угощаю щедро я,
Подставляй ладошки!

Посмотрите, у меня
Дудочка прощания,
Песней в теплые края
Стаи провожаю.

*Детский сад № 15,
Острогожский район*

Анна Болтенкова

БАЛЛАДА

Сын матери говорил,
Что скоро домой вернется.
За Родину воевать,
За мирное наше солнце,
За то, чтоб встречать рассвет
За речкою перед спуском
И петь песни прошлых лет
Голосом русским —

Пришла пора за правду встать, историю напомнить чуть-чуть...
За Родину, за отчий дом, за каждого, кого не вернуть...

Ответила тихо мать:
«Пусть каждая да дождется
Ушедших да воевать
За мирное наше солнце,
За то, чтоб не знали слез,
За то, чтоб верить умели,
За то, чтобы песни вновь
Русские пели.

Пришла пора за правду встать, историю напомнить чуть-чуть...
За Родину, за отчий дом, за каждого, кого не вернуть...»

СЧАСТЬЕ

Что такое счастье?
Сразу не ответить.
Точно тот лишь счастлив,
У кого есть дети.
Пусть не будет славы,
Много денег, власти.
Я считаю правым
В детях мерить счастье!

*Рождественско-Хавская СОШ
Новоусманского района*

Елена Воронова

НА УРОКЕ РИСОВАНИЯ

На черном фоне яркие цветы,
Что к солнцу тянут зелени листы.
Ромашки, маки, розы расцветают:
Их юные художники сажают.
Наморщен лоб, и замерла рука:
Художник думает о композиции листа.
Вот здесь — овал, а тут — прямоугольник,
Рисует сказочный поднос сегодня школьник.
И пусть еще не совершенен натюрморт,
Но настроенье он передает.
Когда в рисунок вложена душа,
Картинка будет очень хороша.

Грибановская СОШ №3

Ирина Гаврилова

* * *

По темным улицам пустым
Всю ночь метелица кружила.
Из труб печных идущий дым
С собой куда-то уносила.
Ей в этом ветер помогал.
Он дул неистово и выл.
К домам сугробы подвигал —
И за домами затихал,
Как будто выбившись из сил.

И снова летняя гроза —
Да на исходе сентября!
Она, как поздняя любовь,
Волнует сердце только зря.

А листья желтые летят,
Их гонит ветер по земле.
Они мне тоже говорят,
Что быть зиме — да, быть зиме!

Она, холодная, придет,
Покроет землю сединой,
Но твердо верю я всегда,
Что это все — перед весной!

*Отдел по образованию
и молодежной политике
администрации Поворинского района*

Ирина Гагаринова

* * *

Дожди размыли белый снег
И в травах утопили ропот.
Вода накрыла берег рек,
Над той водой — туман и шепот...
Туман — какой-то неземной:
Слезой стекает он по лицам.
И нравится не мне одной —
Веселой, вымокшей синице...
То вспыхнет грудкой, то вспорхнет,
А то — усядется напротив...
И взглядом сказочным зовет
В полет туманный. Я — не против...

* * *

Лежать в траве густой и сочной,
Вдыхать зеленый аромат...
И не судить, и быть неточной —
Да падать в розовый закат.
Лежать в траве под куполами
Небес. Божественной струной
Соединяться с праотцами,
Дыша поэзией одной.
Проникновенно и глубоко
Петь в голос с птицей, не таясь,
Сливаясь с песней одинокой.
И плакать, Господу молясь...
Такой порыв как дуновенье
Накроет вдруг тугой волной —
И Вечность, сбитая в мгновенье,
Разверзнется перед тобой...

* * *

Февраль! И озеро Кривое!
Метель — что шаль, ни дать ни взять...
Гладь — словно зеркало кривое:
Не рассмотреть, не разгадать.
Ничто не думает о лете:
Ни ель, ни серебристый лед.
Все, как наказано в Завете,
Лишь днем сегодняшним живет!
Какая тишь! Небесный рупор
Молчит тоскою неземной
И онемевших вводит в ступор —
В восторг пред Вечностью седой!

г. Нововоронеж

Анна Гинько

СНЕЖИНКИ

Белые снежинки, крошки-озорницы,
Нос щекочут, метят в рот
И слепят ресницы.
Рукавичку я сняла, чтоб стряхнуть их смело.
А одна за воротник ловко залетела.
Мне ведь зябко, а они продолжают скачки.
Мол, ну как мы? Оцени! Ловкие трюкачки?

МУЧИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС

Воспитатели твердят нам, что цветочки рвать нельзя.
С них пыльцу берут для пищи насекомые всегда.
Я понюхала ромашку — и, как чудо-пылесос,
Всю пыльцу в себя втянула, щекоча упрямый нос.
«Что теперь со мною будет?» — меня мучает вопрос.
«Если кушать шмель захочет, он ко мне ползет в нос?»

Детский сад №6 г. Россошь

Надежда Глущенко

* * *

А дождь нещадно смывает мел
Со школьного двора.
Сегодня первое, апрель.
И скоро детвора

Наполнит дружной стайкой класс,
И все — опять: с утра —
Уроки, перемена; в нас —
Усталость и хандра.

Я, может, не люблю апрель
И в нем не вижу сны,
Но вот уже открыта дверь
В миры иной весны.

ВЕТЕР И ОСЕНЬ

Летает ветер, рад своей работе,
Лишь с виду она кажется простой.
Когда печально мимо вы бредете,
Он занят этой ясной красотой.

Набросив осени-старухе шаль на плечи,
Он с важным видом носится вокруг.
То ворох листьев ссыплет на крылечке,
То ягоды рябины тронет вдруг.

Нанижет осень розовые бусы,
Бутоны роз последних распустив,
А ветер поведет прозрачным усом,
Сорвет листки с ветвей желтевших ив.

Подхватит и закружит в ярком танце,
Устроит рябь на солнечном пруду.
Похвалит осень — он и рад стараться,
Что есть оценка верному труду.

* * *

Белыми хлопьями с неба падает снег.
Светлыми копьями время пронзает восход.
Не остановлен разогнанный кем-то там год,
И продолжается созданный кем-то там век.

Пусть фаталисты знают — все решено,
Пусть реалисты твердят, что мир — это боль.
Снег будет так же сыпать и сыпать в окно,
Напоминая, что главное — это любовь.

В легком круженье снежинок увидим свое:
Кто-то — мечты, кто-то — планы, а кто — печаль.
Лишь бы сменялся декабрь, январь и февраль,
Лишь бы звучали те песни, что вечно поем.

Мы в новогоднюю сказку поверим опять:
Что остается еще нам — смеяться и жить,
Верить в хорошее только, ждать и любить,
Знать, что все будет иначе, парить и мечтать.

*Песковская ООШ
Павловского района*

Дарья Судакова

ЛУЧШИЙ ДРУГ ДЕТСТВА

Рассказы

-Д

авай купим хлеба и тоже покормим птиц, как вчерашний дедуля, которого мы видели на пристани? — предложил я и увидел тень, залегшую под твоими бровями.

— Хорошая идея. Мне нравится. Я, кстати, своего дедушку почти не знала и никогда не общалась с ним наедине, чтоб, понимаешь, взобраться на колени, прислониться виском к жилетке, пропахшей «Беломором», и слушать истории, разглядывая очки на бечевке, в которых от его глаз оставались лишь одни смешные зрачки.

Будто вспомнив о сигаретах, ты вытащила одну, как бы случайно ее выронила и, недолго думая, принялась эту несчастную затаптывать насмерть. Ты перевела дыхание, не дала себе и сигаретам второго шанса и продолжила.

— У нас ведь с ним дни рождения рядом. Совсем близко. Я всегда мысленно поздравляю его. И всегда в этот день мне немного грустно. Пахнет паяльником, газетами и электрически щекочет пальцы, постреливает, будто ведешь ими по выпуклой линзе старого телевизора, который он смотрел. Для меня это он.

Я сначала молчал. Потому что где-то в сердце сдавливало.

— Для меня дед — это клетчатая рубашка, заскорузлая такая. И сушеная рыба, которую он рвал мне на маленькие кусочки, так, посмаковать. Мама ругалась.

— А он когда умер?

— Я еще в школе учился.

— Понятно. Беден наш народ на дедушек.

Я взял тебя за руку. От нее тоже постреливало, щекотало кожу. Я сжал ладонь крепче — прошло. Но чем крепче я держал тебя за руку, тем сильнее сдавливало — сначала сердце, а потом гораздо выше, в горле. Так продолжалось, пока ты не переплела со мной свои пальцы.

— Я уже много лет не обманываю день рождения.

— Что ты имеешь в виду? — голос прозвучал сипло.

— Когда я была ребенком, я часто делала вид, будто мне все равно на день рождения, на Новый год. Чтобы они наступали быстрее. Понимаешь? Когда ждешь, время тянется бесконечно долго.

— Время так не умеет, но понимаю.

— Я больше так не делаю. — Ты поджала губы, несколько раз быстро моргнула и посмотрела наверх, мимо меня. — Я так не хочу, чтобы они наступали. Без утаек не хочу.

Я понимал. Дедушка-то у тебя давно не старел.

Мы были внуками людей, которые юно становились отцами, случались дедушками с еще густыми шевелюрами и несправедливо рано умирали. Я хорошо помнил любимую фотографию моего. На ней был молодой мужчина с чубом и распахнутой гармонью на коленях, а рядом я — на трехколесном велосипеде. Стал постарше — мы с дедом вместе катались. Помню, на летних каникулах мне больше всего нравилось время проводить на даче. На даче хорошо было. Мы до речки ездили рано-рано утром, когда звезды не успевали догореть. В последние годы дед сильно уставал, мы слезали с велосипедов и шли пешком, толкали их рядом.

Я сообразил, что такое любовь взаправду, когда дедушка умер: между ним и бабушкой я ее как будто никогда не замечал и рассуждал следующим образом: они живут друг с другом столько лет, потому что так *принято* — этому люди их поколения отдавали непомерное, на мой взгляд, значение, — потому что перед детьми своими обязаны, потому что удобно вместе, притерлись уже. Да что тут еще скажешь? Но когда деда не стало, бабушка сгорела за неделю — и девяти дней не прошло. С той поры я нет-нет да коротал вечера, думая, сможет ли моя смерть кого-нибудь так же подкосить.

Дачу продали. Я тогда сразу почувствовал, что детство кончилось. И вместе с ним будто перестали зажигаться звезды, умолкли сверчки. Все началось снова лишь тогда, когда я оклемался — не сразу и не весь. Скорбь — дело такое: целиком от нее оправиться иной раз за всю жизнь не выходит. Да надо ли? Для меня это означало бы деда забыть. А я старался помнить все-все.

Например, как однажды мне было лет пять и я остался у них с бабушкой на ночевку. Они всегда спали в разных комнатах, поэтому я из мужской солидарности выбрал комнату деда. Несмотря на летнее время, мы тогда были в их маленькой интересной квартире (представьте, с окном в ванной!), было очень жарко, по-городскому душно, так что все окна были открыты настежь. С этажа, на котором жили бабушка с дедушкой, виднелись только кроны растущих рядом с домом деревьев, густо-зеленого цвета даже в темноте. Мы с дедом лежали на двух половинках разложенного дивана под тонкой простыней — и так заболтались, что не заметили, как весь потолок усеяли полчища комаров. Свет нам пришлось включить, окна закрыть, а кровососов поодиночке отлавливать пылесосом, тяжелым, еще советских времен. Дедушка держал его, а я перебегал то с дивана на ручки кресел, то с ручек кресел — на диван, балансируя на носках, вооруженный шлангом и трубкой. А после окончания боя мы перебрались на крошечную кухню «чем-нибудь похрустеть». Там, вблизи холодильника, сумрой был холодным, приятным. Небо начало проясняться, и звезды угасали. Мы уселись за небольшой стол в белой потрескавшейся краске, вытащили из холодильника, который из своих недр одарил нас ярким желтым светом, банку соленых арбузов и, хихикая, стали есть. Дедушка мне сказал: «Так здорово, что тебе они тоже нравятся. А то я их один люблю». И у него с носа очки соскальзывали, потому что мы оба жутко вспотели, пока возились с комарами. Я болтал ногами

от радости, сидя на табурете. В тот момент казалось, нет ничего важнее того, что теперь нас таких ценителей деликатесов в семье, а для меня — во всем целом мире, стало *двое*...

Вернувшись из воспоминаний, я медленно, взвешивая каждое слово, словно и впрямь катал их по свободной ладони, начал свой рассказ, чтобы передать тебе что-то очень важное.

— Мне вот... — Я улыбнулся, приподнимая брови и заглядывая в твое лицо. — Когда хочется подумать о чем-то теплом... — И приостановился, чтобы отвести глаза: я не рассчитал свои силы и не мог говорить об этом, смотря на тебя... — Всегда на ум приходят бабушка с дедушкой. Бабушка, я уверен, была волшебницей. Всего не упомянуть, конечно, — но как пример. Было дело на даче... — Я смотрел немного поверх твоей головы. — Мы шли к пруду. Я там половину своего детства точно провел, — было невозможно рассказывать об этом без улыбки. — Мы шли и ели овсяное печенье. А все имеет свойство заканчиваться...

Ты сделала по-комичному несчастное лицо, перебив.

— Ты шел, ел их и даже не осознавал конечность печенья, как и всего на этом свете, шел и радовался, маленький балбес.

— ...иду я, иду, она спрашивает: «Нет больше?». Я киваю. А она говорит: «Поищи в кармане». Лезу в карман и обнаруживаю там печенье. Или вот еще случай, который меня поразил. Как-то раз сидим мы, и я вдруг говорю, что хотел бы шоколада. Причем белого! Бабушка и глазом не моргнула. Говорит: «Ага, а ты выйди-ка из комнаты и иди направо». Я вышел из комнаты, если честно, на что-либо даже не рассчитывая. Смотрю, а на столе кухни лежит белый шоколад. Бабушка от моего изумления даже не шелохнулась... И много-много еще такого случалось. Я на всю жизнь понял, что она владеет сильной магией.

— Знаешь, что у нее был за дар? Этому есть название... — По тебе, твоим ямочкам на щеках было видно, насколько ты счастлива разгадать секрет моей бабушки. — Любовь.

Я кивнул. Мне было приятно: что-то важное угодило в нужное место, ведь разгадать ее секрет можно было только сердцем.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ

Проблема камня — ограниченность.

От наших я слышал про такие камни, которые могли путешествовать и даже проползали в пустыне целые километры, оставляя за собой заметный след. Конечно, были и те, кто не верил, кто утверждал, мол, это всего лишь легенда. Но это в людях говорила зависть. Зависть к таким камням, что были вольны, как орел — в небе. Лично у меня такой возможности, например, никогда не было.

Мое самое раннее воспоминание связано с появлением собственного сознания, когда я отделился от огромного ядра: оно разбилось о стену крепости (жизнь моя, к сожалению, началась гораздо позже нашей эпохи расцвета). Мной засыпали ров, когда осада закончилась. А позже меня и других использовали, чтобы построить город заново. Местечко мне досталось козырное: я был на самом-самом углу, и вид открывался наилучший — обзор почти на триста шестьдесят градусов, высота трех метров. Я был рассказчиком, я перешептывался с другими, с теми, кто в укреплении находился прямо за мной и остальными. Я и еще сотни таких, уг-

ловых, день и ночь следили за тем, как менялись облака, световой день становился короче, за тем, как он рос снова — и тогда солнце заливалось во все ямки, со временем ставшие домами людей.

Для камня время течет иначе, чем для других. Это досталось нам от предков. Поэтому, когда дома стали разрушаться, я все еще оставался на углу, в стене. Должно быть, много прошло, пока мы не начали откалываться и падать. Все запреты нас трогать не могли остановить процесс, который среди своих звался «из тебя песок уже сыплется» — это когда кто-нибудь совсем стирался в труху. Мы держались друг за друга, но первыми, конечно, разобрали рассказчиков, видевших больше всего веков. Так случилось и со мной — мимо проходил человек. Человек хват да спрячь меня в карман. В кармане было темно, и только по шороху я различил билет оплаченной экскурсии. С человеком я в первый раз летел на самолете, с ним я впервые увидел свое отражение в зеркале. Я был красноватым и пыльным. В доме человека меня берегли. Но когда случился пожар, меня с собой не забрали, и еще какое-то время я лежал среди углей. Потом пришли другие люди, и угли вымазали их тяжелые ботинки. Кто-то из них оттолкнул меня носком подальше, и с одного бока до первого дождя я оставался черным.

Теперь я мог рассчитывать только на пинки — я скакал по асфальту, невысоко подпрыгивая. Иногда меня бросали — тогда я обязательно угождал по цели, будь то птица или чье-нибудь маленькое плечо. Каждый день был похож на предыдущий. Я обтесался.

Когда меня подобрали и сунули в глубокий карман, где ничего не было видно, я ужасно обрадовался. А потом я полетел. Полетел низко и быстро. Когда меня зашвырнули в пруд, я смог сделать целых четыре лягушки, прежде чем пойти ко дну. Там было много таких, как я. Стоячая вода почти никогда не колебалась, и мы лежали в покое. Если на пруд приземлялись утки и ныряли за прокормом, я выплывал на соседний камень, но все равно неизменно оказывался на своем месте, сползая вниз. Камни, что лежали подо мной, никогда не подавали голоса. Казалось, они погрузились в себя. Те, что лежали рядом, нехотя переговаривались. Говорили о всяком, но никогда о том, о чем думал я: пруд рано или поздно пересохнет, ведь и предки ждали, чтобы подняться из-под воды. Я не терял надежды. Углы сгладились, я измелечал, но моя надежда была, как у самого большого камня на свете.

Когда лед перестал пропускать солнце, затих и я и обратился в слух. Камешек, что был неподалеку, тихо пел. Он был совсем юнцом, что видел немного, и в наш пруд угодил недавно. Песен этот малый знал всего ничего, но те, что знал, пел хорошо. Особенно мне нравилась одна из них. Я мог снова и снова слушать, как он в ледяной воде снова и снова тянет свое:

Сквозь бури и пламень
Пройдет этот камень
И станет на место достойно.
Знакомая чайка помашет крылами,
И сердце забьется спокойно...

Я слушал, слушал и слушал, пока не запомнил слова наизусть и не понял, что случилось там, наверху.

*Школа иностранных языков «Мариоль»,
г. Воронеж*

*Общая
тетрадь*

КАК РАССКАЗАТЬ МАЛЬЧИШКЕ О ВОЙНЕ?

Светлана Демидова

* * *

«Дед, расскажи поскорей про войну,
Про битвы и подвиги ваши.
Про то, как отбили у немцев страну.
Скажи, тебе не было страшно?

Твой танк в Сталинграде, на Курской дуге,
В боях под Москвою подбит?
Откуда ожоги на левой руке?
Откуда?» А дед мой молчит.

«Усеян медалями, в старом шкафу
Парадный пиджак твой висит.
Награды не зря ветеранам дают.
За что?» Но опять дед молчит.

«Я знаю, в Берлине автограф и твой
На стенах Рейхстага звенит.
Вернулся с победой в Россию, живой.
Герой ты?» Все так же молчит.

Молчанию знаю я цену теперь.
Молчанье — страданье и смерть.
Про детство, семью расскажи лучше, дед.
Прошу я... Но деда уж нет.

* * *

А над полем Куликовым — облака,
Все в сирени, с ленью катится река.
А на поле Куликовом — тишь и гладь,
И кровавого заката не видать.
Затерялась кобылица в ковылях,
Нет Мамаю, растворился где-то страх.
Вместо звона сабель в унисон
Снова слышен колокольный перезвон.

* * *

В глазах и сердцах закаты.
Но знаю, что быть рассветам.
Вернутся домой солдаты,
Вернутся домой поэты.

И встретится мир с любовью,
С сочувствием и прощеньем.
И верю, закончится снова
Распятие воскрешеньем.

Новоусманский лицей

Ирина Драгун

ВЕСНА

На картине Левитана изображена весна.
Разлилась река весною — затопила берега.
Половодье — нету края, — слившись с небом голубым,
Близом солнечным играя, красит воздух золотым!
Подтопила речка рощу, и амбары, и дома,
И у берега, качаясь, плывет лодочка сама.
Унесло волною тихой к золотому берегу —
И, наверно, не вернется уже лодка к рыбаку!
Что день солнечный — понятно (хоть не видим солнца мы)
Потому, что от деревьев тени длинные видны!
Отражаются деревья, словно в зеркале, в реке —
Ощущенье, что деревья вниз и вверх растут везде!
Мир как будто бы удвоен; тих, загадочен, стоит
С белоствольною березой ели сочный колорит.
Черный ствол большого вяза светом солнечным согрет,
Зайчик солнечный нарядный на стволе оставил след.
Воздух пахнет клейкой почкой, в небе облака легки,
Очарованы природой мы в весенние деньки!

Детский сад №8 Острогожского района

Людмила Дуплякина

* * *

Его повесили зимою,
На казнь согнали все село.
За что?
За то, что был он болен
Иль просто время подошло.

Не угодил он оккупантам,
Не смог работать:
Бил озноб.
Но что болезнь
Фашистской банде?
Не подчиняешься — на столб!

Больной —
Не воин-победитель.
Он просто жертва той войны.
Погиб земляк мой,
Мирный житель
Непокорившейся страны.

Оборвалась внезапно лента
Его судьбы.
Забыт и лик.
Мне эту быль, уже легенду,
Поведал мой сосед-старик.

*Сергеевская СОШ
Подгоренского района*

Наталия Кекки

НА МОЕМ ОКОШКЕ ПРИТАИЛОСЬ ЛЕТО

На моем окошке притаилось лето,
Смотрит из-за шторы желтеньким глазком.
Как идти по лугу, не нарвав букета?..
Как идти по травке? Иль не босиком?..

Вот уже и высохли нежные цветочки.
За окошком — дождик: осень слезы льет.
Отдвину шторку и открою дочке
Маленькое чудо, что у нас живет.

Борисоглебская СОШ № 4

Ирина Куянцева

* * *

Добрых милых малышей
К нам приводят в первый класс,
Их встречает чародей,
Превращая класс в алмаз.

Буква — грань, и грань — диктант,
Числа, формулы — узор;
Это только лишь талант
Или творчества простор.

В руки он алмаз берет,
Высекая граней ряд, —
Кто же он, кто наперед
Все успехи видеть рад?

Он учитель — вот ответ.
Ярче светится алмаз...
И спустя немного лет
Бриллиантом станет класс.

СОШ № 39 г. Воронежа

Любовь Макарова

* * *

Я сварю из августа варенье
С ароматом скошенных полей,
Чтоб зимой услышать птичье пенье
И привет прощальный журавлей.

Я добавлю солнца полдень жаркий,
Утренний дымящийся туман,
Свет торшера сделаю неярким
И усядусь с пледом на диван.

Откушу кусочек мятной сласти,
Чаю в кружке щедро заварю.
И исчезнут беды и напасти —
Как пыльцой цветочной окроплю.

И луга коврами — по паркету:
Разнотравье, лютики, шалфей.
И подружкой лучшей постучится лето...
— Отдохну с дороги! Чаю мне налей!

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Дорогие мои мальчишки!
Вам открою один секрет:
Очень скоро про это в книжках
Так напишут, а из газет
И про подвиги ваши будем
Узнавать — и гордиться все,
Потому что мы очень любим
Вас, мальчишки из класса «Б»,
А задача девчонок наших —
Обеспечить вам прочный тыл,
Чтобы дом был полною чашей,
Чтоб очаг никогда не остыл.
Подрастайте! Тянитесь к солнышку!
Знайте: подвиг не ради славы!

Хорошейте, мои лебедушки!
Расцветайте, мои Ярославны!

СОШ № 51 г. Воронеж

Ирина Москалева

РАССКАЗАТЬ О ВОЙНЕ

Как рассказать мальчишке о войне?
Как юноше поведать об отваге?
Не довелось увидеть мне
Все ужасы ни в Киеве, ни в Праге.
Но помню лица тех солдат,
Тех победителей, познавших горе.
Я видела, как взоры их горят,
А сила плещет, словно море.
Но годы мчатся чередой,
Не может век остановиться.
Уходят ветераны на покой,
Война и им все реже снится.
Встречая старика порой,
Нам вряд ли уж поверят дети,
Что это тот, кто солнечной весной
О мире возвестил на всей планете.
Как будто эстафету дали мне.
Склоняя голову и опуская стяги,
Должна мальчишке рассказать я о войне
И юноше поведать об отваге.

* * *

Послевоенные дети —
Дети надежды, любви.
Вы появились на свете,
Когда отгремели бои.

О вас в Сталинграде мечтали,
На Висле и под Москвой,
За вас из окопа вставали,
Идя в тот отчаянный бой.
А сколько детей нерожденных,
Не повидавших земли,
Пулей, осколком сраженных,
Вместе с отцами легли.
Ваши отцы победили,
Стали опорой страны,
Детство вам всем подарили —
Скудное, но без войны.
Вас не будили сирены,
Разрывы снарядов и мин.
Видели черные стены
Послевоенных руин.
Играли в окопах когда-то —
И, пулю в земле находя,
Вы представляли солдата,
Стрелявшего здесь из ружья.
Вы вспоминаете эти
Детства далекого дни,
Послевоенные дети —
Сверстники вы мои?

Гимназия № 2 г. Воронежа

Ангелина Никитина

РУССКИЙ ЯЗЫК

Всей душой, каждой клеточкой кожи
Обожаю я русский язык.
Он красив, на других непохожий,
И к тому же — весьма многолик.

Белой ниткой в нем вышита сила,
Правда, искренность, смелость, добро.
Я хочу, чтобы это хранилось
Сотни лет, несмотря ни на что.

Как планета Земля — долгожитель,
Как держава — велик и могуч,
Теплый, будто родная обитель,
Яркий, словно полуденный луч.

Все вокруг, даже томная муза,
Говорит на родном языке.
Я желаю писать лишь на русском
Обо всем, что храню в «тайнике».

О душевных порывах незримых,
О печальных и радостных днях,
О березах и красных рябинах,
О бескрайних, лесистых степях.

Я надеюсь, страна от истоков
Отойти не посмеет вовек.
Сбережет от жестокого рока
Светлый русский язык человек.

*Нижекарачанская СОШ
Грибановского района*

Елена Одышева

ПТИЦА

Птица без надежды с раненым крылом,
Как лететь ей дальше в небе непрестом?

Солнце скрылось в тучах, темнота и мрак,
На земле и выше давит пустота.

Не остановиться, не достичь земли,
В бурном океане тонут корабли.

На усталой суше сотни лет война,
Лишь бледна как прежде сонная Луна.

Не осталось силы продолжать полет,
Но упрямый ветер вдаль ее несет.

Холоднее воздух, гуще облака.
Птица еще дышит — и летит. Пока...

* * *

Все в этом мире до того ничтожно,
Что остается лишь мечтаньем жить.
Любить вас тяжело и невозможно...
Но так же невозможно не любить!

г. Воронеж

Марина Картавцева

У ПАМЯТИ СВОЯ ТРОПА

(Из книги Народного учителя СССР «...Есть любовь и память»)

«ЧТО МАРИНА СКАЗАЛА...»

Она была из тех людей, вокруг которых бытие обычно правит течение жизни, и сами они становятся естественными приметами местной действительности, как река или семь холмов, воронцовая степь или идеальный лес... К примеру, скажут о воронежском образовании, и возникает это имя — Марина Игнатьевна Картавцева. Народный учитель СССР по сути этих слов, кавалер орденов Ленина и Дружбы народов, Почетный гражданин города Воронежа, первый председатель Воронежского областного отделения Российского детского фонда. Она добилась не просто профессиональных высот, но и поистине народного признания. Знакомством с нею гордились все, кто хоть как-то соприкоснулся в мимолетном общении или в многолетней совместной работе. На этот счет у каждого человека есть свой сюжет.

Наше семейство познакомилось с Мариной Игнатьевной своеобразно и в пору, когда ее знаменитость еще созревала, но известность уже выросла до всеобщих высот. По крайней мере, только неординарному педагогу могли доверить вести на Всесоюзном радио цикл передач «Взрослым о детях». С этим интересным и полезным радиолекториумом и связана наша история.

В какой-то момент мы с женой вдруг столкнулись с проблемой: трехлетняя дочка Наташа категорически отказывалась менять бабушкину негу на спартанские будни детсада. По утрам наше голубоглазое сокровище давало реву, стараясь перекричать транзисторный приемник «Океан», который мы врубали, чтобы шум-гам якобы не досаждал соседям. И явление Марины Игнатьевны было тут, как говорится, воспитательно-востребованным. Треск радиоволны вдруг менял песенные децибелы на спокойную, дружелюбную, удивительно чистую русскую речь, понятную даже ребенку. Дочка затихала. Радио слушали до слов: «Передачу вела Марина Картавцева, учитель русского языка и литературы, город Воронеж». Мы с женой переглянулись, по-журналистски оценивая: «Какая редкая душевная интонация у ведущей...» И вдруг меня осенило:

— Ты поняла, что Марина сказала?

Сияя сквозь высыхающие слезы голубыми глазками, дочка кивнула. А я поспешил закрепить педагогический успех:

— Надо пить чай, одеваться и идти в детсад!

Поразительно! Вскоре, хотя и с нео-

Марина Игнатьевна
Картавцева

хотой, но вполне целеустремленно, мы шагали в детсад. А строгая фраза «Ты помнишь, что Марина сказала?» служила нам добрую службу до самой школы.

Где-то в середине 1980-х об этом случае я рассказал Марине Игнатьевне, когда мы сидели рядышком в тиражной комиссии лотереи ДОСААФ, розыгрыш которой проводился в Воронеже. Она была заслуженным учителем РСФСР. Я возглавлял областную газету «Молодой коммунар». Картавцева улыбнулась, но вполне серьезно сказала:

— Как редактор моей любимой молодежной газеты вы должны понимать, что нельзя учить обманом.

— Но ведь мой маленький человек услышал что-то доверительное и нужное именно от вас. Вот я и сыграл на вашем авторитете, — оправдывался я.

— Может, это так и есть, — согласилась учительница. — Доверие, чувство, сердце учит зачастую лучше, чем знание. Но обманывать, даже в малом, нехорошо...

Правду говорят, что характер проявляется в мелочах. Так и Марина Игнатьевна даже в незначительном видеела основное. Без этого нельзя стать настоящим учителем, потому что дети, как никто, чувствуют фальшь, а уж тем более обман. Ее удивительный характер отмечали все, кто соприкасался с нею по

жизни — и простые люди, и высокое начальство. Бывший председатель Воронежской областной Думы Владимир Ключников говорил: «Педагог по призванию, она почти полвека преподавала русский язык и литературу в школе. За это время вырастила целую плеяду талантливых учителей и ученых. Потому что все свое сердце она отдавала детям. И это чувство было взаимным». Председатель Российского детского фонда, писатель Альберт Лиханов признавался: «Марину Игнатьевну Картавцеву я знал и любил немалые годы совместной работы в Детском фонде. Учителем становится, увы, не всякий учительствующий, а лишь тот, кто оставляет след в душах своих учеников. Она была Учителем с большой буквы, сопровождающим детство в большую и нелегкую жизнь».

Однажды, когда в 2000-х годах я работал собкором в «Парламентской газете», мы условились встретиться с Мариной Игнатьевной по заботам Детского фонда. В компанию напросилась и жена, бывшая в то время ведущим редактором областного радио.

— Так вы и есть та Вера Новохатская... — как-то по-матерински обняла ее Марина Игнатьевна. — Я люблю слушать ваши программы. Такой душевный голос и красивая русская речь...

Очень приятно, потому что сейчас у многих ведущих на радио каша во рту.

— Марина Игнатьевна, так я, можно сказать, училась на ваших передачах.

Картавцева удивилась, потом сказала, что ей это привычно: учитель должен отдавать себя людям, даже того не ощущая. Наверное, с этим чувством она и прожила всю жизнь, нисколько не жалея о своем душевном расточительстве. Потому что хорошо знала, что отдающий всегда становится вдвое богаче.

Уже после того, как Марины Игнатьевны Картавцевой не стало, ее коллеги по Детскому фонду, ученики и воспитанники, просто люди, знавшие ее, выпустили книгу «...есть любовь и память» (составитель Л.И. Зимина). В нее вошли воспоминания Народного учителя и воспоминания о Народном учителе, фрагмент которых мы сегодня предла-

гаем читателям. Книга наполнена высоким чувством любви и человечности. Особо поражает сюжет об Инне Чернышевой — любимой студентке-практикантке, ставшей потом одним из лучших словесников Воронежа, победителем конкурса «Учитель года — 99». Рокковой, неизлечимый недуг поразил ее, но она до последнего работала, писала стихи. И Марина Игнатьевна все силы положила, чтобы выпустить книгу стихов И. Чернышевой «По ту сторону дождя». Сама учительница-поэтесса была прикована к постели. Картавцева привезла ей книгу в больницу, видедела, каким счастьем сияли глаза больной. Через день Инны не стало...

Так мог поступить только настоящий Человек, великий Учитель.

Владимир НОВОХАТСКИЙ

9-я гимназия в моей человеческой и профессиональной судьбе значит очень много: ей отданы зрелые годы труда, когда его количество перешло в качество; здесь написаны методические пособия по литературе, разработана тематика уроков внеклассного чтения и факультатива «Этика и психология семейных отношений», которые сыграли неоценимую роль в общем развитии и формировании ауры культуры учащихся; здесь выработалась система в руководстве педагогической практикой студентов-филологов университета; в стенах гимназии родилась прекрасная традиция школьных праздников — сначала литературных, позднее — самых разнообразных по тематике, но всегда хорошо подготовленных по содержанию и эстетике оформления; здесь родилась и воплотилась в жизнь идея «Малой Третьяковки», о которой рассказано ранее.

Работа в 9-й гимназии подарила мне так много молодых друзей из числа бывших учеников и студентов-практикантов, которые, уходя из школы после окончания практики, оставались в моей памяти, в моем сердце, в моем доме и становились родными людьми. Это такой дар жизни и судьбы, которому нет цены, особенно в наш жестковатый, рациональный век перестройки и реформирования страны.

Их письма полны благодарности за радость общения, их визиты в дни праздников или без особых причин, когда забегают просто на огонек, доставляют нам обоюдное удовольствие и полны теплых воспоминаний с бесконечными вопросами, звучащими рефреном: «А Вы помните?»

Помню, конечно, помню...

Лиля Осипова (Мешалкина) — изящная, черноглазая, как черкешенка, ныне профессионально состоявшийся толковый врач, работает в Москве, — вспоминает с юмором, как училась писать сочинения:

«При написании их я начинала предложение вполне благопристойно: в нем были подлежащие и сказуемые и второстепенные члены, но затем я накручивала такое количество деепричастных оборотов, что предложение растягивалось на целую страницу школьной тетради, и от этого терялась мысль, заявленная вначале.

Вот Вы и посоветовали мне отрабатывать стиль и добиваться ясности изложения мысли путем реальной переписки с каким-нибудь хорошим адресатом, лучше с мальчиком... Это, наверное, была шутка, но для нас слово учителя звучало как приказ. Я попросила у своей двоюродной сестренки адрес знакомого ей мальчика и... стала писать ему письма. Сначала он был шокирован, потом переписка стала ему интересной тоже. Письма наши были пространны — 3-4 страницы мелким почерком. Обсуждали мы повесть Чивилихина “Пестрый камень”, ну и всю человеческую жизнь заодно...

Это длилось целый год. В моих тетрадах все меньше стало вопросов и восклицательных знаков, начертанных красными чернилами на полях тетради, стиль (помните?) стал выразительнее, эмоциональнее, а деепричастных оборотов весьма заметно поубавилось...

Кончался учебный год, предстояло готовиться к вступительным экзаменам в медицинский институт. Переписка прекратилась, но фото своего адресата храню до сих пор с чувством благодарности и улыбкой.

И еще я благодарна Вам, Марина Игнатьевна, за любовь к поэзии, которая мне открылась на уроках, на школьных вечерах. До сих пор помню одухотворенные лица Марины, Стаса, слезы Люси, собственное замирание сердца, ощущение причастности к великому и светлому подвигу нашего народа в Великой Отечественной войне.

Я через стихи воспринимала правду жизни в каком-то концентрированном варианте: они стучались в сердце.

Мне кажется, что именно поэтому я знаю, что такое хорошо и что такое плохо, поэтому и верна медицине, семье, Родине и себе. Понимаете?»

Понимаю. Понимаю и радуюсь, что в вас, ныне уже сорокалетних сложившихся людях, звенит и трепещет чистая, светлая мелодия юности, веры в жизнь и предназначение человека в ней вопреки не очень, быть может, гладкой социальной погоде в нелегкое сегодняшнее время.

Люся Клецкина, ныне Максумова, вспоминает: «Еще в школе Вы подарили мне “Маленького принца”, сделав надпись: “Человеку, который умеет быть в ответе за всех, кого приручил”. Конечно, это большой аванс и, скорее, напутствие в жизни. Не всегда справляюсь, но всегда стараюсь выполнить этот Ваш наказ.

Почему рядом с Вами хочется быть умнее, талантливее, справедливее, чище? Теперь, став взрослой, поняла: Вы в каждом из нас видите лучшее. И это лучшее, как под лучами солнца, начинает расти в нас и множиться.

Каждому человеку хочется быть хорошим. А Вы нам в этом помогаете. Знаете, какой урок Ваш я запомнила на всю жизнь и сама определила его тему? — «Взаимодействие стыда и совести».

Вы помните, что у нас в классе пропуски и уходы с уроков были явлением скорее исключительным, нежели нормой. Но однажды мы с девочками решили прогулять занятия в учебно-производственном комбинате. Устроили этаким праздником непослушания. О прогуле стало известно директору и Вам, классному руководителю.

До сих пор (!) отчетливо помню свои душевные страдания от мысли, что наутро должна буду объяснять свое поведение. Весь вечер пыталась простудиться и заболеть. Даже воды в сапоги налила и ходила по улице в мокрой обуви и без куртки (в ноябре!). Но утром организм не выказал признаков заболевания, и я пошла в школу, как шли стрельцы на эшафот. Помню Ваш спокойный голос: «Встаньте, кто вчера не был на занятиях».

Вы даже не повысили голоса, не отчитали нас — Вы были... разочарованы. Я же готова была провалиться сквозь землю от стыда. Именно тогда я поняла, как стыд взаимодействует с совестью. Я стояла и молчала. И Вы молчали. Только глаза были печальными-печальными...

Вы всегда относились к нам с уважением и доверием. Наверное, именно поэтому, когда наш 8 «Г» оказался в лагере труда и отдыха без Вас, а назначенный временно руководителем педагог позволил в наш адрес фразу: «Что это за бордель — мальчики в комнате у девочек сидят на кроватях? Вышли вон!», мы были оскорблены и объявили бойкот учителю. И Вы нас поняли тогда...

Вы понимали нас всегда».

Может, и не всегда, к сожалению, но старалась, ибо без понимания окружающих тебя людей добрых отношений не получится. Это аксиома.

Заканчивая свое признание в любви к 9-й гимназии, ставшей еще одной альма-матер в моей судьбе, на склоне лет хочу сказать искренние слова благодарности всем моим коллегам за радость совместной работы, за тепло и участие, за добрую улыбку даже на бегу, когда торопимся при встрече.

Это дорогого стоит, поверьте. А потому — спасибо моим любимым словесникам, умным математикам, мудрым историкам, дотошным химикам, ученым биологам и всем-всем-всем!

Понимать и чувствовать друг друга, пока мы живем на земле, — это, однако, только половина успеха наших взаимоотношений. Но, кажется, еще важнее — быть готовым принять людей в свое сердце, если они тянутся к нему за поддержкой и пониманием.

Люди на всей планете Земля так зависимы друг от друга в социальном, экономическом, экологическом аспектах жизни в XXI веке, что уже не приходится говорить о соседях, одноклассниках, сослуживцах, учениках и детях, касаясь этой зависимости. Она нравственно обязывает нас помогать друг другу удержаться на юру жизни в мире, полном опасностей, противоречий, а порой и жестокости.

«ОСТАТЬСЯ ЧТОБ НА КАМНЕ ВЕКА ХОТЬ ЛИСТОЧКОМ»

Так неловко, приступая к этим страницам книги, вновь и вновь обращаться к ставшему хрестоматийным утверждению Сент-Экзюпери о том, что «самая большая роскошь на земле — это роскошь человеческого общения».

Она молода, эта истина: ей немногим больше полувека в сегодняшней интерпретации, но и за этот недолгий срок она успела обогатить человечество, шагнув в его сознание, сердце, жизнь, которую расцветила, предложив каждому желающему черпать эту роскошь без меры: сколько способен взять...

Мир общения со знакомыми и незнакомыми, близкими и не очень — действительно, самое большое наше богатство. И мое тоже.

Дар этот велик, неоченим и совершенно необходим каждому живущему на земле. Кроме, разве, мизантропов. Но они не в счет: это больные, несчастные люди.

Отдавая дань памяти, хочу сказать несколько слов признательности и благодарности Инне Сергеевне Чернышевой за то, что случилась в моей судьбе и одарила меня этой самой «радостью общения», особенно дорогой потому, что оно было окрашено ее поэтическим даром, которому Инна Сергеевна осталась верна до последних мгновений своей жизни.

1 ноября 2005 года мне принесли сигнальный экземпляр последней ее книги «По эту сторону дождя». Было десять часов утра, а в 11.00 я стояла с книгой у ее кровати в онкодиспансере на Каляева.

Инна открыла глаза в ответ на мое приветствие: «Я принесла тебе подарок...» Глаза засветились счастьем, руки прижали книгу к груди, а губы прошелестели: «Спасибо, я испытываю сейчас такое чувство, будто мне принесли новорожденного ребенка... Он еще никакой, а мне кажется самым умным и красивым...»

Стала листать страницы всеми пальцами (у одного, видно, не хватало сил), любовно всматриваясь в строчки и целую странички, как новорожденное дитя...

А 3 ноября в 8.00 Инны не стало на земле

5 ноября ее похоронили на сельском кладбище в деревне Раково Курской области.

Стоял туман, густой-густой, низко над землей. Могила на краю погоста и на краю поля: протяни руку — она утонет в тумане, в мироздании, в безбрежности...

Но с нами остались ее стихи, ее талант, ее жизнелюбие и обаяние личности.

Порог 9-й гимназии она перешагнула студенткой-практиканткой 4-го курса филфака университета, после окончания которого вернулась к нам и стала одним из лучших словесников города, победителем конкурса «Учитель года-99». Защитила кандидатскую диссертацию по творчеству Алексея Прасолова, издала две книги стихов.

Как она писала стихи? Как дышала. Черновики было мало: стихи складывались сразу, целиком, слова вплетались в поэтические строчки, как нить в вологодское кружево — естественно и прочно.

Инна поднималась ко мне на 5-й этаж после 6-го урока: благо, школа была рядом. Входила в квартиру, тяжело дыша: в руках всегда были две большие сумки. В одной — три-четыре пачки тетрадей, в другой — стопки книг, журналов, альбомы с иллюстрациями — все, что требовалось к урокам литературы.

Покормить ее доставляло удовольствие: неприхотливая в еде, она так искренно хвалила мои скромные кулинарные способности, что очень скоро, весьма довольные (она — едой, а я — похвалой), мы освобождались — и тогда начиналась та самая «роскошь общения»: Инна читала новые стихи.

...4 декабря — день гибели моего отца на фронте. В этот день я зажигаю свечу перед его фотографией, и колеблющееся пламя освещает его лицо и одновременно то приближает, то отдаляет его от меня: мы давно уже, больше полувека, по разные стороны мироздания.

В этот день я как-то рассказала Инне о его гибели на войне. Она заторопилась домой. Через час позвонила и прочитала вот это:

ДЕКАБРЬ 1942 ГОДА

А я упал в холодный белый снег.
Он засыпал меня колючей солью.
В тот миг я был уже не человек —
И только сердце отдавало болью.
Из белых точек в синеве ночной
Возникло то секундное виденье:
Жены моей прощальное лицо
И дети — наше лучшее творенье.
Ни горечи, ни счастья. Не успел
Понять, что порознь мы навеки.
Колючий снег летел, летел, летел...
И закрывал ладонью мои веки.

Как всегда, она поразила меня чувством времени ледяной той зимы и ощущением трагедии гибели — гибели многих тысяч отцов на сталинградской земле. Как будто ей дано было зрение, обращенное в прошлое через десятилетия.

И так случалось часто: она вдруг звонила и просила: «Марина Игнатьевна, послушайте, пожалуйста...»

Я слушала. Не кривя душой, говорила ей: «Ты моя умница. Стихи настоящие».

И слышала в трубку ее счастливое дыхание.

Инна Сергеевна серьезно размышляла о трудном пути творца и мечтала «остаться чтоб на камне века хоть листочком».

Когда мы собирали рукопись ее последней книги, она полулежала на постели, но бразды правления из рук не выпускала...

Полсотни стихотворений только о месте поэта в жизни: кто я? Что я? Что несу миру?

Это вечные вопросы настоящего поэта.

У Инны Чернышевой есть своя колея в поэтическом пространстве России. Она выявилась, обозначилась под влиянием двух составляющих: деревенского детства, одарившего девочку красотой родной земли, и учебы в университете, раскрывшем перед нею высоты и дали мировой культуры.

Она любила людей и определила их назначение на земле — отстаивать друг друга у вечности. Чтоб не канул мир в неизвестности:

ЛЮДЯМ

Не надо крови, боли и унынья,
Неужных жертв и бестолковых дней —
Мы можем подарить друг другу крылья,
Чтоб в небе походить на лебедей.
Любовь, конечно, есть, а рядом с нею
И дружба есть, и творческий порыв...
И только мы друг друга отогреем,
У вечности друг друга отстоим.

И пусть моя скромная строчка воспоминаний об Инне поможет тоже отстоять ее у вечности...

* * *

Помню одну зимнюю ночь на Красной площади в Москве: вышла к Кремлевской стене из зала, где проходил учительский съезд, потом был концерт, потом вот эта прогулка по метельной площади, когда я, взрослая женщина, мать, учитель, ощутила себя сильной, способной все сделать в жизни, оказаться ее достойной, потому что у меня за плечами были моя Красная площадь, мои седые ели у стены, моя земля, питавшая меня уверенностью и силой.

В душе отчетливо — понимание: для счастья мне мало просто пребывать на земле, мне необходимо ощущение пространства за спиной, в котором я слышу дыхание предков.

А.П. Чехов бесконечно прав: человеку нужно не три аршина земли, где упокоится его тело, ему нужны вся ширь и мощь родной земли, ее дыхание, шелест, шепот, ее зеленая трава и мудрое небо с толстовскими облаками.

Вопреки нынешней убогой философии некоторых новоявленных «идеологов» («Родина там, где хорошо платят»), убеждена: Родина там, где, случается, и горько плачут, и громко смеются, где рожают детей и много работают. Где растут могучие деревья, посаженные дедами-прадедами, и где цветут по весне вишневые сады, к лепесткам которых прикасались материнские руки...

2010 год

Людмила Шилина

СЛЕД ЧЕЛОВЕКА НА ЗЕМЛЕ

(Рассказ о Народном учителе России Альбине Золотаревой)

Встречались ли вам пассионарные личности: люди настолько энергичные и целеустремленные, что этих их качеств, казалось, хватило бы на целую сотню обычных людей? Само простое присутствие таких личностей уже удесятывает силы, общение с ними приносит завершенность в мысли и задумки, а уж твоя деловая реакция на общее дело получает от них новый всплеск незаурядной энергии и идей. И чем больше пассионарий отдает, тем больше у него прибавляется, так как делясь одной идеей, он в ходе общения с тобой создает еще десяток новых. Именно так воспринималась и воспринимается в педагогической среде личность Альбины Васильевны Золотаревой.

Несколько лет назад писательница, бывший редактор областной газеты «Вестник просвещения» Людмила Шилина написала небольшую документальную повесть о жизненном пути народного учителя России, Почетного гражданина Воронежа, директора Центра дополнительного образования детей «Реальная школа» А.В. Золотаревой и о созданном ею уникальном инновационном учебном заведении. Сегодня, когда Альбина Васильевна на заслуженном отдыхе, а дело ее плодотворно множится последователями, мы предлагаем читателям ознакомиться с тем, как работала в свое время настоящая легенда Воронежского образования. Со своими коллегами по «Реальной школе» она, бывало, ставила перед собою самые невероятные задачи, которые поначалу казались малоосуществимыми, но проходило время, и для ребят открывалось новое увлекательное и полезное дело. И масштаб этой неустанной кипучей работы соответствовал масштабу личности педагога. Конечно, время неумолимо летит вперед, многие начинания А.В. Золотаревой скорректированы современными требованиями и веяниями.

Сегодня муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования Центр дополнительного образования «Реальная школа» возглавляет Светлана Александровна Руденко. Меняется и педагогический коллектив, но живут традиции новаторства и поиска, которые были заложены ранее. В школе ежегодно открываются новые интересные объединения: хореографическая студия «Кармен» — уже очень известная в Воронеже, вокальная студия «Алые паруса», «Английский язык», «Ментальная математика», группы дошкольной подготовки и многое другое. Недавно «Реальная школа» получила еще одно помещение для занятий на улице Кулибина, 4, где сейчас идет ремонт. И ныне «Реальная школа», развиваясь и отвечая новым вызовам, дает возможность познать радость творчества, освоить первые шаги профессионального мастерства без малого четырем тысячам юных воронежцев.

* * *

«Старый Мастер возвел каменный дом. Стал в сторонку и любуется домом. “Завтра в нем поселятся люди”, — думал с гордостью Мастер.

А в это время возле дома играл семилетний Мальчик. Он прыгнул на ступеньку и оставил след своей маленькой ножки на цементе, еще не успевшем застыть.

— Зачем ты портишь мою работу? — сказал с укоризной Мастер.

Мальчик посмотрел на отпечаток ноги, засмеялся и убежал.

Прошло много лет. Мальчик стал взрослым человеком. Жизнь его сложилась так, что он часто переезжал из города в город, нигде долго не задерживался, ни к чему не привязывался — ни руками, ни душой.

Пришла старость. Вспомнил Старый Человек свое родное село. Захотелось ему побывать там. Приехал он на свою родину. Встречается с людьми, называет свою фамилию, но все пожимают плечами, никто не помнит такого.

— Что же ты оставил о себе? — спросил у Старого Человека один старик. — Есть ли у тебя сын или дочь?

— Нет у меня ни сына, ни дочери, — ответил Старый Человек.

— Может быть, ты посадил дуб?

— Нет, не посадил я дуба...

— Может быть, ты взлелеял поле?

— Нет, не взлелеял я поле...

— Ну, так, значит, ты песню сложил?

— Нет, и песни я не сложил.

— Так кто же ты такой? Что же ты делал всю свою жизнь? — с изумлением спросил старик.

Ничего не мог ответить Старый Человек. Вспомнилось ему то мгновение, когда он оставил след на ступеньке. Пошел к дому. Стоит дом, как будто его вчера соорудили, а на самой нижней ступеньке — окаменевший отпечаток его маленькой ножки.

«Вот и все, что останется после меня на земле, — с горечью подумал Старый Человек. — Но ведь этого мало, очень мало... Не так надо было жить!..»

*Из книги В.А. Сухомлинского
«Хрестоматия по этике»*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Начиная рассказ об Альбине Васильевне Золотаревой, я долго не могла сделать выбор — писать ли об учителе, историке, кандидате педагогических наук, Почетном гражданине Воронежа, авторе множества книг и публикаций по педагогике дополнительного образования, или рассказать все-таки о ее детище — «Реальной школе», уникальном явлении не только в Воронежской области, но и в России. Так до конца и не приняв однозначного решения, я поняла, с чем это связано: просто одно неотделимо от другого: школа как объект неотделима от субъекта, от личности человека, ее создавшего... А значит, речь пойдет о них двоих — об Альбине Васильевне и ее школе, школе Золотаревой.

Понятие «авторская школа» сегодня широко известно. Такие учебные заведения называют, как правило, по именам создателей — «школа Караковского», «школа Ямбурга» — или по обобщающим названиям философских и психолого-педагогических идей, лежащих в основе образовательной системы школы: «школа диалога культур», «школа развивающего обучения», «школа самоопределения» и другие. Школа, которую создала народный учитель России А.В. Золотарева,

также с полным правом может считаться авторской. Причем в дополнительном образовании России она единственная. И путь к ее созданию был долгим и тернистым. Как и вся человеческая жизнь.

В своей книге «Поющее сердце» известный русский философ Иван Ильин попытался ответить на вопросы, которые рано или поздно встают перед каждым из нас. Это своего рода путеводитель и пособие для человека, идущего по жизненной стезе, где встречаются не только радости, но и невзгоды, страдания, сомнения, душевные муки и терзания. Я перечитывала ее много раз, но только недавно поняла глубокий смысл его слов:

«Есть только одно истинное счастье на земле — пение человеческого сердца. Если оно поет, то у человека есть почти все; почти, потому что ему остается еще позаботиться о том, чтобы сердце его не разочаровалось в любимом предмете и не замолкло. ...песнь его несет людям свет и счастье.

...Кто хоть раз добавил другому радость сердца, тот улучшил тем самым весь мир; а кто умеет любить и радовать людей, тот становится художником жизни. Каждый Божественный миг жизни, каждый звук поющего сердца влияет на мировую историю больше, чем те “великие” события, хозяйства и политики, которые совершаются в плоском и жестоком плане земного существования и назначение которых нередко состоит в том, чтобы люди поняли их пошлость и обреченность...»

Вряд ли можно сказать лучше. Вряд ли можно более точными словами охарактеризовать служение человека, посвятившего себя созданию настоящей школы Жизни, написанию человеческих законов, ставших выражением истинной жизненной мудрости.

Недаром одно из любимых выражений Альбины Васильевны: «Мудрость — она, как черепаха, приходит медленно». Она, действительно, приходит медленно, с годами, делая огранку характера, высвечивая все его черты, придавая глубину и смысл самому существованию человека. Для Альбины Васильевны Золотаревой — это совершенствование дела ее «поющего сердца», которому отдано более шести десяти лет.

«И НИКАКОГО РОЗОВОГО ДЕТСТВА...»

Родилась Альбина в селе Московском Каширского района Воронежской области. Место это историческое. Когда-то Петр Первый переселял сюда москвичей осваивать Воронежскую губернию, черноземную степь. Так здесь и оказались ее прапрадеды. Родители переехали сюда, на родину своих предков, из Донбасса. Отец был шахтером, мама — колхозницей. В семье — четверо детей. Когда началась война, отец, Василий Федорович Маслов, потомственный шахтер, в первые же дни ушел на фронт. Все заботы о воспитании малолетних детей легли на плечи мамы Ирины Николаевны и бабушки. Самым старшим был десятилетний брат, а три сестры — мал мала меньше. Младшей еще и годик не исполнился. Тяжелейшее бремя военного времени легло на плечи оставшихся в тылу женщин. И мама Альбины Васильевны не стала исключением. Ирина Николаевна бралась за любую работу, чтобы накормить и одеть детей. Вот как вспоминает об этом времени сама Альбина Васильевна:

«Ради нас мама и бабушка не жалели себя, делали все возможное, чтобы мы не чувствовали себя обездоленными, пропащими сиротами. Все мы вместе со сверстниками учились в школе. Мама всегда говорила: «Я вас буду учить. А как жить дальше, думайте сами. Не дожидайтесь манны с неба. Всего надо добиваться своим трудом».

Но даже и в это тяжелое время Ирина Николаевна думала не только о хлебе

насушном. Мудрая женщина понимала — без чтения нет настоящего образования, нет духовной полноценности человека. В этой простой крестьянской семье жила постоянная тяга к знаниям, к книге. Бабушка Альбины Васильевны, у которой было девять детей, и их, и своих внуков также приучала читать с детства — книги, журналы, газеты. Уже тогда, в самые ранние годы, впитывала маленькая деревенская девочка, воспитанная на лучших образцах литературного наследия нашего народа, его русское начало: вековую мудрость, практичность, смекалку, глубинный ум. Ее питали именно те глубокие родовые корни, которые веками подпитывали многих талантливых русских людей. Тяжелое военное детство закаляло характер, приучало преодолевать трудности, не падать духом.

Как известно, в селе не прожить без собственного подворья. И в семье Масловых крестьянские заботы лежали на плечах даже самых маленьких детей. У каждого были свои обязанности — нарвать в поле травы, принести воды, накормить кур, уток, выпастить корову. «Без своего подворья мы бы просто не выжили. Мама работала за трудодни, а на них не очень-то разгуляешься», — вспоминает Альбина Васильевна.

Тяжкое известие о гибели отца пришло в 1942 году. И стало ясно — выживать теперь придется самим. Это горе еще больше сплотило семью. Глядя на мать, девочка училась у нее мужеству и оптимизму. Она постигала науку, преподаваемую ей самой жизнью: только сильные имеют право быть оптимистами. И эта наука Альбине не раз потом пригодилась.

После потери отца заботу о семье взвалил на свои худенькие мальчишечьи плечи старший брат Альбины Васильевны — Александр. Работая трактористом, он получал за свой тяжелый труд немного хлеба, который всегда приносил домой и честно делил поровну на всю семью.

Забегая вперед, скажу, что, возможно, во многом благодаря этой заботе, которая продолжалась до самого последнего дня жизни Александра Васильевича, благодаря этим урокам милосердия сестры Масловы состоялись как личности, как профессионалы и просто как замечательные люди.

В первый класс Альбина пришла уже самостоятельным человеком. И сразу полюбила свою школу. Все годы учебы она была на виду — возглавляла совет отряда, затем — пионерскую дружину, руководила хором русской песни, делала успехи и в спорте, особенно в лыжном. Но главным для нее оставалась учеба. И, как сегодня вспоминает Альбина Васильевна, ей здорово повезло с учителями. У ее классной руководительницы, Людмилы Петровны Бухаровой, был настоящий педагогический талант. Она не просто давала собственные уроки, что называется, от сих до сих, но и прививала детям стремление к познанию, учила их учиться. И таких настоящих энтузиастов своего дела, талантливых, одаренных людей, в Московской школе, где училась Альбина Васильевна, было немало. Особенно запомнились ей уроки физики Фролентина Фролентиновича Югансона. Он обычно рассказывал детям о том, чего не было в учебнике. Именно такой стиль преподавания стал ее педагогическим кредо —

Альбина Васильевна Золотарева

учебник может прочитать каждый, а уроки настоящего педагога должны сверкать всеми красками его духовной палитры, быть неповторимыми и индивидуальными.

Французский летчик и писатель Антуан де-Сент Экзюпери был, конечно же, прав, когда утверждал в сказке о Маленьком принце, что все мы родом из детства. И ежечасный подвижнический труд учителей из небольшой сельской школы еще тогда, в годы становления Альбины как личности, сформировал в ее душе тот образ педагога, которому затем она будет следовать всю жизнь.

Это сельское учебное заведение сыграло судьбоносную роль не только в жизни Альбины, но и многих ее близких родственников. Известным в Воронежской области педагогом стала ее старшая сестра, Валентина Васильевна Кулик, отличник просвещения, проработавшая в Московской средней школе более 45 лет: учителем, завучем, директором. Заметный след в душе Альбины, по ее признанию, оставила педагогическая деятельность мужа Валентины Васильевны — Николая Ивановича, учителя труда. Как-то в разговоре с ней бывший ученик Н.И. Кулика, уже сам ставший отцом ученика Альбины Васильевны, рассказал, что профессии станочника и тракториста, которые он получил благодаря урокам Николая Ивановича, стали основными в его жизни. Именно в школе, поняла А.В. Золотарева, молодому человеку нужно давать не только профессиональные ориентиры, но и основы его будущей профессии.

В этой же Московской школе работает племянница А.В. Золотаревой, отличник просвещения Альбина Николаевна Харченко, учитель биологии, ученики которой нередко занимают призовые места на областных предметных олимпиадах. И еще пятеро племянников Альбины Васильевны выбрали нелегкую педагогическую стезю, из них четверо — дети ее старшего брата.

Добрая память до сих пор живет в селе о младшей сестре А.В. Золотаревой — Надежде, к сожалению, рано ушедшей из жизни. Она была гордостью Московской школы, талантливым математиком, серебряной медалисткой...

«Так что всему лучшему, что во мне есть, я обязана семье и школе. На выпускном вечере я искренне благодарила учителей за науку. Учили нас люди творческие, добросовестные, любившие детей и знавшие их психологию. С детства я боготворила своих учителей, мне нравился их труд, и у меня было одно желание — быть учительницей». Поэтому после окончания школы у Альбины раздумий не было — только в педагогический.

Послевоенные конкурсы были очень высокие, и, сдав экзамены на «хорошо» и «отлично», Альбина все-таки не была зачислена в институт. Но она не отчаялась. Поступила в профессиональное училище, окончила его с отличием, начала работать на шинном заводе. Потом все равно ушла к детям, но именно с тех пор у нее — глубокое почтение к рабочей профессии, к умелым трудовым рукам.

Но мечту стать учителем не оставила и вскоре поступила в Воронежский государственный университет на заочное отделение исторического факультета. Привычка к труду, собранность, целеустремленность помогли ей и в учебе, и в работе, и в общественной жизни. «Кафедры были великолепные, преподаватели — знающие и отзывчивые люди. Они многое вложили в нас. Я успевала везде. Учеба и труд давались, в общем-то, легко. Так что была и передовой производственницей и активной общественницей». А вскоре, когда от завода девушку послали вожатой в пионерский лагерь, состоялось и ее первое педагогическое «боевое крещение». Проведя все лето со своими беспокойными, веселыми, неугомонными подопечными, Альбина поняла, что не ошиблась в выборе профессии: ее призвание — работа с детьми. И начинала она, пожалуй, с самой хлопотной и непростой деятельности — вожатой.

КАК АЛЬБИНА СЕМЕРЫХ ГЕНЕРАЛОВ... ПРИГЛАСИЛА

Всего год проработала Альбина в этой должности в школе №21 Воронежа, когда ей, восемнадцатилетней студентке, предложили стать вожатой в Суворовском училище. К первому визиту на свое новое место работы Альбина готовилась тщательно: начистила мелом тапочки, нагладила единственное платьице. Посмотрела на себя в зеркало. Маленькая, худенькая, голубоглазая девочка не совсем представляла себя в роли наставника будущих военных. И вот — первая серьезная «операция»: надо было пригласить на праздник в училище генерала. Альбина знала, что народ это занятой, солидный, оторвать их от важных дел будет непросто. Но недолго она мучилась сомнениями. «Уж кто-нибудь, да придет», — подумала девушка и, посоветовавшись с работниками военкомата, на всякий случай побывала с приглашениями у... семи генералов. Оставшиеся дни до праздника очень переживала. Каково же было ее удивление, когда в этот день она увидела возле училища аж семь черных «Волг» — приглашенные прибыли все! Даже начальник училища пришел в легкое замешательство. Но Альбина не растерялась, она еще раз критически осмотрела свои новые туфли на каблуках, купленные по этому случаю, и смело шагнула в комнату, где сидели гости. Обстановку разрядил пожилой военный с орденами:

— Ну, смелей, доченька, проходи! Сегодня праздник, — сказал он, наливая в рюмку коньяк.

Альбина, зажмурившись, проглотила обжигающую жидкость и подумала: «Как же быть дальше?» Тут ей вспомнилось мудрое бабушкино наставление — умей всегда уйти вовремя. И еще один урок вынесла она из этого случая — если ставишь цель и упорно ее добиваешься, то всегда все получится!

ИСКАТЬ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ И УВЛЕЧЕННЫХ

Эти слова стали ее девизом и на новом месте работы — в Левобережном Доме пионеров и школьников, куда она пришла молодым специалистом. Альбина Васильевна чувствовала себя здесь уверенно с первых дней. Пройдя хорошую школу на производстве, поработав в комсомоле, она приобрела первые административные навыки, познакомилась со многими директорами различных промышленных предприятий района. Дом пионеров стал первой ступенькой к достижению той главной цели, которой она служит до сих пор, — сделать дополнительное образование не просто местом проведения досуга детей, но и школой самоопределения и освоения настоящего профессионального мастерства.

И тут на взлете ее карьеры, творческих планов — два тяжелейших удара: она потеряла единственную дочь Таню, а потом перенесла тяжелую болезнь, после которой далеко не все возвращаются к трудовой деятельности. Это были очень трудные годы в ее жизни. И только сила характера, природный оптимизм позволили ей снова вернуться к любимому делу. «Для истинной жизни недостаточно только однажды родиться, нужно еще чуть не ежедневно возрождаться». Эти слова Андрея Платонова на долгие годы стали ее путеводной нитью, за которую она держалась, выходя на свет из мрака горя и отчаяния.

Альбина Васильевна, оставив пост директора Дома пионеров, переходит на работу методистом, а затем завучем на станцию юных техников № 2. Так уж складывалось, что ее направляли — а может, она сама их искала — на самые трудные участки в системе образования в самом сложном микрорайоне Левобережья — ВАИ.

В первые же дни, пройдя по кабинетам, где занимались дети из соседних школ,

Альбина Васильевна поняла, что не на поделки-однодневки из бумаги и картона надо тратить время, а учить ребят делать полезные вещи, которые были бы нужны людям, и приносили бы удовлетворение тем, кто их изготавливал. Менять надо было многое, но самое главное — предстояло изменить сам взгляд на роль и содержание дополнительного образования. Поняла она и другое — одной такое дело не сдвинуть, нужна команда единомышленников.

Главным единомышленником и горячим сторонником идей Альбины Васильевны стал тогдашний председатель областного комитета образования С.А. Рогачев. Ей очень помогли его высокий профессионализм и умение не только видеть перспективу, но и содействовать ее развитию. Станислав Александрович (ныне покойный) умел ценить людей трудолюбивых, увлеченных своим делом, добросовестных. Именно таким педагогом считал он Альбину Васильевну Золотареву.

«Чтобы в бюджете района появилась строка о финансировании нашей работы, мне пришлось немало походить по инстанциям и доказывать значимость наших начинаний. Я не просто просила понимания. Я показывала нашу продукцию. Мы успешно прошли аттестацию, аккредитацию, получили право выдавать удостоверения государственного образца. У преподавателей появилась уверенность в своих силах и профессиональное достоинство — ведь работают они не в кустарной мастерской, а в солидном государственном учреждении».

В 1992 году на базе станции юных техников №2 была организована муниципальная школа дополнительного образования детей и юношества, разработаны положение и устав этого внешкольного учреждения. Педагогический коллектив школы взял курс на совершенствование форм и методов работы, изменение структуры образовательной системы, введение многоступенчатости, разноуровневости и вариативности обучения, создание учебно-методических пособий нового поколения. Работа велась в режиме эксперимента по созданию модели учреждения дополнительного образования нового типа, претендующего на авторскую школу. Эта модель инновационного образовательного учреждения, по оценке ученых и коллег, ознаменовала качественно новый подход к профессиональному самоопределению, стала альтернативой профессионально-техническому училищу.

Так родился социально-педагогический проект «Комплементарное образование — акмеологическая основа процесса профессионально-личностного становления учащегося». Расшифровывается он очень просто: надо не только давать детям знания, но и открывать в каждом творческую личность, в союзе с общеобразовательной школой помогать ребенку как можно раньше (уже с 8-го класса) определиться, найти свое истинное место в профессии, а позднее — и на рынке труда.

Началась большая работа, в процессе которой необходимо было не только расширить спектр профессий, но и поставить обучение в школе на научно-обоснованную, технологическую и теоретическую основы. Стало ясно, что своими силами не обойтись. Нужны были специалисты-производственники, одним из которых и стала инженер-конструктор авиационного завода Тамара Андреевна Рощупкина. Велся постоянный поиск талантливых, увлеченных, имеющих призвание к педагогическому труду, умеющих работать с детьми людей. У Альбины Васильевны на них особое чутье. Когда у нее спрашивают, по каким критериям она отбирает в свою школу преподавателей, она, не задумываясь, отвечает: «По глазам!» И добавляет: «У учителя должны сиять глаза, он должен много знать и уметь, только тогда к нему приблизятся дети, обучение будет желанным, а итог его плодотворным».

Где бы ей ни приходилось бывать, встречаясь с людьми, она постоянно отыскивала для своей школы настоящие «жемчужины» и почти никогда не ошибалась. Так здесь появились педагог по народно-прикладному творчеству Галина Юрьевна Мягкова, отличник просвещения Любовь Михайловна Покровская, мастер по

машинному вязанию Елена Ивановна Маслова, заслуженный учитель, обладающий исключительным мастерством, Алексей Николаевич Киселев и многие-многие другие, которые со временем составили сильную профессиональную команду.

Но чтобы работать с разновозрастными детьми, необходимы знания по педагогике, психологии, методике преподавания. Была выработана система обучения и педагогического коллектива. Начали с педагогики Бабанского, затем в школу стали приезжать с лекциями преподаватели и профессора не только воронежских вузов, но и известные ученые страны. Среди них были профессор Российской академии государственной службы Н.В. Соловьева, профессор Санкт-Петербургского университета Л.Е. Варфоломеева, профессор ВГУ С.Ф. Сердюк, доктор исторических наук Л.М. Савушкин и многие другие.

Рос профессионализм преподавателей. И это заметно сказывалось на деятельности учреждения. Одновременно расширялся круг профессий, которые могли получить дети. И главное — решалась задача профильной ориентации ребенка.

— Все дети — талантливы. Если мне скажут, что это не так, я с этим не соглашусь, — говорит Альбина Васильевна. — Просто нужен опытный педагог, который сможет разглядеть в ребенке его призвание. А ведь призвание — это судьба. И, в конечном итоге, — состоявшаяся, счастливая жизнь.

Так постепенно учреждение дополнительного образования, которое возглавила Альбина Васильевна, выходило на новый уровень. В 1997 году это учебное заведение было аттестовано и аккредитовано департаментом социальной политики и образования областной администрации, получило право на образовательную деятельность с выдачей сертификатов о начальном профессиональном образовании по восьми специальностям.

СОЗИДАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Но это было только началом главной задумки Альбины Васильевны. Она идет в школы, убеждает педагогов в том, что профориентация ребенка не менее важна, чем получение им знаний в общеобразовательном учебном заведении. Контакт со школой дает положительные результаты — учителя, зная детей с первого класса, наблюдая их ежедневно, помогали им выбрать дело по душе. А выбирать уже было из чего. В школе дополнительного образования учащимся был предоставлен выбор специальности по тринадцати профильным направлениям — компьютерные технологии, народно-прикладное творчество, декоративно-прикладное искусство, производственно-техническое направление, конструирование и моделирование одежды, ковроткачество и вязание трикотажных изделий, изготовление макетов русского зодчества, архитектура и столярное производство, авиа — и судомоделизм и т.д.

Новая модель учебного заведения требовала научного осмысления и обоснования. Именно эту задачу поставила Альбина Васильевна в своей кандидатской диссертации, где взяла на себя смелость переосмыслить сложившийся за многие десятилетия опыт дополнительного образования. Она сделала научную разработку нового направления в дополнительном образовании — «комплементарное образование». Суть его в том, что ребенок без отрыва от учебы в общеобразовательной школе получает начальное профессиональное образование. Создавая эту систему, А.В. Золотарева исходила из того, что в вопросах воспитания детей, подростков и юношества должна существовать взаимосвязь между общеобразовательной школой и учреждением дополнительного образования.

— В 1997 году наш коллектив выбрал свой, особый образовательный маршрут в дополнительном образовании, — вспоминает Альбина Васильевна. — По сути,

мы стали первопроходцами на пути создания образовательного учреждения нового типа в качестве альтернативы техническому училищу. В рамках комплементарного сотрудничества с общеобразовательными школами мы давали учащимся профессию без отрыва от основного обучения, помогали им получить чрезвычайно важный импульс — импульс созидания, творчества, профессионального самоопределения, импульс, который позволит каждому самореализоваться в дальнейшей жизни. Уже со школьной скамьи дети получали возможность твердо стоять на ногах в этом непрестом, быстро меняющемся, экономически сложном и часто нестабильном мире.

Если у общеобразовательной школы есть типовые программы, то у учреждений дополнительного образования, как правило, их нет. Каждое учреждение, что называется, варится в собственном соку, педагоги системы дополнительного образования нередко действуют стихийно, основываясь на своей интуиции, жизненном опыте и тех знаниях по педагогике, которыми им удалось овладеть. Научные исследования по этому вопросу носили больше теоретический, чем практический характер. В своей кандидатской диссертации Альбина Васильевна впервые не только обосновала принцип комплементарного взаимодействия образовательных систем на примере общего и дополнительного образования, но и привела в соответствие функции школы и дополнительного образования, разработала стадии профессионального становления специалиста в учреждениях дополнительного образования. Она доказала, что именно они наиболее оптимально предоставляют молодым людям возможность ранней профессиональной ориентации. Предложенные А.В. Золотаревой практические рекомендации прошли успешную апробацию на разных уровнях — от местного до всероссийского.

Казалось бы, цель достигнута: создано инновационное учебное заведение, которое сегодня носит название Центр дополнительного образования детей «Реальная школа» или, как его попросту называют, школа Золотаревой. Можно было успокоиться и двигаться дальше по наезженной колее. Но быстро меняющееся время не позволяло стоять на месте: жестче стали требования к профессиональной деятельности человека, возросла конкуренция на рынке труда, который требует постоянного пополнения знаний, умения осваивать инновационные процессы во всех областях жизни. Альбина Васильевна начала разработку новой научной темы — акмеологии, науки, которая изучает глубинные процессы в области изменчивой мировой сцены: политики, права, психологии, религии. В центре была создана акмеологическая лаборатория от кафедры Санкт-Петербургского государственного университета. Здесь работали доктор и кандидаты педагогических, филологических, физико-математических и технических наук. Лаборатория пользовалась прямой поддержкой правительства России, а также таких видных деятелей науки, как академик профессор РАО А.А. Деркач и профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук Н.В. Кузьмина. Этот мощный научный потенциал стал залогом успешного развития и совершенствования обучения в «Реальной школе».

А сама Альбина Васильевна о сложной науке акмеологии говорит просто: «Я занимаюсь психологическим аспектом акмеологии. Для меня это наука о том, как раскрыть душу ребенка. Надо найти такой контакт с ним, чтобы, обучая его, “растворяться” в его душе. Мы подбираем не учеников к преподавателям, а преподавателей к ученикам».

В системе дополнительного образования области школа, которую возглавляла А.В. Золотарева, занимала особое место. Инновационный процесс здесь не прекращается. Разрабатываются современные учебные программы, внедряются новые профили обучения, совершенствуется учебный процесс, в основу которого положен социальный заказ. Большое место отводится практическому обучению:

это работа в мастерских, производственных бригадах, на лабораторно-практических занятиях, в фирмах и организациях города. Все это помогает подготовить молодежь к жизни и успешной профессиональной деятельности. Наряду с аттестатом общеобразовательной школы выпускники центра получают аттестат (диплом) по избранной ими профессии. Их знания и умения на выпускных экзаменах оценивает компетентная комиссия из преподавателей воронежских вузов. Профессиональные аттестаты получили уже более пяти тысяч выпускников. В их числе дети разных возрастов и социальной принадлежности: сироты, инвалиды, так называемые «трудные» подростки и самые обычные школьники.

В связи с реализацией в Воронежской области концепции профильного обучения Центр дополнительного образования Левобережного района стал ресурсным для многих школ г. Воронежа. На базе «Реальной школы» проводились научные конференции, семинары, педагогическую модель, разработанную А.В. Золотаревой, начали осваивать в других регионах России. В школу за опытом работы приезжали педагоги дополнительного образования со всех концов страны. И сама Альбина Васильевна много ездит по стране, делится опытом, активно участвует в педагогической и общественной жизни.

— Ведь наша школа не имеет аналогов в России, — поясняет она. — Мы единственные, кто был награжден большой серебряной медалью величайшего педагога Яна Амоса Коменского.

В апреле 2007 года в Москве состоялся всероссийский форум «Здоровье нации — основа процветающей России». В нем приняли участие представители разных регионов, в том числе и Воронежской области, в состав делегации которой входили специалисты здравоохранения, образования и культуры нашего края. Образование Воронежской области в числе нескольких учебных заведений достойно представили педагоги Центра дополнительного образования детей «Реальная школа». Особый интерес у членов жюри вызвала экспозиция, составленная из необыкновенных по своей красоте изделий воспитанников ЦДОД. В результате наша область в числе пяти лучших была награждена золотой медалью и дипломом выставки.

ШКОЛА ПРОФЕССИОНАЛИЗМА И МУДРОСТИ

В январе 2010 года по инициативе Общественной палаты Воронежской области Альбина Васильевна Золотарева проводила курсы повышения квалификации для педагогов дополнительного образования города Грозного Чеченской Республики.

Уже в поезде, на обратном пути на ее мобильный телефон пришло сообщение: «Голубь вылетел вслед за вами». И воронежские, и чеченские учителя до сих пор считают это чудом. Впорхнув в аудиторию чеченского института повышения квалификации работников образования, голубь целую неделю пробыл в этих стенах и упорно не хотел вылетать. Так и прозанимались все вместе: педагоги, общественники и добрый знак нового года и нового этапа в давно окрепших отношениях.

В те дни 250 педагогов из всех районов Чеченской Республики собрались в Грозном на курсы повышения квалификации в системе дополнительного образования. Мастер-класс для чеченских коллег провели преподаватели воронежского Центра дополнительного образования детей «Реальная школа» под руководством ее директора Альбины Васильевны Золотаревой. Так по согласованию с правительством и Общественной палатой Чеченской Республики был реализован завершающий этап проекта комиссии по толерантности и общественной дипломатии Общественной палаты Воронежской области «Воронежские общественные инвестиции». Можно сказать, что 2010 й, объявленный в нашей стране Годом учителя,

стартовал в Чечне. А старт дали воронежцы. На занятиях Альбину Васильевну буквально засыпали вопросами, ее учебник «Педагогика дополнительного образования» шел, что называется, нарасхват.

— Мы хотим, чтобы все наши общественные инвестиции шли далеко за пределы нашего региона, — отметила тогда Валентина Шумлянская, заместитель председателя Общественной палаты Воронежской области. — И мы не просто так выбрали Реальную школу. Образование Чечни испытывало огромные трудности, долгое время дети школьного возраста вообще не учились. А Альбина Васильевна и ее педагогический коллектив смогли передать чеченским коллегам свой уникальный для России опыт дополнительного образования и получения специальности в любой жизненной ситуации.

Кстати, сама Альбина Васильевна постоянно использовала в работе чеченский журнал «Геланча» — педагогический «Вестник», издаваемый в Грозном в помощь учителям. Получается, не только чеченским, раз для Альбины Васильевны он как настольная книга.

— Тогда это была первостепенная проблема для Чечни — привить подрастающему поколению трудовые навыки, дать профессию. Большинство населения занималось торговлей, а профессионалов, в том числе по рабочим специальностям, все еще было мало, — вспоминает Альбина Васильевна. — Мы рассказывали коллегам о специальностях, которые дает наша школа: бухгалтерский учет, программирование, вязание крючком, на спицах, на машине. И они с жадностью схватывали всю новую для себя информацию. Главное мое впечатление от поездки: наши чеченские коллеги — люди на удивление открытые, с огромным желанием учиться самим и учить своих детей. Чеченское сообщество сейчас держится на трех приоритетах, сформированных чеченским правительством: образование, медицина, духовность. И у них, на мой взгляд, образование развивается в правильном направлении. Например, многие чеченские школы уже перешли на сорокачасовую рабочую неделю, принципиально меняющую социальный статус учителя. Преподаватель-почасовик становится преподавателем продленного дня, с соответствующим повышением заработной платы, что позволяет учителю больше нигде не подрабатывать, отдавая школе все свои профессиональные возможности. Это то, чего так не хватает воронежской системе образования, где учителя в поисках дополнительного заработка давно бросили себя в жернова репетиторства.

Впрочем, воронежские педагоги почерпнули для себя и еще один опыт, который не изучишь в журнале «Геланча» или творческой лаборатории. Прямо в классе Республиканской станции юных туристов стояла палатка. «Нам с ребятами пока в горы нельзя, там все еще везде растяжки», — пояснил недоуменным воронежцам тренер.

Альбине Васильевне врезалась в память такая встреча: на одном из мероприятий, проходившем с педагогами и детьми в районах, к ней подошел мальчик с трясутыми руками и сказал, что после школы он очень хотел учиться на стоматолога, но вот что делать с такими руками и неизлечимыми воспоминаниями об ужасах войны? С мечтой о любимой профессии придется попрощаться... Что ей было ответить ребенку, искалеченному войной? По — матерински прижать его к сердцу, принять его боль как свою, сказать слова утешения и ободрения. Когда сочувствие идет от души, поверьте, и это немало.

— В Чечню мы ехали учить, но многому научились сами, — призналась позже Альбина Васильевна. — Научились открытости и пониманию. Нас встретили как родных, и за все время работы в Чечне мы не увидели ни одного косоного взгляда. Это была настоящая школа профессионализма, мудрости и добра.

В 2013 году состоялся еще один дружественный визит педагогов Реальной школы — в Южную Осетию. Цель поездки — обмен опытом.

— Мы привезли своим коллегам литературу по педагогике дополнительного образования, показали фильм о работе нашей школы, поделились своими работками. А наши учащиеся вместе со своими преподавателями подготовили множество сделанных собственными руками предметов одежды и сувениров.

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

Терпение и труд все перетрут, говорят в народе. Альбина Васильевна любит повторять еще одну народную мудрость: «Ремесло пить-есть не просит, а хлеб приносит». Достижения, успех — это результат ежедневной кропотливой работы всего коллектива и каждого педагога. Ведь именно от их труда и умения передать свои знания и мастерство молодым, от их желаний научить и одновременно учиться самим зависит образованность и успех будущих граждан России.

Дополнительное образование формирует не только интерес к знаниям и профессиям, но и вырабатывает художественный вкус и дает знания многих предметов, касающихся науки, социологии, педагогики и религии.

— Я нашим выпускникам всегда говорила — вы пронесите по судьбе свое имя, как хрустальный шар, не разбив его и при этом набирая высоту и скорость. Вот вся жизнь наша в этом и заключается.

Главное предназначение обучения, считает Альбина Васильевна, заключается не в простой передаче знаний и навыков для овладения выбранной профессией, а в формировании творческой личности человека. Зажечь искру творчества в душе ребенка может только талантливый, увлеченный учитель. «Педагогика полна эмоциями, — говорит она. — Боль и грусть, радость и нежность, любовь и ужас — все в ней разворачивается в полномасштабные трагедии, драмы, фарсы. А для научной педагогики, к сожалению, все это осталось за скобками, будто не существует совсем. Назовите хоть одну малюсенькую статейку под названием “Грусть и нежность на уроках математики”! У научной педагогики нет такого раздела, поэтому она становится похожей на инвалида на одной ноге».

С этими словами трудно не согласиться. У детей, как ни у кого другого, зоркие глаза, они сразу отличают правду от фальши, настоящую любовь от заискивания и, главное, знающего, искреннего и доброго учителя от посредственного. И таких — талантливых, увлеченных педагогов — в центре большинство.

Светом увлеченной натуры и самой А.В. Золотаревой озарена вся его деятельность. Она не допускает холодной штамповки ни в чем. С какой неподдельной радостью говорит Альбина Васильевна о способностях своих учеников. И когда знакомишься с работами ребят — тонкой вышивкой, изделиями в стиле макраме, изящной резьбой по дереву, — то сразу и не верится, что эти шедевры выполнены не рукой зрелого мастера, а детьми. Одухотворенность каждого изделия не случайна. Она сотворена из широкого кругозора автора, его художественного вкуса, проникновения в суть самой вещи, будь то народный костюм, макет храма или красочное панно по мотивам русских сказок. «Именно так рождается красота, — считает Альбина Васильевна, — которая спасет не только мир, но и детские души».

Ведь школа располагается в одном из самых неблагополучных в криминальном смысле районов города. И где еще, как не от учителя, ребята могут услышать слова о красоте, доброте и милосердии, этих вечных ценностях жизни. Услышать и увидеть, как каждый наставник, словно Данила-мастер из сказки Бажова, творит свой Каменный цветок, приобщая их к чуду мастерства. Поистине сказочной красоты вышивка выходит из-под рук учениц отделения народно-прикладного творчества, обучающихся по программе «Машинная вышивка». Эта программа направлена не только на изучение, но и на возрождение народных художественных промыслов. Приступая к изготовлению костюма, ребята

изучают эпоху, историю костюма, буквально проникаясь духом того далекого времени. Русским народным костюмом, изготовленным ученицей, а потом и педагогом Центра Женей Шустовой, любовались не только на областных выставках — он занял второе место на Всероссийском конкурсе «Я люблю тебя, Россия», проходившем в Москве. Почти все девочки сами сшили себе выпускные платья, украшенные эксклюзивной вышивкой. Станут ли они профессиональными вышивальщицами, трудно сказать, но это старинное ремесло наверняка пригодится им в жизни.

Разработали свои авторские программы компьютерщики Виктор Егорович Королев, Петр Васильевич Суворов, Марат Равильевич Токтар. Школьников, обучающихся в объединении компьютерных технологий, сегодня уже более тысячи.

Таких макетов храмов, которые изготавливали ребята в объединении «Юный мастер» под руководством заслуженного учителя РФ А.Н. Киселева, пожалуй, больше нигде не увидишь. Алексей Николаевич учил ребят макетированию памятников культового зодчества (церквей, храмов, соборов) — начиная с деревянных церквей Севера России XVII века, храма Покрова на Нерли и заканчивая священным символом России — храмом Христа Спасителя. Эти макеты украшали многие городские и областные выставки, экспонировались на ВДНХ, изумляя зрителей тонкостью, кропотливостью работы, высокой точностью сходства с оригиналом. Конечно, изготовление таких моделей невозможно без глубокого проникновения в историю религии, непосредственного знакомства с памятниками исконно русского зодчества.

Одним из самых популярных в Центре стало швейное объединение под руководством Ирины Григорьевны Наролиной. Начиная с самых азов, к окончанию курса обучения девочки выполняют заказы на уровне профессиональных мастеров. Ребятишки из некоторых близлежащих школ ходят на занятия в форме, сшитой руками учениц этой производственной бригады, которые продолжают трудиться и летом, зарабатывая пусть небольшие, но собственные деньги. Более 500 учениц обучаются конструированию и моделированию одежды.

В мае 2013 года в Воронеже проходил очередной XI Международный фестиваль молодых дизайнеров одежды «Губернский стиль». Сезон 2013 года был посвящен юбилею патриарха российской моды Вячеслава Зайцева. «Губернский стиль» — один из немногих в стране, в котором столь массово участвовали модельеры из разных городов. Благодаря этому фестивалю Воронеж стал столицей моды нестольичной России.

Достоинно выступили на престижном конкурсе в качестве дизайнеров учащиеся и педагоги Центра дополнительного образования детей «Реальная школа». В номинации «Перформанс — модное представление и театральные костюмы» с коллекцией «А у нас во дворе» они заняли 3-е место. Авторами и главными создателями этого творческого представления стали педагоги Ирина Григорьевна Наролина и Ольга Ивановна Назарова. Дипломами была отмечена коллекция «Лиса Алиса», а также коллекция «Меховой лабиринт». А еще в честь юбилея Вячеслава Зайцева педагоги и учащиеся школы вручили ему подарок — сделанный собственными руками царский головной убор «Шапка Мономаха». Патриарх моды с удовольствием примерил его: к общей радости, он ему был к лицу. И добавим — несколько выпускниц ЦДОД потом работали в лаборатории Вячеслава Зайцева.

В «Реальной школе» существовали несколько направлений, в рамках которых дети могли получить более 40 специальностей, вполне востребованных временем: оператор ЭВМ, мастер-программист и WEB-технолог компьютерных технологий; менеджер офиса; мастер столярного и мебельного производства; модельер-конструктор одежды; мастер машинной вышивки; мастер-художник резьбы и росписи по дереву и многие другие.

Время подтвердило жизненные идеи Альбины Васильевны о том, что дети должны видеть плоды своего труда, понимать житейскую пользу изготовленных ими изделий, ребенок должен через труд утвердиться в себе самом, поверить в свои силы.

ДАРИТЬ ДОБРО

Конечно, это важно — постижение мастерства в профессии. Но все-таки не менее важно, когда профессионализм проникнут, согрет добротой и милосердием. Творить, дарить добро — к этому тоже приучают детей в «Реальной школе». Педагоги наблюдали, какой след в душе их питомцев оставляют посещения Дома ветеранов войны и труда, куда они привозят одежду и постельное белье, сшитое собственными руками, визиты милосердия в школу-интернат к детям-сиротам с подарками.

В Воронеже как-то проходила необычная благотворительная акция «Дети — детям», организованная городским молодежным центром. В ней участвовали школьники, а также воспитанники учреждений дополнительного образования. Одним из первых включился в акцию Центр дополнительного образования детей «Реальная школа».

Накануне акции ребята подготовили множество самых разнообразных подарков для своих сверстников, обучающихся в школах-интернатах. Например, в школу-интернат №8 для детей с тяжелыми нарушениями речи ребята отвезли покрывала для кроватей, кресла, различные поделки из древесины, настенные панно, выполненные в стиле фитодизайна и макраме, которые украсили спальни интерната, сделали их более уютными.

Побывали ребята с благотворительными акциями и в муниципальном детском доме села Алое Поле Панинского района, в Доме ребенка Левобережного района Воронежа. А после майских праздников состоялась поездка в Павловский детский санаторий для психоневрологических больных. Здесь при санаторной школе был открыт кабинет психолога, для украшения которого ребята с любовью изготовили замечательные красочные панно по мотивам русских сказок. Кроме того, они передали больным детям собственноручно связанные носки, а также приобретенные на заработанные деньги цветные карандаши, пластилин, бумагу и даже красивые занавески на окна.

С большой благодарностью вспоминали воспитанников «Реальной школы» в санатории, а также в Аннинской спецшколе и других специализированных учреждениях, где дети так нуждаются в тепле, внимании, искреннем участии.

Не остаются без помощи и поддержки взрослых и сами ребята, обучающиеся в центре. Ведь для того, чтобы научиться какому-то делу, необходимо не только мастерство педагога, но и немалое количество так называемых расходных материалов. И здесь у Альбины Васильевны своя теория, проверенная жизнью. Ее можно назвать «теорией бумеранга»: сделай человеку добро, и оно возвратится сторицей. Ну, например, какой руководитель завода откажет ребятам в помощи, если они принесут ему в подарок сделанное своими руками замечательное кресло-эксклюзив! Приятным сюрпризом для работников предприятия становились вещи, изготовленные детьми: постельное белье, рабочие жилеты, ночные рубашки, резные хлебницы, расписные столы и стулья для детского сада и многое другое. Крепкая дружба связывала школу с крупнейшими предприятиями Левобережья — заводами ЖБИ, ГОО, «Амтел-Черноземье», ЗАО «Воронежстальмост», ОАО «Синтезкаучук», ВАСО, ВОГРЭС, нефтебазой, хлебозаводом №2, без участия и помощи руководителей которых вряд ли могла существовать и успешно развиваться эта необычная школа.

В попечительский совет центра, организованный по инициативе А.В. Золотаревой, входили не только директора заводов, но и депутаты Воронежской городской и областной думы. В ее Центр дополнительного образования приезжали академики и министры, известные педагоги и иностранные делегации. Огромную поддержку школе оказывала также депутат Государственной Думы (позже сенатор) Галина Карелова, городская и районная администрации. А в 2000 году, когда Владимир Владимирович Путин был со своим первым визитом в Воронеже, Альбина Васильевна присутствовала на встрече с ним и попросила выделить автомобиль для школы. И действительно — у центра вскоре появился микроавтобус.

На выпускном вечере в «Реальной школе» всегда звучали искренние слова благодарности выпускников, которые наряду с аттестатами зрелости в общеобразовательной школе получали удостоверения о профессии. «Можно и в вуз пойти, и свое дело открыть», — подчеркивала Альбина Васильевна. — Ведь это настоящая путевка в жизнь». И действительно, многие выпускники прошлых лет школы уже «нашли себя», сумели адаптироваться к нелегким условиям современной жизни — открыли частные ателье, выполняют индивидуальные заказы, работают программистами, системными администраторами в фирмах, банках, WEB-дизайнерами.

— Я считаю, что ребенок должен из школы выходить уже что-то знающим, подготовленным к труду, — такова точка зрения Золотаревой. — Учитель должен дать знания гораздо шире, чем может рассказать учебник. Ребенок способен освоить все, что мы ему дадим, если это будет интересно. Учитель должен научить учиться, а не выучить урок. Это главная задача школы.

НЕ УЧЕБОЙ ЕДИНОЙ

Настоящий педагог не должен упускать из виду не только обучающую цель каждого занятия, но и воспитательную и развивающую, убеждена Альбина Васильевна. Ученик, уходя с занятия, должен унести с собой и определенный объем знаний, и частичку духовности. Ведь нравственное начало не менее важно, чем научные познания. Задача педагога — научить человека нести ответственность за свою жизнь, жизнь других людей, за свою страну и весь мир в целом.

— Важно и то, что мы большое внимание уделяем организации досуга детей, их всестороннему воспитанию. Наша школа — школа радости, добра и красоты, творческого поиска, внедрения новых педагогических технологий. Это школа с особой атмосферой — атмосферой сотрудничества, сотворчества и содружества.

Становление целостной гармоничной личности ребенка — именно эта задача легла в основу системы, объединяющей в себе культурно-образовательную, досуговую и профессионально-ориентированную деятельность учащихся школы. Под руководством заместителя директора по учебно-воспитательной работе Ольги Анатольевны Гутневой была создана программа воспитательной работы. Один из главных разделов — целевая программа «Святая Русь». В центре практикуется проведение народных традиционных праздников: «Масленица», «Рождественская мозаика», «Христово Воскресенье»; обращение к фольклору, духовным ценностям, краеведческо-поисковой работе по истории возникновения и развития народных промыслов и обрядов в Воронежском крае. В ЦДОД всегда велась активная работа по направлению «Мое Отечество»: проходили краеведческие чтения, тематические военно-патриотические вечера, посвященные празднованию Великой Победы и другим знаменательным датам. В ноябре 2008 года в школе было открыто «Литературное кафе».

Некоторые праздники оставили глубокий след в душе и памяти детей. Например, надолго запомнилась русская свадьба, которую в XVIII веке проводили на юге Воронежской губернии. Ее действующими лицами стали сами учащиеся ЦДОД. Полгода они готовились к свадьбе — делали приданое, шили наряды же-

ниха и невесты. Ребята нашли тексты свадебных песен того времени, восстановили ход обряда и сумели все это артистично воспроизвести на сцене. Был в «Реальной школе» и настоящий Крещенский вечерок. Девушки гадали со свечами, бросали «за ворота» сапожок, загадывая судьбу, красовались на «ярмарке невест». Возникли также такие интересные формы работы с детьми, как посиделки, интеллектуальные ринги, КВН. Традиционными стали семинары, посвященные проблемам имиджа, стиля в искусстве, личного и делового общения.

Давно отшумели наивные споры лириков и физиков. Стало очевидным, что ни экономика, ни наука, ни социальный, ни технический прогресс не могут самораскрыться без культуры в самом широком смысле этого понятия. А сама культура — народа ли, деревни, города, поколения или отдельного человека — не может существовать без истинной веры. На вере, на православном сознании стоит отечественная культура. Это всегда хорошо понимали в школе Золотаревой. Недаром одно из инновационных направлений деятельности школы так и называлось «Духовно-нравственное воспитание как сфера педагогической ответственности в развитии личности ребенка».

Ученики и преподаватели школы дружили с настоятелем воронежского храма во имя преп. Сергия Радонежского протоиереем Александром Домусчи, о. Лаврентием из Задонского мужского Богородицкого монастыря. Не случайно именно на базе «Реальной школы» состоялся в свое время областной семинар «Возможности системы дополнительного образования по духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи», где обсуждались вопросы приобщения детей и подростков к православным ценностям в условиях дополнительного образования. Педагоги услышали, как на практике реализуется программа возрождения духовных традиций в «Реальной школе», рассказывали о своем опыте работы.

В КРУГУ ДРУЗЕЙ

В последнее время все больше предлагается инновационных подходов к обучению и воспитанию детей с особыми образовательными потребностями. И 67-я воронежская школа была первой в регионе, где дети-инвалиды учились вместе со всеми. А в «Реальной школе» уже с 2009 года в рамках программы «Милосердие» начал работать проект социальной направленности «В кругу друзей». Здесь уже в те годы по особой программе развития творческих способностей и интеграции в обществе обучались дети с ограниченными возможностями здоровья.

Адаптивная программа художественно-эстетического развития детей с особенностями развития и здоровья в «Реальной школе» была направлена на обучение декоративно-прикладным видам творческой деятельности (тестопластике, плетению в технике «макраме», изобразительному искусству, бисероплетению, пропиленной резьбе), ознакомление с окружающим миром и развитие речи; также на занятиях проводилась работа по профориентации детей-инвалидов с целью дальнейшего трудоустройства — по возможностям ребенка — и, как минимум, обучение элементарному самообслуживанию в быту.

Мальчик с синдромом Дауна Коля Перов, к сожалению, ушедший из жизни, был известен не только в Воронеже: он знаменитость мирового масштаба. Коля становился многократным чемпионом Специальных олимпийских игр, входил в национальную сборную страны. А еще он очень любил занятия по плетению в технике макраме в «Реальной школе» и переживал, когда начинались каникулы и занятия прерывались. Здесь учатся и ребята, которые не в состоянии сами добираться до школы. Например, Николай Шилов получил диплом WEB-дизайнера и занимался разработкой сайтов. Преподаватель ходил домой к Николаю, проводил занятия с ним дистанционно.

Здесь активно происходила интеграция детей-инвалидов в обычный детский коллектив, включение каждого ребенка с ограниченными возможностями в образовательную среду учреждения, ребята могли вместе с родителями и со всеми детьми участвовать в различных праздниках, мероприятиях, выставках работ, совместных концертах и спектаклях. В течение лишь одного учебного года профессиональную подготовку здесь получали более 300 школьников с ограниченными возможностями здоровья.

— Я убеждена, что детям, страдающим синдромом Дауна или аутизмом, нужно больше трудового воспитания, — отмечала Альбина Васильевна. — Многие ребята приходили к нам, занимались бисероплетением, развивая моторику рук, техникой макраме, художественной росписью, пропильной резьбой и даже компьютерными технологиями. Эти детишки очень ласковые, хорошие. Главное, не врать им — они сразу это чувствуют, — а дать возможность утвердиться в жизни. Если с детского сада дети-инвалиды занимаются вместе с обычными детьми, то они привыкают друг другу, адаптируются. В таком случае никто не считает, что одни дети отличаются от других.

ЧЕЛОВЕКУ ПО РАБОТЕ ВОЗДАЕТСЯ ЧЕСТЬ

Первое сентября — великий праздник для учителя. Это начало нового учебного года. Еще в позапрошлом веке Лев Толстой советовал учителю: «Для того, чтобы ученик учился хорошо, нужно, чтобы он учился охотно. Для того, чтобы он учился охотно, нужно чтобы то, чему учат ученика, было понятно и занимательно. И чтобы душевные силы его были в самых выгодных условиях, чтобы ученик не стыдился учителя и товарищей. Ум человека может действовать только тогда, когда он не подавляется внешними влияниями». Эти слова просты и понятны. Их великая мудрость очевидна. Но следовать этим правилам — огромный, поистине титанический труд, как отмечает Альбина Васильевна Золотарева.

Минуло несколько десятилетий с тех пор, как «Реальная школа» стала школой жизни. Здесь решались актуальные и перспективные задачи: развитие познавательных интересов у детей, создание союза обучения и производственного труда, формирование прочных трудовых навыков. Здесь десять подразделений, где занимаются тысячи детей. Центр работал в тесной связке с общеобразовательными школами, лицеями, колледжами, вузами, предприятиями и учреждениями города и Левобережного района. Все это имеет огромное значение для микрорайонов, удаленных от культурных и образовательных центров. Потому что подобные учреждения становятся центрами воспитания, профессионального образования и социальной защиты детей и молодежи.

Центр дополнительного образования детей «Реальная школа» стал ресурсным для многих школ Воронежа, реализующих предпрофильную подготовку и профильное обучение. Уже давно налажено взаимодействие ЦДОД со школами № 91, 30, 33, 54, 61, 79. В школах ребята получают базовое образование, а в центре — начальное профессиональное. Но особенно тесные партнерские взаимоотношения сложились с СОШ № 69.

Соединяя обучение учащихся в общеобразовательной школе с их обучением в центре и оказывая помощь ребенку в самоопределении, в выборе профессии, руководители и педагоги этих образовательных учреждений тем самым строят модель учебного заведения нового типа. Бывший директор средней школы №69 Татьяна Тимофеевна Лисицина рассказывала, что при объединении с ЦДОД из их школы многие проблемы ушли. Расширилось образовательное пространство учащихся, педагогов. А значит, появилось больше возможнос-

тей для самоутверждения, самореализации, развития творчества. Дети успешно принимали участие в олимпиадах, конкурсах, проектной деятельности, научно-практических конференциях различного уровня. Более того, у педагогов школы появилась замечательная возможность овладеть информационными технологиями, и это тоже благодаря Реальной школе. Следовательно, повысилось профессиональное мастерство учителя, а это способствовало более интересному проведению занятий.

«В нашей школе здорово! Мы получаем здесь профессию, а значит, в большую жизнь войдем более уверенно. И самое замечательное, что мы можем после окончания школы трудиться, быть более независимыми в материальном отношении от родителей, а также иметь возможность продолжить образование», — говорят школьники.

А у Альбины Васильевны в ее житейской копилке есть еще одна народная мудрость: «Труд у нас везде почетен, где какой ни есть. Человеку по работе воздается честь».

НАБИРАЙТЕ ВЫСОТУ И СКОРОСТЬ!

Особой заботой и директорским вниманием было окружено подразделение автотранспортного профиля. Здесь дети осваивали профессию слесаря по ремонту легковых автомобилей. Изучая теорию, они учились писать и оформлять свои проекты, а потом их защищать.

А начиналось все когда-то с мотоциклов. Руководителем кружка тогда был педагог Сергей Воробьев, один из самых талантливых преподавателей школы. Альбина Васильевна всегда умела находить хороших добросовестных людей, которые любят детей, и формировала в них профессиональные качества педагога. А они передавали свои знания детям.

Ребята с увлечением учились специальности «Слесарь по ремонту и обслуживанию двигателей легковых автомобилей» 3-го разряда. Подготовка школьников проводилась в двух направлениях: моторист и электрик. Ребята изучали устройство автомобиля, его техническое обслуживание и ремонт, а также приобретали практические навыки во время стажировки и при дипломном проектировании на третьем году обучения. Кстати, будущие слесари отремонтировали на своих занятиях два автомобиля школы. Качество подготовки специалистов здесь обеспечивали опытные преподаватели, были разработаны и утверждены учебные планы и программы, создана достаточная материальная база, есть современная учебная и методическая литература.

Первый выпуск слесарей по ремонту и обслуживанию двигателей легковых автомобилей запомнился всем по-особому. Ребята защищали дипломные проекты на тему «Техническое обслуживание и капитальный ремонт двигателя автомобиля ВАЗ-2106». Все десять выпускников (а это были одиннадцатиклассники СОШ №69) справились со своей задачей на «отлично».

Альбина Васильевна пожелала ребятам успехов и поздравила их с приобретением первой в жизни профессии, отметив, что сегодня, как никогда, в цене настоящие Профессионалы и Мастера с большой буквы. И какой бы ни была их дальнейшая трудовая деятельность, навыки, приобретенные мальчишками в центре, без сомнения, пригодятся во взрослой, самостоятельной жизни.

— Даже обучение в вузе становится проще после окончания курса в Реальной школе, несмотря на то, что курс начальный, — отметил выпускник школы, обучавшийся уже в ВГТУ, Дмитрий Крюков. — У наших преподавателей высокая квалификация, ведь они приходят к нам из вузов.

У КОГО РАБОТА ЕСТЬ, ТОТ НЕ СТАНЕТ В ДРАКУ ЛЕЗТЬ!

Много сил и энергии потратила Альбина Васильевна на создание целой сети своих филиалов в Левобережном районе. В ЦДОД — десять филиалов, но это очень мало, потому что дети приезжают не только со всех концов города, но и из Новой Усмани, Каширского района, Нововоронежа.

— Нужны сельские школы дополнительного образования, — намечала сферу новой деятельности Альбина Васильевна. — Чтобы давать детям специальность механизатора. А в Кашире, кстати, у нас есть юные пчеловоды — мы их вывозили летом с пасекой в Волгоград.

Один из филиалов был на улице Ильича, в доме, где жил герой Советского Союза Н.М. Николаенко. Здесь все пропитано духом воспитания. Своими силами проводились ремонт, поддерживается чистота и порядок. И дети рады приходить именно сюда, ведь они живут неподалеку. А вот Саша Кораблин, победитель областных соревнований по авиамоделизму, губернаторский стипендиат, приезжал издалека, из района нефтебазы. Нравилось ему здесь, и не только ему одному. В центре зачастую даже сложные и задиристые подростки находили путь к самим себе. И об этом также были переживания и забота директора Золотаревой.

Вот еще одна победа Альбины Васильевны — филиал на улице Менделеева, 12. Помещение было с трудом отвоевано у нерадивых арендаторов, приведено в порядок и стало образцом для окружающих. Трудно поверить, что когда-то здесь царил дым азартных игр и шла ломка детских душ у игровых автоматов.

С помощью администрации района и депутатов эта ошибка была исправлена. Дети тут стали заниматься очень полезным делом: авиамоделизмом, исторической миниатюрой, резьбой по дереву. Они осваивают компьютерные программы. Если делать какое-то дело хорошо — это всегда трудно. Но если человек любит свое дело, то оно дается ему легко. Ведь недаром говорят: «Выбери себе дело по душе, и тебе ни дня не придется работать».

В филиале центра на Ленинском проспекте действовала целая компьютерная школа. Основы ее закладывались еще в 1990-е. Компьютерные классы были оснащены новейшими системами. Опять же помогали депутаты города и области. Обучались более тысячи человек, ученики разных школ и других учебных заведений. Наиболее продвинутые ученики делают небольшие мультфильмы.

Шахматные баталии — частое явление в центре дополнительного образования. Обучение по программе «Шахматы» здесь поставлено на серьезную основу. Ведь нужно не только знать ходы и правила игры, но все просчитывать заранее, учиться стратегии. Мальчишки с удовольствием сражаются друг с другом. Но и девочки не отстают. Как говорится, наступают на пятки, не уступают.

Участники различных семинаров, конференций, проходящих в центре, с большим интересом знакомятся с достижениями подразделений «Реальной школы». Одно из ведущих — конструирование и моделирование одежды. Коллективные работы учеников и мастеров-педагогов постоянно отмечаются наградами на различных конкурсах. А галерея исторического и народного костюма Черноземья как символ школы Альбины Золотаревой нередко экспонировалась на выставках в Воронеже и в Москве.

Среди побед центра — грант из Германии за участие в международном конкурсе, на который требовалось представить модель виртуального детского предприятия. А в ЦДОД уже было такое предприятие, да не виртуальное, а реальное — швейное. Со своим директором, экономистом, производственным отделом, цехами, бригадами, соответствующей документацией и, конечно, продукцией. Про-

дукции предприятие производило немало: нарядные платица для детсадовских тренников, стеганые покрывала на детские кровати, вязаные носки, шали и шарфы, предназначенные для дома инвалидов, расписные столики и стулья, вязаная детская одежда для дома ребенка...

В ОДНОЙ РУКЕ АТТЕСТАТ, В ДРУГОЙ — «РАБОЧАЯ ПУТЕВКА»

Альбина Васильевна много лет мечтала о том, что наступит тот час, когда выпускник, оканчивая учебу в двух школах, сможет в одной руке держать аттестат зрелости, в другой — свидетельство о присвоении квалификации или удостоверение специалиста — своеобразную «рабочую путевку» во взрослую жизнь. «Эта мечта никогда бы не исполнилась, если бы не удивительный коллектив. Каждый из наших специалистов — виртуоз в своем деле», — говорит Золотарева. Кстати, многие преподаватели центра — бывшие выпускники. Это и есть лучшая оценка его деятельности.

Главная миссия «Реальной школы» — подготовка детей к жизни. Это ответственная и трудная задача для всей нашей государственной системы, потому и проявляли особый интерес к школе руководители системы образования, общественные структуры, ученые, предприниматели.

— Глаза боятся, а руки делают, — одно из своих любимых выражений Альбины Васильевны. — Ребята очень хорошо понимают, в каком веке они живут. Молодым надо входить в жизнь с глубокими знаниями.

Альбина Васильевна Золотарева — смелый и решительный новатор. Она ежегодно вводила в стройную систему своей школы что-то новое. Поэтому и собирала непривычные для других учебных заведений пресс-конференции, на которых выявлялись существующие недостатки. Ученики и выпускники смело высказывали свое мнение по улучшению системы обучения на завтра.

Для многих ребят профессия, обретенная здесь, сыграла огромную роль в выборе дальнейшего пути. Получая дипломы, ребята взволнованно благодарили своих преподавателей и директора школы Альбину Васильевну Золотареву. «Я здесь просто жил, придя совсем маленьким», — признался один из выпускников.

И это действительно так — ребята проводят в стенах школы все свободное время, обучаясь зачастую не одной, а нескольким специальностям. Причем в школе не делят профессии на женские и мужские — обучайся тому, к чему лежит душа. Так, девочки могут освоить профессию резчика по дереву, из-под их рук выходят необычайной красоты шкатулки. Девочки из филиала школы в поселке Масловка стали заниматься росписью по дереву, а также создавали замечательные картины... из шерсти, используя технику валяния.

Словом, в «Реальной школе» каждому можно найти занятие по душе, здесь ребенок не просто с пользой проведет время, но и получит настоящее удостоверение или сертификат, свидетельствующие о том, что он — специалист в своем деле. И пусть пока начинающий — времени для освоения новых профессий у этих ребят более чем достаточно, ведь они только вступают в самостоятельную взрослую жизнь — и все у них впереди.

«Учитель — профессия от Бога. Все остальные — от учителя». Это, без сомнения, так. Но чтобы стать Учителем с большой буквы, необходимо самому постоянно учиться, практически всю жизнь, убеждена Альбина Васильевна. Поэтому в центре много лет функционирует Школа молодого педагога. Молодыми педагогами здесь считают не только выпускников вуза, колледжа, работающих в центре, но и тех, кто имеют большой стаж по конкретной специальности, но ранее не работали в системе образования. Ведь количество преподавателей в центре увели-

чивается с каждым годом, потому что он постоянно находится в режиме развития. Альбина Васильевна часто приглашала в Школу молодого педагога ученых вузов, так как считает, что в основе педагогической деятельности должна быть наука.

— К знаниям я тянулась всегда, — задумывается Альбина Васильевна. — Такое ощущение, что я должна еще много-много узнать, исследовать. Мне хотелось бы свои знания передать нашим преподавателям и ребятам. Не стоять на месте. В болоте тонет только человек. Почему? Там много тины. Мастерство в болоте не утопишь...

ТАЛАНТЛИВЫХ МНОГО... ГЛАВНОЕ — ПРИЗНАТЬ ИХ

Социальный заказ учреждениям дополнительного образования, профессиональным школам в свое время был определен четко и однозначно: нужен творческий, активный, профессионально значимый работник. Следовательно, и система подготовки рабочих кадров должна отвечать требованиям сегодняшнего дня, требованиям рынка.

В центр приходят учащиеся с различным уровнем знаний, порой довольно низким. И задача педагогов состояла в том, чтобы совершенствовать традиционные и создавать новые формы, методы и средства обучения, развивающие мышление учащихся с различным уровнем подготовки, их творческую активность.

В творчестве любого человека многое зависит от эмоций. Эмоции как стимул к творчеству отсутствуют, если нет потребности и новизны в деятельности. Учитывая эти психологические факторы, педагоги «Реальной школы» изучили опыт проведения нетрадиционных, нестандартных занятий в системе профессионального обучения и разработали свои.

Раскрытие творческого потенциала и его дальнейшее развитие — одно из ведущих направлений деятельности центра. Здесь сложилась определенная система работы с одаренными детьми и детьми-инвалидами: это создание авторских, индивидуальных программ, организация разнообразных конкурсов, учебно-практических конференций учащихся, вернисажи талантов для демонстрации достижений и результатов практических разработок, проектов художественных изделий; участие в районных и межрегиональных выставках детского творчества. Всевозможные конкурсы и фестивали, проходившие в ЦДОД, давали детям возможность не только продемонстрировать профессиональную подготовку и приобретенную квалификацию, но и свои индивидуальные таланты — умение петь, танцевать, держаться на сцене. Например, конкурс «Горница мастеров», заключительный этап конкурса «Лучший по профессии». В результате конкурс превращался не просто в квалификационное испытание, но и в увлекательное шоу, поставленное по прекрасному веселому сценарию преподавателя Татьяны Сергеевны Вовчаренко.

А в мае в одном из структурных подразделений ЦДОД «Реальная школа», расположенном на улице Туполева, проходил большой праздник — вручение особой награды «Искра таланта». Как здесь шутят, местной премии «Оскар». Замечательная традиция зародилась несколько лет назад — один раз в два года вручать в разных номинациях уникальный знак качества за талант и трудолюбие, за активную жизненную позицию, за добросовестность и ответственность.

Названия номинаций говорят сами за себя: «Царство волшебных мастериц», «Царство золотого лоскутка», «Царство прекрасных витязей». За ними имена тех, кто прекрасно вяжет, плетет кружево, создает модели самолетов, колдует над исторической миниатюрой, изучает автодело, лепит из теста волшебные фигурки и

композиции, потрясающе работает в технике макраме и бисероплетения, вдохновенно шьет одежду и работает с чертежами. Была и особенная номинация — «Царство бесконечных возможностей». Она вручалась не только за мастерство, но и за самое активное участие во всех творческих проектах «Реальной школы» — выставках, конкурсах, мастер-классах, отчетах, спектаклях.

Ребят на торжественную церемонию собиралось — яблоку негде было упасть! В каждом кабинете и в холле — выставки детских работ. Приходили сказать добрые слова педагогам и порадоваться за детей и их родители.

Обстановка была очень теплая и доброжелательная, несмотря на то, что места всем явно было маловато! Но никто не обижался, радостно реагируя на драматическое действие, развернувшееся на небольшом свободном пятачке. А сколько все узнали друг о друге! Вручение наград сопровождалось небольшим рассказом ведущих о каждом награжденном, то и дело раздавались радостные аплодисменты. И подростку было приятно осознавать, что он нужен обществу, что получил здесь профессию, научился мастерству, ему нужно слышать слова признания в свой адрес. Здесь, по меткому выражению одного из гостей школы, выдают детям крылья.

НЕТ ТРУДНЫХ ДЕТЕЙ. ЕСТЬ ТРУДНЫЕ... РОДИТЕЛИ

— Я за то, чтобы максимальное количество выпускников приобретало профессии, которые необходимы для жизни, — высказывает Альбина Васильевна свою точку зрения. — Сколько сейчас выпускников вузов идут в продавцы и официантки? Масса! Никто не хочет работать на заводах. Если бы сейчас, как раньше, на базе завода была подготовка рабочих специальностей, то ситуация бы изменилась. У нас сегодня все идут в вузы: один хорошо учится, а другой курит на паперти. Деньги в зачетку положил и пошел экзамен сдавать. Откуда возьмутся знания?

— Я никогда не поверю, что есть трудные дети. Есть трудные взрослые. Ребенок хочет узнать, а взрослый бьет его по рукам. Мы и общество должны работать вместе на ребенка. Ведь Россия начинается с тех, кого мы воспитываем. Если ребенок хочет что-то посмотреть — разрешите ему, хочет сам завязать шнурки — дайте ему такую возможность! Когда малыш говорит: «Я сам!», он самоутверждается. А мы привыкли его одергивать: «Не лезь, мы все за тебя сделаем». Так и получается, что к 11-му классу человек ничего не умеет. Часто те, кого называют трудными, становятся весьма успешными в дальнейшей жизни. Поэтому трудный — значит интересный. Нужно только индивидуально работать с каждым.

Коридоры и классы в «Реальной школе» сияют чистотой. Нигде ни пятнышка, ни царапины. Везде добротная мебель. Все это дети сделали сами. Но неужели это те самые подростки, которые разрисовывают подъезды и поджигают кнопки в лифтах?!

— Как-то комиссия по делам несовершеннолетних Левобережной управы нам предложила — возьмите сто трудных подростков, — говорит Золотарева. — Давайте, говорю. Для нас нет трудных детей. Учителя из обычных школ приходят к нам на дни открытых дверей и не узнают своих учеников. «Вася написал такой доклад?! Да у этого шалопаю всю жизнь двойка по русскому!» И, глядишь, к ребенку появляется уважение.

Воспитательная работа в школе Золотаревой распространялась не только на детей, но и на их родителей. Пожалуй, это было одно из немногих учебных заведений области, где такое серьезное внимание уделяли и уделяют взаимодействию с родителями воспитанников. В 2012 году здесь было выпущено методическое пособие «Созидательное сообщество детей и взрослых “Мы — единая семья”», рецензента-

ми которого выступили серьезные ученые: доктор педагогических наук, профессор Н.В. Соловьева и доктор исторических наук, профессор Л.М. Савушкин.

Модель взаимодействия взрослых и детей выстроена на акмеологических принципах, изложенных в трудах ученых Международной академии акмеологических наук А.А. Деркача, А.А. Бодалева и Санкт-Петербургской акмеологической академии Н.В. Кузьминой. В сборнике представлены практические разработки методик проведения родительских собраний и тренингов, тематика педагогического просвещения родителей, тесты и анкеты для изучения психологического климата семьи и его оценки.

В пособии также есть материалы о деятельности общественного движения в защиту прав родителей и детей «Воронежский областной родительский комитет». Альбина Васильевна долгое время была заместителем председателя этой общественной организации.

В мае 2013 года по инициативе организационного комитета, в состав которого вошли представители Государственной Думы РФ, ООП «Единая Россия», ООО «Всероссийское педагогическое собрание», Совета многодетных семей (г. Москва), Ассоциации приемных семей (Тульская область) и др., в Подмосковье состоялся Учредительный съезд Национальной родительской ассоциации.

В работе съезда приняли участие делегации почти из всех регионов Российской Федерации. В состав воронежской делегации вошли представители самых разных общественных организаций, в их числе была и Альбина Васильевна Золотарева. На съезде обсуждались вопросы государственной стратегии в области семейной политики и законодательных инициативах по поддержке семей с детьми; преодоления семейной бедности и меры по выравниванию социально-экономического положения семей с детьми в субъектах Российской Федерации; говорили о мерах поддержки многодетных семей, по улучшению демографической ситуации в России; об информационной политике в области пропаганды ценностей традиционной семьи и другие. Все это актуально и сегодня.

«БЕРЕГИТЕ МИНУТУ ЖИЗНИ, ПОТОМУ ЧТО ОНА НЕДОЛГОВЕЧНА»

Ни для кого не секрет, что демографическая ситуация, сложившаяся в России, находится в центре внимания общественности. Низкая рождаемость и высокая смертность представляют очень серьезную угрозу нашему обществу. Многие общественные и политические деятели говорят об этом с откровенной тревогой.

Альбина Васильевна тоже не могла остаться в стороне и от этой проблемы. По ее мнению, необходимо на государственном уровне менять отношение к человеку, рассматривая его как самое главное богатство страны. В вопросах демографии планировать нужно на несколько поколений вперед. Поэтому сегодня основное внимание следует уделять детям — их воспитанию, образованию, защите. Многого зависит от того, какие уроки мы, взрослые, преподносим им в семье, в школе, в общественных местах, даже то, как относимся к собственному здоровью.

— Кроме того, без возвращения к духовным корням нашим, традициям, культуре мы просто погибнем как нация, — уверена Золотарева. — Проблем, требующих незамедлительного решения, накопилось очень много.

И еще один бич современного общества не оставляла ее равнодушной. Наркомания... Это беда, которая может постучаться в двери любой семьи, независимо от ее материального достатка и социального положения. В поддержку долгосрочной целевой программы по борьбе с наркоманией, утвержденной правительством области, педагоги «Реальной школы» проводили большую профилактическую работу среди школьников и их родителей. Детально изучили, чем заняты учащи-

еся Левобережного района во внеурочное время. Совместно с родителями продумывали, как сделать, чтобы каждый ребенок находился в поле зрения взрослых в течение дня и был вовлечен в интересную и полезную деятельность.

Следующим этапом стало проведение в школах №97, №69, №54, №77 родительских лекториев, кинопоказов, семинаров с участием врачей, педагогов, духовенства, психологов. Педагоги не просто рассуждали о проблеме, а разрабатывали программу совместных действий так, чтобы каждый человек независимо от возраста четко знал, как действовать, куда обратиться, если ему стало известно о попытке приобщения несовершеннолетних или молодежи к наркотикам.

— Преодолеть это зло можно, только действуя сообща, — в этом у Альбины Васильевны сомнений нет. — У каждого должна быть своя доля ответственности, начиная с законодателей, властных структур всех уровней и заканчивая семьей, школой, СМИ, общественными организациями. Мы стараемся вовлекать детей нашего Левобережного района во все проекты, инициированные, к примеру, Общественной палатой, а их немало.

Наркомании необходимо что-то противопоставлять. В «Реальной школе» увлечены: все новое — это хорошо забытое старое. К примеру, спортивные секции или клубы по интересам. Для кого-то, возможно, звучит как архаизм. На самом деле все зависит от того, как дело организовать.

— Приведу пример, — говорит Альбина Васильевна. — В одном из филиалов «Реальной школы» на Ленинском проспекте по инициативе областной Общественной палаты состоялось организационное заседание клуба «Здоровая семья». Инициатива заключалась в том, чтобы в образовательных учреждениях создавались «Территории здоровья». Формы работы самые разнообразные — это конкурсы и соревнования, лектории и встречи с успешными семьями, спортсменами, докторами. Кроме того, в нашей школе корректируются учебные программы с акцентом на формирование здорового образа жизни.

Обновлялись и учебные программы, в которых появлялись такие разделы как «Основы предпринимательской деятельности», «Основы имиджологии», «Психология делового общения». Главные цели этих новшеств: обеспечивать максимальную устойчивость молодых людей на современном рынке труда, подготовить их к самостоятельной трудовой жизни. А это очень важный демографический аспект.

ПОЛЕ ПРИТЯЖЕНИЯ

Все, кому довелось общаться с Альбиной Васильевной, отмечают удивительную особенность этой женщины. Особенность, которую можно назвать полем притяжения, благожелательности, доброты. Попав в это поле, словно подзаряжаешься оптимизмом, который, по собственному признанию Альбины Васильевны, в ее жизни всегда был надежным посохом. Конечно же, в это поле благожелательности попадают и дети. Альбина Васильевна безошибочно чувствует тех, кому нужна душевная поддержка, теплота, и, не скупясь на похвалу (кое-где и авансом), вселяет в ребенка уверенность, и именно это зачастую помогает проявиться его одаренности.

Богатство и разносторонность души Альбины Васильевны, ее неиссякаемое жизнелюбие, щедрость, обаяние всегда привлекали к ней людей, помогали многого добиться. Особым лиричным светом освещает ее жизнь любовь к поэзии. Она часто цитирует наизусть стихи своего любимого поэта — Анны Ахматовой.

Господи! Как я устала
Умирать и воскресать, и жить.
Все возьми, но запах розы алой
Дай последний раз мне ощутить.

«Роза принадлежит тому, кто возродит ее из пепла», — эта любимая фраза Анны Ахматовой стала жизненным правилом и Альбины Васильевны. Сама однажды «возродившись», она всегда протягивает руку помощи всем, кто в этом нуждается, как бы призывая жить и радоваться каждому прожитому дню.

Черпая силы в поэзии высокого напряжения Ахматовой, она находит созвучные своей душе струны в ее лиризме и трагедийности.

Из-под каких развалин говорю,
Из-под какого я кричу обвала,
Я снова все на свете раздарю,
И этого еще мне будет мало.

Умение дарить — это особый, Богом данный дар. Альбина Васильевна, прежде всего, умеет подарить человеку веру в себя. Как это важно, наверное, знает каждый. И в коллективе, которым много лет руководила Альбина Васильевна, этот ее дар помогал создать особый климат, в котором не только каждый ребенок, но и каждый педагог чувствовал себя комфортно.

Альбина Васильевна твердо верит в созидательную силу добра, приумножающего богатство души, наполняющего жизнь истинным смыслом. А истинный смысл жизни А.В. Золотаревой — это судьбы тех юношей и девушек, которым она сама, ее школа помогли найти свое место в современном обществе, дав им нужную профессию. Всю более чем шестидесятилетнюю педагогическую деятельность Альбины Васильевны Золотаревой можно назвать профессиональным триумфом. Указом Президента РФ в 1997 году ей присвоено звание «Заслуженный учитель Российской Федерации». Она награждена различными медалями и грамотами, в том числе медалью ордена «За заслуги перед Отечеством», стала победителем I Всероссийского конкурса «Лидер в образовании», занесена в «Золотой фонд» Воронежской области в номинации «Образование», избрана Почетным гражданином города Воронежа, много лет плодотворно работала в Общественной палате Воронежской области.

«Не бойтесь совершенства — вам его не достичь!» — по примеру Сальвадора Дали с иронией относится Альбина Васильевна к собственной славе, которая распространилась уже далеко за пределы Воронежа и даже России. Имя Золотаревой можно найти как в отечественной энциклопедии «Лучшие люди России», так и в швейцарской «Кто есть кто в России».

В 2005 году Указом Президента РФ за выдающийся вклад в отечественное образование А.В. Золотаревой было присвоено высокое звание «Народный учитель Российской Федерации». Но народным учителем Альбина Васильевна стала, по сути, уже давно. В ее подвижническом служении никогда не было второстепенных деталей: шла ли речь о судьбах ребятишек из неблагополучных семей или о создании комфортных условий для обучения детей в центре, об их здоровье, о помощи сиротам. Хорошо понимая роль дополнительного образования в развитии личности ребенка, Альбина Васильевна упорно сражается за достойное его место в системе образования страны. Когда она выступала на различных собраниях, конференциях и семинарах, зал буквально был захвачен ее страстностью, болью за судьбы образования, учителей, подрастающего поколения. И этой своей гражданской позицией Альбина Васильевна не изменяет ни при каких обстоятельствах, отстаивая ее с самых высоких трибун.

Она считает, что для дальнейшего становления и развития системы дополнительного образования в Воронеже необходимо создать Центр развития дополнительного образования, который стал бы надежной научной базой. Такой центр мог бы вооружать педагогов новыми педагогическими технологиями, эффективными методами исследования, обобщать передовой опыт. И в этом направлении многое сделано. Например, налажена издательская работа.

В помощь педагогам подготовлен целый ряд изданий по развитию дополнительного образования в современных условиях, несколько фундаментальных учебных пособий, одно из которых — «Педагогика дополнительного образования» — написано совместно с московскими авторами Н.В. Соловьевой и И.О. Соловьевым. У Альбины Васильевны много научных работ, но есть труд, написанный также в соавторстве с доктором наук Н.В. Соловьевой, который стоит как бы особняком. Книга называется «Дополнительное образование в вузах». Ведь человек должен развиваться всю свою жизнь, достигая вершины в каждом новом деле, — это кредо Золотаревой.

...За день Альбина Васильевна успевала объехать почти все свои филиалы, и везде ее ждали с нетерпением: слово директора — решающее в любом вопросе. А ведь она занималась еще и общественной деятельностью и была профессором кафедры воспитательной работы Воронежского института повышения квалификации и переподготовки работников образования (сегодня это Воронежский институт развития образования), с которым у «Реальной школы» всегда была тесная связь.

ВСЕ ВАЖНО, НО ВАЖНЕЕ ВСЕГО РЕМЕСЛО

«Вздумал как-то царь прокатиться с женой и дочерью по морю на корабле. Не успели они отплыть далеко от берега, как подул сильный ветер и отнес их за тридевять земель, в неведомую страну, где об их царстве ничего и не слышали. Сошли на берег. Царь побоялся сказать, кто он, а денег у них с собой совсем не было. Не знал царь никакого ремесла и нанялся в пастухи стеречь деревенское стадо.

Так прожили они несколько лет. И вот однажды сын царя той страны увидел дочь пастуха. Хороша она была, как зорька ясная, и уже невестой стала. Царевич объявил отцу с матерью, что не женится ни на ком, кроме как на дочери пастуха из такого-то села. Отец, мать и все придворные уговаривали его не срамиться: как же так, царевич — да вдруг женится на пастушке! Ведь на свете столько царских и королевских дочерей! Но все понапрасну, царевич твердил одно:

— Другой мне не надо!

Видя, что его не отговорить, царь послал визиря сказать пастуху, что он хочет женить царевича на его дочери. Визирь пришел и сказал это пастуху, а тот спрашивает:

— А какое ремесло знает царевич?

Ужаснулся визирь:

— Бог с тобой, добрый человек! Какое же ремесло может знать царевич! Да и на что ему ремесло? Люди учатся ремеслу, чтобы прокормиться, а у царевича есть и земли, и города.

— Раз он не знает никакого ремесла, не отдам за него дочь, — говорит пастух.

Визирь вернулся и передал царю слова пастуха. Придворные удивились. Они думали, что пастух сочтет большим счастьем и честью, если царевич возьмет его дочь в жены, а он, смотрите-ка, требует, чтобы царевич ремесло знал!

Царь посылает другого визиря, но и ему пастух говорит то же самое:

— Пока царевич не выучится какому-нибудь ремеслу и не принесет мне изделия своих рук, до тех пор между нами дружбы не будет.

Вернулся во дворец второй визирь и сказал, что пастух не отдаст дочь, пока царевич не выучится какому-нибудь ремеслу. Тогда царевич пошел по базарной площади и стал выбирать, чему легче научиться. Переходил он от од-

ной лавки к другой, глядел, как работают разные мастера, и пришел к лавке, где плели рогожи. Такое ремесло показало ему самым легким. Стал он учиться и через несколько дней сплел рогожу. Отнесли ее пастуху, сказали, что царевич выучился ремеслу и вот, мол, его изделия. Пастух взял рогожу в руки, осмотрел ее со всех сторон и спрашивает:

— А сколько она стоит?

— Четыре гроша, — говорят.

— Что ж, ничего! Сегодня четыре гроша, да завтра четыре — это восемь, да четыре послезавтра — двенадцать... Если бы я знал это ремесло, я не пас бы теперь деревенское стадо!

И рассказал царь, кто он и как сюда попал. Все обрадовались, что берут не дочь пастуха, а царскую дочь, обвенчали молодых и сыграли веселую свадьбу. Потом царю дали корабли и людей, и он вернулся в свою страну.

Это сербская народная сказка. И люди, сложившие ее, кое-что понимали в жизни. Мы хотим, чтобы дети наши подписывали важные бумаги и ездили в дорогих машинах. Но жизнь может повернуться по-всякому. Вдруг им придется держать в руках лопату, ходить пешком и утолять жажду простой водой? Тогда они, изнеженные и неспособные к простой жизни, проклянут нас. Эта мысль была понятна многим. Солон, древнегреческий мудрец и творец законов, разрешал детям не кормить на старости того отца, который не научил сына ремеслу. И апостол Павел ничего не брал у паствы, но нуждам его служили его собственные руки, владевшие ремеслом делателя палаток.

В «Реальной школе», которую создала Золотарева, детей уже много лет учат ремеслу в самом высоком смысле этого слова. Здесь дают в руки не волшебную палочку, а воспитывают у мальчишек и девчонок стойкую привычку к труду и понимание того, что настоящее образование — это то, что остается в голове, после того как человек забыл все, чему учили его в школе.

— Естественно, что проявление души не ограничивается поиском и созданием любимой работы: есть еще и личная жизнь, и здоровье, и многое другое, — говорит Альбина Васильевна. — Но все это является, несомненно, большей частью пути по наполнению своей жизни глубоким смыслом. Когда человек начинает осознанно идти по пути созидания, а не бесконечного потребления, вот тогда и выполняется его предназначение, и жизнь наполняется смыслом и радостью.

Да, в мире все быстро меняется, иногда не в радость нам. Но остается память о добром мастере и его делах, остается след человека на Земле. В изделиях, в учениках, на потом, для других. И в этом наша история. История жизни «Реальной школы». И она продолжается.

Скажи:

Какой ты след оставишь?

След,

Чтобы вытерли паркет

И посмотрели косо вслед,

Или

Незримый прочный след

В чужой душе на много лет?

2016 г.

КРАСКИ ТВОРЧЕСТВА

*Работы педагогов
учебных заведений,
Воронежского художественного
училища
и детских художественных школ
Воронежской области*

Д. Савинков. Филология

Ю. Астапченко, В. Михеев.
Скульптурная композиция, посвященная педагогам

П. Черных. Воспоминания о бабушке

Н. Гугкаева. Браслеты и серьги

Л. Белкина. Летнее настроение

А. Ворошилин. Испытание

И. Токарева. Автопортрет
с волнистым попугайчиком

А. Лавров. Солнечное утро

С. Зиненко. Солнышко проснулось

И. Куцева. Казаки

О. Сапова. Бабушка рядышком с дедушкой

Н. Гацуц. Цветы

Н. Бердникова. Ля-мурр

О. Губанова. Авдотьюшки

И. Вербовикова. Розовый букет

В. Высоцкая. Морское царство

С. Петлякова. Маша и Медведь

*Общая
тетрадь*

ЧЕЛОВЕК СМОТРЕЛ НА СОЛНЦЕ

Наталья Садчикова

РАБОТА МАРИНИСТА

Холст раскрашен хмурой акварелью —
У побережья забурлило море.
Наслаждается природа ролью
Мариниста в необъятном мире.

Небосвод облюбовали стаи
Беспокойных чаек: слышно крики.
Облака пронизывают струи
Молний, освещая твердь во мраке.

Рев прибоя, гомон ветра в скалах:
Шторм предстал чарующей картиной.
Брызги пены чувствует на скулах
Грот — волной заполнен многотонной.

СТАРАЯ СКАМЕЙКА

Под палящим солнцем у пруда
Облупилась лавочка, поблекла.
Проржавели гвозди от дождя.
Словно раны — имена на рейках.

Много лет пристанище даря
Проходящим путникам усталым,
По ночам под светом фонаря
Парочек влюбленных привечала.

Будто книгу пролистала жизнь,
Оставляя на скамье зарубки.

Безвозвратно годы пронеслись,
Оказалось счастье очень хрупким.

Заросла тропинка в старый сквер,
Ветхая скамейка позабыта.
Луч надежды в темноте померк —
На засовы заперта калитка.

Новоусманская СОШ №3

Оксана Семенченко

ПИСЬМО С ФРОНТА

Милая, пишу тебе, пишу,
Ты прости за мой неровный почерк:
Руки мерзнут, я на них дышу,
Передышка вышла только ночью.

Лишь недавно страшный бой затих,
За мальчишек сердце так болело,
Если бы ты знала, сколько их
Полюбить кого-то не успело!

Только помни: я тебя люблю!
Как сынок? Так по нему скучаю,
И себя на мысли я ловлю:
Он меня совсем-совсем не знает.

Не грусти, приду и смастерю
Я ему коня с лихим копытом,
А тебе еще раз повторю:
Ничего не будет позабыто!

Нужно верить, нужно только ждать,
Ты пойми: никто из нас не ведал,
Что придется здесь нам умирать
За святую русскую победу!

Может быть, в последний раз пишу,
Милая, хорошая, родная,
Только если я еще дышу,
Значит, и вернусь живой, я знаю!

ВЕСНА

Остывает земля потихоньку,
Зацепился за крыши закат.
У весны — прохлада в ладонях
И какой-то неласковый взгляд.

В убегающей сумрачной дали
Так робка еще зелень лугов,
Юный месяц к воде припадает
У затопленных вновь берегов.
В этой легкой вечерней тревоге
Я, наверно, нескоро усну:
Я хочу полюбить хоть немного
Неохотную эту весну.

*Бобровская школа-интернат для детей-сирот
с ограниченными возможностями здоровья*

Наталья Соколова

ЗА ОКОШКОМ ПОЛНОЧЬ...

За окошком полночь. Спит моя обитель.
Ну а мне не спится в этот поздний час.
Понимаешь, мама: я теперь учитель,
Я теперь в ответе за десятки глаз,
Ласковых, наивных, не познавших света
И открыто верящих всем моим словам,
Неумело, робко ищущих ответа
На вопрос, который труден даже нам.
Кем же станут эти крохи-шестилетки?
И куда их жизни поведет тропа?
И какими чаще будут их отметки?
И какую дальше будет их судьба?

ТАЙНЫ НОЧИ

Затихло все, не слышно звуков.
Лишь скрипнет на ветру сучок
Да непривычную для слуха
Затянет песенку сверчок.

Ночные тайные виденья
Шум дня сменяют тишиной.
То здесь, то там деревьев тени
Мелькают робко под луной.

Но не постичь нам тайны ночи,
Ведь не понять тебе и мне,
Что звезды в эту ночь пророчат
Своим сияньем в вышине.

ОСЕННЯЯ ГРУСТЬ

Светит солнышко усталое.
Лес стоит, как дивный храм.
От дождя да ветра шалого
Все студеней по утрам.

Все зеленые долины
В золотом горят огне.
Тоньше нити паутины
Разлетелись по стерне.

В серой дымке небосвода
Мрачней стали облака,
Но светло лицо природы,
Грусть осенняя легка.

Детский сад № 10 г. Россоши

Сергей Сухов

* * *

Я живу слишком долго, практически вечно.
Я уже надоел тем, кто рядом со мной.
И к себе отношусь я довольно безопасно,
Хотя мне уж, наверно, пора на покой.

Я родился не здесь. Я возник из тумана,
Мелкой каплей дождя я на землю упал.
Это было давно, это было так странно...
Я в мирской суете растворился, пропал.

Я один, словно перст, в этом мире тревожном.
Мне опора — земля, мне поддержка — любовь.
Я живу и дышу, пока это возможно.
Даже если уйду, я вернусь сюда вновь.

* * *

Уставшая птица, куда ты летишь
В осенней ночной тишине?
В бескрайние дали по небу скользишь
И крыльями машешь ты мне.

Присядь, отдохни, Расскажи мне о том,
Что ждет тебя в дальних краях.
Тебя отпущу я, конечно, потом.
Не буду задерживать я.

А ты с высоты мне ответишь опять:
«Зачем тебе знать, добрый друг,
Что в этих краях мне пришлось потерять
И что меня манит на юг?»

МалOVERейская ООШ Семилукского района

Сергей Тихонов

Жизнь сплетена из разноцветья кружев,
из сотканных просветов дней и лет.
Порою грустно: мы с собой не дружим
и на вопрос судьбы не можем дать ответ...

Но солнце светит, и смеются дети,
веками плещется, беседуя, река...
Все перемелется! Смотри: на белом свете
в века веками уплывают облака...

г. Воронеж

Наталья Филатова

ПОДВИГ

Подвиг — это вечное движение
От корысти, зависти и зла.
Подвиг — это путь преображения,
Что душа преодолеть смогла.

Подвиг — это жертвоприношение
Идеалам доброты и чести.
Подвиг — это твердое решение
Жить в любви и не стоять на месте!

КРЕПКИЙ ТЫЛ

У небольшого бугорка, где похоронены солдаты,
Стоит и плачет паренек, скомкав в руках письмо от брата.

«Спасибо вам, — писал он в нем, — что вы за нас в тылу молились,
Что, отказав себе во всем, самоотверженно трудились.

Что в час, когда под градом пуль мы шли в атаку штыковую,
Вы на полях растили рожь, готовя пайку боевую,

Что у токарного станка боеприпасы нам точили,
На фронт шинели шили вы, а сами старое носили...»

Скатилась жгучая слеза, в груди от боли сердце сжалось,
И младший брат сказал о том, что ненаписанным осталось.

В ответ хотел он написать: «Спасибо за защиту брату,
Что, хоть семнадцать лет ему, он был уже в военкомате...»

Борисоглебская СОШ №4

Юлия Шелистова

* * *

Закат был ярок. Он пылал
тоской и страстью.
И замерзающим цветам
хотелось счастья.

А пара белых журавлей
терзала душу,
Крича о небе и моля
их слушать, слушать...

Катились слезы по щекам,
как дождь по листьям.
И все хотелось заглянуть
деревьям в лица,

Узнать секрет, как быть одним
не одиноко,
В чем сила ветви удержат,
как жить высоко...

А Бог на землю листопад
кидал из злата.
Душа в сиянии таком
была богата,

И в этом буйстве из чудес
все гармонично:
из глаз вода, волшебный лес,
в руке синичка...

Закат прощально догорал
свечой до донца.
Шел человек. Совсем один.
Смотрел на Солнце.

* * *

Снежные хлопья падают
На озерную гладь...
Хорошо у тебя, Господи!
Благодать!

Хризантемное благоухание,
Мягкий снег,
Восхитительное сияние!
Детский смех!

И синичка на ветке тоненькой
Вся звенит.
Медвежонок в берлоге тепленькой
Сладко спит.

Мы сегодня лисичку встретили
Там, где храм,
А метель нам звездочки бросила
Прям к ногам!

Дед Мороз обещал подарочки
Детворе...
«Сделай так, чтоб Снегурка не таяла
Во дворе!..»

СОШ №2 г. Острогжска

Юрий Пыльнев

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЛИСТАЯ

(Главы из книги
«История народного образования Воронежского края»)

ХРАНИТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ

История образования многие годы влекла к себе интерес Юрия Валентиновича Пыльнева (*в настоящее время — заслуженный работник культуры РФ, кандидат исторических наук, доцент, профессор ВОИПКиПРО, автор около 200 научных работ по истории образования*) не только как профессионального историка, но и просто как человека, стремящегося передать богатство этой истории и нынешним, и будущим поколениям. Поэтому он взялся за поистине титанический труд: проследить, скрупулезно изучить и донести до читателя то, как развивалась в Воронежском крае система образования на протяжении более чем двух веков — с возникновения первых очагов знания до наших дней. На основе этих исследований была написана и в 2012 году вышла в свет его монография «История народного образования Воронежского края. Конец XVII — начало XX века». На сегодня более полного и систематизированного труда в этой сфере, пожалуй, нет. Ученый продолжает свои исследования, и есть надежда, что мы прочитаем еще немало интересных и увлекательных страниц из истории ре-

гионального образования уже на современном этапе.

Необходимо сказать также и о другом детище педагога-историка — о Музее истории развития образования Воронежской области. То, что в Воронеже находится один из лучших в России музеев образования, в котором научно обоснованно и подробно представлена история просвещения региона, — в огромной степени заслуга Ю.В. Пыльнева. Он стоял у истоков его создания, разрабатывал концепцию, реализовывал ее с помощью коллег при заинтересованном участии областной власти. На сегодня уникальность этой музейной экспозиции очевидна и бесспорна. Она подтверждена профессионалами музейного дела, видными историками, известными краеведами. Педагоги как никто другой осознают, что нет цивилизованного общества без исторического знания, а исторического знания без музеев. Именно они помогают человечеству понять через прошедшее день сегодняшний — и даже заглянуть в завтрашний. Представленные в залах исторические экспонаты и раритеты прослеживают судьбу основных школьных реформ Российс-

кой империи, СССР, Российской Федерации, знаковых событий в истории образования, демонстрируют воплощение их в жизнь на территории Воронежского края. Сегодня в музее проводятся занятия в рамках учебного плана Воронежского института развития образования, экскурсии на любую тему по истории общего, педагогического, профессионально-технического, других видов образования. Бесценна научная и методическая роль музея, его культурная и просветительская деятельность в среде воронежских педагогов, студентов, школьников и их родителей.

Работа по созданию музея началась в непростое для страны и общества время — еще в 1992 году.

Именно тогда это и было поручено сделать Ю.В. Пыльневу. Ему удалось найти поддержку у местных краеведов, историков, музейных работников, творческой интеллигенции. 24 мая 1995 г. состоялось торжественное открытие Музея истории народного образования Воронежской области. Он разместился на первом этаже ВОИПКиПРО в четырех комнатах. Одними из первых посетителей музея стали руководители области и, конечно же, учителя.

В 1996 году на базе музея было организовано государственное учреждение просвещения «Воронежский областной центр (музей) истории народного образования». В 2003 году музей перевели в другое помещение, где началось создание новой, более обширной экспозиции. В 2008 году состоялось открытие фактически нового музея. Экспозиции располагались в шести просторных залах, где можно было ознакомиться с историей воронежской школы и педагогического образования.

И в наименовании, и в организационно-правовом статусе музей реформативировался неоднократно. С 2016 года он называется Музеем истории развития образования Воронежской области, является учебным, научно-исследовательским и культурно-просветительским структурным подразделением Воронежского института развития образования (ВИРО), осуществляет изучение, хранение и науч-

Юрий Валентинович Пыльнев

ное обоснование памятников материальной и духовной культуры, связанных с историей просвещения, школьного и педагогического образования Воронежской края и России.

Экспозиция размещается в шести залах общей площадью 400 квадратных метров и насчитывает более двух тысяч экспонатов, в основном подлинных. Здесь представлена история воронежской школы (конец XVII — нач. XXI века), педагогического, профессионально-технического, духовного, военного образования (XIX–XX вв.). Музей располагает богатой коллекцией предметов школьного быта, ученической, пионерской формы, форменной одежды военно-учебных заведений и других образовательных структур, учебников, приборов, документов, фотографий. На базе экспозиций ведется массовая научно-просветительская работа, оказывается методическая и практическая помощь руководителям школьных музеев Воронежской области. И бесменно всем этим хозяйством руководит ученый, историк, педагог Юрий Валентинович Пыльнев.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГРАМОТНОСТИ В ВОРОНЕЖСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XVII — НАЧ. XVIII В. ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ О ШКОЛАХ

К концу XVII в. Россия достигла значительного уровня экономического и культурного развития. Хотя это было время господства крепостного права, в стране наблюдается определенный подъем сельского хозяйства, города становятся центрами ремесла и торговли, что способствует усилению политической централизации и распространению просвещения.

После воссоединения с Московским государством части украинских и белорусских земель на Руси усиливается влияние юго-западного просвещения. По приглашению царя Алексея Михайловича в московские монастыри приезжают питомцы Киевской академии, которые оказывают помощь в организации систематического школьного обучения русского духовенства, открывают школы.

Эти процессы характерны и для Воронежского края, где в XVII в. началось сравнительно быстрое заселение и освоение свободных земель. Строительство городов вызвало приток переселенцев из других мест России, а также Украины. Они приносили с собой местные говоры, обычаи и нравы, песни, сказки, прикладное искусство. Наблюдается процесс переплетения русской и украинской культур. Слободские украинские казаки получают привилегии и преимущества: например, беспошлинно торговать, владеть всякими угодьями, ловить рыбу, делать вино. В селениях этих свободных людей в конце XVII в. возникают школы грамоты.

Воронеж того времени играл ведущую роль в культуре региона и, конечно, влиял на культуру городов и населенных пунктов своего уезда. Здесь появляется светская литература, осваивается письменность. И хотя основная масса населения оставалась «темной», количество грамотных людей постепенно возрастает.

Сохранилось немало документов, свидетельствующих о том, что между Воронежем и другими городами, в частности, Москвой, велась переписка по самым разным вопросам.

В XVII в. в «съезжей избе» или «приказной избе» воронежского воеводы служили грамотные люди — дьяки, подьячие, толмачи. Они писали и переписывали официальные бумаги, вели их учет и хранение. Подьячие являлись государственными служащими, чиновниками. Они получали «царево жалование» или «кормились от дел». В Воронеже в течение этого века число подьячих увеличилось с 2 до 15¹.

В городах появились «площадные подьячие», которые за определенную плату составляли челобитные и другие документы. Были они и в Воронеже. Так, в документе от 1 апреля 1675 года читаем: «А на то послух (свидетель. — Ю.П.) Осип Сергеев, а поручною запись писал воронежец Климка Иванов. Лета 7183-го году, апреля в 1 дни»². В другом документе за май того же года говорится: «То моя и скаска, а скаску писал по ево, Степанову, велению воронежец Лучка Иванов»³. Как видим, подписаны эти документы не должностными лицами, а просто жителями Воронежа, которые и являлись «площадными подьячими» города.

Но большинство воронежцев были неграмотными, поэтому по их просьбе бумаги подписывали другие люди, умеющие писать. В документе за 1697 год читаем: «К сей сказки воронежец Гришка Толмачев вместо Ивана Чернышева по его велению руку приложил»⁴.

Известный исследователь воронежской истории XVII в. В.Н. Глазьев установил, что в сохранившихся архивных документах первой трети XVII в. (Воронеж и Воронежский уезд) стоят подписи 58 человек. Во второй трети их насчитывается 149, в последней трети — 195. Сопоставив эти цифры с общей численностью населения города и уезда (примерно 15–20 тыс. человек), В. Глазьев определил, что количество грамотных в Воронеже и уезде составляло не более 1–1,5%. Но здесь нельзя говорить

об общей грамотности указанного населения. Ведь в школах московской Руси учили только читать и очень редко писать. Исследуя этот вопрос, воронежский историк опирался на документы, где имелись подписи тех или иных лиц. А выявить статистику воронежцев, умеющих в XVII веке читать, конечно, не представляется возможным, хотя таких людей было довольно много.

Умеющих писать крестьян В. Глазьеву установить не удалось. Среди мелких служилых людей (казаков, стрельцов, пушкарей) их тоже практически не было. Гораздо больше грамотных (умеющих писать) насчитывалось среди воронежских дворян и детей боярских. На административные должности также назначали людей образованных. Например, все известные нам воронежские губные старосты (14 имен) умели писать. Среди посадских людей, занимающихся торговлей и промыслами, также встречаются грамотные жители.

В основном, было грамотным духовенство. В первую очередь, это приходские священники. «Окладные книги» (1676) Рязанской митрополии, куда в церковном отношении входил Воронежский уезд, содержат подписи почти всех священников. Грамотными были игумены, строители монастырей, многие монахи⁵.

В это время в Московском государстве появляются «мастера грамоты» — частные учителя, обучавшие детей за плату, а также элементарные школы грамоты, в которых было, как правило, до 10 учеников. Здесь учили читать, реже писать и, возможно, элементарному счету, т.к. арифметика в конце XVII — нач. XVIII вв. для абсолютного большинства русских людей была наукой невиданной. Известный церковный и общественный деятель того времени, ученый и педагог Феофан Прокопович в «Слове на похвалу... памяти Петра Великого» писал: «Что же рещи о арифметике, геометрии и прочих математических искусствах... Тыя прежде были ли? Не ведаю, во всем государстве был ли хотя один цирлик, протчаго орудия и имен не слыхано, а если бы где некое явилося арифметическое или геометрическое действие, то тогда волшебством нарицано», т.е. прежде математическое учение на Руси считалось колдовством⁶.

Сохранились упоминания о «мастерах грамоты» в Воронежском уезде. В 1679 году сын воронежца Якова Паренаго Евсейка сообщал, что был в Усмани у подъячего Ивана Неудачина «для письменного научения».

Сын священника из Нижегородского уезда Ефим Реутов, спасаясь от голода, в 1666 г. ушел в Тамбов, а затем перебрался в Воронеж, где кормился обучением письму и грамоте местных ребятшек⁷.

Распространение грамотности дало возможность мастерам требовать плату за преподавание. Поскольку учительское занятие стало приносить выгоду, за него стали браться не только священнослужители, но и обычные грамотей. За учение они брали «рядную плату», т.е. заранее оговоренную цену. Она была отдельной за изучение Псалтыри, Часослова и т.д. Плата могла быть деньгами и натурой в виде каши, магарычей, подарков.

Начавшаяся в XVII в. церковная реформа предполагала исправление ошибок в обрядах и богослужении, правку религиозных книг. В результате произошел раскол не только в православии, но и обществе. Желание принять участие в богословских спорах и диспутах, доказать правоту религиозных взглядов породило стремление овладеть грамотой, научиться писать. Умственная жизнь на Руси пришла в движение. После раскола старообрядческие общины продолжали жить по старым традициям, обучая детей в своих училищах и дома по старым церковным книгам. В общинах почти все мужское население было грамотным.

Начинает распространяться арабская нумерация, появляется большое число рукописных «азбуковников». Это были своеобразные сборники энциклопедического характера и вместе с тем пособия для обучения грамматике, истории, географии и пр. Научившись читать и писать, зажиточный молодой человек XVII в. мог расширить свой кругозор, изучая «азбуковники». Но подобные книги были доступны только для детей высших социальных слоев населения.

Начинают широко издаваться русские печатные буквари (азбуки). В 1634 г. в Москве вышел букварь Бурцева, переизданный в 1637 и 1698 гг. В конце XVII в. издан первый иллюстрированный букварь Кариона Истомина.

В середине XVII в. в Московском печатном дворе азбука издавалась, в течение четырех лет, трижды (1647–1651) в количестве 9600 экземпляров, учебный Часослов — в течение семи лет (1645–1652) восемь раз; учебная псалтирь — в течение шести лет (1645–1651) девять раз. В это же время множество грамматик, псалтирей, азбук приходило на Русь из братских типографий Западной Руси.^{8*}

Приобретали подобные азбуки и в Воронеже. В приходно-расходной книге Воронежского архиерейского дома 16 мая 1700 г. сделана запись: «Да куплена азбука учебная, дано 6 денег»⁹.

Певчие архиерейского хора в Воронеже были образованными людьми. Их обучали музыке, письму, пению и, по некоторым сведениям, арифметике¹⁰. Певчие находились на казенном обеспечении. Они получали полугодовое денежное и хлебное жалование. В документе за 1702 г. упоминается певчий «Дому архиерейского» подьяк Симеон (Семен) Минин, который вскоре станет учителем «словесного учения» в открытой через год воронежской «русской школе».

Во времена правления первого воронежского архиерея, епископа Митрофана (1682–1703), в уезде открываются школы. Как уже было отмечено, находились они, в основном, в местах, обживаемых украинскими переселенцами. Преподавали в этих школах дьячки (псаломщики, пономари, чтецы, причетники), т.е. низшие чины церкви. Они также были из черкас (украинцев), потому что по сравнению с русскими эти люди являлись более образованными и знали не только русскую грамоту.

В документах того времени сказано: «...по селам черкасы занимаются обучением детей, заводят школы». Здесь упоминаются школы в селе Ендовище Воронежского уезда, в Острогжске при Богородицкой церкви, в Коротояке при Успенской церкви, в Черкасской слободе¹¹.

Сохранилась челобитная протопопа Иоанна из Землянска епископу Митрофану, датированная 1683 годом. В ней упоминается «землянец школьник дьячок Василий Ерофеев». Прозвище или уличное имя «школьник» означало профессиональную принадлежность дьячка Ерофеева, т.е. он был школьным учителем¹².

Существование элементарных школ на Руси XVII — нач. XVIII вв. всегда вызывало среди русских историков немало споров и разнополярных мнений. Одни отрицали их существование, другие утверждали, что школы были почти повсеместно.

Исследователь истории церковно-приходской школы в России С.И. Миропольский констатировал, что грамотность получила самое широкое распространение уже в XV в., а в XVII в. почти в каждом крупном селе или населенном пункте Руси имелась школа грамоты. «Церковно-приходская школа допетровская была не только повсеместной, но и всеобщей. Она была школой для всех — от простых крестьян до царского двора»¹³.

Русский историк П.Н. Милоков придерживался прямо противоположного взгляда. В известной работе «Очерки по истории русской культуры» он писал, что если в первой половине XVIII в. с открытием цифирных и архиерейских школ была как-то подготовлена почва для дальнейшего устройства средней школы, то о русской низшей школе нельзя сказать и этого. «Попытки Петра в этом направлении оказались совершенно бесплодными. Тот же новгородский архиерей Иов, который так много сделал для средней духовной школы в своей епархии, вот как обрисовывает эту попытку Петра — создать элементарную народную школу. По его словам, составители переписи 1710 г. “свя-

---

* Братства — национально-религиозные общественные объединения православных горожан Украины и Белоруссии (в составе Польско-Литовского государства), имевшие свои школы (братские школы) и свои типографии.

Экскурсия в музее

щенников неволят на всяком погосте строить школы и велют учить разным наукам, а чем школы строить и кому быть учителями, и каким наукам учеников учить, и по каким книгам учиться, и откуда пищу иметь и всякую школьную потребу приискать — того они, переписчики, определить не умеют, только говорят: “Впредь указ будет”. Такого указа Россия не дождалась при Петре и не могла дожждаться. Для народной школы, даже церковноприходской, какая тут, по-видимому, имеется в виду, при Петре ничего еще не было подготовлено: ни учителей, ни учебников, ни помещений, ни школьных пособий, ни средств, на которые можно было бы все это создать... Эти замечания Иова составляют лучший ответ исследователям, которые доказывают существование церковно-приходской школы в допетровское время¹⁴.

Тем не менее, такие школы были, и царь хорошо об этом знал. Так, генерал Ф.А. Головин в письме Петру I от 2 февраля 1703 г. просил отдать распоряжение адмиралу Ф.М. Апраксину о присылке из Воронежа «к четыремстам драгунам малолетним» дополнительно еще шестьсот. Также он передает просьбу адмирала Крюйса о том, чтобы вновь набранных драгун в корабельное учение не отдавать, «понеже суть малы и таких на корабли не примут», а «отдать малых ребят по деревням учить в школы». Здесь же Головин сообщает, что велено Крюйсу отпустить в деревенские школы 30 человек «для обучения грамоте». Только потом они должны были идти служить на флот. В письме речь о сельских школах идет буднично, они упоминаются между прочим, как вполне обычное явление¹⁵.

Об одной из таких школ, существовавших в Воронежском уезде в нач. XVIII в., упоминается в «Материалах по истории Воронежской и соседних губерний», которые публиковал местный краевед Л.Б. Вейнберг. В 1886 г. в очередном сборнике он напечатал документ под названием «Челобитная школьного учителя села Ендовище Успенского дьячка Романа Прокофьева на священника этой же церкви Михаила в бою и брани». События, которые здесь описаны, датированы 1703 годом и рассказывают о потасовке между священниками. Но из документа также видно, что и учитель дьячок, и его ученики были черкасами, т.е. украинцами: «...ходил де он в том селе по приходским своим людям по черкаской своей обыкности воспевать с выростки (подростками — Ю.П.)». Школа в Ендовище находилась в отдельном помещении, была с отдельным входом, подвалом и действовала не первый год¹⁶.

Процесс обучения в подобных школах был традиционным на протяжении целых веков — во всяком случае, XVI–XIX вв. В рукописной истории того же села Ендовище*, составленной священником Милоградским приблизительно в 1900 г., школьное обучение в недавнем прошлом описывается подробно: «До открытия настоящей школы [земской в 1881 г. — Ю.П.] грамотность не только не была развита, но была даже презираема жителями. Учились грамоте только девочки, больные от природы, обреченные в чернички, в надежде снискать себе средства к пропитанию чтением псалтыря по покойникам, да как большая редкость — мальчики торговых жителей, отставных солдат. Обучением детей занимались псаломщики, отставные солдаты и чернички. Учили все означенные учителя одному — только славянскому чтению по славянской азбуке, Часослову и псалтыри, письму и арифметике не обучали. Обучение велось тем способом, каким сами учителя достигли сей премудрости. Сначала проходила вся азбука с произношением: аз, буки, веди..., затем вторую зиму проходились склады: буки-аз — баба, веди-аз — вава и т.д. На третью зиму приступали к чтению по складам и т.д. Обучение шло медленно, и редко кто в состоянии был постигнуть всю мудрость затейливого способа обучения и проходить к учителю до конца третьей зимы. Меры к побуждению учения применялись очень строгие — розги, стояние на коленках, таскание за чуб и уши — были обычным явлением. Помещением для школьников служили редко топленые хаты, а больше — холодные клуни, как свободные от жилья, а то и сени. Ученики сидели одетые: кто на лавке, кто на скамье, а кто — на чурачке каком-либо. Распределялись ученики не по группам, а по книгам: к младшему разряду принадлежали азбучники, к среднему — Часословцы, к последнему — псалтырники. За обучение учителя получали муку, пшено, шерсть, овчины, поросят. Успехи в своих познаниях ученики прежде всего спешили проявить в храме — при чтении часов и кафизм. Раз достигнув возможности чтения часов и псалтыри, они уже не расставались с книгою целую жизнь, и в свободное время от работ считали своей обязанностью что-нибудь прочесть из какой-либо божественной книги своей небогатой домашней библиотеки. На божнице, т.е. в шкафу переднего угла, или в сундучке старинного грамотея непременно имелись псалтырь, Евангелие, Часослов, акафист Спасителю, Божьей Матери, Св. Николаю, у более богатых — Библия, священная история и некоторые другие; читали они всегда вслух. Послушать их чтение собирались нередко соседи и родственники. Чтения иногда сменялись беседой и объяснением прочитанного или соответственно прочитанному какого-либо случая из своей жизни. К подобным лекторам народ относился с доверием и уважением. Они же слыли в народе законниками и сведущими людьми; себя же неграмотные называли темными и малопонимающими людьми»¹⁷.

Очевидно, что организация Ендовищенской школы второй половины XIX в., процесс обучения в ней, взаимоотношения учителя с учениками и их родителями полностью повторяют устройство русской школы XVII в.

Русские и советские исследователи дают различные оценки состоянию начального образования России в XVII — нач. XVIII вв. Но практически все они отмечают ее положительную динамику. Если судить об этом по развитию отечественной педагогической мысли, числу издаваемых букварей и азбук в целом по стране, то приводимые исследователями цифры и примеры впечатляют. Но если брать конкретные сведения по элементарным деревенским школам, а вся Россия той эпохи была, в основном, деревней, то отчетливо видно отсутствие какого-либо систематического образования. Сельские школы были временными и открывались только при желании отдельных родителей научить своих детей читать церковные книги, а для сельских дьячков-учи-

* В 1722 г. часть украинских казаков была переселена из сл. Ендовище на место близ р. Черная Калитва. В 1732 г. другая часть казаков выслана на р. Айдар. Украинского населения в слободе практически не осталось.

телей это было средство дополнительного заработка. Тем не менее, установился традиционный апробированный метод книжного учения, который по-своему способствовал повышению грамотности населения. Петр I видел образование государственным и профессиональным. Оно должно было служить интересам империи и в конечном счете укреплять армию и флот. Н.И. Костомаров писал, что царь не хотел ждать и развивать исторически сложившееся в стране просвещение, постепенно придавая ему черты европейского образования. Все должны были все видеть так, как видел он, менять все немедленно на западный манер. «Петр считал себя одного умнее всех русских людей. Он смотрел на народ как на ребятишек, которых следует взрослому учителю сечь, чтобы они учились». А русским людям, отмечает историк, «надобно было собственно «дозволять» просвещаться, а не принуждать их к просвещению насильем»¹⁸. На элементарную школу грамоты царь смотрел как на бесполезное дело в его высоких целях — а точнее, внимания не обращал.

Рассмотренный период воронежской истории характерен возникновением заметной тяги всех слоев населения (в первую очередь городского, посадского) к грамотности. Об этом, в частности, свидетельствует домашнее обучение и элементарные школы грамоты, получившие относительно широкое распространение в конце XVII в. Грамотность стала достоянием не только духовного сословия и знати, но и служилых людей, посадского населения. Даже среди крестьян стали появляться грамотные люди (старосты общин и целовальники — сборщики податей). Это элементарное образование строилось на православных и национальных традициях и по отношению к западноевропейскому просвещению было вполне самостоятельным. Оно сохранилось в виде «вольных крестьянских школ грамоты» до нач. XX века.

В целом школа XVII в. представляла собой переходную систему от древнего русского просвещения к новому, государственному, появление которого связано с именем Петра Первого.

ВОРОНЕЖСКАЯ-ТАВРОВСКАЯ АДМИРАЛТЕЙСКАЯ «РУССКАЯ ШКОЛА»

Российская школа, возникшая при Петре I, являлась государственным учреждением. Государство ее опекало, ставило перед ней государственные задачи. Время и обстановка наложили на русскую школу свой отпечаток, придали ей определенный характер. При Петре и его ближайших преемниках общество нуждалось преимущественно в элементарном образовании. С другой стороны, власти испытывали потребность в людях, получивших профессиональную подготовку. Они прилагали всевозможные усилия для отправки молодежи всех сословий в профессиональные школы, которые готовили бы ее к тем же профессиям, какими отцы и деды владели раньше. П.Н. Милюков писал об этом времени: «Общее образование само по себе мало ценилось как правительством, так и обществом. Вот почему правительство ограничилось на первых порах тем, что открыло ряд специальных школ для удовлетворения своих ближайших надобностей, а остальное предоставило времени и собственным усилиям общества»²⁵.

В 1696 г. город Воронеж стал базой второго Азовского похода. Здесь развернулось строительство первого российского военного флота. В Воронеж прибыл Петр I и принял личное участие в оснащении кораблей и комплектовании их экипажами.

В Воронеж приезжают иностранные мастера-кораблестроители: англичане, голландцы, немцы, итальянцы, французы. Они селятся к северу от Успенского монастыря, на берегу реки. Здесь образовалась так называемая Немецкая слобода, в которой резким контрастом с окружающим городом выделялись аккуратные домики, построенные в европейском стиле²⁶.

Но, приглашая иностранных мастеров, царь Петр стремился как можно быстрее

подготовить и своих, русских специалистов, мечтал «кратчайший и способнейший путь изобрести, чтобы завести науки и оных людей своих, елико мощно скорее обучить»²⁷.

Начал Петр I с себя и ближайших сподвижников. 9 марта 1697 г. он в составе Великого Посольства отправился из Москвы в Западную Европу изучать корабельное дело. В этом же году две группы молодых стольников (придворных чиновников) были направлены в Голландию, Англию и Италию для обучения кораблестроению и мореходным наукам.

Возвратившись в Россию к весне 1699 г., стольники прибыли в Воронеж, где были назначены на корабли, готовившиеся к Азовскому походу. Находившийся здесь Петр I деятельно занимается государственными делами. Он участвует в строительстве корабля «Предестинация», готовит российское посольство к отправке в Константинополь, ведет переговоры с посланником Дании Паулем Гейнсом.

25 апреля царь приказывает вице-адмиралу Крюксу провозвести на корабле «экзерциции, сколько, на якоре стоя, то исполнить можно». Стольники, учившиеся морскому делу в иностранных государствах и определенные теперь на службу во флот, в присутствии Петра I и руководителей русского правительства показали неплохие навыки и сноровку в матросских упражнениях. Что касается теоретических знаний, умения управлять кораблем, командовать экипажем, то здесь ученики продемонстрировали свою полную несостоятельность.

Германский резидент Гвариент 3 июня 1699 г. доносил своему императору из Москвы: «Из числа 72 дворян, посланных для обучения в Италию и Германию, только четверо выдержали экзамен, сделанный им самим государем в Воронеже. Остальным 68 человекам предоставлено или вторично отправиться в чужие края и оставаться там до приобретения нужных сведений на свой счет, или возвратить выданные на поездку деньги»²⁸. Среди сдавших экзамен были князь Александр Голицын и корабельный мастер Федор Плещеев.

Практика посылки молодежи за границу для обучения продолжалась и в последующие годы. Но пользы от этого государству было мало. Например, князь Иван Львов жил за рубежом и обязан был наблюдать за учившимися там русскими. В одном из писем он просил не посылать более навигаторов (мореплавателей) в Англию «для того, что и старые научились там больше пить и деньги тратить. Не могу их оплатить, а ныне хотят уже в тюрьмы сажать за долги»²⁹.

Необходимо было наладить подготовку профессиональных кадров в своем отечестве, что и предпринял Петр I в скором времени. 14 января 1701 г. был издан указ об основании первой государственной школы в России: школы математических и навигацких наук — в Москве, в Сухаревой башне.

В школу набирались юноши — дети дворян и горожан в возрасте от 12 до 17-20 лет. Некоторые шли учиться добровольно, но многих отправляли заниматься «с принуждением».

Большинство поступавших в это учебное заведение были неграмотны. Поэтому тех, кто не умел читать и писать, определяли в первый, подготовительный класс. Их учили грамоте и письму, а класс называли «русской школой». Во втором классе обучали счету и началам арифметики. Он получил название «цифирной школы». Здесь завершали обучение дети низших сословий, которых определяли на службу учителями в новые школы, писарями, помощниками аптекарей, архитекторами, гражданскими чиновниками разных ведомств. Наиболее талантливые ученики из низших чинов попадали в следующий класс. В третьем, «навигацком классе» обучались, как правило, дети знати. Они учили алгебру, геометрию, тригонометрию (плоскую и сферическую) навигацию, морскую астрономию, географию (преимущественно математическую). Окончивших этот курс называли «навигаторами»³⁰.

Методика учебных занятий в этой школе не предусматривала работу со всем клас-

сом в одни и те же часы обучения. Поэтому время прохождения курса было неодинаково. Наиболее способные ученики заканчивали учебу через 2-3 года, другие учились 4-5 лет³¹. В учебном заведении царила суровая дисциплина. За особые проступки солдаты били учеников плетью на школьном дворе. В частности, это были «плутости» — разбойные набеги на погреба и кладовые московских обывателей. За прогульные дни налагались огромные штрафы (Указ 1707 г.). Первый день отсутствия — 5 рублей, второй — 10 рублей, третий и последующий — 15 рублей. За неуплату ставили на «правеж» школьника или его холопа. За побег из школы полагалась смертная казнь, а родным за одно только ходатайство перед государем «об отбывательстве их питомцев от школы» — каторжная работа³².

Первые выпускники вышли из школы в 1703 г. Тогда же было дано распоряжение направить в Воронеж «ради учения матросов из числа лучших учеников двух человек»³³.

Весной этого же года молодые учителя прибыли к месту назначения. «Арифметического учения ученики Афанасий Побегайлов и Петр Фролов посланы в мае, во 2 числе, и каменные доски и иные принадлежности и припасы ко учению по их скаске куплены и посланы с ними»³⁴.

К этому времени строительство военного флота в Воронеже приняло широкий размах, и очень скоро стала ощущаться острая нехватка самых разных специалистов корабельного дела: мастеровых людей, матросов, младших командиров. «Великую нужду имею в офицерах», — писал из Воронежа в Москву адмирал Ф.М. Апраксин. Эти обстоятельства, а также видимо личное распоряжение царя заставили Апраксина весной 1703 г. открыть в Воронеже школу, «предназначенную преимущественно для приготовления содержателей по разным частям», т.е. главным образом для подготовки различных специалистов-кораблестроителей³⁵.

Эта и подобные ей школы в официальных документах того времени назывались «русскими». Основные предметы в таких школах — чтение, письмо и счет — преподавались на русском языке. Этим названием их отличали от «разноязычных», «немецких», «латинских» школ того времени, в которых главными предметами обучения были иностранные языки. Термин «адмиралтейская школа» появился после специального указа Петра I от 29 ноября 1718 г. об учреждении адмиралтейских школ. Затем это требование было подтверждено «Адмиралтейским регламентом» (1722).

Экспозиция зала № 2

Поскольку учебное заведение, открытое в Воронеже в 1703 г., относится к типу «русских школ», а после 1718 г. уже значится как «адмиралтейская школа», мы решили объединить эти наименования в одно и назвать ее — адмиралтейская «русская школа». Это не противоречит истине и соответствует общепринятой классификации*.

Есть все основания считать, что первая в стране «русская школа», причем с углубленной общеобразовательной подготовкой, была основана в Воронеже в мае 1703 г. В июне этого года адмирал Ф.М. Апраксин докладывал царю, что 90 молодых драгун (крестьян-новобранцев) успешно обучаются арифметике, и по окончании учения он планирует отдать их по «делам», т.е. для овладения конкретной профессией. «А более нужно констапелей (младший офицерский чин в морской артиллерии. — Ю.П.), отдам их учить поручикам Бергману и Отто, по 12 человек, також де и другим, где пристойно»^{36 **}.

Школа являлась государственным учебным заведением. Ее учителя и ученики получали жалованье. Располагалась она на территории канатного двора: «да середних [учеников среднего возраста — Ю.П.] на Канатный двор — сто семь человек»^{37 ***}. Кроме учителей, присланных из Москвы, в школе преподавал местный житель, певчий архиерейского хора подъяк Семен Минин. Он был учителем «словесного учения». Как человек грамотный, Минин совмещал свою должность с работой переплетчика в воронежском Адмиралтействе. Известно, что в 1710 г. он получал учительское жалованье — 12 руб. в год. Для сравнения укажем, что в том же 1710 г. толмач (переводчик) голландского языка Ян Удендал получил 36 руб., а заплечный мастер (палач) — 10 руб.³⁸.

6 мая 1703 г. вместе с учителями Побегайловым и Фроловым из Москвы в Воронеж было отправлено значительное количество «печатных книг, которые куплены для учения мастеровым людям, которые на Воронеже у корабельного дела»^{39 ***}. По этим книгам можно определить примерную программу обучения в школе. «Да печатных книг, которые куплены по указанной цене для учения мастеровым людям, сорок девять букварей на словенском и на латинском языке по шеснатцати по четыре деньги букварь, триста азбук по три деньги азбука, восемьдесят восемь Псалтырей в полдесть по двацати по три алтына по две деньги Псалтырь, сорок две Псалтыри в полдесть по шеснатцати алтын по четыре деньги Псалтырь, сто Часословов по десяти алтын Часослов, сорок восемь арифметиков в десть по два рубли по осми алтын по две деньги арифметик»³⁹.

48 учебников арифметики, один экземпляр которой стоил целых два рубля 8 алтын, являлись только что вышедшими из печати книгами Леонтия Магницкого, который преподавал математику в Московской школе навигацких наук. По тем време-

---

* В коллективной монографии «Очерки истории профессионально-технического образования в СССР» (М., 1981) воронежская школа 1703 г. названа малой адмиралтейской школой. «...нужны были рабочие, умеющие строить и оснащать корабли, корабельные специалисты, для подготовки которых не требовалось столь значительного образования. Поэтому уже в 1703 г. в Воронеже при судостроительной верфи по распоряжению Петра I была открыта малая адмиралтейская школа, имевшая целью подготовить грамотных и умелых мастеров-кораблестроителей» (с. 27).

** Документ опубликован С.И. Елагиним в работе «История русского флота. Азовский период». Воронежский историк В.П. Загоровский, не имея других сведений относительно школы 1703 г., остановился на данном эпизоде и констатировал, что школа являлась временным учебным заведением и решала конкретную насущную задачу: готовила младших офицеров флота. Дальнейшие исследования опровергли это утверждение.

*** Канатный двор располагался в начале современной ул. Володарского, в районе СОШ № 11.

**** В письме 1703 г. четко обозначен контингент школы — «мастеровые люди, которые в Воронеже у корабельного дела», но не младшие офицеры флота, подготовка которых носила разовый характер.

нам этот учебник был настоящей энциклопедией математических знаний. В нем сохранились сведения для практического применения в алгебре, геометрии, астрономии, геодезии, навигации. Дорогой учебник использовался обычно как пособие для учителей, но, судя по количеству экземпляров (48), он выдавался для занятий и ученикам. Конечно, в воронежской школе изучали не только четыре действия арифметики. Мастерам нужно было знать квадратные и кубические меры, вычисление площадей, объемов и многое другое, что необходимо при строительстве и оборудовании корабля.

Итак, о содержании обучения в воронежской «русской школе» можно судить по посланным туда книгам: русский букварь, латинский букварь, Псалтирь, Часослов, арифметика и уже упомянутые «каменные» или грифельные доски для обучения письму.

Отсюда видно, что эта школа была общеобразовательной, но имела свои специальные задачи, а именно: готовить различных специалистов для воронежских и других верфей и гарнизонов. Контингент учащихся состоял в основном из «мастеровых людей». И если учесть, что многие профессии передавались от старших поколений к младшим, то и профессия корабельного мастера становилась наследственной. Это давало право учиться в подобных школах детям «мастеровых людей». П. Парибок в статье «“Русские школы” при Петре I» приводит данные по С.-Петербургской «русской школе», открытой в 1717 г., и отмечает, что «школа пользовалась популярностью среди того сословия, для которого предназначалась. Не было необходимости принуждать мастеровых людей к обучению детей, рабочие государственных военно-морских верфей охотно отдавали своих детей и братьев в “русскую школу”, не проявляя предрассудков, предубеждений и опасений, столь свойственных в то время дворянскому сословию в лице его наиболее обеспеченных и знатных представителей. О тяге к знаниям со стороны детей “мастеровых людей” говорит и то, что в школу “сверх присланной росписи явились мастеровых людей дети (27 человек)”»⁴⁰.

Вероятно, и воронежские мастеровые охотнее отдавали своих детей в «русскую школу». Так, в ведомости о составе учащихся еще одной воронежской школы (цифирной) графа «О присылке детей каменщицких, кузнецких и плотницких» с 1716 по 1726 г. оставалось незаполненной⁴¹.

В 1705 г. по распоряжению Петра I на левом берегу реки Воронеж была заложена Тавровская крепость, а в 1709 г. сюда перенесли главную корабельную верфь. В эти годы «русскую школу» из Воронежа перевели в Тавров, где она по-прежнему готовила профессиональные кадры для российского флота. Здесь уместно напомнить, что некоторые исследователи, писавшие о воронежской школе в 1703 г., называли ее Тавровской и полагали, что она была открыта именно в этой крепости. Объяснить эту ошибку можно следующим образом. Во второй половине XVIII в. историк-любитель И.И. Голиков создал многотомный труд «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные по годам». В нем автор допускает ошибку и упоминает Тавровскую крепость как уже существующую в 1703 г. Доверяя И.И. Голикову, ошибку повторяет Е.А. Болховитинов в известной работе «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии», тоже делает А.С. Пушкин в «Истории Петра Великого», а затем и другие. Например, советский историк П.М. Парибок пишет: «В 1703 г., в бытность свою в Воронеже, Петр I предпринял ряд мер по реорганизации воронежских верфей. Адмиралтейство из Воронежа было перенесено к устью реки Тавровки... В Таврове же, в непосредственной близости от верфей и мастерских в 1703 г. Петром была основана первая в стране “русская школа”»⁴². Действительно, если Тавровская верфь существовала в 1703 г., то школа должна открыться именно там. Но, как было сказано выше, только в 1705 г. Ф.М. Апраксин заложил Тавровскую крепость и верфь. Кораблестроение постепенно перемещалось из Воронежа в Тавров, и, видимо, после 1706 г. «русская школа» также перебравшись в новую крепость.

Экспозиция зала № 3

Выпускники воронежской школы направлялись во все точки России, где строились корабли. Но главным образом они обслуживали огромную Азовскую губернию. Например, в 1705 г. 6 человек были направлены в Троицкую крепость, которая находилась на берегу Азовского моря близ Таганрога. В документе читаем: «Лета 1705 года июля в 4 день по указу Великого Государя артиллерийскому поручику Шперитеру сего числа по его Великого Государя указу присланы в Троицкой с Воронежа из Приказу Адмиралтейских дел математические ученики, которым велено быть для учения бомбардирного дела, 6 человек, а с ними прислано артиллерийских припасов, которым быть в Троицком в гарнизонах, а кто именно математические ученики и что чего с ними прислано, тому роспись ниже сего и тебе по росписи тех математических учеников принять»⁴³.

В данном случае из Воронежа прибыли инструкторы артиллерийского дела, которые и должны были обучать солдат-бомбардиров.

В 1711 г. в результате неудачного Прутского похода Россия обязалась прекратить строительство кораблей в Воронежском крае. В следующем году из Воронежа в Москву и Петербург уехали русские и иностранные мастера-судостроители, в том числе Анисим Моляров с пятью учениками. Тавровская «русская школа» при пустующих верфях утратила свое значение и, вероятно, была закрыта.

Северная война и интенсивное строительство флота на Балтийском море вновь поставили вопрос о «русских школах», обучавших грамоте будущих корабельных мастеров.

29 ноября 1718 г. был дан именной указ Петра I: «Плотничьих, матроских, кузнечных и прочих мастеров всех записных учить русской грамоте и цифири».

На этом основании 1 марта 1719 г. генерал-майор И. М. Головин дал указ в канцелярию военного флота:

«По именному его царского величества указу велено плотничьих, матроских, кузнечных и прочих мастерств мастеровых людей детей братьей и свойственников их учить русской грамоте и цифири, которые явятся ниже шестнадцати лет»⁴⁴.

К этому времени уже работала С.-Петербургская «русская школа». В Ревеле была открыта школа для «обучения навигации, словенскому и писать». Аналогичная школа существовала в Кронштадте.

В 1722 г. Петр I, возвращаясь из Персидского похода, заехал в Воронеж. Здесь он отдал распоряжение возобновить строительство в Таврове боевых кораблей. В этом же году выходит «Регламент морской» — основной закон русского военного флота. Этот документ придавал большое значение «русским школам». В частности, там говорилось: «Плотничьих и прочих мастеровых людей детей надлежит обучать грамоте, цифири и плат геометрии, дабы потом могли добрыми мастеровыми быть. Для чего особливую школу иметь»⁴⁵. Открываются новые школы, им уделяется повышенное внимание. В 1725 г. в донесении Воинской морской комиссии сказано: «По регламенту адмиралтейскому... школы... на адмиралтейских заводах учинены, на адмиралтейских мастеровых и протчих нижних чинов в 1725 году дети переписаны. И которые впред с того времени прибыли и придут, о тех велено объявлять при командах и определяются в школы на 5 лет. Ныне оных обретаеця: 1) в Петербурге — 211; 2) в Кронштадте — 87; 3) в Ревеле — 53; 4) в Казани — 70; 5) в Астрахани — 17; 6) в Таврове — 160; 7) на Сестрорецких заводах — 47»⁴⁶.

В 1723 г. на Тавровской верфи возобновилось строительство флота, и уже к лету 1724 г. было построено 30 крупных и 59 малых судов.

По вышеприведенным данным, Тавровская «русская школа» в 1725 г. насчитывала 160 учеников и была самой крупной в России, так как в аналогичных четырех с.-петербургских школах было в общей сложности 211 учащихся.

Сохранилось донесение капитана 3 ранга Росселиуса, который с апреля 1725 г. руководил Воронежским адмиралтейством, управляющему галерным флотом и члену Адмиралтейств — коллегии вице-адмиралу М.Х. Змаевичу. Здесь, в частности, говорится о Тавровской школе: «Сего апреля 18 дня набрано при Таврове морских и адмиралтейских служителей детей в школу для учения грамоте и писать 67 человек, в том числе сирот из которых отцы померли и пропитания иметь им не от чего 12 человек, да возрастных которые приспели уже в службу 9 чел. На что вашему превосходительству доношу дабы означенным сиротам повелено было для пропитания давать провиант из оставшего при госпитале хотя по малому числу покаместь возимеют возраст и определятся в службу, а ежели их не кормить то они от голоду разбредутся и собрать их будет впредь в службу невозможно...». Датирован документ 29 апреля 1725 года⁴⁷.

Только что набранные ученики Тавровской школы начинали обучение с букваря. Затем следовали Часослов, Псалтырь, письмо, арифметика и геометрия. Трудно было найти учителя арифметики, поэтому точные науки часто выпадали из установленной программы обучения. По «мере выучки» учащиеся переходили «из науки в науку», то есть применялась предметная, а не классная система обучения. Школьную программу проходили в течение 2–6 лет, а чаще всего за 3–4 года. Кроме этого, ребят обучали различным мастерствам и морскому делу. Порядок содержания в адмиралтейских школах мало чем отличался от гарнизонных школ. Был установлена форма одежды: кафтан сермяжный с «красными абшлагы», штаны козлиные или канифасные, башмаки или пара сапог, серые чулки, галстук, две рубашки с «порты», колпак из красного сукна⁴⁸. Конечно, ученики адмиралтейских школ не получали новое обмундирование. Они донашивали, как правило, форму, уже бывшую в употреблении.

Кораблестроительные работы в Таврове продолжались до 1740 г., а местное адмиралтейство официально упразднили осенью 1741 г. Последнее известное документальное упоминание о местной школе встречается в «ревизских сказках» по Тавровской крепости 1745 г. Тогда в ней учились дети в возрасте от 7 до 13 лет⁴⁹.

Окончившие адмиралтейские школы определялись на верфи для работы по строительству и ремонту кораблей. Лучшие выпускники могли продолжать образование в особых классах Морской академии, где учились дети разночинцев.

Адмиралтейские школы открывались на протяжении всего столетия. К концу XVIII в. в 13 школах насчитывалось более 1000 учащихся. В основном это были дети мастеровых и городских ремесленников⁵⁰.

«Русские» и адмиралтейские школы являли собой новый тип учебного заведения. Правительство Петра I не имело опыта устройства обучения на государственном уровне, не знало какой-либо педагогической теории, разработанной применительно к отечественным условиям. Не было единого государственного органа, который бы руководил образованием. Школы возникали и закрывались без какого-либо общего плана. Они носили профессиональный характер, перед ними ставились ограниченные, утилитарные задачи. Тем не менее, школы создавались не бездумно, они обеспечивали подготовленными людьми самые важные участки реформируемого государства.

ЦИФИРНАЯ ИЛИ АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Начальный период реформ Петра I в области просвещения был характерен пристальным вниманием царя к подготовке технических специалистов, открытию профессиональных школ. Но в дальнейшем Петр несколько пересмотрел свое отношение к образованию и стал склоняться к мысли о необходимости «размножить науки в империи». Возникла идея устройства академии наук, а также университета и гимназии⁶¹. При Петре эта система не была создана, но первые шаги по утверждению в России общеобразовательных учебных заведений царь сделал. Он предложил порядок создания сети цифирных или арифметических школ, которые получили свое наименование по преобладанию в программе обучения математических наук — арифметики и геометрии.

Кроме того, школы должны были готовить юношей для дальнейшей военной и гражданской службы. Организация учебных заведений проводилась через Военную, Адмиралтейскую и другие коллегии, магистраты, а также церковь, в распоряжении которой были помещения и учителя.

28 февраля 1714 г. Петр I издал указ об открытии во всех губерниях школ, где предписывалось «дворянских и приказного чина, дьячих и подъяческих детей от 10 до 15 лет, oprичь однодворцев, учить цифири и некоторую часть геометрии»⁶².

Вскоре к обучению в цифирных школах решили привлечь детей духовенства и купечества. Принимать детей крепостных крестьян запрещалось.

Школы должны были размещаться в монастырях и архиерейских домах.

Для преподавания приглашались воспитанники Московской школы математических и навигацких наук и Морской академии. Им согласно указу была положена плата «кормовых по 3 алтына и по 2 деньги на день из губернских доходов». Обучение преподалагалось бесплатное, но по окончании школы каждый юноша должен был заплатить учителю рубль. Последний выдавал выпускнику письменное свидетельство за своею подписью. Без этого документа «жениться их не допускать и венечных памятей не давать».

Цифирные школы состояли в ведомстве Адмиралтейств-коллегии, а в городах за их устройством было поручено смотреть местным воеводам. «О Академиях же, школах и госпиталях надлежащее попечение иметь», — было сказано в «Инструкции, или Наказе воеводам»⁶³.

Но ни в 1714-м, ни в следующем году цифирные школы так и не были открыты, хотя 28 декабря 1715 г. было указано Федору Матвеевичу Апраксину: «Взять из школы Господина Адмирала таких, которые географию и геометрию выучили, и послать в всякую Губернию по два человека, для науки молодых ребяток изо всяких чинов людей»⁶⁴.

Наконец, 18 января 1716 г. выходит еще один указ: «О посылке в Губернии по два учителя для обучения детей арифметике и геометрии». Только после этого указа в 1716 г. в России открываются первые 13 цифирных школ, в том числе и в Воронеже⁶⁵ *.

* Кроме Воронежа, первые школы были открыты в Москве, Казани, Смоленске, Нижнем Новгороде, Белгороде, Курске, Тоболе, Вологде, Ярославле, Тамбове, Новгороде, Архангельске.

В том же году в Воронеж для «учения детей» прибыли два выпускника Московской школы математических и навигацких наук Михайло Уфимов* и Игнатий Ярославцев. Но, видимо, учеников было мало, и поэтому Ярославцев отбыл в Тамбов, где возглавил местную цифирную школу, а Уфимов остался учительствовать в нашем городе.

Как и Воронежская «русская школа», цифирная размещалась на канатном дворе⁶⁶, который голландский путешественник Корнелий де Бруин отметил как «большое канатное заведение». По сведениям историка Е.А. Болховитинова, завод находился «близ старых московских ворот»⁶⁷.

Трудно судить о методах преподавания в тогдашней школе. Классно-урочной системы не существовало, каждый учитель по собственному разумению преподносил знания по какой-либо книге или своим записям. Ученики были различного возраста, и каждый из них занимался индивидуально. Например, в одной из цифирных школ 32 школьника учились: «по арифметике, нумерации — 11, адитии — 5, субстракции — 1, мультипликации — 3, дивизии — 5, тройному — 3, десятичным дробям — 2, геометрии, циркульным приемам — 1, тригонометрии плоской, тангенсам — 1 (адития — это сложение, субстракция — вычитание, мультипликация — умножение, дивизия — деление)»⁶⁸.

Учиться было трудно. Занятия длились 8-9 часов, каникулы были короткими — на Рождество и на один летний месяц. Применялись жестокие дисциплинарные меры, воспитание было основано на рекомендациях букварей и азбук XVII — начала XVIII в.: «Казни сына своего от юности его...», «Розга ум острит и память возбуждает...», «Целуйте розгу, бич и жезл лобзайте».

Трудным было и материальное положение школ. Деньги на их содержание отпускали небольшие, и поступали они нерегулярно. Ученики убежали, их ловили и наказывали. Доставалось и родителям, укрывавшим беглецов. Так, в августе 1719 г. из Воронежской губернской канцелярии в Валуйки был послан царский указ, повелевавший немедленно разыскать и отправить с провожатыми в Воронеж «чугуевских церковников Василия да Федота Родионовых, детей Поповых, которые из Воронежа бежали от учения математической школы». Приказ был строг: «А буде в сыску не явитца, сыскав отца их или кто в доме явитца, потому ж прислать на Воронеж за провожатыми, а которого числами с кем посланы будут, о том в губернскую канцелярию писать». В ответ на это валуйский воевода Никита Яснев сообщил в сентябре в губернскую канцелярию, что «вышезначенных чугуевских церковников в сыску не явилось и в доме их не сыскано»⁶⁹.

Представители различных сословий просили царя об освобождении от повинности учить сыновей в цифирных школах. В 1716 г. от обязательного обучения в школах освобождаются дети дворян. В 1720 г. в Сенат подается челобитная от посадских людей, «что де в помянутые школы принуждают их высылкой детей и держат из них многих в тюрьмах и за караулом». Детям купцов также предоставляется право учиться по желанию родителей.

В 1722 г. в связи с организацией архиерейских школ Сенат указывает обучать там детей духовенства. Таким образом, практически все сословия (за исключением разночинцев) освобождаются от обязательного обучения в цифирных школах⁷⁰.

Петр I помнил об этих учебных заведениях. В 1723 г. он заслушал в Адмиралтейской коллегии докладную записку о цифирных школах и повелел Сенату определить, «где помянутым школам в ведении быть». Но Сенат на распоряжение царя не откликнулся и указа не издал.

В 1726 г. вдова Петра, императрица Екатерина I, вернулась к этому вопросу и 31 ок-

---

* В подлинном архивном документе фамилия читается как Угримов, в опубликованном источнике (см. ссылку) — Уфимов.

тября на заседании Верховного тайного совета определила дальнейшую судьбу арифметических школ. Ей представили донесение, в котором подводились итоги деятельности таких школ с 1716 по 1726 г. В частности, там говорилось: «...а и ныне в других провинциях в тех школах учеников обретается малое число, в которых и учителям быть не у чего. А сколько в губерниях и провинциях ныне тех школ имеется и в них учителей, что с начала того учения в присылках [прислано. — Ю.П.] было к ним учеников и из того выучено и ныне обретается, и с которых провинций учителя прибыли, о том прилагается ведение при сем доношении». Этот интересный документ называется «Ведение о состоянии учиненных школ в губерниях и провинциях для учения дьячих и подьяческих и церковниковых и монастырских слуг детей цифири и геометрии». Подписан он 16 сентября 1726 г.

Здесь можно проследить десятилетнюю историю и Воронежской цифирной школы, которая, напомним, была открыта в 1716 г. За эти годы в Воронеж было прислано: приказного чина детей — 40, «церковниковых» — 151, солдатских, драгунских, казачьих, пушкарских — 6. Итого 197 человек. Дети боярские, дворянские, монастырских слуг, каменщиков, кузнецких и плотницких, а также посадских людей в Воронежской школе не обучались или же покинули ее. О чем далее и сообщается:

«Посадские и чиновничьи отбыли — 104 чел., бежали и в дома отпущены и не явились — 20. За непонятие наук отпущено — 12. Умерших, убогих и в учение негодных — нет. В канцелярии и в солдаты взятых — нет, в архиерейскую школу взятых — нет. А успешно выучено и отпущено — 58 учеников»⁷¹.

В 1726 г. школа в Воронеже продолжала существовать, обучались в ней лишь три человека. Об этом упоминает русский ученый и географ И.К. Кирилов в книге «Цветущее состояние Всероссийского государства»: «В сем городе имеется школа для обучения разных чинов людей детей, кроме шляхетства, цифири и геометрии»⁷².

Итак, 31 октября 1726 г. Екатерина I указывает соединить в губерниях и провинциях арифметические школы с семинариями и школами архиерейскими. Они передаются на содержание Синоду по представлению Адмиралтейской коллегии, которая пыталась сохранить математическое обучение. Но церковь не посчиталась с мнением светских властей и откестилась от ненужных ей школ, мотивируя отказ тем, что будущие священники должны изучать Слово Божье, а не цифирь и геометрию. Математические школы снова оказались беспризорными, пока в 1731 г. их опять не передали в управление Адмиралтейств-коллегии.

В 1744 г. вышел указ Сената «О соединении в губерниях и провинциях арифметических и гарнизонных школ в одно место». Воронежская солдатская школа к тому времени уже существовала, и если цифирная еще была в городе, то она, конечно, слилась с гарнизонной⁷³.

Цифирные школы не смогли стать основным типом общеобразовательного учебного заведения в России. Они были плохо организованы и практически не финансировались. Дворяне стремились учить своих детей дома или в столичных профессиональных учебных заведениях, что давало возможность быстрого карьерного роста в гражданской или военной службе. Но чаще всего дворянских сынов вообще нельзя было заставить учиться. Церковь, вытесненная Петром I из многих сфер государственной жизни, стремилась организовать свою духовную сословную школу. Для посадских жителей школы были также неудобны. Они находились далеко от торговых центров, и детей отпускать туда не хотели. Можно назвать и другие причины, лежащие на поверхности, но главная причина была одна и находилась в глубине народного сознания. Население воспринимало обучение в цифирных и других школах как тяжелую повинность, равнозначную солдатчине или кабале. Глухой ропот недовольства петровскими реформами, в частности, нашел свое отражение в отношении русских людей к петровской школе.

Тем не менее, сеть цифирных школ была относительно разветвленной. Они явля-

лись первыми светскими государственными учебными заведениями, где преподавались арифметика, начала геометрии и география. В 1716–1726 гг. в цифирные школы направили 2050 мальчиков, из числа которых выбыли по разным причинам, не начав обучения, — 1544, продолжали учиться — 507, окончили полный курс — 302^{74*}.

ССЫЛКИ И ЛИТЕРАТУРА

¹ См.: Глазьев В.Н. Первые грамотные люди // Воронежский курьер. — 2007. — 10 марта. — С. 4.

² Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века: Документы и материалы по истории края. — Воронеж, 1976. — С. 76.

³ Там же. С. 78.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ См.: Глазьев В.Н. Там же.

⁶ Прокопович Феофан. Соч. — М., Л., 1961. — С. 135–136.

⁷ См.: Глазьев В.Н. Там же.

⁸ См.: Миропольский С. И. Очерк истории церковно-приходской школы от ее возникновения на Руси до настоящего времени. — М., 2006 — С. 234.

⁹ Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 1. — Воронеж, 1902. — С. 10.

¹⁰ См.: Аббасов А. Житие митрополита Евгения. — Воронеж, 1996. — С. 8.

¹¹ Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. — С. 20.

¹² Воронежские Епархиальные ведомости. — 1891. — № 5. — 1 марта.

¹³ Миропольский С. И. Там же. С. 229.

¹⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры в 3 частях. Ч.2. — СПб., 1902. — С. 301–302.

¹⁵ Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. 2. (1702–1703). — СПб., 1889. — С. 108.

¹⁶ См.: Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып. VIII / Сост. Л.Б. Вейнберг. — Воронеж, 1886. — С. 633–634.

¹⁷ Материалы по истории сл. Ендовище. Рукопись. Сост. свящ. Милоградский. — Ок. 1900.

¹⁸ Костомаров Н.И. Царевич Алексей Петрович // Исторические монографии и исследования в двух книгах. Книга первая. — М., 1990. — С. 131–132.

¹⁹ Шницер Я.Б. Иллюстрированная всеобщая история письмен. — СПб., 1903. — С. 233.

²⁰ Там же. — С. 236–238.

²¹ Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии // Воронежский край XVIII века в описаниях современников. — Воронеж, 1992. — С. 97.

²² Цит. по: Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого. Т.8. — М., 1792. — С. 226.

²³ См.: Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. — М., 1996. — С. 77.

²⁴ Цит. по: Голиков И.И. Там же. С. 225–226.

²⁵ Милюков П.Н. Очерки истории русской культуры. Ч. 2. — СПб., 1902. — С. 306–307.

²⁶ См.: Загорский В.П. Воронеж: историческая хроника. — Воронеж, 1989. — С. 46.

²⁷ Цит. по: Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII века. — М., 1987. — С. 42.

²⁸ Цит. по: Елагин С. История русского флота. — СПб., 1864. — С. 240.

²⁹ Цит. по: Пекарский П.П. Наука и литература России при Петре Великом. Т.1. — СПб., 1862. — С. 141.

³⁰ См.: Флеровская А.А. Навигацкая школа // Вопросы истории. — 1973. — №10. — С.218.

³¹ См.: Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в России. — М., 1979. — С. 7.

³² См.: Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. / Сост. С.А. Князьков и Н.И. Сербов. Под ред. С.В. Рождественского. — М., 1910. — С. 39, 40.

³³ Цит. по: Голубцова М.А. Московская школа Петровской эпохи // Москва в ее прошлом и настоящем. — М., 1909. — Вып. 7. — Ч. 4. — С. 45.

³⁴ Цит. по: Парибок П.М. «Русские школы» при Петре I // Советская педагогика. — 1945. — №1–2. — С. 37.

* Сведения относятся к 25 непрерывно действовавшим в течение 1716–1726 гг. школам. Всего в России в этот период было открыто 42 цифирные школы.

- ³⁵ Цит. по: Веселовский Г.М. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении. — Воронеж, 1866. — С. 73.
- ³⁶ Цит. по: Кретьева О.К. Русский город Воронеж. — Воронеж, 1986. — С. 36.
- ³⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее РГА ВМФ), ф. 177, оп. 1, д. 32, л. 224.
- ³⁸ См.: Веселовский Г.М. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении. — С. 73, 81.
- ³⁹ РГАВМФ, Ф.177, оп. 1, д. 32, л. 226, 226 об.
- ⁴⁰ Парибок П.М. Указ. соч. С. 39.
- ⁴¹ Сборник императорского русского исторического общества. — СПб., 1887. — Т. 56. — С. 320–321.
- ⁴² См.: Парибок П.М. Указ. соч. С. 37.
- ⁴³ Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО), ф. И-171, оп. 2, д. 40, л. 2.
- ⁴⁴ РГАВМФ. Дело адмиралтейской канцелярии. № 100 (258), 1719 г., л. 171.
- ⁴⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). — СПб., 1830. — Т. VI. — № 3937.
- ⁴⁶ Цит. по: Парибок П.М. Указ. соч. С. 41.
- ⁴⁷ Цит. по: Расторгуев В.И. Судостроение на верфях Воронежского края в 1723–1741 гг. — Воронеж, 2001. — С. 113.
- ⁴⁸ См.: Парибок П.М. Указ. соч. С. 41.
- ⁴⁹ См.: Комолов Н.А. Адмиралтейская школа // Калейдоскоп Воронежской истории. — Воронеж, 2008. — С. 128.
- ⁵⁰ См.: Буров А.А. Петербургские «русские школы» и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII в. — Л., 1957. — С. 12–13.
- ⁵¹ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. — первая половина XIX в. — М., 1973. — С. 22.
- ⁵² См.: Акинъшин А.Н. Павловск // Воронежская энциклопедия. — Воронеж, 2008. — С. 69.
- ⁵³ См.: Комолов Н.А. Павловская верфь // Воронежская энциклопедия. — Воронеж, 2008. — С. 69.
- ⁵⁴ ЦГИКА Украины. ф. 1638, оп. 2, д. 46, л. 2 об., 3.
- ⁵⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 349, оп. 29, д. 10.
- ⁵⁶ РГВИА. Ф. 349, оп. 29, д. 9.
- ⁵⁷ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. — первая половина XIX в. — С. 50–51.
- ⁵⁸ См.: История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. — Воронеж, 1987. — С. 81–82.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 349, оп. 29, д. 16.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. 349, оп. 29, д. 18.
- ⁶¹ См.: Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / Сост. С.А. Князьков и Н.И. Сербов. Под ред. С.В. Рождественского. — М., 1910. — С. 57.
- ⁶² ПСЗРИ. Т. V. № 2778.
- ⁶³ Там же. № 3294.
- ⁶⁴ Там же. № 2971.
- ⁶⁵ Там же. № 2979.
- ⁶⁶ Сборник императорского русского исторического общества. — СПб., 1887. — Т. 56. — С. 320.
- ⁶⁷ Бруин К., де. Путешествия в Московию // Воронежский край XVIII века в описаниях современников. — Воронеж, 1992. — С. 20; Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии // Там же. — С. 232.
- ⁶⁸ Пекарский П.П. Указ. соч. С. 117.
- ⁶⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 406, оп. 1, д. 1284, л. 1.
- ⁷⁰ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. — первая половина XIX в. — М., 1973. — С. 29.
- ⁷¹ Сборник императорского русского исторического общества. — С. 316–321.
- ⁷² Кирилов И. Цветущее состояние Всероссийского государства // Воронежский край XVIII века в описаниях современников. — Воронеж, 1992. — С. 41.
- ⁷³ ПСЗРИ. Т. XII. № 9054.
- ⁷⁴ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. — С. 29.

ШЕСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВЕКОВ

(Очерк о династии Раевских — Елисеевых,
подаривших отечественной литературе поэта Анатолия Жигулина)

600 лет у школьной доски — таков только примерный общий преподавательский стаж семейного рода педагога Галины Васильевны Плешковой. Издавна Галина Васильевна кропотливо и скрупулезно восстанавливала семейное генеалогическое древо. Немногие знают свою фамильную историю дальше третьего-четвертого колена. Причины этого в немалой степени кроются и в особенностях тех периодов советского прошлого нашей страны, когда для выживания человеку было просто необходимо скрывать некоторые факты своей биографии. История каждого рода полна не только замечательных и позитивных, но и тяжелых, поистине трагических страниц. Чтобы восстановить память о собственных предках, необходимы и время, и душевные затраты, но в семье Галины Васильевны с этим не считаются, потому что знают, что любая корона, в том числе и человеческая, начинается с корней. Разнообразными делами занимались предки Г.В. Плешковой, но в большинстве своем годы их трудовой жизни были отданы образованию. А еще родственные души знамениты тем, что подарили русской литературе поэта редкого лирического таланта — Анатолия Владимировича Жигулина.

РАЕВСКИЕ

Генеалогическое древо семей Раевских (только с педагогическими веточками), насчитывает более двух десятков ответвлений.

В середине XIX века в городе Воронеже у Бархатного бугра под Касаткиной горой между Покровской и Богословской церквями стоял небольшой домик под номером 3. В нем жила семья Раевских: игумен Макарий и его брат дьякон Ефим с семьей — женой Евдокией Раевской, их сыновьями Владимиром и Митрофаном и дочерьми Александрой, Дарьей, Марией и Ольгой.

Мария окончила епархиальное училище, у Дарьи обе дочери также учились в епархиальном училище Острогжска, Ольга вышла замуж за дьякона и служила просвирней. Владимир работал начальником железнодорожной станции под Тифлисом, а про Митрофана написал Анатолий Жигулин¹: «Дед мой по матери, Митрофан Ефимович Раевский, потомственный дворянин (дворянство было возвра-

¹ А.В. Жигулин. Черные камни. Автобиограф. повесть. — М.: Культура, 1996. — С. 5.

Вид на город Воронеж конца XIX в.

щено потомкам В.Ф. Раевского в 1856 году), служил в Воронеже. Должность его была невелика, приблизительно соответствовала нынешней должности начальника городского телеграфа, пожалуй, даже поменьше. Он был очень образованным человеком, знал несколько языков (немецкий, английский, французский), отличался либеральными взглядами. В 1914 году он как связист был мобилизован в армию в чине капитана в соответствии со своим гражданским чином 8-го класса (коллежский ассессор), и некоторое время (в 1914–1915 годах) служил на военно-полевой почте штаба верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Прекрасно владел всеми телеграфными аппаратами того времени (Морзе, Юза, Бодо и др.), отлично знал телефонную связь.

Позднее служил во фронтовых частях. Дед был награжден за штатскую службу орденом Святой Анны III степени, за участие в боях — орденами Святого Станислава III степени с мечами и Святого Владимира IV степени с мечами...

...Моя мать, Евгения Митрофановна Раевская, родилась в 1903 году в бедной многодетной семье прямых потомков поэта-декабриста Владимира Федосеевича Раевского. У Раевских был небольшой деревянный дом под Касаткиной горой (сейчас улица Авиационная)».

В этом доме жила большая (12 человек) семья: отец, Раевский Митрофан Ефимович, служивший в почтово-телеграфной конторе города, мать, Раевская Мария Ивановна, — домашняя хозяйка и их 10 детей. Первая из детей, Екатерина, родилась 22 ноября 1896 года. Когда ей было 5 лет, мать отвела ее в воскресную школу.

Есть воспоминания о том, как она захотела стать учителем. Первый раз, увидев, как церковный батюшка преподает закон божий детям, тогда еще юная Катя вернулась домой, рассадил кукол и принялась обучать их. Позднее она поступила в гимназию, училась отлично — ей легко давались многие предметы. До последних дней прекрасно говорила на немецком языке, знала французский, латынь, цитировала Библию. Учиться ей нравилось, и она тепло вспоминала своих подруг по гимназии и учительниц. С некоторыми из одноклассниц она виделась и переписывалась всю жизнь. Заработка отца едва хватало на содержание 3 сыновей и 7 дочерей, и поэтому Катя с 14 лет давала частные уроки. А настоящей учитель-

ницей Екатерина Раевская стала, окончив в 1915 году в Воронеже женскую гимназию, располагавшуюся на Большой Дворянской (потом — Проспекте Революции) в здании, которое поколения воронежцев знали как Дом офицеров. Екатерина была направлена преподавать в начальную школу села Чертовицкое (недалеко от Воронежа), где и работала до 1917 года. Она была умна, образована, хорошо пела, отлично рисовала, знала языки и работать учительницей очень хотела. Директором сельской школы тогда был отец будущей известной воронежской писательницы Ольги Константиновны Кретовой. Молодые девушки, Ольга и Екатерина, подружились. Эту дружбу они потом сохранили на всю жизнь и, уже будучи глубоко преклонных лет, продолжали переписываться.

Отец, Митрофан Ефимович Раевский, в ту пору три года был на фронтах Первой мировой войны, дома подрастали сестры и братья, матери было очень трудно одной. Екатерина вернулась в Воронеж. Здесь она узнала, что после революции стало возможным поступить в Сельскохозяйственный институт, куда в ту пору, кстати, неохотно брали девушек (на курсе с ней училось еще девять студенток). Как рассказывала Екатерина Митрофановна, преподавательский состав в институте был замечательный, ведь имена многих преподавателей до сих пор составляют особую гордость агрономической и биологической науки страны.

Старшей из детей, Екатерине пришлось воспитывать и содержать младших. Мать уже сильно болела, отец умер в 1920 году.

В 1925 году была открыта новая школа, и Екатерину назначили учительницей естествознания. Туда она привела учиться своих младших братьев и сестер. Зарплату в школе не платили, но давали горячие обеды. В Первой советской трудовой школе-коммуне она проработала до 1929 года. Но пайка не хватало, и, чтобы прокормить мать и младших братьев и сестер, Катя каждый день ходила пешком с правого берега, где они жили, на левый, в школу Красных комиссаров (позже ВВАТУ — Воронежское высшее авиационное техническое училище), где она преподавала будущим командирам и красноармейцам русский язык за скудный армейский паек.

По рассказам Екатерины Митрофановны, советская школа в то время «шарахалась из стороны в сторону». Методы преподавания менялись едва ли не каждый год. Да и сами школы то открывались, то закрывались. Вот и школа, где она работала в 1920 году, была закрыта. Екатерину Митрофановну перевели в школу № 11.

Это была школа так называемой I ступени. В 1924 Екатерина окончила институт. С 1924 по 1942 год Е. Раевская преподавала химию в школе № 13. Долгое время потом она работала в школе № 58 (ныне гимназия имени академика Н.Г. Басова). Среди выпускников памятного 1941 года был и ее ученик Коля Басов — будущий изобретатель лазера и лауреат Нобелевской премии.

«Мама с папой повенчались в 1925 году, — вспоминает Г.В. Пешкова. — В этом же году маму от Воронежской области послали на учительскую конференцию в Москву. Она слушала доклады Луначарского и Крупской. На такие конференции для обмена опытом ее направляли еще несколько раз».

Из профсоюзной характеристики Е.М. Раевской: *«За время работы в школах г. Воронежа была неоднократно командирована в Москву: в 1925 году послана по организации внешкольной работы, в 1926 году на месячные курсы по юннатской работе, в 1928 году на всесоюзное совещание учителей биологии и химии... Член профсоюзов работников начальной и средней школ с 1918 года...»*

До самого окончания института ей приходилось ходить пешком от Чернавского моста, где они уже жили с мужем Василием Елисеевым, в центр города в школу на работу, а оттуда — на занятия в Сельскохозяйственный институт. Екатерина продолжала помогать матери воспитывать младших детей — правда, две младшие сестренки умерли от тифа.

Брат Борис также окончил СХИ и преподавал в сельхозтехникуме. Его сын Алексей начинал восстанавливать буквально с нуля химическую промышленность послевоенного Воронежа — Воронежский завод синтетического каучука им. С.М. Кирова и шинный завод. Дочь Елена работала бухгалтером.

Брат Василий занимался в школьном музыкальном кружке. Он стал замечательным скрипачом и играл в воронежском джазе Зиновия Виницкого. На войну Василий ушел добровольцем, защищал Воронеж, был ранен. После войны преподавал в Усманском педагогическом училище. Его дочь педагогом не стала, а внучка, Татьяна Викторовна Мазур, — учитель русского языка и литературы.

Самый младший из братьев, Александр, занимался в школьном хореографическом кружке. Позже стал балетмейстером и постановщиком спектаклей в Воронежском театре оперы и балета, в разное время преподавал в хореографических училищах. Александр Митрофанович тоже воевал и защищал Воронеж, был контужен. Его жена Наталья Петровна преподавала русский язык и литературу в школе. Их сын Митрофан Александрович стал учителем музыки. Александр Митрофанович преподавал до глубокой старости, писал стихи и песни. Издал и выпустил в свет две поэтические книги.

Одна из сестер, Евгения, окончила курсы связисток и работала в селе Подгорном со своим мужем Владимиром Федоровичем Жигулиным. В 1930 году у них родился сын Анатолий. О нем стоит сказать особо. Ведь ему была начертана очень нелегкая судьба, о которой он написал книгу «Черные камни». А. Жигулин был в рядах созданной им с друзьями Коммунистической партии молодежи. Был арестован, осужден, прошел тюрьмы, лагеря, ссылки. После смерти Сталина выпущен на свободу, реабилитирован. Окончил Воронежский лесотехнический институт и Высшие литературные курсы, позже некоторое время преподавал в Литературном институте

Довоенное фото. Верхний ряд: крайний слева — муж Екатерины, Василий Елисеев; рядом — Борис Раевский; в центре — муж Евгении, Владимир Жигулин. В среднем ряду: третья слева — Евгения Раевская с сыном Славой; рядом — Екатерина Раевская; рядом с ней — маленький Толя Жигулин.

имени А.М. Горького. Семья по праву гордится и своим знаменитым родственником — замечательным поэтом и прозаиком. Его сестра, Валерия Жигулина, окончила биофак ВГУ и работала учителем биологии на Дальнем Востоке. Потом с семьей переехала в Воронеж. Брат Вячеслав, геолог, проживал в Ростове.

Следуя примеру старшей сестры учителя-биолога Екатерины Раевской, и Серафима потянулась к этим наукам. Окончив Хреновской лесной техникум (Воронежская область), вместе с мужем Анатолием Николаевичем Быковым была направлена на работу в Узбекистан. Молодые лесоводы должны были создать новые оазисы в этой южной республике. Анатолий Николаевич Быков был офицером, в Великую Отечественную воевал, был ранен, награжден. Их дочери Людмила и Валентина позднее окончили Новосибирский педагогический институт. Валентина Анатольевна Быкова 40 лет проработала в школах Новосибирска учителем истории. Сестра Вера всю жизнь работала экономистом в Москве в управлении Роспотребсоюза.

УЧИТЕЛЬНИЦА НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА

«Кем вы стали, ребята?» — спросила своих читателей воронежская областная молодежная газета «Молодой коммунар» 27 февраля 1966 года, поместив фотографию выпускников 1941 года. На ней были изображены ученики 10 «Б» класса и учителя школы №13. Позже этой школе присвоили № 58, а теперь это гимназия имени академика Н.Г. Басова.

На довоенном фото в газете читателей особо привлекали ученик Коля Басов — второй слева в четвертом верхнем ряду — и его учительница химии Е.М. Раевская — сидит второй слева во втором ряду.

Николай Геннадиевич Басов со временем станет выдающимся ученым с мировым именем, лауреатом Нобелевской премии 1964 года по физике за основополагающие работы по квантовой электронике. В школе № 13 он учился со своими сверстниками и, как многие из них, увлекался предметами, которые преподавала молодая учительница Е.М. Раевская. При встрече после войны ее ученики говорили, что знания, полученные на уроках химии, им очень пригодились. Ведь многие стали врачами и инженерами-химиками. Пригодились эти знания и юному Коле Басову, который в начале войны был направлен в Военно-медицинскую академию, а разгар войны — в военно-фельдшерское училище, которое он окончил с отличием. После этого Басов служил в батальоне химзащиты. Там он дымами укрывал переправы, выносил раненых, лечил. Несколькое раз и сам был ранен и лечился в госпитале.

Поместив фотографию выпускников 1941 года, «Молодой коммунар» предложил им собраться 4 марта 1966 года в новой школе, построенной на месте 13-й. Школа была под номером 58. Об этой встрече написал журналист В. Аникеев в «МК» от 5 июня 1966 года в статье под названием «Два поколения о себе».

Класс не опоздал на свидание. Собрались, конечно, не все — многие погибли.

Н.Г. Басов приехать не смог, но к этому времени он уже получил Нобелевскую премию. Когда показали его довоенную любительскую фотографию, на ней была шутливая надпись одной из одноклассниц: «Самый умный мальчик нашего класса, академик Коля Басов». Подпись оказалась пророческой. Одноклассники Коли отмечали его любовь к технике. Им была сделана передвижная ветроэлектростанция, которая была выставлена на ВДНХ.

Родители Н.Г. Басова родом из Усмани — раньше Воронежской, теперь Липецкой области. Они даже являются дальними родственниками Е.М. Раевской: ее брат Василий был женат на троюродной сестре Басова. Зинаида Андреевна Басова — мать будущего лауреата — долгое время переписывалась с Е.М. Раевской. Переписка, к сожалению, не уцелела. Отец Н.Г. Басова, Геннадий Федорович Басов, был профессором Лесотехнического института. «Пожалуй, я ему обязан всем. Это

На снимке, сделанном к 25-летию окончания школы в 1966 году, всего 12 человек из того выпуска. И их учительница — Е.М. Раевская.

был человек редкой принципиальности, трудолюбия и интеллигентности», — сказал о нем впоследствии сын.

Пролетели школьные годы, а после выпускного вечера началась война, которая закончилась для Н.Г. Басова только в декабре 1945 года. В 1946 году он поступил в институт Академии наук. В первый день сдал с ходу математику, на второй день — химию и физику. Школьные знания не подвели. Потом, когда студент Басов еще учился, его преподаватель А.М. Прохоров, старший научный работник этого института, начал разрабатывать лазер. Студент Басов ему помогал. В 1953 году они сделали доклад на Всесоюзной конференции. В 1956 году Басов защитил докторскую диссертацию. А в 1964-м Н.Г. Басову и А.М. Прохорову была присуждена Нобелевская премия по физике «За основополагающую работу по квантовой электронике».

Николай Геннадьевич Басов оправдал надежды своего класса и учителей. Лазер приносит пользу человечеству. Благодарные земляки поставили памятник Н.Г. Басову в г. Усмани Липецкой области на ул. Ленина — на том самом месте, где стоял дом семьи Басовых.

ЕЛИСЕЕВЫ

В 1885 году в уездном городе Задонске (в ту пору принадлежавшем Воронежской губернии) в семье батрака Евлампия Григорьевича Елисеева и прачки Мелании Васильевны родился самый младший ребенок. Его назвали в честь отца мамы — Василием.

В автобиографии он отмечал: «Я в семье был восьмым ребенком, с отцом и матерью нас было 10 человек. Нужда была огромная...» Большая была семья и приметная умными и охочими до учебы детьми. Не случайно генеалогическое древо рода Елисеевых тоже богато на педагогические судьбы — 14 его представителей стали учителями, преподавателями, сеяли и сеют разумное, доброе, вечное нескольким поколениям школяров и студентов.

1895-й год. Старший сын Николай из многодетной семьи Елисеевых, показав исключительные способности в церковно-приходской школе для бедняков, полу-

чает возможность продолжить обучение в гимназии. Правда, для этого пришлось затянуть пояса всей семье. Учеба в гимназии была платной, и необходимую сумму набирали буквально медяками. Окончив гимназию, а следом — и педагогическое учебное заведение, Николай начинает работать учителем.

— Дядя Коля, старший брат моего отца Василия, помогал своим младшим братьям и сестрам учиться, — рассказывает Галина Васильевна Плешкова, урожденная Елисеева. — Помогал и знаниями, и деньгами. После окончания гимназии его поощрили похвальным листом и портретом А.С. Пушкина. Мой папа самостоятельно подготовился и сдал экстерном экзамены уездном училище, получив право работать учителем начальных классов.

Из автобиографии Василия Елисеева: «Я окончил сначала начальную школу, потом уездное училище. В родном городе других школ не было, да и средств не было. Самостоятельно стал учиться и готовиться на звание учителя начальных школ. В 1906 году выдержал экзамен».

Сестры Ниса и Поля также работали учительницами на станции Касторная. В 1905 году за подпись под письмом-обращением интеллигенции к губернатору с требованием отдать землю крестьянам Николай Елисеев был арестован. Он просидел 2 года в Землянской тюрьме. Сестер уволили с работы. В 1907 году Николая освободили, и он уехал учительствовать в Донбасс. Устроившись, вызвал к себе сестер, а затем и Василия. Позже Николай женился на учительнице Екатерине Селезневой.

Из справки Министерства Просвещения РСФСР: «Дана настоящая учителю Елисееву Василию Евлампиевичу в том, что согласно аттестационному материалу, который хранится при Управлении кадров Министерства Просвещения значится, что он: С 1907 по 1909 год работал учителем и заведовал Ново-Троицким земским училищем г. Бахмут. С 1909 по 1913 год работал учителем и заведовал Зеленянским земским училищем г. Бахмут».

— С 1914 по 1915 год папа учился в Воронежском учительском институте. На втором году Первой мировой войны папу в конце 1915-го мобилизовали в армию, — рассказывает Галина Васильевна. — Сначала солдатом в 71-й пехотный полк под Москвой, а затем в Петербургский химический батальон Западного фронта. Туда старались брать только образованных людей. Папа много рассказывал о той войне. Как они сидели в ледяных окопах голодные, раздетые и разутые, с одной винтовкой на десяток солдат. Как, несмотря на только появившийся в его части на испытании прибор Зелинского (прообраз противогаса), они попали под немецкую химическую атаку хлором, и многие были госпитализированы.

Революцию встретил в Петрограде, там ему даже довелось услышать выступление Ленина, но ни в какие партии не вступал, а вернулся преподавать в Задонск, затем — в Воронеж. Из 50 его сокурсников по пединституту, ушедших на Первую Мировую войну, вернулись только он и его друг Александр Лапшин. Нередко он вспоминал об одном знаковом случае, произошедшем с ним. Однажды в дороге у него украли кошелек. На вокзале грустного учителя встретил его воспитанник, уже бывший ученик. Узнав причину уныния, сказал: «Произошла ошибка, я сейчас». И через некоторое время вернулся с кошельком, и все деньги были целы. Видимо, помогли прошлые связи бывшего беспризорника с преступным миром и уважение к воспитателю детского дома.

Из справки Министерства Просвещения РСФСР:

«С 1918 по 1919 год учился в Воронежском учительском институте.

С 1918 по 1919 год работал заведующим детским домом им. Кольцова.

С 1919 по 1924 год работал учителем и заведующим Чертовичской школы.

Г. Воронеж.

С 1924 по 1925 год работал учителем и воспитателем в детском доме им. Горького. С 1924 по 1925 год учился в Воронежском Государственном университете».

В 1925 году Василий Елисеев венчался с учительницей Екатериной Раевской.

Из справки Министерства Просвещения РСФСР:

«С 1926 по 1927 год работал учителем в железнодорожной школе I ступени на ст. Боченково Ю-В железной дороги.

С 1927 по 1929 год работал учителем и заведующим железнодорожной школы I ступени на ст. Журавка Ю-В ж. д.».

В 1929 году Василий был арестован по доносу за высказывания недовольства о методах проводимой в ту пору в сельском хозяйстве коллективизации. До 1932 года строил в Дмитлаге НКВД Беломорканал. Вернулся 48-летний мужчина без единого зуба. Сказались и голод, и холод, и цинга.

— Папа об этом времени рассказывал очень мало, но, прочитав впервые опубликованную в 60-х годах повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», — вспоминает Галина Васильевна, — отец воскликнул: «Все до единой буквы — правда! Все как про меня!».

В эти же годы был репрессирован и сослан на Соловки игумен Макарий (Раевский). Дальнейшая его судьба, к сожалению, совершенно неизвестна.

Из справки Министерства Просвещения РСФСР:

«С 1932 по 1933 год учился в Воронежском пединституте.

С 1933 по 1935 год работал зав. учебной частью и учителем в Воронежском дет. приемнике.

С 1935 по момент аттестации 15 марта 1938 года работал заведующим учебной частью школы № 24 при заводе им. Ворошилова в г. Воронеже».

В 1938 году — в школе № 9, затем в школе № 22, где и работал до 1942 года.

Из автобиографии Василия Елисеева: «Во время прихода немецких войск в июле 1942 года я был с учениками 22 средней школы г. Воронежа на полевых работах до 1 сентября 1942 года, а с 1 сентября 1942 года и по настоящий момент (1952 год) работаю учителем в Александровской школе, Лимановского района Воронежской области».

Летом 1942 года В. Елисеев с группой старшеклассников был направлен на трудовой фронт в Лимановском районе. Ребята помогали на полевых работах и в строительстве шоссейной дороги Воронеж-Сталинград. Дорогу строили из кирпичей разрушенных церквей. Когда немцы заняли Воронеж, ученики Елисеева ушли на фронт, его самого не взяли, так как ему уже было 57 лет. В одной из школ Лимановского района совсем не осталось учителей — все ушли на фронт. Елисеев был назначен в эту школу приказом от 1 сентября 1942 года учителем, а позже директором.

Судьба сестер и брата Василия Евлампиевича сложилась по-разному.

Две сестры Елисеевы остались в Харькове, оккупированном немцами. Позже семья узнала, что они были арестованы фашистами за связь с подпольщиками и расстреляны.

Николай Елисеев со своей женой Екатериной Селезневой жили в Киеве. Она — директор школы и преподаватель математики, он — учитель литературы и русского языка. Эту семейную пару тоже очень тепло вспоминают бывшие ученики и просто люди, которые их хорошо знали. Полина Елисеева и ее муж Федор Барлуй были учителями начальных классов и прожили всю жизнь

на Украине в городе Бахмут. Общий педагогический стаж только семьи Барлуй составляет около 100 лет.

Хотя два старших брата Василия Елисеева были рабочими, но их дети продолжили семейную учительскую династию: Ефросинья Тимофеевна Елисеева-Пантыкина, ее муж Пантыкин Александр Андреевич, их сын Александр Александрович Пантыкин и его жена Сарра Ильинична Литвин; две их внучки Маргарита и Раиса — тоже учителя. Эта семья уехала в годы первых пятилеток в Сибирь. Там осталась, там живут теперь и их наследники.

Другая сестра Елисеева вышла замуж за своего коллегу-преподавателя, и оба учительствовали в Задонске. Их дети тоже продолжили педагогическую династию. Двоюродные братья и сестры Елисеевых и их дети также преподавали по всей огромной стране от Нижнедевицка до Новокузнецка.

Семья Елисеевых. Верхний ряд (слева направо): братья Василий, Николай. Средний ряд (слева направо): сестра Мария, мать Мелания, сестра Екатерина. Нижний ряд (слева направо): сестры Полина, Анастасия. 1917 г.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

В годы войны во дворе дома Раевских располагалась зенитная батарея, и из один немецких снарядов попал в дом. Постройка вспыхнула как факел. Ничего спасти не удалось, даже документы. По этой же причине практически нет семейных фотографий того времени. Сама семья спаслась благодаря тому, что пряталась в подвале соседнего дома. Зенитчицы, молодые девушки из той батареи, погибли все.

Всю Великую Отечественную войну родители Галины Васильевны преподавали. В одной школе вместе с мужем В. Елисеевым работала завучем Е. Раевская. Со временем они превратили маленькую начальную школу в семилетку с большим количеством школьников и учителей, а начинали вдвоем в двух классах. Сами жили в комнате при школе. Рядом была учительская и кабинет директора. В школу ходили пешком ребята из трех сел.

Все трудности военного времени не миновали и эту школу. Было много горя и слез, когда приходили в село похоронки. В. Елисеев и Е. Раевская вместе с учениками помогали колхозу. Также летом дети вместе с биологом Раевской собирали лекарственные травы для фронта. Один из бывших учеников этой школы, Сергей Федорович Лебедев, ныне полковник в отставке, военный летчик, служивший на Новой Земле, рассказывая о годах учебы, вспоминал, как ребята вспахали пустырь за школой, засеяли его и по осени собрали урожай. Из этих продуктов зимой готовили горячие обеды для детей. Потом на пустыре силами учеников под руководством Елисеева и Раевской посадили огромный яблоневый сад, он сохранился

до сих пор. Был и прекрасный дендрарий. Семена для саженцев собирали сами и получали в посылках со всей страны.

Школа была центром разных замечательных начинаний. По праздникам там собирались жители из трех сел, а дети вместе с учителями устраивали для них представления. Когда учеников и учителей стало больше, появился школьный театр. Поэтому бывшие ученики до сих пор с нежностью вспоминают своего директора В. Елисеева и завуча Е. Раевскую. Во время войны учитель не раз просился добровольцем на фронт, но его не взяли по возрасту. За педагогическую деятельность и доблестный труд в годы войны он был награжден медалью, мама — тоже. А в 1952 году ее наградили орденом Ленина.

ПО РОДИТЕЛЬСКИМ СТОПАМ

День Победы в ту пору школьница Галя запомнила очень хорошо. После уроков ее с одноклассниками должны были принимать на школьной линейке в пионеры. Был приготовлен ситцевый галстук, его уголки долго не удавалось разгладить. Дети не знали, что 9 мая станет праздником не только для них, но и для всей страны. Они сидели на уроке, когда вошел директор и сказал, что закончилась война. Что тут началось! Столько горя и боли накопилось в душах детей, что весь класс дружно заплакал. Ощущение радости пришло позже.

После окончания войны родители долго не уходили на пенсию, продолжая работать.

— Вопрос «кем быть» передо мной не стоял, — рассказывает Г.В. Плешкова. — В 1958 году я окончила Воронежский пединститут. По распределению работала в школе Панинского района, затем в воронежских — № 41 и № 23. С 1965 года — в самой родной школе № 68. Ведь здесь учился и мой сын, и моя внучка.

В 1965 году на левом берегу города Воронежа была открыта новая школа, ей дали номер 68. В ней все было новым: стены, парты, учителя и ученики. Но почти не было учебных пособий. Как преподавать без них географию и биологию? И тогда Галина Васильевна вместе с учениками отправилась в походы по родному краю.

Члены эколого-краеведческого объединения «ЭКО» МОУ СОШ № 68.
В центре — Г.В. Плешкова. Апрель 2009 г.

Возвращались с образцами минералов, почв, окаменелостей, собирали гербарии, коллекции насекомых, раковин. Материалы систематизировали на собраниях кружка географов в течение всего учебного года. А по воскресеньям и на каникулах: летом — пешком, зимой — на лыжах, вперед за новыми находками! Так закладывались основы будущего музея.

Гордость преподавателя биологии — единственный в области школьный экологический музей, расположившийся в отдельном кабинете МОУ СОШ № 68. И среди выпускников отличника просвещения Галины Васильевны Плешковой также немало педагогов.

Когда в 1983 году на сцене воронежского Дома актера чествовали эту семейную учительскую династию, на сцену один за другим выходили бывшие ученики и рассказывали притихшему залу о них — своих учителях. К сожалению, Василия Евлампиевича тогда уже не было в живых, а Екатерина Митрофановна не могла присутствовать из-за болезни. В.Е. Елисеев умер в апреле 1983 года в возрасте 98 лет. Несмотря на все тяготы, почти век прожил он. На панихиде бывшие ученики говорили о нем как о человеке небывалого оптимизма и жизненной стойкости, у него всегда можно было спросить совета, попросить о помощи. «Он был очень добрый, — сказал один из учеников, — потому и прожил так долго». Практически до последних дней в таком преклонном возрасте он был старшим по многоэтажному дому, организовывал быт новоселов, домашние праздники для детей, оформлял с другими жильцами «красный уголок», сажал деревья и кустарники во дворе.

Екатерина Митрофановна пережила мужа только на один год. Память об этой славной учительской династии хранится в сердцах многих людей. В семье до сих пор хранят письма их учеников из разных концов страны.

Как-то Галина Васильевна решила подсчитать общий педагогический стаж своей семьи. Насчитала более 600 лет.

Сколько бед и тягостей претерпели люди, вынеся и тюрьмы, и голод, и лишения, но не озлобились, и не оставили своего педагогического предназначения. Как и положено настоящим учителям, через всю судьбу достойно пронесли они высокое учительское предназначение — служить людям, детям, несмотря ни на что сеять разумное, доброе, вечное.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аникеев В. «Кванты в руках держащий». Повесть // Подъём. — 1967. — № 1.
Жигулин А.В. Черные камни. Автобиограф. повесть / Доп. изд. — М., Культура, 1996.
Мальцев В.М. Воронеж — встреча с прошлым и настоящим. — Воронеж, 2005.
Газета «Молодой коммунар» № 25 от 27 февраля 1966 г.
Газета «Молодой коммунар» № 66 от 5 июня 1966 г.
Газета «Коммуна» от 27 марта 1968 г.
Газета «Коммуна» от 23 мая 1980 г.

В работе также использованы документы и фотографии из архива Г.В. Плешковой и ее воспоминания.

**Ирина ПАРИНОВА,
Оксана КОВАЛЬЧУК,
МБОУ СОШ № 68,
г. Воронеж**

СОХРАНИТЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ

(Традиции династии Пуховых — Лепешинских)

У каждого человека случаются встречи, которые становятся значимыми в его жизни. Студентам Воронежского педагогического института судьба много лет дарила такие встречи с интересным ученым, замечательным педагогом и просто добрым и внимательным человеком — Лепешинской Еленой Леонидовной. Для многих она стала наставником не только в профессии, но и в жизни. Выпускники до сих пор с теплотой и любовью вспоминают своего педагога. Силой своей личности она оказала влияние на нашу дальнейшую педагогическую деятельность. Елена Леонидовна унаследовала педагогический талант от своих предков и передала его нам.

Судьба семьи Пуховых-Лепешинских очень интересна. Вот что поведали о своих корнях дочери Елены Леонидовны — Наталья и Татьяна Пуховы.

«Многие в нашей семье занимались педагогической деятельностью. Это сложилось еще с конца XIX — начала XX века. У деда, Леонида Ивановича Лепешинского, был старший брат, Евгений Иванович Лепешинский, который в первые годы XX века работал учителем в Семиречье (юг Казахстана, район Алма-Аты). О нем мало что известно. Мы даже не знаем, какой предмет он вел и каков был тип школы, в которой он преподавал. Известно только, что геройски погиб, спасая учеников. Он повел детей на экскурсию за город. Неожиданно на них бросился

Братья Лепешинские: сидят — Евгений (учитель) и Леонид (наш дед, студент медицинского факультета города Юрьева), стоят — Владимир (студент) и Вячеслав (юрист)

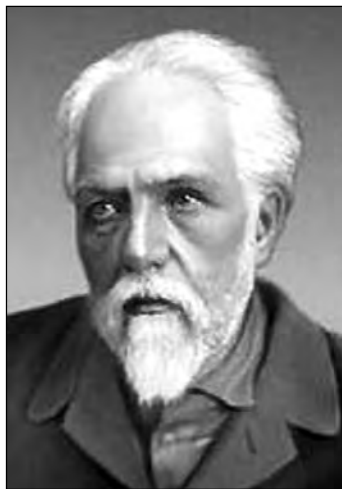
разъяренный бык. Евгений Иванович стал отвлекать быка на себя, а детям приказал убежать. Ученики не пострадали, а учитель погиб.

Троюродный брат деда, Пантелеймон Николаевич Лепешинский (1868–1944), после окончания физико-математического факультета работал учителем математики в реальном училище г. Орша (Белоруссия). Со студенческих лет участвовал в революционном движении, был большевиком, сподвижником В.И. Ленина. Об этом написал книгу воспоминаний «На повороте». После Октябрьской революции он стал одним из организаторов народного образования в СССР, деятелем Наркомпроса. В 1930-е годы возглавлял Музей революции, а затем — Исторический музей в Москве. Пантелеймон Николаевич Лепешинский является автором ряда работ по истории партии, педагогике, коммунистическому воспитанию молодежи.

Наша бабушка, Екатерина Георгиевна Лепешинская (1889–1959), урожденная Гаршина, родилась в г. Старая Русса под Новгородом. Отец ее был судьей, мать занималась воспитанием детей. Семья жила благополучно, но когда Кате исполнилось 8 лет, отец умер. Прабабушке Анне Владимировне пришлось одной поднимать шестерых детей. Катя была старшей, младшему Севе было всего 11 месяцев. Маленькой пенсии не хватало, и Анна Владимировна устроилась работать переписчицей в суде (пишущих машинок тогда еще не было, судебные дела переписывались от руки, а прабабушка была художницей и имела хороший почерк). Ей удалось вырастить всех детей и дать им хорошее образование. Мальчики получили высшее, девочки — среднее. Кате повезло — по дворянской сиротской лотерее она выиграла право на обучение в Смольном институте в Петербурге. Она училась отлично и окончила институт в 1906 г. с золотым шифром. Еще год она училась в папильерском (педагогическом) классе, потом работала преподавателем немецкого и французского языков.

Вскоре она вышла замуж за молодого врача Л.И. Лепешинского. В 1914 году началась Первая мировая война. Дедушка был ранен, страшно простужен. Из госпиталя его привезли домой парализованным. В 1915 году в Петрограде было голодно. Бабушкина сестра Маша пригласила Катю с ребенком и раненым мужем в г. Бобров Воронежской губернии, где было полечче с продовольствием. Так наша семья оказалась на Воронежской земле. Дедушка выздоровел и стал работать врачом, бабушка преподавала иностранные языки. После победы Октябрьской революции бабушка стала работать заведующей школой, была депутатом Бобровского совета — отвечала за развитие образования.

Свою педагогическую деятельность она продолжила в Воронеже, поскольку в 1929 г. дедушка победил на конкурсе рентгенологов и был приглашен в город на

Пантелеймон Николаевич
Лепешинский

Екатерина Георгиевна
Лепешинская

работу. С середины 30-х годов она заведует кафедрой иностранных языков в Воронежском государственном медицинском институте и заочно учится в Московском институте иностранных языков на факультете немецкого языка. Перед войной Екатерина Георгиевна стала готовить кандидатскую диссертацию о немецкой драматургии 18 века периода литературного движения «Буря и натиск». Во время эвакуации в Ульяновск текст диссертации был утерян, и бабушке пришлось восстанавливать его заново. В 1945 году она защитила кандидатскую диссертацию и получила степень кандидата филологических наук.

Е. Л. Лепешинская на студенческой научной конференции (60-е гг.)

После войны Е. Г. Лепешинская продолжала преподавать немецкий язык и руководить кафедрой в медицинском институте. В начале 1950-х годов она также преподавала зарубежную литературу в Воронежском государственном университете. Екатерина Георгиевна была добрым и милым человеком, и студенты ее очень любили. Ее дочь, Елена Леонидовна, наша мама, родилась в Боброве в 1923 году. В 1929 г. семья переехала в Воронеж. Мама училась в 1-й Пушкинской школе. В 1940 г. поступила на филологический факультет Воронежского государственного педагогического института.

Ф. А. Пухов с внуком

Летом 1942 г. после второго курса эвакуировалась в Ульяновск, где продолжила обучение в педагогическом институте и окончила его с отличием. По возвращении в Воронеж в 1944 г. работала в Воронежском государственном педагогическом институте.

В конце 40-х гг. Елена Леонидовна поступила в аспирантуру МГУ по специальности советская литература на кафедре советской литературы. Ее диссертация была посвящена творчеству А. Серафимовича. В 1952 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Елена Леонидовна как ученый-филолог занималась изучением творчества А. Серафимовича и Л. Леонова и передавала научный интерес студентам. Она автор двух монографий и многих научных статей. Инициативная и энергичная, деятельная и эрудированная, Елена Леонидовна активно занималась общественной работой, много внимания уделяла организации литературных вечеров для студентов-филологов, стремясь расширить их литературный кругозор, привить любовь к искусству.

Всю себя отдавая любимой работе, мама уделяла много времени и нам, дочерям. Она была строгой и требовательной, внимательной и заботливой.

Наш отец, Федор Андреевич Пухов (1925–2019), родился в крестьянской семье в селе Пухово Лискинского района Воронежской области. Это была трудовая середняцкая семья, происходящая из украинских казаков, получивших земли под Острогожском. Бабушка Елена Никитична была неграмотна. Дед Андрей Митрофанович отлично учился в приходской школе. Он участвовал в Первой мировой войне, во время революции был членом полкового комитета. Во время Гражданской войны воевал в Красной Армии. Он очень любил читать и мог бы учиться дальше (революция открывала такую возможность), но как единственный молодой мужчина в семье (братьев и сестер у него не было) вынужден был после окончания Гражданской войны вернуться к крестьянскому труду. Детям своим он дал хорошее образование. Из шестерых детей наш отец единственный получил высшее образование, четверо — среднее специальное, одна сестра — семилетнее. Федор Андреевич стал историком, кандидатом исторических наук. Также с педагогической деятельностью была связана жизнь его брата и двух сестер. Старший брат отца, Карп Андреевич Пухов, — подполковник инженерных войск, после выхода в отставку много лет проработал преподавателем на военной кафедре Таллинского политехнического института. Две сестры — Екатерина и Феодосия — окончили Острогожское педагогическое училище и работали учителями начальных классов в сельских школах.

В годы Великой Отечественной войны в семнадцать лет Федор Андреевич был призван в Красную Армию и прошел обучение в артиллерийской и воздушно-десантной школах. В 1944–1945 гг. воевал артиллеристом на Карельском и 2-м Украинском фронтах. Закончил войну в Вене. Был ранен и контужен. Награжден медалями «За отвагу» и «За взятие Вены». Осенью 1945 года он был направлен на подготовительные курсы для фронтовиков при Воронежском пединституте, так как до войны окончил Острогожское педагогическое училище. По окончании курсов Федор Андреевич поступил на историко-филологический факультет ВГУ (историческое отделение). После окончания университета работал редактором многотиражной газеты на заводе синтетического каучука СК-2 им. Кирова. В 1968 году защитил кандидатскую диссертацию. Будучи доцентом, а затем заведующим кафедрой истории КПСС ВГПИ в 1970–80-х гг., Федор Андреевич вел большую учебную, методическую и воспитательную работу. Часто выступал с лекциями по различным проблемам истории и текущей политики перед студентами и населением в подшефных районах Воронежской области и в агитпоездах обкома КПСС. В 1992 году ушел на пенсию, но как ветеран Великой Отечественной войны участвовал в патриотическом воспитании молодежи.

Часто в жизни встречаются люди, которые помогают советом, вселяют уверенность в себе, пробуждают волю, определяют жизненный путь. С теплотой и любовью мы вспоминаем своего преподавателя Лепешинскую Елену Леонидовну и с благодарностью думаем о ней как о мудром наставнике.

Как богата история замечательной педагогической династии Пуховых-Лепешинских, история жизни людей, много сделавших для процветания Воронежской земли, оставивших свой след в истории родного края. Как интересны их судьбы и значим их вклад в формирование нравственных основ молодого поколения. Важно сохранить все это для потомков.

Т.И. КАНИНА,
руководитель структурного подразделения КОУ ВО
«Центр лечебной педагогики и дифференцированного обучения»,
Н.В. СТРУКОВА,
учитель русского языка и литературы КОУ ВО
«Центр лечебной педагогики и дифференцированного обучения»

Вера Тимофеева

КЛАССИКА И КРАЕВЕДЕНИЕ

(Как помочь школьнику глубже понимать культуру и историю народа)

Одна из целей обучения в школе — помощь в самоидентификации личности молодого человека как носителя определенных национально-культурных, ментальных особенностей, ценностей именно своего народа. Воронежская область дает в этом отношении материал не местного только, но мирового уровня. Понятие «Краеведение» может вмещать в разработываемой учителем программе такие имена, как И. Бунин, О. Мандельштам, А. Платонов. Творчество последних довольно скромно представлено в действующих программах литературного образования в средней школе, так что дополнительное введение их текстов в номенклатуру изучаемого старшеклассниками материала восстановит историческую справедливость: вернет подлинный масштаб этим фигурам в восприятии учащихся.

Зато первый русский нобелевский лауреат по литературе изучается в средней школе довольно широко: стихотворения, рассказы — с 5 по 9 классы (в разное время по разным программам), в 11 классе в большинстве учебников, как правило, представлен бунинский монографический раздел, включающий ознакомление не только с хрестоматийными «Господином из Сан-Франциско», «Солнечным ударом» и др., но и с «Окаянными днями». Однако вне программ и внимания учителей остаются книга о Льве Толстом, очерк об Антоне Чехове, воспоминания о людях искусства и примечательных личностях, статьи в периодике, дневники — то, что вошло в шестой том популярного (есть во всех, наверное, школьных библиотеках) собрания сочинений 1988 года в шести томах (далее все цитаты по изданию: Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т.6. — М.: Худож. лит., 1988. — 719 с.) Между тем публикации этого тома могут быть значимыми при работе над курсами русской литературы, русской родной литературы и внеурочного образования в старших классах.

При работе над направлением «Литературное краеведение» мы можем опираться и на воспоминания Бунина о собственном воронежском происхождении [1, 222], и на статью об И.С. Никитине «Памяти сильного человека» [1, 587–591], и на отрывок из статьи «О Чехове» [1, 213], где указывается, что родиной предков писателя по отцу было село Ольховатка Острогожского уезда Воронежской губернии. Особняком стоит в этом ряду статья-воспоминание «Его высочество» о Принце Петре Александровиче Ольденбургском, супруге дочери Александра III Ольги Александровны [1, 245–251]. Замок Ольденбургских в Рамони известен всем. Из-

вестна в наше время срывания всех и всяческих покровов и истории развода высокородных супругов. Однако Бунин возвращает древнему имени значение историческое, как оно того и заслуживает. Сначала писатель приводит свидетельство М. Алданова: «Разные были в России великие князья. Были и такие, что в 1917 году оказались пламенными республиканцами и изумляли покойного Родзянко красной ленточкой в петлице. Принц Ольденбургский не нацеплял на себя этой ленточки. Тесная дружба... связывала его с Николаем II — и едва ли кто другой так бескорыстно любил Николая II. Но политику его он всегда считал безумной. Он пытался даже “переубедить” царя и ... хотел сблизить его с Толстым. Это одно уже дает представление об образе мысли и душевном облике Ольденбургского» [1, 247]. Бунин далее пишет о своем знакомстве с принцем Петром Александровичем как с писателем-любителем, сочинителем рассказов из народного быта. «Рассказы его были интересны, конечно, только тем, что тоже давали представление о его душевном облике. Он писал о “золотых” народных сердцах, внезапно прозревающих после дурмана революции и страстно отдающихся Христу, его заветам братской любви между людьми» [Там же]. Вспоминая «удивительно для принца царской крови» написанный рассказ «Одиночество», И.А. Бунин приводит большую, на страницу печатного текста, цитату, в которой, в частности, рассказчик просит деревенского кузнеца прийти к нему вечером побеседовать (история автобиографична) и задумывается: «...но кто же, в конце концов, был этот принц, робко просивший кузнеца провести с ним вечер, человек, с истинно святой простотой называвший при посторонних Николая II — Колей? (Да, однажды, на одном вечере у одного нашего знакомого, где большинство гостей были старые революционеры, он, слушая их оживленную беседу, совершенно искренно воскликнул: “Ах, какие вы все милые, прелестные люди! И как грустно, что Коля никогда не бывал на подобных вечерах! Все, все было бы иначе, если бы вы с ним знали друг друга!”) Ответить на этот вопрос, — что за человек был он, — я точно никогда не мог. ... Некоторые называли его просто “ненормальным”. Все так, но ведь и святые, блаженные были “ненормальны”...» [1, 248–249]. Просто, сочувственно и благородно звучит голос Бунина, отмечающего достоинство, добрый образ мыслей, душевный облик Ольденбургского. А дважды упомянутое на одной странице слово «святой» хоть непосредственно не отнесено к характеристике принца, но подсказывает читателю, какое высокое впечатление произвел на пронизательного и, мягко говоря, не склонного к пустым похвалам Бунина этот «странный» человек, живший на нашей земле и оставивший на ней свой заметный след.

Вообще статьи и воспоминания И.А. Бунина очень много говорят о самом авторе. Это уместно подчеркнуть как еще один источник познания личности великого мастера. Основной прием бунинской мемуаристики — своеобразный «парад цитат»: он экспонирует ряд наблюдений за жизнью и поступками известного человека или его высказываний на определенную тему (или определенную самим Буниным тему своей статьи) и почти не комментирует приведенное. Бунин как бы доверяет читателю (или проводит отбор среди читателей), мыслящему сродно и

Вера Геннадьевна Тимофеева

поэтому способному самостоятельно прийти к выводам, на которые он намекает самим подбором цитат. Нет назидательности в тоне мастера, поэтому его приглашение к совместному раздумью, совместной оценке великой личности глубоко симпатично молодежи и уже поэтому актуально. Обратимся к очерку «О Чехове», к приводимым там мыслям героя статьи о воспитании и о значении семьи.

Семнадцатилетний Антон Чехов пишет младшему брату Михаилу: «Ничтожество свое сознаешь? Не всем, брат, Мишам надо быть одинаковыми. Ничтожество свое сознавай знаешь где? Перед богом, пожалуй, перед умом, красотой, природой, но не перед людьми, среди людей надо сознавать свое достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну, и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожество» [1, 149]. Приведя эту цитату из частного письма, Бунин как бы оставляет тему и сразу, дневниковым отрывком, пишет: «Моим друзьям Елпатьевским Чехов не раз говорил: — Я не грешен против четвертой заповеди...» [Там же]¹. Здесь Бунин опять приводит цитату из письма Антона Чехова уже двоюродному брату М. Чехову, где говорится об отношении к отцу и матери как к единственным на земле людям, для которых сын ничего не пожалеет. И Бунин заключает этот эпизод своих записок не выводом-наставлением для читателя, а констатацией факта: «С самых первых лет студенчества А.П. взял на свои плечи всю семью» [1, 150]. Так подчеркивается, что слова Чехова не расходились у него с делами, а потому с доверием и уважением воспринимаются и прямые наставления Антона Павловича, приводимые далее: «Замечательно, как А.П., будучи двадцатипятилетним врачом, объясняет в письме брату Николаю, что такое воспитание...

“Воспитанные люди должны удовлетворять следующим условиям:

- 1. Они уважают человеческую личность...*
- 2. Они уважают свою собственность, а потому платят долги.*
- 3. ...Не лгут даже в пустяках... Они не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают...*
- 4. Они не уничтожают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие...*

<...>”

Да, это письмо интересно не только как назидательное, но из него можно понять, как А.П. сам себя воспитывал, как он был строг к себе» [1, 151].

Вот таким образом на трех страницах очерка путем подбора и расстановки цитат из писем Чехова и свидетельств его биографии Бунин, ненавязчиво и не «в лоб» используя прием обрамления, останавливает мысль читателя на впечатлении о несуетности и достоинстве как основных чертах личности его героя, чертах, которым хочется подражать и которые, идя вразрез с культивируемым в XXI веке культом успеха во чтобы то ни стало на месте порядочности, не вызывают отторжения именно вследствие безусловного (и доказанного Буниным) духовного авторитета Чехова.

Но если говорить о воспитательном воздействии текстов Бунина из 6-го тома, об актуальности, востребованности их при обучении подростков старших классов, то самый сильный пример нам даст его книга «Освобождение Толстого».

---

¹ В православной традиции о почитании отца и матери говорится в пятой заповеди, но в «Кратком катехизисе» Мартина Лютера эта заповедь четвертая [2]. Возможно, здесь не ошибка писателя, с детства благодаря отцовскому воспитанию хорошо знавшему церковные службы и священные тексты, а свидетельство начитанности врача, получившего высшее образование в 1879–1894 гг., когда немецкая философия и немецкая медицина лидировали в сознании русских студентов-материалистов, поклонников немецких физиологов и философов Якоба Молешотта, Карла Фогта и Людвиг Бюхнера с его бессмертной благодаря «Отцам и детям» книгой «SteffundKraft».

В 10 классе мы уже с сентября много раз упоминаем имя великого старца, даже начинаем курс изучения литературы с цитирования его дневника, воспоминаний, как его пеленали во младенчестве и как он хотел свободы — и как не был понят самыми близкими, любящими его людьми. И как та же несвобода, только не физическая, а духовная и бытовая, заставила его уйти из дому в свое последнее странствие.

И.А. Бунин в «Освобождении Толстого» пишет о многих познаниях графа Льва Николаевича, приводя свидетельство того же М. Алданова о четырнадцати тысячах томов толстовской библиотеки, испещренных пометками писателя, о его увлечении языками, о знании классической и новой литературы, математики, астрономии; пишет об отношении его к политике, к власти и народу, религии и философии — но не это заставляет подростков 15–17 лет вытягиваться и замирать, слушая отрывки из книги Бунина. Магически воздействует на них следующее:

«Он спрашивал:

— Машины, чтобы делать что? Телеграфы, чтобы передавать что? Школы, университеты, академии, чтобы обучать чему? ... Собранные вместе и подчиненные одной власти миллионы людей — чтобы делать что?

В биографии Полнера эта знаменитая цитата сопровождается наивным разъяснением: «В условиях социального неравенства Толстой не мог найти удовлетворительных ответов на эти вопросы». Ну, а если бы не социальное неравенство? Полнер не обращает никакого внимания на последний из толстовских вопросов:

— Больницы, врачи, аптеки для того, чтобы продолжать жизнь, *а продолжать жизнь зачем?»* [1, 109].

Вот это и есть самый насущный, самый актуальный вопрос для современной молодежи. Вопрос, заданный Толстым, но акцентированный Буниным, который в этой книге изменяет принципу не комментировать цитаты. Он понимает необходимость прямо прояснить то, что слишком многие умные и искушенные люди не прочитали у Толстого (и Бунин цитирует их: Полнера, Маклакова, других). Маклаков пишет: «Эта проблема о смысле жизни не связана ни с определенной эпохой, ни с народностью, ни с формулами государственности... Толстого нужно сравнивать не с нами, не с политиками, не с теми, кто хлопочет об увеличении благ и о справедливом распределении их в обществе, а с учителями религий... Толстой — *сын позитивного века и сам позитивист...*» [1, 111] — и это все правильно, за исключением последнего утверждения, комментирует Бунин и добавляет далее, продолжая и уточняя мысль: «Он ждал... что после японской войны в России будет революция... Но для него было совершенно ясно, что революция не улучшит положения народа; каждая власть основана на насилии, и каждая власть потому дурна, говорил он...» [Там же]. Что же делать?

И Бунин дает ответ Толстого в воззвании «Правительству, революционерам и народу»: «Для того, чтобы положение людей стало лучше, надо, чтобы сами люди стали лучше. ... Для того же, чтобы люди становились лучше, надо, чтобы они все больше и больше обращали внимание на себя, на свою внутреннюю жизнь. Внешняя же, общественная деятельность, в особенности общественная борьба, всегда отвлекает внимание людей от внутренней жизни и потому всегда, неизбежно развращая людей, понижает уровень общественной нравственности» [1, 111–112].

Уроки Толстого, затерянные в нечитаемых ныне томах и томах его собрания сочинений (массово не прочитанных, разумеется), извлечены на свет и предъявлены И.А. Буниным в его книге «Освобождение Толстого» как нельзя своевременно. И главное, они принимаются молодыми вследствие глубинных параллелей жизни, о которой писали Толстой и Бунин, и нашей современности. Молодым всегда предлагают подождать возраста взросления/совершеннолетия, «и уж тогда, уж потом...» якобы им позволяют вмешаться в процесс жизнетворчества. А они

хотят здесь и сейчас, и не когда дадут, а немедленно. Да и дадут ли после? Молодые уже понимают. Они дети информационного мира. Бунин предлагает им неживой путь развития, приводя мысли людей, которые у него, нобелевского лауреата, вызывают безусловное уважение и сознание их правоты. Авторитет мирового масштаба — не пустой звук для современной развивающейся молодежи, только такой она, как правило, и признает.

Но не только материалы 6-го тома собрания сочинений Бунина уместны для разговора с учащимися об особенностях национальной культуры и национальной словесности, представленных великими писателями и масштабными именами. Хотелось бы напомнить, что одна из основных целей курса русской литературы в школе — помощь в самоидентификации личности молодого человека как носителя определенных национально-культурных, ментальных особенностей, ценностей именно своего народа. И в художественном творчестве Бунина мы найдем необходимое нам подспорье для занятий. Прежде всего, мы обращаемся к нему, анализируя его рассказы «Старуха» (1916) и «Старуха» (1930), сопоставляя методы изображения главного персонажа, символизирующего русский народ, в дореволюционный год и в период эмиграции. Обращаем внимание учащихся на то, что старуха поздней новеллы родом из коренной, северной Руси, обликом крепка и напоминает героинь народного эпоса, а ее описание зимних поездок на санях как бы взято из народных песен и сказок. Бунин тем подчеркивает жизнеспособность, казалось бы, раздавленного революцией и двумя войнами народа, его силу и правду, строптивость, непокорность обстоятельствам. То же самое мы наблюдаем в его воспоминаниях о Шалапине. «В Шалапине было слишком много “богатырского размаха”, данного ему и от природы и благоприобретенного на подмостках <...> ...судьба этого человека была действительно сказочна, — от приятельства с кузнецом до приятельских обедов с великими князьями и наследными принцами дистанция немалая» [1, 240–241]. «...Все время “богатырствовать” было его истинной страстью. Как-то неслись мы с ним на лихаче по зимней ночной Москве ... мороз жестокий, лихач мчит во весь опор, а он сидит во весь свой рост, распахнувши шубу, говорит и хохочет во все горло», а на упреки рассказчика отвечает, что у него особенная русская жила, все выдержит. Все-таки поддавшись урезониванию, певец закутался в шубу «и ... вдруг так рывкнул “У Карла есть враги!”», что лошадь рванула и понесла еще пуще» [1, 242–243]. Бунин подчеркивает, видимо, очень важное для него самого в таких народных “русаках”, как Шалапин: «Какая была в нем кровь? Та особая севернорусская, что была в Ломоносове, в братьях Васнецовых?» [1, 240]. Видимо, родина предков Шалапина, Вятская губерния, расположенная между 56 и 60 градусами северной широты, на nord от которой Архангельская губерния, коми, к востоку — Пермь, представлялась писателю частью той самой коренной Руси, не тронутой ни игом, ни крепостным правом, ни никонианской реформой православия, от которой только и может прийти обновление страны, замена старой, испорченной рабством и страданиями народа национальной крови еще более старой — древней — и потому особо сильной. Что он и подчеркивает как в рассказе «Старуха» 1930 года, так и в воспоминаниях «Шалапин» (1938).

Иван Алексеевич Бунин — человек культуры. Знаток языка, мастер слова, наблюдатель и аналитик, одновременно блистательный художник, стилист. Но, кроме того, он еще и сын своей Родины, России — Руси, настоящей, а не ярмарочной. Об этом свидетельствует не только его художественная проза, поэзия, но и мемуары, публицистика, заметки и воспоминания, дневники, выступления. Все это при желании учителя может помочь воспитать если не те же качества в наших подростках, то, по крайней мере, уважение к этим качествам и лучшее знание как крупных фигур национальной культуры, так и собственного народа, его истории, его ценностей и качеств. А это весьма актуально во все эпохи существования нации.

Изучение творчества О.Э. Мандельштама представлено в новой федеральной программе 11 класса несколькими стихотворениями, но краеведческий элемент позволяет внести формулировки программы, посвященные языку поэта и общим темам его лирики. Этот «краеведческий элемент» не что иное, как знаменитые «Воронежские тетради». Земляки помнят черно-белую обложку издания 1990 года, далее цитирую аннотацию: «Издание является первой в стране книгой, специально посвященной жизни и творчеству выдающегося русского советского поэта О.Э. Мандельштама <...> В книге публикуются прежде не известные воспоминания об О.Э. Мандельштаме, а также стихотворения Осипа Эмильевича, созданные им в 1930–1937 гг., с комментариями его вдовы Н.Я. Мандельштам...» [3, 2]. Одного этого томика хватит на многогранную увлекательную работу по теме «Мандельштам в Воронеже», и можно ручаться, что эта доступная воронежцам книга — при тираже в 50 000 экземпляров наверняка была закуплена местными библиотеками! — станет основой не только дальнейшей краеведческой, но и текстологической работы юных филологов. Издание настолько известно, что было бы бестактностью рекомендовать профессионалам-учителям формы и методы работы с текстами «Воронежских тетрадей».

Зато материал, о котором далее пойдет речь, известен среди учительства очень и очень мало. Он был представлен в рамках Платоновского фестиваля, и информация, хотя бы в силу того, что Платоновфест совпадает по времени с самой горячей школьной порой — выпускными экзаменами, осталась практически невостребованной педагогами-филологами. А между тем она не только интересна, но и уникальна.

Выход в свет первых томов научного издания «Сочинений» А.П. Платонова, готовящегося Институтом мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук [4; 5; 6], и тома литературной критики и публицистики «Фабрика литературы» восьмитомного собрания сочинений А.П. Платонова издательства «Время» [7] предоставили возможность включить в школьный курс изучения литературы критические статьи великого писателя XX века.

Существующие программы литературного образования в средней школе предполагают знакомство учащихся с некоторыми сказками прозаика («Неизвестный цветок», «Солдат и царица»), с рассказами разных лет («Корова», «Юшка», «В прекрасном и яростном мире», «Возвращение» и др.), с повестями («Сокровенный человек», «Котлован»). Однако если в младшем и среднем звене проблем с пониманием текстов не возникает — они короткие, написаны «для детей», подробно изучаются и объясняются учителями на протяжении достаточного количества учебных часов, то в старших классах объемные тексты повестей не представляется возможным изучить должным образом вследствие перегруженности программ и недостаточной платоноведческой компетентности самих педагогов. «Сокровенный человек» (1927) — «...глубоко самобытное произведение о Гражданской войне, затрагивающее все главные темы послереволюционной литературы. Это не только проблема независимой, способной к критичному мышлению личности, представленной в качестве главного героя (Фома Пухов), но и проблема бытования народных “масс”, “множеств”, взметенных вихрем революции... проблема интеллигенции и белого офицества (Леонид Маевский)», — пишет Е.В. Антонова в комментариях ко 2 тому «Сочинений» [6, 630]. Но на уроках в 11 классе текстуально изучаются посвященные Гражданской войне роман-эпопея М. Шолохова «Тихий Дон», роман А. Фадеева «Разгром», рассказы из «Юнармии» И. Бабеля, и они были включены в программы среднего образования раньше появившихся там произведений А. Платонова, поэтому полнее освещены в учебнике, достаточно оснащены методическим сопровождением. Кроме того, язык их ближе языку только что изученных в 10 классе шедевров И.С. Тургенева,

Л.Н. Толстого, в начале 11 класса — А.П. Чехова. Не забудем также, что обращение к теме революции, Гражданской войны и коллективизации с индустриализацией предполагается в первой половине учебного года в 11 классе, на фоне интенсивной подготовки к итоговому экзаменационному сочинению по литературе (время проведения — начало декабря). Все это заставляет и разработчиков программ, и самих учителей относить того же «Сокровенного человека» к списку рекомендованных для самостоятельного изучения произведений.

Повесть «Котлован» (1930) представляется в отношении интереса учителей и учащихся более счастливой. Она была включена в программы и учебники на волне «возвращенной литературы» и оказалась в ряду не только с антиутопией Е. Замятина «Мы», но и с огромным массивом поэзии и прозы начала XX века. Однако глубина гениального мифопоэтического повествования и своеобразие его языка не были с необходимой полнотой отражены в учебно-методической литературе. Сами же учителя даже при полном желании посвятить Платонову отдельный курс не имеют такой возможности ни при блочной системе подачи материала, ни при жанровой, ни при линейно-исторической. Текстуальное изучение «Котлована» также зачастую оставляется на усмотрение учеников, в классе читаются и комментируются лишь хрестоматийные отрывки, на иное нет времени. И гениальный А. Платонов в результате оказывается непрочитанным — именно в силу своей гениальности.

Язык литературы первой половины XX в. современным школьникам часто непонятен: дистанция времени, цивилизационные сломы последних ста двадцати лет, изменившие реалии общественной жизни, несколько НТР и наступившая эпоха цифровизации изменили не только бытовую речь, но и язык культуры, в том числе литературы. Пользователь интернета и соцсетей затрудняется в толковании, понимании слов «промфинплан», «спецпаек», «лишенец», «выдвиженец» (В. Маяковский «Баня», И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев», «Золотой теленок») и многих других.

Язык А.П. Платонова в этом отношении — один из самых сложных. Метафоричность речи Платонова-прозаика, ее принадлежность языку эпохи требует вдумчивого чтения с постоянным обращением к материалам истории СССР 20-х — 30-х годов; ученики базовой школы не имеют ни навыков такой работы, ни желания их приобретать.

Однако имя А.П. Платонова не из тех, что можно оставить на полях курса отечественной литературы. И если почти невозможно в старших классах средней школы обращаться к его произведениям напрямую без подготовки, то представляется уместным прием постепенного «введения в Платонова» при изучении других шедевров русской классики, причем и XIX, и XX вв., так как Платонов о них писал: о «Евгении Онегине», «Медном всаднике» А.С. Пушкина, о гражданских стихотворениях Н.А. Некрасова, о пьесе «На дне» М. Горького и т.д.

В 9 классе при изучении «Евгения Онегина» можно работать с отрывком из статьи Платонова «Пушкин и Горький» (1937). Образ Татьяны Лариной и тема любви трактуются Платоновым в процессе комментария к строкам завершающей роман главы «Я вас люблю (к чему лукавить?), Но я другому отдана; Я буду век ему верна».

Платонов пишет: «Не разрушая своей любви к Онегину, даже не борясь с нею, не проявляя никакого неистовства, несколькими нежными, спокойными, простосердечными словами Татьяна Ларина изымает свою любовь из-под власти судьбы и бедствий (уже хорошо знакомых ей), даже из-под власти любимого человека. Чувство Татьяны очеловечивается, облагораживается до мыслимого предела, до нетленности, — она, Татьяна, походит здесь на одно таинственное существо из старой сказки, которое всю жизнь ползало по земле и ему перебили ноги, чтобы это существо погибло, — тогда оно нашло в себе крылья и взлетело над тем низким местом, где ему предназначалась смерть».

Нам всем понятно — из простого чтения поэмы Пушкина, — что Татьяна, пожелай только она, вполне могла бы подать руку Онегину — на всю жизнь и на всю любовь. Внешние препятствия — муж-старик, обычай, свет, «но я другому отдана; я буду век ему верна» и прочие обстоятельства — перед силой любви Тани, конечно, ничто: эти препятствия одолимы... Дело не в этом... дело в личности, в натуре Татьяны и в качестве ее, осмелимся сказать, бессмертной, первоначальной и священной любви, которая не погибла раньше от холодности Онегина и не гибнет, а возвышается и теперь, когда Таня сама господствует и отказывает, когда ей в руки дается власть, — но для Татьяны эта власть никогда не была нужна» [7, 96]. В этих словах Платонов ставит проблемы, волнующие поколения юных читателей: почему Ларина не приняла страсть Онегина? Почему отказалась от земного счастья? От власти над любимым человеком? (Удивительно, как Платонов оказывается современен: в одном из текстов КИМов для подготовки к ЕГЭ говорится именно о проблеме свободы как обязательном условии настоящей любви, о роковом заблуждении любящих «тиранов», ставящих любимым условия и требующих каких-то действий или поступков и тем унижающих самое любовь.) Объясняя причины поведения Татьяны, Платонов возвышает ее реалистический образ до мифопоэтического символа героини, сумевшей победить власть рока и не пасть в этом противостоянии; до героини оптимистической трагедии. И в то же время им вскрыта великая правда этого образа: «...“бедный человек”, Татьяна Ларина, которой жить печально, одиноко и душевно невозможно, находит силу своего счастья и спасения в собственном жизненном развитии, ассимилирующем всякое горе, в естественной тайне своего человеческого сердца, в женственном чувстве, которое верно бережет другого человека и до сих пор хранит и сохранило целое неистовое человечество — руками и сердцем многих Татьян Лариных...» [7, 96–97].

Статья «Пушкин и Горький» дает также материал и для нового взгляда на известные данные при изучении биографии Н.В. Гоголя и его творческих связей с А.С. Пушкиным. Платонов ставит под сомнение обстоятельства передачи Гоголю сюжетов «Ревизора» и «Мертвых душ», приводя высказывание по этому поводу самого Пушкина (в воспоминаниях П.В. Анненкова) [7, 104], а также характеризует подход Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского к традиции Пушкина и к способам ее развития [7, 103, 105]. Платонов пишет: «Как бы повел себя Пушкин, живи он полстолетием позже, когда русский капитализм, наряду с еще живой земельной аристократией, въедался в тело народа? Пушкин бы не пал духом, он разгадал бы природу новой истории и не поддался бы на искушение печали... Пушкин уже на своем веку занимался подобными делами: “История села Горюхина”, работа над Пугачевым, глубокий интерес к фольклору и творческая трансформация его в виде сказок и пр. <...> ...неужели возможна столь воодушевленная, пророческая, счастливая поэзия, как произведения Пушкина, и русская литература мирового значения после него — без влияния на ход исторического процесса? ... наша последняя мысль заключается в следующем: зачем нужны пророческие произведения, если пророчество остается без свершения в действительной жизни, в фактах, — разве единственный смысл таких произведений лишь в том, чтобы вести литературу к дальнейшему совершенству? ... Пушкин не ради того писал стихи, чтобы кто-то после него, опираясь на его опыт, написал стихи немножко лучше Пушкина. Это ведь не главное» [7, 107–108]. Вот мысль для дискуссии о взаимовлияниях явлений культуры и общественной жизни, для разговора о предназначении искусства, об искусстве «чистом» и «ангажированном» — понятия теории литературы благодаря живому и страстному слову публицистики Платонова становятся одухотворенными и актуальными.

Глубока мысль Платонова о том, что в мире Гоголя и Щедрина жить нельзя; в мире Пушкина — можно, но бесперспективно; в мире Чернышевского в одном даны «указания», как изменить жизнь к лучшему. Гоголь и Щедрин отрицают,

Пушкин принимает, Чернышевский преобразует. Конечно, для 9 класса эти размышления писателя неясны, так как программа еще не касается имен М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.Г. Чернышевского, но в перспективе можно вернуться к статье «Пушкин и Горький» и в 10, и в 11 классах.

Если же придерживаться выбранного нами принципа следования за мыслью Платонова о Пушкине (единственно для объединения примеров; А. Платонов обращается в своих критических статьях к множеству имен, демонстрируя своеобразную энциклопедичность подхода к литературным реалиям), то в 10 классе при изучении «Медного всадника» можно обратиться к очень глубокой статье А. Платонова «Пушкин — наш товарищ» (1937). Платонов предлагает вдумчиво и непредвзято прочитать поэму. Он уверен, что при таком чтении становится понятным равноценность для Пушкина образов Петра («Он дум великих полн») и Евгения («...великий этический образ», «натура любви, верности, человечности и как жертва рока» [7, 74]). Платонов сопоставляет «поэтическую силу» образов и находит ее одинаковой, только Петр отдает свою силу творению истории, а Евгений, соответственно масштабам возможной для него степени влияния на жизнь, отдает свою силу любви: «...эта страсть не побеждается даже наводнением и гибелью Параша, даже Петром Первым, ничем, — человек уничтожается вместе со своей любовью. Это не победа Петра, но это действительно трагедия. В преодолении низшего высшим никакой трагедии нет. Трагедия налицо лишь между равновеликими силами, причем гибель одной не увеличивает этического достоинства другой» [7, 75]. Платонов называет «строителем чудотворным» и Евгения: «...правда, в области, доступной каждому бедняку, но недоступной сверхчеловеку: в любви к другому человеку» [Там же]. И в том великий писатель XX века видит у Пушкина отсутствие предпочтения ни Петру перед Евгением, ни «маленькому человеку» перед символом государственности. Мир Евгения, останься Параша жива, ограничился бы «грустным жилищем, где бездеятельная, бессильная бедность иссушила бы вскоре любящие сердца. А Петр? Он бы весь мир превратил в чудесную бронзу, около которой дрожали бы разлученные, потерявшие друг друга люди» [Там же]. Платонов делает вывод, что обе ипостаси человека — маленькая и великая — необходимы для объединения в великой исторической работе. Петр дает направление в обширный и деятельный мир, но мир этот не может существовать без евгениев, мертвеет и застывает.

Идея диалектического единства Петра и Евгения (без чего Петр — «медный истукан», а Евгений — пылинка, отброс), создающего единую душу человека-государства, вполне оппонирует идее человека-массы, по крайней мере, на уровне дефиниций. В своей статье А. Платонов проницательно продемонстрировал правоту художника-пророка и неправоту практиков жизнестроительства в СССР. Возможно, это, прочитанное между строк, сыграло роль в предъявлении Платонову идеологических обвинений в антинародности. Н. Корниенко в комментариях к статье пишет о гонителях писателя: «...если раньше они громили Платонова с позиций классовости («классовый враг»), то теперь они же отчитывали его за искажение народности. В отношении статьи “Пушкин — наш товарищ” эту работу по разоблачению “врага народа” проведет Ермилов в своей первой статье 1939 года» [7, 679].

В 11 классе можно обратиться к тексту «Горький и его “На дне”» (1921). Ранняя статья Платонова в воронежской газете «Искра» легко читается и импонирует молодым идеям «маленькой шеренги штурмующих вселенную» великих людей, безумие которых есть резерв сознания [5, 199–200]. Парадоксы Платонова на эту тему романтичны, напористы по интонации (строение текста — с помощью рваных фраз, парцелляции). Это эффектно дополняет хрестоматийные монологи Сатина и делает пьесу свежее с точки зрения юного читателя.

Наше предложение включить в систему работы с текстами А.П. Платонова хотя

бы эти три статьи писателя-критика поддержано эффективностью приема. Эффективность заключается в том, что 1) имя Платонова будет «на слуху» в самом восприимчивом возрасте обучения чтению и анализу сложных классических текстов и 2) язык Платонова будет осваиваться постепенно, через обращение к «нейтральному» стилю и знакомой лексике критических статей.

Вместе со сказками А.П. Платонова и его рассказами, изучающимися на младшем и среднем уровне общего образования, критические статьи составят недостающее звено в цепи изучения творчества А.П. Платонова от начальной школы до 11 класса, когда мы сможем сосредоточиться на «Котловане» с его мифопоэтической символикой — а понимание того, что Платонова надо читать вдумчиво, не торопясь, как по-настоящему серьезную и умную литературу, также придет по мере изучения его критического наследия.

Подведем итоги. Факт, что в школе культура народа должна изучаться прежде всего по самым выдающимся образцам (а литература — составная часть общенародной культуры). Факт, что литературное краеведение всегда стояло на обочине школьной программы, магистрального пути гуманитарного образования и отодвигалось в кружковую и факультативную деятельность, сейчас — в курсы родной русской литературы и внеурочного образования. Но есть надежда, что то соединение высокой классики и интересов краеведения как учебной дисциплины — или составной части учебной дисциплины «Литература», — которое примерно продемонстрировано в нашей статье, поможет великим писателям стать ближе к нам («Платонов — наш товарищ!»! Разве нет?), а значит, в восприятии учеников они приобретут статус и понятных, и уважаемых, и актуальных авторитетов. Только при таком условии возможно включение гениальных текстов И.А. Бунина, О.Э. Мандельштама, А.П. Платонова в действенную работу по совершенствованию индивидуальности подростка, человека требовательного, но и отзывчивого на честно обращенное к нему слово личности выдающейся, ибо только такая личность и может в его глазах иметь право учить и вести за собой.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. — М.: «Художественная литература», 1988. — Т.6.

2. Десять заповедей // Википедия — свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Десять_заповедей, свободный (дата обращения: 06.01.2021).

3. Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. — Воронеж, Издательство Воронежского университета, 1990. — 543 с.

4. Платонов А.П. Сочинения. Т. 1: 1918–1927. Кн. 1: Рассказы. Стихотворения. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 645 с.

5. Платонов А.П. Сочинения. Т. 1: 1918–1927. Кн. 2: Статьи. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 510 с.

6. Платонов А.П. Сочинения. Т. 2: 1926–1927: Повести. Рассказы. Сценарии. Статьи. — М.: ИМЛИ РАН, 2016. — 869 с.

7. Платонов А.П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика. — М.: Время, 2011. — 720 с.

В.Г. ТИМОФЕЕВА,

учитель русского языка и литературы,

заслуженный учитель РФ, кандидат филологических наук,

МБОУ лицей № 8, г. Воронеж

Виктор Степкин

ДЕТСТВО НА КРАСНОМ КОРДОНЕ

(Школа жизни заслуженного учителя России)

*Послевоенный трудный год — сорок шестой.
Опушка леса, крыша под соломой.
Здесь появился я, в мир посланный судьбой,
На свет в лесничестве у Красного кордона.*

“Быстрые воды реки Осередь струятся у склона долины. Осматривающий вековые дубы, подходящие для строительства кораблей, Петр I созерцает окрестности. “Сие место красное” [то есть красивое. — В.С.], — восклицает он. И по сему, заложенному здесь поселку подлежит называться — Красный».

Такова легенда. Откуда на самом деле пошло название поселка, не знаю, но места там действительно исключительной красоты. Красоты, в которой довелось мне родиться в 1946 году.

Кратко скажу о родителях. Знаю семейное предание, по которому мой отец, Егор Иванович Степкин, 1901 года рождения, прибыл в село Ливенка Павловского уезда Воронежской губернии со своими родителями из Ахтырки. Его отец, Иван Егорович, служил там ветеринаром в кавалерийском полку и был женат на полячке, потомственной дворянке, которая имела имение в Ахтырке. Моя мать, Мария Антоновна Степкина (Бобровская), 1900 года рождения, была матерью-героиней. Это почетное звание ей было присвоено решением Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1946 года за то, что она родила и воспитала 10 детей. Вместе со званием она была награждена орденом «Мать-героиня» за номером 8217.

Красное лесничество одним боком прижалось к Шиповой дубраве. Другой бок оно невольно подставило бегущим по полю зимовейным да суховейным ветрам. Для защиты от них была создана лесополоса, растущая вдоль дороги, идущей мимо Красного на Ливенский кордон. Но это ведь Красный! И деревья здесь не просто защищали поселок от снежных бурь и ветров, они приносили плоды. Каждая семья вносила в создание посадки свою лепту. Так, например, была яблоня под названием Верина — то есть ее посадила Вера.

Перед посадкой была прорыта канава и насыпан земляной вал, протянувшийся от пруда до заставы, перекрытой шлагбаумом. Ключ от шлагбаума находился у лесника, а потому без его ведома ни одно транспортное средство не могло выехать из леса, везя с собой несанкционированный груз. Так работал Красный кордон.

В послевоенное время на Красном было мало домов. Стояла контора, где работали научные сотрудники Лесной опытной станции (ЛОС). Таких станций в СССР было около полутора десятков. Они вели наблюдение за лесом, погодой... У них была метеостанция, много лаборантов.

Дом, в котором я родился, был ветхий, крыша под соломой. Затем его разобрали, а нам дали двухкомнатную квартиру в двухэтажном старинном доме под железной крышей. Он принадлежал ранее лесничему. Помимо нас в этом доме жило еще три семьи. Там же располагалось общежитие для студентов-практикантов Лесной опытной станции. На новом месте жительства мне запомнились высокие потолки. Уже позже, когда я вырос и стал работать в Пузевской школе учителем, я добился получения более просторного трехкомнатного жилья, занимающего половину отдельно стоящего дома. Отец не любил просить и не хотел сам ходатайствовать о расширении жилплощади для нашей большой семьи.

Я был младшим ребенком в многодетной семье, и меня никто не обижал. Конечно, в материальном отношении в послевоенное время жилось трудно. Полегче стало, когда старшие братья и сестры устроились на работу, разъехавшись кто куда. Остались с родителями мы, младшие: Оля, Зоя и я. Помню, в детстве мне всегда приходилось нянчиться с племянниками: Юрой, Владимиром... Я гулял с друзьями, а их на шею таскал с собой, даже дрался за них, когда кто-то пытался обидеть.

Мои самые ранние детские воспоминания? Помню, как я, годика в три, играл, подобно Нахаленку, под порогом, строя себе маленький домик.

А однажды к нам в дом залетела шаровая молния. Небольшой шарик, размером с теннисный мяч, проплыл по комнате, а затем ушел в розетку, скачком напряжения взорвав лампочку. Когда мне было лет шесть, запомнилась страшная гроза. Меня взяли в Шипов лес на покос травы на полянах. Уже на обратном пути, когда мы были в районе Идеального дуба, прокатились раскаты грома. Одна молния ударила в дерево перед нами, расколов его пополам, вторая — в дерево, находящееся сзади.

Надо заметить, что Идеальный дуб обладал для нас, мальчишек, притягательной силой. Здесь, например, мы любили играть в «казаков-разбойников». Из игр раннего детства я также помню «чижика». В этой игре необходимо было выбить из центра как можно дальше небольшую заостренную с обеих сторон палочку.

Все время играли в войну. Но при этом возникала непреодолимая трудность. Надо было делиться на «русских» и «немцев». Немцами никто не хотел быть. Поэтому у нас получалась одна команда русских, которая сражалась с воображаемыми немцами. У меня в детстве, как и у моих сверстников, была мечта: совершить подвиг, любой. Чтобы всех врагов России уничтожить. Хотелось вернуться в прошлое и сражаться с фашистами.

В связи же с реальными, а не воображаемыми немцами, на Красном запомнился такой случай. К нам в ЛОС часто приезжали иностранные делегации: чехи, финны, немцы... Мои сестры Зоя и Ольга в один из дней 1956 года познакомились с кем-то из иностранцев. Разговорились, оказалось — это был немец, потерявший глаз на фронте под Воронежем. Ольга, непolitкорректно по нынешним временам, сказала ему: «Жаль, что ты там и второй глаз не оставил...» Время ведь тогда было совсем другое, послевоенное.

После просмотра фильма «Тарзан» мы стали лазить по деревьям. Переходили от дуба к дубу по сучкам. Вместо лиан использовали тонкие стволы клена и ясеня.

Виктор Егорович Степкин

Бывало, падали и очень больно. Отсюда я высоты не боюсь, свободно хожу по крыше.

Любимой спортивной игрой в нашем поселке был волейбол. Расположенная здесь Лесная опытная станция построила для игры специальные площадки. Бывало, мяч попадал в окно стоящего неподалеку дома директора станции Павла Николаевича Алентьева¹, донского казака почти двухметрового роста, ветерана войны. Когда раздавался звон стекла, мы, мальчишки, разбегались кто куда, прятались. Выходила его жена Елизавета Ивановна, учитель химии в селе Пузево, и начинала ругаться. После этого из дверей появлялся Павел Николаевич, большой любитель игры в волейбол. Он забирал мяч и успокаивал жену. Потом заходил на спортивную площадку и громко говорил: «Ребята, выходите, продолжим игру». Часто для игры он приглашал ветерана войны, лесничего Якова Алексеевича. Начиналась настоящая игра, страсти кипели нешуточные.

Надо заметить, что сборная команда нашего поселка неоднократно побеждала в соревнованиях Воронцовского района. Ведь в территориальном отношении мы относились именно к нему, хотя в административном — к Пузевскому сельскому совету. Мои старшие братья Алексей, Иван и Владимир входили в постоянный состав сборной. Кубки победителей хранились у нас дома, в специально отведенном для этого месте.

Я уже с 5-6 лет любил ходить на рыбалку. К этому меня приучил брат Владимир. На краснянских прудах, как сейчас помню, поймал свою первую рыбку — красноперку. А потом пошли караси... Один раз удалось поймать очень крупную особь. Приезжий рыбак даже хотел выменять у меня этого большого карася на спиннинг. Они тогда очень дорого стоили. Но это был мой первый крупный улов, и я не согласился, гордо принес его домой, матери.

Большое разнообразие рыбы ловилось на Осередской яме перед плотиной гидроэлектростанции. Здесь попадалась щука, красноперка, окунь, линь, лещ... А однажды здесь появился любящий омуты сорт речного сазана — горбыль, плавающий стайками. Подплывет такая стайка к плотине, развернется и движется назад. Видимо, малька горбыля где-то разводили, выпуская потом в речную воду. Было много раков.

Удилища мы, детвора, делали из лещины, а крючки для мелкой рыбки — из тетрадных скрепок. На крупную же рыбу, щуку, крючки делал брат Володька, вытягивая их из гвоздя или проволоки. Когда удавалось выменять настоящие заводские крючки и леску у тряпчоника, был настоящий праздник. Он принимал для переработки тряпки, железо, кости... Его появление в селе было большим событием. Женщины брали у него иголки, крышки и прочее.

¹ Павел Николаевич Алентьев — директор Шиповской ЛОС (1952–1962 гг.), а затем Северо-Кавказской в г. Майкопе (1962–1980 гг.); заслуженный лесовод РСФСР, профессор.

Любили в детстве «запускать змея». В этом событии участвовали как дети, так и взрослые. «Суровая нитка», которой его надо было привязать, была в большом дефиците. Ее делали из конопли, выращиваемой в Пузеве. Сотканная из такой нитки ткань была очень прочной. Так, когда мы играли в «Тарзана», один из ребят, свалившись с дуба, зацепился ею за сучок. Так и провисел на ней, пока не подросли взрослые. Прочность ткани спасла ему жизнь. В то время даже никто не мог подумать, что конопля может использоваться как наркотическое вещество.

Весной любили кататься на льдинах. Я старался сохранять трезвый ум даже в самых опасных ситуациях. На Осереде под горой в то время была создана плотина, необходимая для работы гидроэлектростанции, которая снабжала электричеством не только наш поселок, но и часть пузевских улиц, расположенных неподалеку. Работала она только ночью, до 11 часов. Днем редко когда давали свет. Перед плотинкой стояли ледорубы — деревянные бревна, торчащие из воды. Весной здесь образовывался затор, перед которым мы и плавали на льдинах. В этом месте было очень глубоко. Один раз наш багор зацепился за корень, мы его не удержали, и он упал в воду. Нас начало крутить, и льдину понесло на торос... Каким-то чудом нам удалось направить льдину к берегу. Я скомандовал: «Прыгаем по очереди». Я был последним. В момент моего прыжка льдина уже становилась на торец, и поэтому я немного промок. Тут же развели костер и начали сушиться, кто-то поделился со мной сухой одеждой. Пришел домой, мать произнесла: «Ну вот, опять сушились». Она всегда об этом узнавала по запаху.

Купаться в Осереде и прудах мы начинали очень рано. Вспоминается, что во время купания в тени Шипова леса еще лежали занесенные туда во время разлива льдины. Из воды мы выбегали синие от холода.

За играми порой было не до еды. Бывает, заскочишь на минутку домой, схватишь кусок хлеба, польешь его подсолнечным маслом, посыпешь сахаром или солью, перекусишь и бежишь дальше. Еще и друзьям вынесешь. А когда весной играли в лесу, то, разворошив снег, находили там дикие груши и яблоки, ставшие от мороза немного сладкими. Осенью же возле краснянского родника любили жечь костер. Запекали в его углях картошку, сахарную свеклу и даже иногда кукурузу.

Неподалеку от родника на берегу пруда лежал огромный валун. Среди взрослых шел разговор, что под ним якобы находилась скифская могила. Чтобы сквырнуть камень, его постоянно обкапывали. Но он словно прирос к земле и лишь все глубже уходил в землю. Когда в ЛОС появился первый трактор ЧТЗ, то им попробовали сдвинуть камень. Но и ему это оказалось не под силу. Лишь гораздо позже, когда на пруду строили вторую плотину и пришла более мощная техника, камень сдвинули с места вместе с землей. Нашли ли под ним что-то, неизвестно... Из исторических находок мне только один раз попался наконечник стрелы с зазубриной.

В нашей семье, как и во всем поселке, особо праздновали День Победы — 9 мая, Пасху, Троицу и День Октябрьской революции. На Пасху вся семья собиралась за столом, красили яйца. Мать наливала отцу «фронтовые» 100 грамм, сама пригубит, а нам — ситро. До 22 лет я не курил, не пил, водка была противна. В школе запрещали на Пасху ходить на кладбище. Такое распоряжение было от парторганизации. Но отец, несмотря на то, что был коммунистом, о церкви никогда плохо не отзывался. На Пасху ходил на кладбище. Поскольку возле поселка родственников похоронено не было, он приходил на могилки к сослуживцам, которые были похоронены в лесу за пилорамой. Там сейчас все заросло.

В Лесной опытной станции и лесничестве до 60-х годов XX века всенародно праздновали Новый год, 1-е Мая, Октябрьскую. Все жители Красного собирались в клубе, ставили столы и весело проводили время. Пели песни, танцевали. Молодежь ставила пьесы, в постановке которых активно принимали участие мои стар-

шие братья и сестры. Задействовали они и меня. Ни разу не помню, чтобы на таких мероприятиях кто-то выражался матом или была драка. Здесь ведь работали научные сотрудники, старая интеллигенция.

Новый год мы, детвора, очень любили. Читали стихотворения Деду Морозу и Снегурочке. Получали подарки по списку. Причем в ЛОС и Красном лесничестве подарки были разные, в ЛОС побогаче. Там выдавали также подарки на праздники 1 Мая и 7 ноября. У меня после войны отец работал в ЛОС, и мне в среде краснянских ребятишек везло в этом отношении.

Вспоминается также, как совсем маленьким ходил с детворой на Святки по селу, читая рождественские колядки:

Птичка летела,
Хвостиком вертела,
А вы, люди, знайте,
Столы застилайте,
Гостей принимайте,
Рождество встречайте!

Или:

Пречистая Дева Мария
Иисуса Христа породила,
В яслях положила.
Звезда ясно сияла,
Трем царям путь показала —
Три царя приходили,
Богу дары приносили,
На колени припадали,
Христа величали...

В нашей семье очень любили читать. Появившуюся новую книгу читали вслух, пока горел свет. Если свет гас, читали при лампе. Читал, как правило, отец или кто-то из старших. Отсюда у меня любовь к книгам. Читали стихи. Как сейчас помню, из Лермонтова:

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах².

Иногда пели песни. Отец любил романсы, военные песни. Особенно ему нравилась песня «Там, вдали за рекой...», запавшая в душу еще во время службы в Конной армии.

Там, вдали за рекой,
Засверкали огни,
В небе ясном заря догорала —
Сотня юных бойцов
Из буденовских войск
На разведку в поля поскакала.

Когда мне было лет пять-шесть, на Красном появились первые комбайны и колесные трактора. Лесная опытная станция выращивала пшеницу и овес, держала овец. На праздники готовили баранину.

В классе восьмом-девятом я впервые увидел телевидение. Телевизор стоял в конторе, и вечером все приходили его смотреть, даже бабушки, которым особенно

---

² М. Лермонтов. Воздушный корабль.

навилось фигурное катанье. Передвижка раз в неделю привозила кино. Особенно нам, детишкам, живущим на опушке Шипова леса, запомнился фильм «Тарзан». Ходили в кино всей семьей. Когда не было денег и вставала дилемма: купить хлеба или идти в кино, — совещались и шли смотреть фильм.

Праздником для нас были и Выборы. Голосовать ездили в пузевский клуб. Играла музыка, завозили выпечку, колбасу... Появлялись продукты, которые в обычное время было сложно купить в нашем поселке.

Магазин на Красном был не просто местом, где можно было купить тот или иной товар, но и местом общения. Здесь можно было рассмотреть новый товар, узнать новости. Продавщица-еврейка всегда завозила хорошую продукцию, были даже импортные костюмы. На прилавках размещались разнообразные продукты питания, рыба свежемороженая. Если не было денег, то продукцию в магазине можно было взять под запись до зарплаты.

Муку брали мешками, так как хлеб выпекали сами. Были специальные формы, в которые выкладывали тесто и ставили в русскую печь. Когда мы в начале 70-х русскую печь заменили на обычную грубку, то хлеб, пирожки и булочки продолжали готовить в духовке. Купить же готовый хлеб можно было вначале только в Воронцовке. Его ездил закупать мой отец, а потом раздавал заказы. Все было строго до грамма. Если кому не хватало чуть-чуть, скажем, до двух килограммов, отрезал от другой буханки и докладывал. Потом продажа хлеба появится и в Пузеве, и в нашем поселке.

Запомнились посылки, которые присылали старшие братья и сестры, разъехавшиеся по стране. Из продуктов питания в них были макароны и большие, размером с кулак, куски сахара. Такого в нашем магазине нельзя было купить.

В поселке была своя баня, которую топил лесхоз для своих жителей. Когда я был в классе пятом-шестом, в селе появился водопровод, стояли колонки, хотя в Пузеве водопровода еще не было. До момента его появления на Красном воду брали из колодцев. Причем их глубина и вкус воды были везде разные. Возле нашего дома в колодце была самая вкусная вода. К нам приходили набирать ее и другие жители. После появления водопровода колодцы чистить перестали, и они засорились.

Не помню, чтобы в моем раннем детстве на домах были замки. На Красном все друг другу доверяли. Если щеколда просто накинута на петлю, значит, человек где-то рядом, если вставлена палочка, значит, хозяин далеко. Так было до конца 1960-х, а потом все поменялось, когда в поселок стали приезжать чужие люди.

Конечно, лес в нашей жизни очень много значил. Это было не просто место наших игр. В лесу работал отец. Там собирали груши, яблоки, терн, орехи и затем сушили. Протертые груши добавляли в муку. Делали муку и из кукурузы, перемалывая ее на самодельной ружке. Вкус сладких кукурузных лепешек был незабываем! Говорят, во время голода даже ели желуди, но я этого не захватил. Заготовку же ягод и фруктов я хорошо помню. Она продолжалась и во времена моего детства. Из леса привозили яблоки, резали их на кусочки и сушили на снизках — это что-то наподобие своеобразной гирлянды. Груши сначала запекали в русской печи, а потом досушивали на солнце, на металлических противнях. Осенью рвали терн и рассыпали на чердаке. После морозов он приобретал сладковатый вкус, и мы начинали его есть. Сладковатый вкус приобретали и дикие яблоки, разложенные в соломе на чердаке, кислоты в них не было заметно.

Фауна Шипова леса хорошо была представлена в музее ЛОС. Здесь находились чучела разнообразных птиц: орла с размахом крыльев до двух метров, коршуна, ястреба и других более мелких. Были также чучела волка, косули, лисы, зайца, куницы, хоря... Музей животных Шипова леса посещали школьники из Воронцовки, Пузеве, Чернавки и других мест. Во время ликвидации ЛОС в 1980-х годах музей перестал существовать. Что-то передали в школы, остальное пропало.

Но мне, живущему около леса, дикие животные были знакомы не только по музейным персонажам. Помню вой волков у нашего дома. В это время на улицу выходить было опасно. В лесничестве была своя гидроэлектростанция, и монтер повесил на улице фонарь, чтобы волков отпугивать. Отложилась в детской памяти яркая картинка, как охотники убили здорового волка и везли его на санках в лесничество.

Опасность была и со стороны змей. Годика в четыре меня укусила гадюка. Случилось это так. Возле сада лежало сено в валках. Я пошел через него и почувствовал укол ноги. Глянул, а у меня две ранки на коже. Сестра меня подхватила и понесла домой. Я был без сознания несколько дней, нога сильно опухла.

Со змеей был и еще один опасный случай. После весеннего половодья на лугу осталась в лужицах вышедшая из пруда вода, в которой плескались желтые караси. Мы начали с ребятами ловить их руками. А у меня на шее сидел племянник Юра. Я поставил его на сухое место и... обомлел. Откуда-то появилась метровая гадюка и поползла на него. Поблизости оказалась только маленькая 20-сантиметровая хворостинка. Ею я отвел голову змеи в сторону. Еще мгновение, и гадюка бы укусила...

На опушке леса можно было увидеть ласку, горностаю, хорька. Когда последний забегал в село, на него начиналась настоящая охота, хозяйки боялись, что он может перетаскать кур.

Особое, неизгладимое впечатление произвел на меня вылетающий из гнезда орел! Теплым летним днем отец меня, еще совсем маленького, посадил на лошадь и повез в лес. Мы подъехали к большому раскидистому дубу, стоящему на поляне. Взглянув на вершину, я обомлел. Толстые ветки были переплетены, образуя большое гнездо. Заметив нас, из него вылетела большая птица. Размах ее крыльев достигал почти двух метров. Отец сказал, что это орел, а точнее — подорлик. Мы долго стояли, провожая его взглядом, а затем не спеша поехали домой.

В лес я влюбился с детства. На какое-то время он тоже становился моим домом. Уже с шестого класса я со студентами-практикантами в нем не просто гулял, но и работал. В день мне платили 1 руб. 20 коп. — 1 руб. 30 коп. По тем временам — немалые деньги. Нас, краснянских ребят, брали с собой научные сотрудники в качестве помощников проводить наблюдения. Надо было выяснить: сколько, например, дубовый листок испаряет влаги за определенный период времени. Для этого его взвешивали до и после эксперимента. Или какова длина дубовых корней? Ответ на этот вопрос давался нелегким трудом. Нет, конечно же, основная тяжесть работы по их извлечению падала на взрослых, но и нам приходилось немало потрудиться, очищая их от земли. Со студентами мы обошли пешком фактически весь Шипов лес, вплоть до Бутурлиновки и Воронцовского яра. А территорию своего лесничества мы знали вдоль и поперек.

Неподалеку от нашего дома был питомник Лесной опытной станции. Там выращивали ценные породы деревьев. Желуди для посадки дубов привозили со всей России. Проводили эксперимент: какой дуб лучше приживется. Помимо дубов росли в питомнике и такие экзотически растения, как грецкий орех и пробковое дерево. Во время весенних заморозков питомник и близлежащая округа окутывались густым дымом. Это сотрудники ЛОС, борясь с холодами, делали дымовые завесы.

Работники станции делали прививки диким грушам и яблоням в лесу. Потом, бродя по лесу, мы часто на них натывались, с удивлением срывая с дички сочные спелые плоды. Сажали сотрудники ЛОС и лесополосы в Павловском и Бутурлиновском районах.

Будучи подростками, мы с друзьями любили ходить на Мельничный яр за родниковой водой. Вода в этом роднике считалась самой вкусной. Когда был сенокос

и необходимо было запастись водой в поле, то взрослые ехали за ней именно сюда! Потом, когда этот родник заилился из-за построенной бобрами плотины, воду на сенокос станут набирать на источниках в Чернавке.

До родника в Мельничьем яру 50-го квартала Шипова леса нам, ребятишкам, приходилось пройти километров шесть. Хотя рядом с Красным был свой родник, но мы шли все равно именно туда. Весной там было много ландышей, но было много и змей. Я их не боялся и живыми ловил. Помню, как одну небольшую поймал и посадил в бутылку. Поднес к стеклу палец, змея попыталась его схватить через невидимую преграду... По стеклу потекла тонкая струйка яда.

С интересом ходили мы и в район 54-го квартала, где во время войны разбился наш самолет. Там находили мелкие остатки фюзеляжа. Нахождение в лесу было для меня одним из любимых видов отдыха. Бывало, на школьных каникулах возьму рюкзак — и в лес на целый день. Находил грибы, орехи, ягоды. Наблюдал за животными. А на лес можно смотреть бесконечно!

Несмотря на то, что я прекрасно знал округу, однажды, к своему удивлению, я заблудился. Причем произошло это в лесу, неподалеку от дома, что особенно удивительно. Я зачем-то наклонился, и меня как будто кто-то стукнул по голове. Поднимаю взгляд и не пойму — где. А уже темнело. Но я не растерялся, нашел близлежащую тропинку и пошел по ней. Вышел на край квартала, и тут словно пелена спала с моих глаз. Я понял, что нахожусь около дома. Из этой истории вынес понимание, что главное в экстренных случаях — не паниковать и пересиливать страх.

Зимний лес моего детства был не менее прекрасен летнего. На лыжах мы объезжали все близлежащие яры. Лыжи ломали часто, ремонтировали, клепали... И снова склон и несущийся навстречу ветер.

Любили кататься с Краснянской горы на санях. Свяжем их в связку, получив пяти-шестисоставный мини-поезд. И вот он уже несется на всех парах вниз по склону. Тот, кто движется впереди, бывало, специально затормозит, повернув резко сани вбок, и начинается куча-мала. Иногда на конюшне брали большие деревянные сани. Усядемся на них и летим с горы. Одна беда: надо потом тащить эти сани наверх. Запряжемся в них и тянем вместо лошади. И вот наверху 15 уставших, но счастливых пацанов готовы опять скользить вниз.

Моя любовь к лесу постепенно распространилась и на его обитателей. Это я пронес сквозь всю жизнь. Уже будучи взрослым, я иногда ходил на охоту. Для меня важен был более сам процесс хождения по родным просторам, нежели добыча дичи. Особенно красив зимний лес. В нем идешь, как в сказке. Обычно охотники вспоминают свои трофеи, а мне помнятся совсем иные случаи.

Шел дождь. Собака выгнала на меня, стоявшего под липкой, козу. Я потянулся за ружьем, но, взглянув в ее глаза, передумал стрелять. Или такой случай. Когда я стоял на болотной тропе, на меня выгнали свинью. До нее было метров шестьдесят. Она тяжело сопела, устав от нелегкого передвижения через болотную грязь. От усталости свинья прислонилась к ольхе, стараясь немного отдышаться. Я подумал, какая же я буду сволочь, если ее убью. Свинья ушла, и вскоре появился егерь. Узнав, почему я не стрелял, он рассмеялся от души. Говорил, что всегда теперь будет брать меня на охоту. Ущерб я никакого не нанесу.

С детства я любил и домашних животных. У нас дома всегда были кошки. Их мой брат Володька дрессировал, чтобы они не трогали голубей, которых он разводил на чердаке. Возьмет голубя в руки, поднесет к кошке, она к нему потянется, а он ее тихонько ударит. Доходило до того, что он в клетку к голубю сажал кошку, и она его не трогала. Особенно запомнилась мне трехцветная кошка Ягодка, которая долго у нас прожила. Она досталась нам от прежних хозяев квартиры и, чтобы заслужить наше доверие, поймав мышь, приносила ее на порог: показать, какая она мышеловка. Так она и осталась у нас.

Был у нас и пес, которого мы звали Рыжий. Цвет его шкуры напоминал лисий. Эту собаку потом волки задрали. Затем, когда я уже вырос и создал семью, у нас появился Пират. Это была широкогрудая помесь овчарки. Он очень любил детей. Если чувствовал, что ребятишкам угрожает опасность, — скалил зубы. Однажды он фактически спас от смерти Виталия. Произошло это так.

Был день. Мы шли вдоль лесной опушки. Виталий, еще совсем маленький, в красном пальтишке, убежал вперед. И здесь неожиданно появился двухгодовалый бык. Он шел на малыша, копая копытом землю. Я чувствую, что не успеваю добежать. И тут появился Пират, убежавший куда-то до этого. Он несся на быка, ничего не замечая на своем пути. По-волчьи прыгнул. Возле горла животного клацнули зубы, и широкая грудь Пирата ударилась о его тело. Бык опешил, остановился. Пират забежал к нему сзади и укусил за ногу. Быку стало совсем не до Виталия, а тут и я подоспел.

После этого у Пирата появилась какая-то ненависть к рогатым. Купаются, скажем, ребята на пруду. Пират проводит перед детьми только ему видимую условную черту. И если какая-то поблизости пасущаяся корова ее переходит, он начинает на нее лаять и нападать.

Возвращаясь к своему детству, вспоминаю трагический эпизод, связанный с фауной Шипова леса. Когда я был в классе третьем-четвертом, лесоводы стали вести борьбу с насекомыми. Помню, как летел самолет, обрабатывая лес дустом, а мы, пацанята, совсем не думая о том, что этот яд вреден для нашего здоровья, бежали за ним. Через какое-то время лес буквально начал шевелиться от падающих жучков, гусениц и прочих насекомых... А потом лес словно умер. Какой-то период в нем не слышно было пения птиц, пропали лисы, зайцы, орлы. Орлы после этого в лесу так и не появились...

Школы на Красном не было, и я пошел в первый класс в Пузевскую семилетнюю школу, которая потом стала восьмилетней. Школа размещалась в пяти небольших зданиях. Это уже после, в 1980 году, построят единое двухэтажное здание. С первого по четвертый класс я проучился в небольшом доме. В нем было всего две классные комнаты. В пятый класс я перешел учиться в здание, в котором раньше был дом священника. Этот корпус так и назывался между нами — «Попова школа». Еще учились в здании рядом с сельсоветом... Седьмой и восьмой класс прошел для меня в главном здании школы.

Свою трудовую учительскую деятельность в дальнейшем я начинал также в этих корпусах. От урока к уроку приходилось ходить между зданиями. Времени перемен хватало как раз только на то, чтобы преодолеть расстояние между ними. Звонки с урока звенели в разное время. Медленно, от здания к зданию проходила техничка, сотрясая в руках небольшой колокольчик.

С первого класса мне приходилось каждый день добираться до школы пешком. А это без малого километра два с половиной. В зимнюю непогоду иногда для нас, учеников начальной школы, выдавали лошадь. Не учились только, когда мороз был за 30 градусов. Но радио не всегда об этом сообщало, и поэтому приходилось иногда идти и по морозу. Дойдешь, бывало, до школы, узнаешь, что уроки отменили, и бредешь назад. Ходили, как правило, мы втроем. Нас было три друга: я, Николай Алентьев (сын директора ЛОС) и Виктор Таможенко. Во время снегопадов нарочно извлекаемся в снегу, зайдем в класс, а с нас все его стряхивают, жалеют.

Не менее сложно было добираться в школу и в весеннюю распутицу. Но мы тогда мало об этом думали. Прямая тропинка, идущая с Красного вдоль оврагов, спускаясь вниз, на одном из участков затапливалась внешними водами. Конечно же, можно было обойти вокруг, но это было почти на километр дальше, и потому мы с друзьями шли напрямую. Нам-то и надо было пройти по воде метров двести, но

какие это были метры! Поскольку вода заливала дорогу, мы преодолевали путь по вершине плетеного полутораметрового забора, хозяин которого на нас постоянно ругался. Как мы не срывались или как этот забор не упал под нашей тяжестью, до сих пор не представляю.

По первому льду бегали по речке, пока кто-то из взрослых не прогонит. По пути в школу в хорошую погоду мы, друзья, любили пробовать овраги на прочность. Овраги были глубокие, подойдешь к краю одного из них и обваливаешь его ногой, стараясь вовремя отскочить от оползня. Иногда еле успевали. Любили собирать камешки, оставшиеся от ледника. В общем, искали приключения на свою голову.

О первой учительнице — Марии Андреевне Прошуниной — остались самые теплые воспоминания. Но бывали и ссоры. Ее сын как-то меня толкнул, я, естественно, его в ответ. Получил нагоняй, конечно, хотя виновным себя не ощущал.

С самых ранних лет нам прививали любовь и умение трудиться. Уже в начальной школе нас всех, и мальчишек, и девчонок, научили шить, вышивать крестиком, пришивать пуговицы. В среднем звене мы, ребята, уже могли хорошо работать рубанком, пилой, молотком. В дальнейшем, во взрослой жизни мне все эти навыки оченьгодились. По хозяйству я мог сделать любую работу. Когда строили дом, в котором живу, то фактически всю внутреннюю отделку я выполнил своими руками.

Писали в школе чернилами. Чернильниц почти ни у кого не было, и мы носили с собой пузырьки. В них наливали купленные чернила или сделанные самостоятельно из химического карандаша. Перья были металлические. Шариковые ручки стали появляться уже в старших классах, которые я оканчивал в Воронцовской школе. Но они были тогда у единиц. Ими не особо разрешали писать, считая, что они портят почерк. Сейчас мало, наверное, кто знает, что такое, например, волосная линия. Выводишь букву «И»: нажим, волосная диагональная линия, нажим...

Перейдя в среднее звено, я продолжал учиться хорошо. Сложности возникли только с русским языком, с преподавателем которого у нас не заладились отношения. По этому предмету у меня была единственная тройка в аттестате за курс неполного среднего образования. При этом все правила я хорошо знал, но при письме мысль опережала руку. Наиболее частые ошибки — недописанные или сокращенные слова, хромало правописание. Грамматических ошибок было немного.

Парты, за которыми мы сидели, были под наклоном, с откидывающейся при вставании крышкой. В том месте, где крышка крепилась к основному корпусу парты петлями, была щель. Ее кто-то еще до нас предусмотрительно расширил, и у нас появилась прекрасная возможность читать на уроках литературу не по теме. Положишь книгу на колени и передвигаешь ее потихоньку, прочитывая строчку за строчкой. Так я перечитал Вальтера Скотта, Фенимора Купера, Александра Дюма, а из советских писателей — трилогию Константина Симонова. В общем, ту классику, которую не рекомендовали читать.

В связи с тем, что я много читал, по литературе у меня была пятерка. Да и по русскому, когда у нас замещала Алла Григорьевна, я был чуть ли не лучшим учеником. Легко давалась мне математика с физикой. Молодая, недавно пришедшая в школу Нина Тимофеевна навсегда сумела привить любовь к этим предметам. Именно математику я выберу в дальнейшем в качестве профильного предмета при поступлении в институт.

На природоведении осуществляли наблюдения за погодой, вели дневник, записывали облачность, направление ветра, температуру... Термометр стоял у нас в школе ртутный. Ртуть просто была налита в чашку: тогда никто не думал о том, что это может быть вредно для здоровья.

Конечно же, ангелом в школе меня нельзя было назвать. Урок географии. Кого-то вызывают к доске и дают задание: «Опиши флору и фауну тундры». Я начинаю подсказывать: «В тундре растут огромные баобабы, перевитые ветвями лиан, на которых качаются обезьяны...». Отвечающий бездумно за мной повторяет. Класс покатывается со смеха, а меня учитель географии, Зоя Павловна, в качестве наказания отправляет на «экватор». «Экватор» — это место у печки, где было очень жарко стоять. Надо заметить, что Зоя Павловна очень любила Пушкина. Она даже на Красный приезжала к нам читать о нем лекции перед взрослой аудиторией.

Или мои шалости на уроке истории. Восьмой класс. Я сижу на первой парте. Моя соседка Зина отсела на последние ряды, где девчонки пишут что-то в тетради, передавая ее по рядам. В общем, аналог из прошлого современным СМС. В один прекрасный момент учитель перехватывает злополучную тетрадь и читает: «Учитель истории похож на Махно» (?!). Тетрадь отправляется на учительский стол... Мне Зина бросает записку: «Вить, выручай!». Я прошу их отвлечь учителя и передать мне точно такую же, как у них, но чистую тетрадь. Незаметно делаю замену. На перемене приходит завуч, учитель истории раскрывает перед ним тетрадь, смотря на опустившую голову Зину. Затем он переводит взгляд на бумагу, а там пустота! «Шерлок Холмсы», — произносит он изумленно. Ну, как было не повернуть перед нашим учителем истории Валентином Ивановичем Манченко такую спецоперацию, когда он говорил, что его, младшего-лейтенанта разведки в запасе, нельзя обмануть.

Или еще несколько случаев с урока истории. Валентин Иванович любил во время объяснения размахивать указкой. На перемене я подговорил класс, чтобы мы на уроке начали следить одновременно взглядом и движением головы за перемещение кончика указки... Или вот еще. Меня заинтересовал вопрос: «Сколько спичек можно разместить на больших Зининых ресницах?». Четвертая спичка падает, не удержавшись, и меня выгоняют из класса...

Но время, проведенное в коридорах школы, для меня не проходило даром. Здесь я изучал уже не лежащую на коленях литературу, а живопись. На стенах висели прекрасные репродукции. Закрывая глаза, я их и сейчас хорошо помню: «Сватовство майора» и «Завтрак аристократа» — Федотова, «Опять двойка» — Решетникова, «Грачи прилетели» — Саврасова, «Чаепитие в Мытищах» и «Тройка» — Перова, «Боярыня Морозова» — Сурикова, «Девятый вал» — Айвазовского... Много было картин Левитана и Шишкина. Отсюда у меня любовь к живописи, особенно к пейзажам.

Наши шалости в школе были беззлобные. Это понимали и мы, и учителя, прививающие любовь к предмету. Из школы помимо любви к математике и литературе я вынес любовь к истории. Нам учитель много рассказывал дополнительного материала, того, чего не было в учебниках. Да и сам я немало читал на исторические темы. Когда в дальнейшем я уже работал завучем в Пузевской школе, то иногда без подготовки мне, учителю математики, приходилось вести историю. И ничего, справлялся. Узнаю, какая тема, и иду в класс, заменяя не пришедшего внезапно учителя.

На летних каникулах мы любили водить лошадей в ночное. Конюшни были на Красном и в Чернавке. Отведем из Красного лошадей с горы на пойменный луг, оставим их там пасться на свежей траве и айда домой. Ночевать с ними, как это описывается у Тургенева, не ночевали. Это было дело конюха.

По окончании восьми классов я со своими друзьями-одноклассниками мало встречался. Наши дороги разошлись. Николай Алентьев вместе со своими родителями уехал из Красного, Виктор Таможенко поступил в Хреновской лесной техникум, а я пошел в 9 класс в Воронцовскую школу среднего полного образования.

От моего дома на Красном дорогах в Воронцовскую школу оказалась еще дальше, чем в Пузевскую, — восемь километров. В нашем классе обучались дети из разных сел: Воронцовки, Ерышевки, Красного Октября... Из выпускников Пузевской школы я был один. Несмотря на это, между собой мы не враждовали. У нас были хорошие дружеские отношения. Нам, прибывшим на учебу из других школ, выделили для проживания место в интернате. Я там переночевал одну ночь и понял, что это не для меня. В комнате было человек девять-десять. Вечером даже почитать книгу было невозможно. И я стал ходить каждый день в школу и из школы пешком. И так три года, на протяжении 9, 10 и 11 классов. Если позволяла погода, не было распутицы, снега и холода, я ездил на велосипеде. Но это было не часто: в мае и сентябре. По снегу добирался на лыжах.

Во время распутицы, идя в школу, надевал офицерские яловые сапоги, которые мне привез брат Иван из Москвы, или резиновые. Бывало во время дождя, что ноги сухие, а куртка вся мокрая. А ты идешь и читаешь стихи. Нет, не те, что задают в школе, а то, что особо нравится, что ближе тебе в этот момент. Или поешь песни:

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать.
А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна³.

Ходить из школы приходилось и в темное время суток. Одноклассники поражались, как я не боюсь, ведь большая часть дороги проходила через лес. За это меня ребята уважали. Иногда, конечно, был страх. Особенно когда в темноте показывался силуэт животного. Сразу ведь и не разберешь: косуля это или волк. Но Бог милował. Волка я видел только один раз. Разошлись миром, он пошел своей дорогой, а я своей, лишь крепче сжал в правой руке перочинный нож, а в левой — палку.

Наиболее сложно было добираться к месту учебы после метели. В некоторых местах переносы были по пояс. В такие дни на обратном пути было чуть полегче. Кто-то проезжал по дороге на санях, оставляя за собой колею. Но самое тяжелое — это ледяной дождь. Я как-то даже чуть не обморозил себе лицо и уши.

Несмотря на все трудности, школу я не пропускал. Ходил регулярно в любую погоду. Привычка двигаться доходила у меня до того, что на каникулах я не мог просто так сидеть на месте. Тянуло все время куда-то идти, что-то делать. По-прежнему я много читал. Был записан, как говорили тогда, в трех библиотеках. Брал книги еще и у научных сотрудников ЛОС. Перечитал всю классику: А.Ф. Писемского, Д.М. Мамина-Сибиряка, Ю.П. Германа, Ч. Дикенса... Прочитал всего Сергея Есенина, в то время, кстати, запрещенного.

Мы очень любили и ценили за справедливость и доброту многих воронцовских учителей: математики — Николая Владимировича Булгакова, литературы — Римляну Васильевну Новомлинцеву, химии — Тамару Францевну Желновакову, физики — Ивана Афанасьевича Улаева, да и многих других, добросовестно и по-человечески равнодушно относившихся к своим обязанностям.

После окончания 10-го класса тех ребят, кто умел работать топором, директор

---

³ Из песни «Летят перелетные птицы». Музыка М. Блантера, слова М. Исаковского. 1948 г.

школы направил на строительство школьного гаража. В эту бригаду попал и я. Руководил нами рабочий Пов-в, который имел опыт строительства подобных сооружений. На всех топорах не хватало, и мы были вынуждены работать по очереди. Один работает, а другой в это время читает книгу или общается с друзьями. Во время отдыха Пов-в начал рассказывать о своей жизни, о том, как воевал, как героически спасал людей. Поведал он и о трагедии своей семьи, рано ушедшей из жизни в результате болезни жене.

Вечером я пришел домой. И отец поинтересовался, как там у меня в школе дела? Я с восторгом рассказал о новом знакомстве. Отец молча выслушал и произнес: «Да врет он все. Помнишь, я тебе рассказывал о пулеметчике моего отделения, который сдался в первом же бою в плен немцам? Так вот — это он и есть. После войны отсидел за это срок, а теперь, вот, видишь, устроился к вам на работу. А сколько моих однополчан героически полегло! И начальство даже не знало об этом. Да и про жену Пов-в все выдумал. Она рано ушла из жизни, потому что он ее избивал».

Придя после этого на следующий день в школу, я все пересказал ребятам. Наступило время работы. Я лежал на бревне, читая книгу о войне Константина Симонова. Ее было тогда очень тяжело достать, и мы во время отдыха читали по очереди. Пришел Пов-в и начал в очередной раз рассказывать про свои «подвиги». А один из моих одноклассников, Привалов, возьми да и скажи ему: «Не надо обманывать. Нам Виктор все рассказал. Его отец с тобой служил вместе, и он сообщил, как ты сдался в плен и избивал свою жену!». Пов-в взревел, как раненый зверь, схватил топор и бросился на меня. Если бы не друзья, навалившиеся на него сзади, он бы точно меня убил.

Немного успокоившись, Пов-в пошел к завучу школы и что-то долго ему говорил. И вот к завучу вызывают меня. Я пытаюсь что-то объяснить, но меня даже не слушают. Грозят исключить из школы. Поставили мне «неуд.» по поведению за целый год, хотя никаких нареканий у меня до этого не было. Наверное, в тот момент у меня, почувствовавшего всю беспомощность перед «учителем», и родилось желание самому встать на педагогическое поприще, чтобы не допускать больше такой чудовищной несправедливости.

Эпизод со строительством гаража отразился и на моей успеваемости. Так как завуч вел у меня географию, то у меня появилась тройка по этому предмету, хотя я всегда хорошо отвечал домашнее задание. А по окончании 11 класса, в 1965 году, мне написали такую характеристику, которая закрывала дорогу в любой институт. Я был очень расстроен. Но после выпускного вечера меня неожиданно пригласила к себе классный руководитель. Она при мне порвала прежнюю характеристику и написала новую, сказав, чтобы я, не заходя к завучу, понес ее на подпись к директору. Директор характеристику прочел, улыбнулся, поставил печать и пожелал мне успеха.

И вот я оказался на распутье. В какое русло жизни направиться? Брат Иван уговаривал поступить в Тимирязевскую академию. Я согласился, передал необходимые документы, аттестат, свидетельство о рождении и прочее сестре Нине в Москву, а сам приехал туда через некоторое время. И здесь произошло странное, можно сказать, судьбоносное событие. Несмотря на все поиски, сестра никак не могла обнаружить искомые документы. Найдутся они только в ноябре, но будет уже слишком поздно для поступления в вуз. Естественно, я никуда в этот год не поступил и поехал к другой сестре Анне, которая жила тогда в Коми-Пермяцком автономном округе, в поселке Сергеевском, недалеко от Камы. Волей случая я там познакомился с директором школы, который меня взял на работу старшим воспитателем в интернат. Так началась моя педагогическая жизнь. Я понял, что это мое, у меня получается работать с детьми.

Из отчего дома на Красном долго не было вестей. Когда пришло письмо, оказалось, что родители болеют. Я рассчитался и поехал к ним. После выздоровления родителей я отправился к другой сестре — к Зое в Луганск. Средств на учебу в институте не хватало. Отец получал всего 35 рублей, которые шли в основном на лекарство. Мать не получала ничего, была домохозяйкой. И я решил пойти учиться в профессионально-техническое училище № 47 г. Луганска на электромонтера осветительных сетей и силового электрооборудования. В училище было бесплатное проживание и питание. Кроме того, мы получали 30 процентов зарплаты от работы на практике.

Освоив ремесло, я начал подрабатывать самостоятельно. До 14.00 — в училище на учебе, с 14.00 — на работе. Чинил проводку. Вспоминается такой случай. На заводе два цеха оказались обесточены. Свой электрик не смог починить неисправность, и энергетик завода нанял меня. Я приступил к работе. Оказалось, что при монтаже проводки там сильно напутали. Меня даже током опалило так, что кожа слезла на руке. Но ничего, разобрался, пошел за авансом, а оказалось, что меня на данную работу даже официально не провели. Пошел к директору. Он оказался очень порядочный человек. Оформил документы задним числом, и выдали мне на руки 80 рублей. Я тогда на эти деньги купил свитер и брюки, подарки родителям и поехал на ноябрьские праздники домой.

В 1967 году я поступил в Луганский педагогический институт по математическому профилю, продолжая также учиться в училище и подрабатывая вечерами и в выходные. Училище я окончил в 1968 году за один год, хотя формально надо было учиться два. Но директор был понимающий, пошел мне навстречу и разрешил мне экстерном сдать экзамены.

Почему я выбрал математику в качестве специальности в вузе? Ну во-первых, она мне всегда нравилась и легко давалась, а во-вторых, я рассуждал так: «У меня старенькие родители. Нужно будет их дохаживать, а следовательно, работать в сельской школе, в которой часы математики всегда востребованы для преподавания». Было еще, конечно, желание пойти на учителя истории. Мне тоже она нравилась. Читал большое количество исторических книг, одно время даже мечтал стать археологом. Квалификация историка в то время открывала также работу в райкоме партии, но я думал тогда в первую очередь о родителях.

Обучаясь в Луганском педагогическом институте, я активно занимался спортом. Мне ничего не стоило пройти на лыжах 10 километров. На этой дистанции я даже занял первое место в областном забеге. За это премировали двухнедельной путевкой в Карпаты на горнолыжную базу. Но я попросил отдать ее тому, кто занял второе место, а мне предоставить отпуск домой, чтобы проведать больных родителей.

В 1969 году я из Луганского педагогического института перевелся в Воронежский, который и окончил в 1973 году. Я работал в Пузевской школе сначала учителем, потом завучем и директором. Идя по учительской стезе, всегда старался поступать по справедливости. Если необходимо было принять решение относительно ученика, то я всегда мысленно становился на его место и только после этого принимал взвешенное решение. Пусть оно будет строгое, но справедливое. Главное — это любовь к любому ученику. Важно считать ученика равным по отношению к себе и ни в коем случае не унижать ни его самого, ни его родителей. Отсюда рождается доверие. Ко мне приходили иногда даже поздно вечером посоветоваться, как поступить в том или ином сложном жизненном случае. Я думаю, от тюрьмы удалось уберечь не одного трудного подростка.

А трудных детей мне довелось немало встречать на своем педагогическом поприще и в Пузевской школе, и в Павловской школе-интернате, и в Павловском лицее... Но я всегда стремился разглядеть в каждом из этих ребят прежде всего

человека — как со своими слабостями, так и со своими талантами. В связи с последним вспоминается забавный случай, разбираемый нами на комиссии, когда я работал заведующим роно. Два ученика Павловского лицея, живущие в Петровке, собрались на дискотеку в соседнее село Михайловку. Решили это сделать с шиком, на тракторе. Подошли к стоящему в Петровке трактору К-700 и, немного с ним повозившись, завели машину, съездили на дискотеку и поставили на место. Все бы прошло незамеченным, но одна беда: немного не рассчитав в темноте, они плугом трактора зацепили забор. Когда на комиссии по делам несовершеннолетних стали разбирать данный эпизод, то неожиданно выяснялось следующее. Два дня тракторист и механик не могли завести этот трактор, искали поломку, а наши вундеркинды умудрились это сделать очень быстро, да к тому же ночью...

Во взрослой жизни было много всего. Как у орла в Шиповом лесу, были взлеты, и были падения. Но мое жизненное кредо всегда оставалось неизменным: приносить пользу людям, особенно детям.

В.Е. СТЕПКИН — отличник народного просвещения, заслуженный учитель РФ. Учился в Луганском и Воронежском педагогическом институтах. С 1968 г. начал педагогическую деятельность учителем математики. Работал завучем, затем директором Пузевской средней школы Бутурлиновского района. В 1984 г. переехал с семьей в г. Павловск. Работал завучем в Павловском интернате. В течение 13 лет был заведующим Павловского РОНО, завучем в СШ № 2, 10 лет был директором Павловского профессионального лицея № 52.

Публикация Виталия СТЕПКИНА

Виталий Степкин

В ПЕЩЕРАХ ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ

(Воронежские подземные лабиринты
открывают архивные тайны)

Земля Воронежская — край Черноземный. Такая ассоциация наиболее часто встречается, когда мы слышим имя родной земли. Черный цвет — цвет плодородной почвы, дающей ростки хлеба насущного. Но есть у нашего края еще одно богатство, открывающее нам выси Царства Небесного, — Донское Белогорье! Здесь колышется ветром ковыль, цветет ароматный чабрец, блестит, отражая солнце, меловая порода. Белый цвет — вольный цвет, белый цвет — богатый цвет, белый цвет — цвет святости и чистоты.

Идущий по донским просторам пилигрим внезапно открывает для себя в запощенных мелом балках темнеющие порталы в иной мир, мир иноческий, мир инобытия. Вход в заброшенную пещеру после жаркого летнего зноя несет прохладу и тайну, звучащую эхом ударов тесла, благоухающую ароматом ладана и освещенную блеском горячей лучины. С каких времен доносится эхо? Луч фонаря выхватывает у сумрака заброшенные киоты и алтари, где стояли иконы и чащи, освещает кельи, в которых жили отшельники... Путешественнику, знакомому с церковной историей, может показаться, что он попал не просто в иной мир, а в далекое византийское прошлое, в пещерные монастыри Египта или Малой Азии. Слишком уж все непривычно для нашей местности. Не мог же простой русский крестьянин построить столь искусную сеть лабиринтов? Рождается легенда о временах иконоборческих, о гонимых греках-иноках восточных монастырей, ищущих пристанища в срединных землях далекого Танаиса.

Но дивногорские струны Тихой Сосны доносят иное: обитель здесь начали устраивать в XVII веке монахи, гонимые на западных окраинах некогда единой Руси и ищущие пристанища под кровом Московского царства. А что же десятки других подземелий? Белогорская пещера, протяженностью 985 м, Калачеевская — 892 м, Семейская — 580 м, Гороховская — 290 м, Шатрищегорская — 280 м, Костомаровская 3 — 278 м, Колыбелкинская 2 — 264 м, Песковская — 238 м, Селявнинская — 202 м, Галиевская — 198 м, Старокриушанская 2 — 184 м, Мечеткинская 1 — 93 м... Около полусотни уникальных объектов истории, культуры и духовного подвига.

Пещеры Белогорского Воскресенского монастыря в Подгоренском районе — самые протяженные культовые подземелья не только в Воронежской области, но и на

Вид из Новой Костомаровской пещеры,
2011 г.

всей бескрайней Русской равнине! Поднимаясь по многочисленным меловым ступеням белогорского лабиринта к наземному храму Воскресения Христа, словно преодолеваешь тяготение нашей земли, охватывающей тебя темнотой на 360 градусов, и устремляешься вместе с Воскресшим Христом к Небесному Свету! Сколько не повествуей современным паломникам о Марии Щерстюковой, которая начала их вырубать в меловой толще в 1796 году при помощи окрестного населения, они не могут в это поверить. Дескать, не могли простые крестьяне в не таких уж далеких от нас XVIII–XIX веках создать все это — слышится вновь и вновь!

Но, страшивая пыль с архивных страниц, читаем иное. Не только могли, но и построили! Создали шедевр вопреки всему. Вопреки нехватке свободного времени, вопреки отсутствию сил после долгого рабочего дня. Исследователь Белогорской пещеры Н. Креховецкий так писал об этом в 1878 году: «И думать нельзя, чтобы такой громадный труд был произведен одними

пещерными отшельниками. Им помогало все окрестное население. Кончились для селянина-труженика дневные заботы, настает ночь, он берет лопату и спешит часть ночи провести в подвигах для своего спасения». Построили труженики Белогорскую пещеру вопреки давлению огромного бюрократического аппарата Российской империи, дойдя в своих ходатайствах от уровня благочинного до Обер-Прокурора Синода, от уездного предводителя дворянства до Его Императорского Величества. И, что удивительно, император Александр I не только одобрил их начинания, но и распорядился в 1818 году оказывать Марии Щерстюковой и ее последователям всяческое содействие. Один из последних дореволюционных игуменов Белогорского Воскресенского монастыря, созданного на месте Белогорских пещер в 1882 году, Петр (Васильев) сравнивал подвиг Марии Щерстюковой с деяниями Марии Египетской. Подобно ей, она решительно изменила свой прежний разгульный образ жизни на образ деятельного покаяния. После паломничества в Киево-Печерскую Лавру Мария, преодолевая твердость скальной породы, вступила на путь внутреннего преображения. Днепровские воды превращались в донские, киевские пещеры — в белогорские, Мария — в Марию-пещерницу.

Создавали свой подземный сакральный Киев в нашей губернии крестьяне слободы Красной в Новохоперском уезде Воронежской губернии. В течение 1830–1831 годов Авраамом Ковалевым, Максимом Лутовековым, Василием Семеновым и Давидом Сомовым создаются пещеры. На вопрос об их мотивации отвечали: «Для одного богомолья, посвящая жизнь на уединение, избегая мирских сует, обратясь мыслию и желанием служить единому Богу по примеру Киевских угодников Божиих, где они, быв в пещерах, душевно пожелали употребить себя на сей подвиг для спасения души, а не для других каких причин».

Словно из глубин озера Светлояр, с колоколен далекого Китежа услышали в

XIX веке донские подвижники благочестия колокольный звон Святой Руси. Услышали и начали строить свои подземные кельи и храмы. Г.А. Ракитянским было зафиксировано предание о пещере у села Русская Журавка Воронежской губернии: «На раздоре, в семи верстах от нас появился сильный родник. Вода с шумом полилась из гирла и стала заливать луг. А тот луг купил купец Логвинов. Видит купец, пропадает трава, беда грозит овцам, которых он выпасал, приказал забить родник камнями <...>. Ту же ночь купцу явился ангел и сказал, что ему грозит беда, если он не очистит родник. Испугался купец и приказал очистить источник. Тотчас из него хлынула вода и послышался звон колокола, а в кринице оказалась икона Божьей Матери. Пришли святые люди и стали в меловой горе, что рядом с родником, рыть пещеры. К источнику приходили люди молиться и просить избавления от хвороб».

Встреча с сакральным являлась одним из толчков мотивации создания и функционирования культовых пещер. Пещерокопатель Галиевской пещеры в Богучарском уезде Воронежской губернии Мирон Гноевой говорил, что «начал копать вследствие троекратного появления Матери Божией и архидиакона Стефана, явившегося мне во сне в июне месяце 1864 года на 33-м году после совершенной потери мною зрения». При этом начинал обустройство Галиевской пещеры Мирон не на пустом месте, а продолжал дело основателя культового подземелья Алексея Дубовского, начатое в 1817 году.

Если самая протяженная пещера — Белогорская, то самый большой пещерный храм на Дону мы видим в Гороховской пещере Верхнемамонского района. Пять нефов на четырнадцать колоннах! Высота в алтаре — более 5 метров. Известно, что к обустройству этих пещер приступил Максим Курасов в 1859 году. Благочинный Ириной Миропольский в донесении правящему архиерею отмечал, что пещерокопатель Максим Курасов «объяснил ему, что он, посетивши святые места Киевские, Святогорские, Дивногорские и пещеры Белогорские, возымел твердое намерение устроить для спасения души на своей родине в трех верстах от своего жительства подобные пещеры». Фактически в это же время у слободы Селявной Острогожского уезда, рядом с Дивногорским монастырем, с 1851 года Петр Курбатов начинает вырубать в мелу пещеру, с 1853 года ему помогает Никифор Шатов. При этом они были не первыми народными пещерокопателями на территории дивногорской группы пещер. Так, в XIX веке крестьяне продолжают углублять пещеры уже прекратившего свое существование Шатрищегорского монастыря: с 1832 года — Григорий Приходько, с 1840 года — Михаил Полиев.

Отметим, что среди многочисленных культовых пещер Воронежского края, созданных в рамках народного пещерокопания, только Белогорские пещеры смогли трансформироваться к

Крестный ход у входа в пещерный храм Александра Невского, 2006 г.

Храм в пещере у с. Гороховка. Фото М. Леонтьева, 2010 г.

концу XIX — началу XX столетия в официально действующий монастырь, хотя подобные попытки принимались, конечно же, и в других местах. Так, известно, что 11 августа 1885 года жители Калача на сходе сельского общества уполномочили крестьян Ивана Серякова, Матвея Безуглого и Гавриила Лебединского ходатайствовать в различные инстанции об открытии на месте пещер в Пеньковой горе православного женского монастыря. При этом обществом выделялось 1300 рублей денег и отводилось 36 десятин земли на обустройство обители.

15 июня 1908 года Костомаровское сельское общество на сходе приняло решение уполномочить своих представителей ходатайствовать перед органами власти об освящении вырубленной в меловом склоне церкви и причислении ее к Белогорскому Воскресенского пещерному монастырю. При этом для достижения своей цели костомаровские крестьяне готовы были нести и материальные издержки, решив на сходе «отмерить вокруг находящихся пещер пять десятин земли для постройки, какую разрешит начальство». Надо заметить, что костомаровские ходатаи так же, как и калачеевские, не нашли поддержки ни на епархиальном, ни на синодальном уровнях.

Но почему для крестьян были так важны созданные ими пещеры? Что значили для донских обывателей подземные кельи и храмы, протяженные лабиринты, вырубленные в меловой породе неподалеку от сельских изб и наземных церквей? Не просто перенесенное сквозь пространство и время сакральное пространство значимых паломнических центров, но и утопическую мечту об идеальном локусе священной земли. Пещероустроители при поддержке окрестного населения не искали далекого Беловодья на восточных границах империи, а деятельно воплощали мечту на меловых склонах речных долин. Иноческая аскетическая традиция подземножительства, уходящая корнями в Древнюю Русь, в Киево-Печерскую Лавру, произрастала народным пещерокопанием на меловых склонах донской долины, меж останцов-див и холмов-шатрищ. Здесь было все: податливая для вооруженной теслом крестьянской руки порода; сохраняющая традиционный православный уклад крестьянская община; этнический компонент переселившихся-

ся с Поднепровья малороссов, хорошо знакомых с практикой почитания и обустройства подземных святынь. Здесь был фронт, где слобожанам даже дышалось легче в среде столь значимого белого цвета в народной культуре. Белый свет — это Божий свет, вольный свет. Л.А. Тульцева в статье, посвященной менталитету православного крестьянина, отмечала: «Вольный Белый царь “над царями царь” и вольные белосошные крестьяне — эти две социальные категории, хотя и разные по происхождению, были благодатным материалом для рождения крестьянских утопий. Если, например, постараться выстроить цепочку: Белый свет — Белый царь, то логическим к ней дополнением будут некоторые понятия из народной (старообрядческого происхождения) утопии и прежде всего о стране Беловодье и стране Белогорье».

Страна Белогорье — далекая в легендах о сказочных землях Алтая и близкая нам в реальной донской истории и ландшафте. Заглянув с читателем в ее историю, мы приоткрыли страницы жизни донских подвижников благочестия. О многих из них в людской молве память давно исчезла, о ком-то еще жива. Помнят об односельчанине Марии Шерстюковой блаженном Петре Еременко, который подвизался в Белогорских и Костомаровских пещерах в первой половине XX века. По причине юродствования односельчане называли его блаженным Петрушкой. Ходил блаженный фактически круглый год в одной и той же длинной домотканой шерстяной одежде, подобной пальто, говорил притчами, часто используя присказку «А подай тиби...» Люди обращались к нему за помощью в кризисных ситуациях. Он давал иносказательные советы, иллюстрирующие, как поступить в тех или иных стесненных жизненных обстоятельствах. Часто просили его молить при болезнях, после чего, как рассказывали белогорцы, наступало выздоровление. Время от времени он приходил из Белогорья в Костомаровские пещеры, где, вырубив в мелу себе келью неподалеку от входа в Спасский храм, проживал, принимая приходящих за помощью. Активное участие принимал Петр и в формировании подземного пространства Спасского пещерного храма. О его продолжателе в устройстве Костомаровских пещер (в частности, подземного храма Веры, Надежды, Любви и матери их Софии) Андрее Васильевиче Попове автору также довелось узнать от местного населения. Он дал обет служения Богу в одном из боев Великой Отечественной войны, когда вокруг горела земля и плавился металл. В период послевоенной оттепели между государством и церковью в 1946 году официально открываются костомаровские пещерные храмы, и Андрей Попов приходит сюда. Когда в 1959 году храмы по распоряжению советских властей вновь закрывают, принявший монашество Андрей Попов продолжит тайный многолетний затвор в одной из скрытых меловой плитой келий пещерного лабиринта...

А о скольких подвижниках благочестия до нас не доходят рассказы старожилов и архивные повествования? О подвижниках, старающихся подражать мужам древним, о которых апостол Павел писал, что «те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (к Евр. 11/38–39). А пещеры, созданные натруженными руками и крепостью духа, живут, привлекая паломников за многие версты. Дивногорье, Костомарово, Белогорье, Калач — готовы к их встрече! Хочется верить, что и в другие пещеры вернется духовная жизнь, ведь край Воронежский — часть Среднерусского Белогорья, самого богатого на культовые пещеры уголка нашей огромной страны.

В.В. СТЕПКИН,

*учитель истории и обществознания МБОУ Павловская СОШ с УИОП,
доктор исторических наук, победитель конкурса лучших учителей
Воронежской области — 2011*

НЕ ИСЧЕЗАЮТ СУДЬБЫ БЕЗ СЛЕДА

(Высокая нравственная миссия поисковой работы)

Однажды, путешествуя по необъятным просторам интернета, через запрос слова «Репьевка» в Яндексе я наткнулся на воспоминания Героя Советского Союза, летчика-штурмовика Николая Ивановича Пургина, которому довелось базироваться на аэродроме близ нашего села летом 1943 года. Вот фрагмент этого текста:

«В мае месяце 1943 года я привел восьмерку одноместных Ил-2 на аэродром Репьевка, на котором базировался 141-й полк. Ему было поручено перучиться на ночные полеты на Ил-2.

Однажды ночью на аэродром пришел Ме-110. В это время в воздухе находилась парка с летчиком и командиром эскадрильи в качестве инструктора. Мессер зашел на аэродром, сбросил бомбы, на аэродроме погасили посадочные огни. Летчикам передали, что пришел истребитель, но сделать они ничего не успели. Ориентируясь, видимо, по выхлопам двигателя, он их нагнал и сбил. Утром пошли искать. Летчик был убит сразу, а комэск, будучи раненым, сумел посадить самолет и выбраться из кабины. Он полз в сторону аэродрома, но умер от потери крови. Жил он вместе с писарем полка, интересной блондинкой. Она потом пошла на реку и застрелилась: оставила записку, что все потеряла и просила похоронить ее вместе с Борисом...»

Меня эта история очень заинтересовала. В разное время по роду своей профессии мне приходилось добавлять на мемориальных плитах несколько фамилий в скорбный список похороненных в братской могиле, в том числе и М.А. Рохблат. Владимир Васильевич Константинов, работавший в то время в военкомате, сообщил, что она застрелилась. Но, просматривая фамилии, инициалы и год гибели на надгробных плитах этой могилы, я не обнаружил воина с именем Борис. Неужели во всю эту историю закралась ошибка? Однажды находившийся у меня в гостях известный краевед из Москвы П.М. Золотарев сообщил, что в интернете появился сайт Министерства обороны ОБД «Мемориал», на котором отражены безвозвратные потери личного состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны. На этом сайте я нашел документ «Именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 292 штурмовой авиационной дивизии с 1 по 15 июня 1943 года».

Под восьмым номером в этом списке значился Ляхов Герман Михайлович, старший лейтенант, командир эскадрильи 667 ШАП. В графе «Когда и по какой причине выбыл» было указано: «10.6.43 г. Погиб при нападении самолета противника». В графе «Где похоронен» написано: «Кладбище села Репьевка Воронежской области».

По всем признакам это был тот самый летчик. Но чтобы развеять все сомнения, я решил найти и его напарника, находившегося с ним в одном самолете во время того трагического ночного полета. На следующей странице этого же документа я обнаружил фамилию: «Прядильщиков Владимир Михайлович — мл. лейтенант, командир звена 667 ШАД». Погиб в один день с Ляховым и также «при падении самолета противника», похоронен на кладбище с. Репьевка. Его фамилия также выбита на мемориальной плите братской могилы. Сомнения вроде бы развеялись, но почему же сослуживец в своих воспоминаниях назвал Ляхова Германа «Борисом»?

И вдруг меня осенило! Имя Герман перекликалось с Германией — страной, с которой мы в то время вели смертельную кровопролитную войну. И, видимо, руководствуясь патриотическими чувствами, на бытовом уровне он решил носить «более русское» имя Борис. О втором персонаже этой трагической любовной истории — М.А. Рохблат — мне, увы, ничего более не удалось разузнать. Знаю, что похоронены они, как она просила в предсмертной записке, вместе, в одной братской могиле.

Казалось бы, можно ставить на этом точку. Но...

За коллективом Дома школьников, в котором я работаю, закреплена территория, где находится эта братская могила, и мы с коллегами несколько раз в году косим траву, метем и гребем старые листья, и я часто в перерывах между этим занятиями перечитывал скорбные строки, выбитые на гранитных и цементной плитах. Обратил внимание на то, что данные о рождении и смерти во многих строках неполные или вообще отсутствуют. И понял, что, имея такую возможность, как работа на сайте с фотокопиями оригинальных документов, я просто обязан попробовать уточнить информацию по всем, кто покоится в этом братском захоронении.

Декабрь 1941 года. Немецко-фашистские войска совсем рядом. Юго-Восточный фронт в 150 километрах от Репьевки. Часто в небе над селом происходят воздушные бои. Хоть и война, но в Доме культуры (возле сегодняшнего полуразрушенного инфекционного отделения, что между улицами Воронежская и Ушанева) праздновали ночью приход нового, 1942 года. Вдруг раздался свистящий звук, удар и взрыв. На улице Ушанева, между улицами Октябрьская и Пролетарская, рухнул советский штурмовик Ил-2. Он падал с восточной стороны. Удар был такой силы, что бронированная часть кабины оторвалась от фюзеляжа самолета, по инерции улетила и как таран снесла крышу у дома Писаревских, упав далеко в огороде за домом. Самолет загорелся, огонь перекинулся и на строение. Начал взрываться боекомплект, который был в самолете. В это время в доме находилась Мария Павловна Писаревская с тремя малолетними детьми. Преодолевая страх и смертельную опасность, она сумела вынести детишек, Колю, Катю и Ваню, в безопасное место. (Тогдашний мальчик Ваня — ныне здравствующий Иван Федорович Писаревский, он и сейчас проживает в Репьевке.)

Жители говорили, что если бы не промерзшая земля, то самолет ушел бы глубоко в грунт. В небожках штурмовика и поодаль от него было обнаружено 3 тела членов экипажа. Местные власти сообщили военным, и через несколько дней приехали представители 289-го ближнебомбардировочного авиаполка 63-й авиационной дивизии. Они опознали тела летчиков: младшего лейтенанта Мокроусова Александра Николаевича, 1918 года рождения, уроженца г. Бийска Алтайского края, старшину Овсянникова Георгия Яковлевича, родившегося в 1917 году в г. Харькове, и старшего сержанта Набокова Петра Михайловича из Астраханской области, родившегося в 1922 году. 6 января их тела предали земле со всеми воинскими почестями — похоронили в одной яме, в том месте, где сейчас находится братс-

кая могила. В центре положили Мокророва, слева от него Овсянникова, а справа — Набокова. Все данные о личностях погибших летчиков и деталях погребения удалось найти в документе «Приложение к №1705с», подписанном командиром 63-й авиационной дивизии подполковником Степичем. Та педантичность, с которой составлен этот документ, наводит на мысль, что командиры-однополчане очень надеялись, что эти данные нужны не только родственникам погибших, но и нам, их потомкам. Конечно, кажется странным, как в двухместной машине Ил-2 оказалось трое солдат, но зачастую при перелете с одного аэродрома на другой в кабину стрелка-радиста садились два человека.

Если вы когда-либо проезжали по шоссе с. Круглое, что в соседнем Красненском районе Белгородской области, то не смогли не заметить по обеим сторонам от дороги бетонные ДОТы, на некоторые из них после войны как на постамент воздвигли сельскохозяйственные тракторы. Такой же ДОТ находился и в Репьевке на пересечении сегодняшних улиц Ушанева и Школьная, возле дома Власенко. Эти сооружения составляли часть 117 Укрепрайона, который тянулся от села Россось по правому берегу реки Потудани, потом Верхнянка, Дракино. В Репьевке оборонительные позиции были на правом и левом берегу реки, т.е. и в Бутырках. Далее проходили через Сердюки, хутор Ключи, продолжались в вышеупомянутое Круглое и тянулось на юг Белгородщины еще километров на пятьдесят. Укрепрайон строился спешно, когда стало ясно, что неудачи в конце весны и в начале лета 1942 года на Юго-Западном фронте могли перерасти в катастрофу для Красной армии. В короткие сроки из восточных районов страны были переброшены войсковые людские ресурсы. Серьезность момента подтверждается тем, что на защиту оборонительных позиций 117 Укрепрайона были отправлены курсанты Чкаловской военно-авиационной школы, и большинство

из них составляло 232-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. На мемориальной доске братской могилы выбито несколько фамилий, на которых указан месяц смерти — июль 1942 г.: время, когда шли тяжелые бои в Репьевке и ее окрестностях.

Несколько лет тому назад, оформляя экспозицию Красненского районного краеведческого музея и желая заполнить информационный пробел о 117 Укрепрайоне, я обратился к Владимиру Васильевичу Константинову, который представил мне обширный документальный материал о событиях, связанных с этим оборонительным рубежом. В моем распоряжении оказались в том числе и эксклюзивные воспоминания участников тех боев. Но одно письмо-воспоминание на то время капитана запаса Сергея Александровича Рябкова, датированное 27 декабря 1979 года, особенно поразило меня искренностью и простотой изложения. Через 3 года я опять обратился к Константинову, чтобы изложить фрагмент этого письма в этой статье. Фрагмент воспоминаний излагаю без редактирования и купирования:

«4.07.1942 г. около 5–6 часов появились фашистские танки, поддерживаемые пехотой и авиацией. Причем зашли они с горы и ударили по нашему тылу, т.е. их главный удар был не к Репьевке (точнее не к мосту, который соединял Репьевку с Сердюками), а к Сердюкам.

Как только мы их заметили, то нам пришлось спешно на ходу выбирать позиции (дзоты пришлось оставить). С воздуха бомбила вражеская авиация, а отдельные самолеты на бреющем полете поливали нас пулеметным огнем. Таким образом, для ясности: наш пулеметный расчет — станковый пулемет “Максим” — оказался на самом правом фланге, т.е. на выезде из д. Сердюки. Артиллерии у нас не было, правда, в Репьевке был вкопан неисправный танк КВ. Из него, как просто из орудия, открыл стрельбу

курсант Люханов, тоже из “тагильских”, упомянуть забыл в начале письма, а вот как его звать — не помню.

Мы, пулеметчики, вели огонь по пехоте и смотровым щелям. Между танками шли цепи фашистов с закатанными по локоть рукавами, ведь тогда стояла невыносимая жара. И, несмотря на яростный огонь противника, атака противника была отбита. Танки с пехотой откатились, самолеты улетели. Наступило затишье. Здесь я услышал, не помню от кого, что был убит курсант Плотников. Сам я его убитого не видел... Что интересно, Плотников каким-то образом оказался еще правее и впереди нас.

Мы ясно себе представляли, что это была разведка боем, что все еще впереди.

И действительно, скоро атака повторилась с новой силой. На нас обрушилась танковая лавина, вновь между танками — цепи немцев, самолеты. Разгорался далеко кровавый бой.

Теперь немцы уже стали наступать на 2-м направлении: на дер. Сердюки и Репьевку (т.е. к мосту). Сейчас припоминаю, что наши мост подожгли, и первый же немецкий танк провалился и упал в реку (об этом мне говорили ребята, когда после ранения перебрался в Репьевку).

Несмотря на упорное сопротивление, немецкие танки стали теснить нас к речушке, подступы к которой были заболочены. На другой стороне были посевы пшеницы (урожай в тот год был отменный, высота пшеницы достигала человеческого роста).

Мы отходили во весь рост, немцы от нас были 20–30 метров, и они вели огонь из автоматов не по нам (надеялись взять нас в плен), а создали вроде огненного коридора, чтобы мы не смогли разбежаться по сторонам. И вот так, буквально у них на глазах стали переходить речушку. Видя, что мы уходим, тогда они открыли огонь по нам, некоторые были убиты, погибли в болоте, а горстке солдат удалось скрыться в посевах. Мы держали путь

к берегу реки Репьевки, чтобы добраться до своих. Вышли на дорогу, которая проходила вдоль берега, и нам навстречу двигалась танкетка с немцами. Мы открыли огонь, немцы залегли, завязалась перестрелка, нас поддержали ребята из Репьевки (у них ДЗОТы были расположены вдоль реки). В этот момент кто-то сказал, что убит мл. лейтенант Молодцов, а вскоре здесь был ранен я. Немцы повернули обратно, атака (если ее можно так назвать) была отбита. Оставшаяся в живых горстка ребят, помогла мне, спустилась к берегу реки. И тут, на наше счастье, недалеко от нас над водой тянулся какой-то провод (очевидно, полевая связь), и у берега находились люди.

Так мы переправились на другой берег к своим. Здесь нас встретили ребята, среди которых был и Александр Ласков. Он меня сопровождал к тому месту, где должны быть повозки для раненых, но, не найдя их, зашли в один из домов, где Ласков какой-то тряпкой перевязал бедро левой ноги, взял 2 ухвата, намотал на них тряпки и повел меня к выезду из Репьевки. С ним я дошел до яра, и тут мы простились. Больше Александра я не видел. Ласков пошел к своим ребятам. В то время отдельные дома и, кажется, маслозавод уже горели. Вот после того, как я остался один, мне пришлось многое пережить. Ох, каким длинным показался мне этот яр (длинным, потому что было трудно передвигаться, но желание выжить было сильнее всякой боли)...»

К написанному требуется пояснение: видимо, описывается событие не 4-го, а 5 июля, и «заболоченная речушка» — это сегодняшний ручей Рудка.

В письме упоминается о гибели младшего лейтенанта Алексея Ивановича Молодцова, 1922 года рождения — командира минометного взвода 232-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона. Нашел страницу документа,

на которой были отражены потери среднего командного состава, где под 157 номером значился А. Молодцов. Просмотрев этот документ, я понял тот масштаб трагедии, которая произошла 5 июля 1942 года. Страница была под номером 12, а напротив фамилий, пронумерованных в строчках с 145 по 158, стояла одна и та же надпись: «5.07.42. Пропал без вести...» И страница была явно не последней.

А вот фрагмент воспоминания Александры Михайловны Титаренко, 1925 года рождения, записанного с ее слов 29 июня 1997 года В.В. Константиновым: «6 июля 1942 года, возвращаясь из Лихобабина яра, где они скрывались от бомбежки, обнаружили в зарослях лозы в районе старой больницы тяжело раненого связиста 1-й пулеметной роты 232-го Отдельного пулеметно-артиллерийского батальона рядового Тюменцева Дмитрия Георгиевича, 1923 года рождения, уроженца д. Смирновки Ишимского района Тюменской области. Опасаясь немцев, они замаскировали раненого в зарослях лозы, а вечером забрали к себе домой, где оказали медицинскую помощь. В течение 3 суток, используя все доступные средства, они боролись за жизнь солдата. Но у него началось заражение крови, 9 июля он умер. Похоронили рядового Тюменцева на краю кладбища с. Репьевка».

Номер минометного расчета — красноармеец Михаил Степанович Таранцев, 1923 года рождения, также был убит в этом бою.

На левом берегу реки Потудани сложили голову и минометчики: Михаил Иванович Торопцев, 1923 года рождения, уроженец Тамбовской области, и Иван Васильевич Глубокий, родившийся в Сталинградской области в 1909 году. Просматривая документ «Именной список на убитые младшего и рядового состава минометного батальона 20 МСБр с 30.6.42 г. по 1.10.42 г.», в котором отражен факт смерти красноармейца Торопцева М.И. и Глубокого И.В., павших 5.7.42 г. (их имена тоже занесены в список погибших на плитах нашей братской

могилы), я натолкнулся на записи в этом же документе, которые указывали еще на двоих воинов, которые также погибли 5.7.42 г. и были похоронены в Репьевке. Это красноармейцы Анисим Тимофеевич Барака, уроженец Ворошиловградской области, 1914 года рождения, и командир отделения, младший сержант Владимир Иванович Иньков из Орджоникидзовского края, г. Ворошиловска, родившийся в 1914 году.

Павших защитников 117 Укрепрайона в условиях оккупации хоронили на месте их гибели местные жители. Порой их зарывали в артиллерийские воронки, окопы и разрушенные блиндажи. Эксгумировали для перезахоронения только начиная с 1946 года, и то, как вы понимаете, далеко не всех. Фашисты пленных наших солдат содержали в церкви. Попытавшихся бежать или не подчинившихся тут же, возле храма, расстреливали и вывозили на телегах на «глинище» — место, где сейчас находится спортивная площадка Репьевской общеобразовательной школы.

Еще будучи школьником, я случайно наткнулся на одно из таких захоронений, которое вымыло дождевым потоком на склоне оврага. Были найдены останки человеческого скелета, кости рук были связаны брючным ремнем, череп прострелен. Тут же находился полуистлевший ботинок, под стелькой которого обнаружил «Книжку железнодорожника», по-моему, она так называлась. С трудом просматривалась какая-то запись. Эту находку, т.е. книжку, я отдал учительнице Лидии Николаевне Казбановой.

Остается добавить, что период оккупации — наиболее неизученный и сложный период в установлении имен погибших и пропавших без вести. По этой причине встречается в документах такое количество ошибок и нестыковок.

Крупных боев при освобождении Репьевки в январе 1943 года не было, но не обошлось без жертв. Основная часть немецких и венгерских войск покинула наше село и ушла в сторону с. Крас-

ное еще до прихода разведчиков нашей 25-й стрелковой дивизии. Очевидцы рассказывают, что сначала к селу подошли лыжники и кавалеристы, за ними — батарея «Катюш», но открывать огонь не пришлось. Часть венгерских солдат и венгерских евреев, которые использовались как рабы у войск оккупантов, стали выбираться из своих укрытий, сдаваться нашим солдатам. Из них формировались группы, назначались старшие, и они двигались своим ходом на станцию Давыдовка, на пункт сбора военнопленных.

А наши воины, что погибли в стычках с неприятелем 13–16 января по пути следования войск, были преданы земле в уже существующей братской могиле. Просматривая фамилии погибших и сверяя с теми документами, что обнародованы на сайте ОБД «Мемориал», я постарался внести добавления и устранить неточности в этих записях.

Елисеев Степан Иванович, гв. красноармеец-стрелок, родился в г. Владимире 1910 г., убит в бою 16.1.43 г.

Шуригин Михаил Захарович, гв. красноармеец-снайпер, родился в Киевской области, п. Смола, убит в бою 13.1.43 г.

Акуленко Алексей Александрович, гв. красноармеец-стрелок, родился в Орловской области, в д. Чоховад, убит в бою 13.1.43 г.

Туяков Сагир, гв. красноармеец-стрелок из Казахской ССР, Декомбитынского района, убит в бою 12.1.43 г.

Бакиров Ситуин Бакирович, гв. красноармеец-стрелок, родился в Татарии, Калининском районе, убит в бою 13.1.43 г.

Все они похоронены, согласно документу, на восточной окраине с. Репьевка. А вот документа, кроме записи в паспорте братской могилы, на лейтенанта Лаврова Николая Даниловича и сержанта Сидорова Валентина Семеновича, погибших через три дня, после освобождения нашего села, т.е. 16.1.43 г., я не нашел. Видимо, они умерли в Репьевке от ранений, полученных прежде.

На сайте ОБД «Мемориал» присутствует фотокопия паспорта 1990 года, на который я несколько раз ссылался, на нашу братскую могилу № 263 с печатью и подписью Репьевского военкома. В этом документе обнаружены несоответствия надписям на плитах на братской могиле и даже досадные ошибки. В паспорте присутствует информация о Леденеве Михаиле Павловиче, 1915 года рождения, который погиб 1 ноября 1943 года. Найдя фотокопию первоисточника, я понял, что произошла ошибка. В документе о безвозвратных потерях 191-го гв. полка 86-й гв. дивизии с 1 по 29 ноября 1943 года указано, что Леденев погиб в Запорожской области и похоронен в Н-Репьевке той же области... Видимо, составители этого паспорта даже не подозревали, что когда-либо этот документ станет достоянием широкой гласности. Также на плите есть надпись о захоронении Никитина В.В., родившегося в 1920 г. и погибшего в 1942 году. В паспорте братской могилы информация о Никитине отсутствует, как и на сайте «Мемориал».

Все это говорит о том, что братские могилы, воинские захоронения минувших сражений нуждаются в постоянном внимании и обновлении. Важно понимать, что следы затерявшихся было воинских и просто человеческих судеб не исчезают без следа. Наш долг возвращать эти имена памяти наших дней. Хочется надеяться, что этот мой скромный труд стал «словом», за которым непременно последует «дело».

От души благодарю за познавательные беседы жителей Репьевки: К.Н. Сторчакову, Н.Д. Тесленко, И.Ф. Писаревского, Е.А. Чехлатую, Л.П. Артеменко и В.В. Константинова.

Игорь ГОРЯИНОВ,
*педагог дополнительного образования,
командир поискового отряда
«Потудань»,
с. Репьевка*

ТО, ЧТО ВЫБРАНО СЕРДЦЕМ

(Музейные раритеты рассказывают о людях)

У множества артефактов музея истории Воронежского государственного педагогического университета есть одна общая особенность — они стали музейными экспонатами благодаря Сергею Самуиловичу Беркнеру. Многие годы замечательный ученый активно занимался собиранием материалов по истории кафедры английского языка, затем факультета, а далее — и всего университета. Именно он стоял у истоков создания музея истории ВГПУ в 1987 году. Да ведь и имя С.С. Беркнера, чуть более года не дожившего до своего векового юбилея в нынешнем году, само по себе легендарно. В начале Великой Отечественной войны в Белостоке фашисты в гетто на его глазах расстреляли отца и старшего брата, потом погибла мать. И он ушел в партизаны, сражался с оккупантами вплоть до освобождения Белоруссии Красной Армией. А затем отважный партизан всю жизнь посвятил педагогическому труду. В Воронеже он появился в начале 1960-х и, немного поработав в ВГУ и ВИСИ, затем непрерывно трудился в ВГПИ-ВГПУ. Здесь С.С. Беркнер состоялся как лингвист и педагог, стал доктором филологических наук, профессором, за свой многолетний труд получил звание почетного работника высшего профессионального образова-

ния РФ, был руководителем группы «Поиск» в ВГПИ и научным куратором музея истории ВГПУ. И в нашей стране, и за рубежом его ценили как историка холокоста, стойкого антифашиста. Как участник подпольной антифашистской организации, он был награжден орденом Отечественной войны II степени, многими медалями, в том числе — «Партизану Отечественной войны», «За победу над Германией». Он сумел увлечь наукой своих студентов, и у него есть последователи в научной сфере: многие аспиранты и соискатели дополнили не только английскую кафедру ВГПУ, но и кафедры других вузов Воронежа и нашей страны. Поэтому так тепло и с волнующими воспоминаниями вузовская общественность отметила 100-летие со дня рождения ветерана.

Впрочем, в нашей музейной жизни подобные события, кстати, не такие уж редкие. Несколько лет назад мы радужно поздравили с вековым юбилеем Зою Тимофеевну Кубланову, которая проработала в пединституте более 30 лет. Ее профессиональная и человеческая история тоже уникальна. Как вспоминала Зоя Тимофеевна, диплом преподавателя физкультуры получила в ноябре 1941 года, но службу по специальности начала в июне 41-го, добровольно работая инструктором штыкового и руко-

пашного боя при Центральном пункте всеобуча г. Ленинграда. В 1943 году она одна из первых в стране получила медаль «За оборону Ленинграда», прошла блокадные испытания, до конца войны служила в действующей армии.

В июне 1941 года юная Таня Дементьева, второкурсница МГПИ имени Ленина, как староста группы обратилась в московскую поликлинику с просьбой организовать для студенток курсы медсестер. Эти четырехнедельные курсы стали первыми в Москве. Госпитали, в которых всю войну работала Татьяна медсестрой, тринадцать раз меняли дислокацию, тысячи жизней раненых бойцов были спасены ею и ее боевыми подругами. Потом Татьяна Александровна, окончив Воронежский пединститут, многие годы работала педагогом в Росоши. Ее муж, Александр Иванович Гребенников, тоже фронтовик, учился у нее в школе рабочей молодежи и по ее примеру стал учителем. Кстати, он также является выпускником ВГПИ. А берет свое начало педагогическая династия от мамы Татьяны — Марии Кондратьевны Дементьевой, которая окончила в 1918 году Воронежскую женскую гимназию Степанцовой, одновременно обучаясь на трехгодичных педагогических курсах.

Особая вековая история у Лидии Александровны Мешковой. Она окончила Воронежской пединститут в 1935 году. Общий ее трудовой стаж в воронежских школах составил 38 лет. Среди ее воспитанников — Филипп Лохматиков — Герой Советского Союза; Александр Стрельцов — доктор наук, работал в МИФИ, занимался проблемами лазерной физики; Евгений Семенов — доктор наук Воронежского госуниверситета, множество ученых-математиков, преподавателей, работающих в вузах и школах Воронежа и других городов.

Ее муж, Абрам Романович Мешков, тоже выпускник ВГПИ, только его естественно-географического факультета, был профессором и легендарным деканом ЕГФ, проректором пединститута, а зять, Валентин Иванович Логунов, — ректором ВГПИ.

На слете педагогических династий, прошедшем недавно в ВГПУ, династию своей мамы, имеющую общий педагогический стаж более века, представляла Вера Абрамовна Мешкова, выпускница ЕГФ. Сестра Лидии Александровны, дочка, внучки Татьяна и Ирина, их мужья — все преподаватели воронежских вузов. Словом, подобную династию еще поискать надо!

Когда настало время отмечать столетие, Лидия Александровна предложила своим домочадцам: «Надо написать на телевидение, в передачу “Жди меня”. Может, они найдут моих учеников».

Вначале эта идея показалась ее родным невероятной. Долго судили, рядили, обсуждали, но когда написали письмо в Москву, там идею поддержали, пригласили юбиляршу в Москву на запись программы. Однако в таком возрасте это было, к сожалению, невозможно. Решили организовать встречу с учениками в доме у Лидии Александровны.

— 7 февраля, в день рождения бабушки, мы привели ее в гостиную и усадили в кресло, — рассказывали родные. — На наш телефон позвонил один из ведущих программы «Жди меня». Мы дали бабушке трубку. Она его узнала, поздоровалась и поблагодарила за поздравление. А он говорит: «Посмотрите в окно — мы приготовили вам подарок».

В это время на улице под окнами Лидии Александровны стояла толпа людей — бывшие ее ученики. Они махали букетами цветов и кричали: «Поздравляем! Поздравляем!» И их старенькая учительница была счастливой, как человек, у которого вдруг сбывается мечта.

Конечно же, такие истории становятся нашими музейными раритетами. Так же, когда пройдет время, станут историческими свидетельствами и строки студенческих сочинений на конкурсе «Педагогическая династия», который проводился в ВГПУ несколько лет назад.

Удивительно эмоционально, в то же время обстоятельно рассказала о своих близких, посвятивших себя профессии учителя, Анастасия Лазукина, студентка гуманитарного факультета: «Мой дедушка Овчинников Виталий Васильевич и бабушка Овчинникова (Гончарова) Тамара Яковлевна работали в Таловской школе-интернате для детей-сирот... Я часто бывала в интернате, видела, как бабушка с дедушкой общаются с детьми, ведут занятия, как уважительно и с любовью они говорят с детьми, а те отвечают им взаимностью... Я очень хочу продолжить династию учителей в нашем роду. Стать достойным учителем, добиться уважения детей, их родителей, коллег, чтобы мною гордились мои близкие так же, как я горжусь ими!» — пишет Анастасия, и верится, что именно так и будет.

Не менее интересно поведала историю своей семьи, вклад своих родственников в дело просвещения страны Айша Гокбаева, студентка естественно-географического факультета: «Первым педагогом в нашей учительской династии был мой прадедушка Эсенев Юсуп. Он был директором школы — уверенный, крепкий, надежный. Учителем была моя бабушка Юсупова Амантач. С детства мечтала стать учительницей моя мама — Сапармедова Айджемал. Она получила высшее образование и 30 лет преподавала в средней школе... Я буду в семье четвертым педагогом. Я очень люблю наш университет, преподавателей, которые меня учат, помогают мне в достижении моих целей».

Студентки А. Лазукина и А. Гокбаева заняли в конкурсе сочинений 1-е место.

Настя Семилетова в своей работе рассказала о представителях трех поколений своей семьи, избравших нелегкую, но благородную профессию. Изюминкой этого сочинения стали размышления автора о личностных качествах учителя. А повествование Кати Титовой подкупает особой эмоциональностью, проникновенностью и чувством ответственности перед будущими учениками. На конкурсе были отмечены также сочинения студенток Кристины Барган, Екатерины Тереховой, Юлии Фисенко. Да и другие работы конкурсантов отличает интересное содержание, авторы показали хорошее знание истории своей семьи, зрелость в рассуждениях, готовность посвятить себя учительскому труду.

Профессия учителя особенная. Ее выбирают сердцем. Часто абитуриенты идут в педагогический вуз по примеру своих близких родственников, родителей. Они принадлежат к педагогическим династиям, по праву гордятся своими предшественниками, готовясь продолжать семейную традицию. Став студентами, ребята настойчиво осваивают программы, осознавая, что учительство — их призвание. А ведь это так важно — не ошибиться в выборе такой профессии.

*Татьяна ЧЕРНОБОВА,
заведующая музеем истории
Воронежского государственного
педагогического университета*

НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО

(Незрячий учитель был истинным профессионалом)

Передо мною фотография, которой более 70 лет. На ней мужчина средних лет, приятной внешности, с короткой стрижкой. Спокойное лицо, едва заметная улыбка. Темные очки закрывают глаза. Глаза, которых... нет. Это Евгений Алексеевич Галахов — уникальный педагог, который с 1947-го по 1964 год работал учителем истории Павловской школы для слепых детей имени Кирова. Мы никогда не видели этого человека, но мы о нем знаем от его дочерей и бывших учеников. Из этой информации получился портрет настоящего человека, учителя, которым по праву может гордиться наша школа...

Трагический, нелепый случай разделил его жизнь надвое: *до* и *после*.

До — это полноценная жизнь восемнадцатилетнего парня, насыщенная яркими красками, полная цвета и света, планов и надежд.

И жизнь *после* — в полной темноте, лишенная видения мира, основанная только на осязании, ощущении и слухе... Отсидевший в тюрьме сосед «положил глаз» на девушку, с которой дружил Евгений, и бандит решил избавиться от соперника. Предательский выстрел из дробовика из-за угла лишил парня зрения. Множественные дробины

испещрили его лицо и выбили глаза. Из-за отсутствия свидетелей доказать вину злодея не удалось, хотя никто не сомневался в его причастности к преступлению. Но судьба наказала обидчика: он вернулся с войны... без обеих рук.

Ослепший Евгений не сломался, не сник, не впал в депрессию. Он понимал, что надо жить, *несмотря ни на что* (в прямом смысле этих слов). И не просто жить, влача жалкое существование инвалида. А жить полноценно и счастливо.

Рядом с ним оказалась та единственная и верная его жена, которая стала опорой и надеждой на всю жизнь. Две их дочери росли в атмосфере трогательных и добрых семейных отношений. Он обожал свою семью — понимал ее важность для себя, — без нее его жизнь была бы лишена всякого смысла...

С детства Женя мечтал быть учителем истории. И ведь добился своего! Будучи совершенно слепым, он окончил Воронежский государственный университет с красным дипломом. Не совсем обычный студент вызывал восхищение своих преподавателей и сокурсников.

Евгений интуитивно чувствовал свое призвание — учить детей. Он любил свою профессию, свою работу, свое дело, свое главное предназначение в

Евгений Алексеевич Галахов

этой жизни. Благодаря ей, он ощущал свою значимость и нужность обществу, она придавала ему силы жить и не чувствовать свою ущербность, быть как все. Это был педагог от бога, как тогда говорили.

Жена первое время не работала, все хозяйство оказалось на ее плечах. Она каждый день отводила своего супруга на работу. Затем уже дочери-школьницы сопровождали отца, а сами отправлялись в свою школу. После занятий они заходили за папой и проделывали обратный путь к дому.

По дороге обменивались новостями, дочки радовали своими успехами в учебе. Евгений Алексеевич внимательно их слушал и с одобрением кивал головой.

«Я помню, когда первый раз пришла с отцом в его школу, школу для слепых детей, — рассказывала дочь Тамара. — Это было послевоенное время. Я впервые увидела его учеников. На меня это произвело тяжелое впечатление. Невомверно горько было смотреть на слепых подростков со следами страшных ранений: глубокие шрамы на лицах и головах от огнестрельного оружия, жуткие следы ожогов, у некоторых не было

ушей, носа, не было рук, болтающиеся рукава одежды наглядно свидетельствовали об этом.

«Это были дети войны. Отец рассказывал об их судьбах».

Многие из этих детей оказались на территории военных действий, попадали под бомбежки. Да и после отступления фронта земля оказалась опасно напшигованной неразорвавшимися снарядами. В руках мальчишек эти «смертоносные игрушки» нередко приводили к трагедии...

Все пострадавшие со временем поступали в нашу школу даже из соседних областей. Много было сирот, родители которых погибли на фронте... Сердце сжималось от увиденного.

Угрюмые сосредоточенные лица — и казалось, что они никогда не улыбались и не смеялись. Говорят, что у войны не женское лицо, но можно с уверенностью сказать, что оно и не детское.

Что пришлось пережить каждому из них — одному богу известно. Только тепло, доброта, забота педагогов могли вернуть их к нормальному мироощущению.

Дети интуитивно искали взрослого человека, который добрым словом, участием в их судьбе помог бы справиться им с терзающими душу воспоминаниями, кошмарными снами, с тяжелой болью утраты здоровья и близких. Душевные раны причиняли детям невыносимые страдания. Вы видели когда-нибудь, как плачут слепые дети, дети, у которых вместо глаз — пустые глазницы? Лучше не видеть...

Ученики очень любили своего педагога. Он их понимал, как никто другой, и казалось, что ближе и дороже никого у них не было.

Утром, перед приходом учителя, ребята уже толпились в холодном коридоре школьного здания. На одних были ватные фуфайки, на других — солдатские шинели до пят, обуты кто в ботинки мадьярские, трофейные, кто в солдатские красноармейские сапоги на несколько размеров больше, чем нужно, а кто и в валенках.

Наконец появлялся Евгений Алексеевич. Ребята дружно приветствовали его, слегка дотрагивались до его плеча или лица, как это делают слепые люди, а более старшие — искали руки, чтобы искренне, по-взрослому, поздороваться... Они тянулись к нему, к этому сильному волевому человеку, в котором чувствовался прочный внутренний стержень. Как важно было им присутствие рядом взрослых, способных поддержать их в любую минуту. Как трудно было ученикам приспособиться к новой жизни в полной темноте. Как важно педагогу внушить им надежду на будущее, когда ее почти нет, показать свой пример мужественного отношения к жизни.

Слепой учитель и слепые ученики — они никогда друг друга не видели, но слышали друг друга и понимали. Как чувствовал их Евгений Алексеевич! И он делал все, чтобы переключить детей на позитивные мысли и дела. Пионерские и комсомольские собрания, часы вопросов и ответов, беседы на нравственные темы, диспуты, вечера отдыха, на котором постоянно выступал школьный домбровский оркестр и ансамбль баянистов. Организатором всех этих мероприятий был Евгений Алексеевич. Вместе со своими коллегами он делал все, насколько это было возможно в то время, чтобы в школе детям было тепло и уютно, как в родительском доме.

Сотрудники уважали Евгения Алексеевича за неумную энергию, жизнерадостность, тактичность, настоящий профессионализм. В каждом его слове и движении чувствовалась истинная интеллигентность.

Дочь Светлана видела, как тяжело жилось школе в послевоенное время: было холодно и голодно, многие учителя подкармливали своих учеников, хотя и сами влачили полуголодное существование — всем было тогда тяжело. Дома постоянно говорилось о школе: Евгений Алексеевич рассказывал о мероприятиях, учениках, и казалось, что они были членами его семьи, только что жили не вместе.

Дочки наблюдали, как отец самым тщательным образом готовился к занятиям. Он писал план к каждому уроку шрифтом Брайля. Для письма он использовал особые принадлежности — *прибор* и *грифель*. Как быстро мелькал грифель в руках отца при письме, как в совершенстве он знал эту грамоту для слепых! Он читал специальные учебники, текст которых представлял точечный выпуклый шрифт, так как каждая буква имела свой определенный набор точек. При помощи пальцев текст считывался со страницы.

Дочери постоянно помогали отцу, читали ему газеты, историческую литературу, учебники по истории. Он с благодарностью говорил своим девочкам: «Я смотрю на мир вашими глазами». И после окончания своей школы у девочек не было раздумий по поводу выбора профессии: они с детства уже знали, что будут педагогами, как их отец, — так оно и случилось.

Светлана бывала часто на последних уроках своего отца, когда ее занятия заканчивались раньше и приходилось его поджидать. И только тут она понимала, насколько отец виртуозно владел своей профессией. Душа наполнялась гордостью и восхищением.

В классе всегда стояла идеальная тишина, и был слышен только учительский голос: то тихий, то громкий, то грозный, то гордый. Педагог так мастерски раскрывал тему урока, что ребята ощущали себя активными участниками исторических событий. С великим упорством вместе с Суворовым штурмом брали Измаил, мужественно сражались на Ледовом побоище с немецкими рыцарями, с победоносным рвением преследовали после Куликовской битвы конницу Мамай...

Затаив дыхание, боясь пошевелиться, слушали дети своего учителя.

Как важно было дать яркое описание события, опираясь на чувственное восприятие учеников: именно словесный метод был главным в обучении незрячих детей.

Евгений Алексеевич воспитывал сво-

их учеников патриотами, учил быть целеустремленными, уметь преодолевать трудности, учил доброте, справедливости, честности. Это был правильный ориентир для жизни, на него хотелось быть похожим.

Ученики и после окончания школы искали поддержки у своего педагога. Он находил время отвечать на все их письма, во множестве приходившие к нему. Учитель радовался успехам своих учеников, огорчался их неудачам. Многие выпускники нашли свое настоящее место в жизни. Некоторые ребята стали педагогами, как их любимый учитель, другие — музыкантами, но большая часть выпускников шла на предприятия ВОС (Всесоюзное общество слепых) в Воронеж и Бутурлиновку.

Евгений Алексеевич был членом ВКП(б) — так тогда называлась коммунистическая партия. Дочка часто водила отца на собрания в райком партии. У него было поручение — читать политинформации для своих коллег в школе и для горожан некоторых улиц.

Представьте себе: жители нескольких улиц собираются в одном месте под каким-нибудь деревом, садятся в круг на принесенные табуретки и слушают лекцию о событиях в мире, стране, области. Прекрасно владеющий ораторским искусством, лектор сразу завладевал вниманием слушателей. Он доходчиво анализировал новости, отвечал на вопросы, беседовал. За «круглым столом» часто лекции плавно переходили в дискуссии. Эти встречи полюбились горожанам.

Давно уже нет Евгения Алексеевича Галахова. И живут на белом свете (которого Евгений Алексеевич не видел

большую часть своей жизни) его дети, внуки, правнуки, еще живы и многие его ученики. И все они добрым словом поминают этого необыкновенного человека: прекрасного семьянина и талантливого педагога-наставника. Как многие-многие другие люди. Он оставил неизгладимый след в душе каждого, кому пришлось с ним повстречаться в жизни.

Меня до глубины души тронула необычная судьба этого человека.

Я благодарна судьбе за то, что в течение многих лет со мной рядом находятся прекрасные педагоги, мои коллеги, перенявшие от предыдущего поколения учителей эстафету высокого профессионализма, терпения и человеколюбия, самоотверженности и ответственности. Учительский труд благороден и бесценен!

Наше учебное заведение сегодня называется КОУ ВО «Павловская школа-интернат для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» и является одним из старейших в области, оно внесло огромный вклад в развитие народного образования. Коррекционная школа за годы своего существования накопила богатейший уникальный опыт работы с детьми с нарушением зрения. И хочется верить, что и в будущем наше общество будет уделять должное внимание этому сложному и такому ответственному виду образования, которому всю жизнь служил герой моего очерка.

*Зинаида МЫСЛИВЦЕВА,
учитель истории и обществознания,
руководитель школьного музея
КОУ ВО «Павловская
школа-интернат № 2»*

ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ

СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Сельское учительство — это моя профессия, мой образ жизни, моя судьба. Когда я начинала работать, то нередко сталкивалась со скептическим отношением к тому, что я работаю в селе. Сначала я обижалась, бывало, иногда даже скрывала свое место работы, но со временем поняла, что этим надо гордиться. Понять это помогла мне история нашей семьи, в которой были три сельских учительницы.

А начиналось все очень давно... В 1914 году молоденькая выпускница женской гимназии города Борисоглебска отправилась, как она любила говорить, «учительствовать» в одно из отдаленных сел уезда. Поселили Анну Степановну в дом к местному помещику. Человек он был добрый и как мог подерживал девушку. Ах, как страшно ей было по вечерам! В те годы бандиты нередко убивали богатых людей. Могли ворваться и в дом к старому помещику. Ей бы уехать, но любовь к профессии была сильнее страха смерти. И каждое утро молодая учительница шла к сельским ребятишкам.

После революции 1917 года Анна Степановна стала жить при школе. И опять столкнулась с трудностями. Однажды ее спас местный сторож. Узнав, что в село прискакали бандиты, он крайними улочками вывез «учителку» на телеге подальше от опасности. Но Аня не уехала из села — на другой день она вернулась в школу.

Удручающее зрелище предстало перед ней: все разбито, разграблено. От бесильной обиды учительница плакала, а сама сбивала табуретки, склеивала географические карты, учебные пособия. А потом опять позвала ребятишек на занятия. Внимательные глаза детей смотрели с благодарностью на свою учительницу. Анну Степановну дети очень любили, а она — их. Почти 10 лет отдала она сельской школе, а потом еще 40 лет работала учителем начальных классов в Борисоглебске. В годы Великой Отечественной войны возглавила отдел образования Борисоглебского района. Это была моя бабушка!

Дочь Анны Степановны, моя мама, тоже стала учителем сельским. Я была в те годы маленькой, но хорошо помню уютные классы с печным отоплением. В сельской школе всегда была своя необычная атмосфера — атмосфера доброты, взаимоуважения, душевной щедрости. Я смотрю на школьные фотографии 60-х годов... Сельские ребятишки одеты по-разному: кто-то в платочке, кто-то в ботиночках не по размеру. Но какие у всех лица! Все прильнули к своей учительнице. А она — в центре. И такой необычайно добрый взгляд у нее.

Сельский учитель отличался заботой о детях. Моя мама, Алевтина Ивановна, всегда помогала своим воспитанникам. Именно благодаря ей у многих ребят хорошо сложилась дальнейшая жизнь.

Был у Алевтины Ивановны один очень способный ученик, Василий. Отца у мальчишки не было, а мать почти не занималась воспитанием сына. Моя мама, первая учительница Василия, много возилась с ним, помогала, частенько подкармливала. Когда он подрос, она давала ему мудрые советы, убедила стать врачом. Шло время, Василий выучился на врача, окончив медицинский институт в Москве. А потом уехал в Германию и стал ведущим нейрохирургом. Через несколько лет он приехал в Россию, чтобы поблагодарить свою первую учительницу.

В далеком 1977 году я приехала в село Чигорак работать в школе и влюбилась в это удивительное место. Меня поразили утопающие в зелени аккуратные улочки, легендарный район «Порт-Артур» на берегу живописной реки Вороны, где можно любоваться высокими песчаными дюнами и стройными корабельными соснами. С тех

пор Чигорак стал моей второй малой родиной.

Я сельский учитель в третьем поколении. Учительский стаж нашей династии более 150 лет. Мои бабушка и мама начинали работать именно в сельской школе. Наверное, у них я научилась любить сельских детей и гордиться своей профессией.

Уже давно выросли мои первые ученики, многие приводят в родную школу своих детей и внуков. А я рядом с ними в своей родной школе, родном классе по-прежнему стараюсь «сеять разумное, доброе, вечное» уже сорок шестой год. Я помню всех своих воспитанников и люблю их. Иначе и быть не может. Ведь я — сельская учительница.

*Марина ИЛЬИНА,
МКОУ БГО Чигоракская СОШ,
Борисоглебск*

МОЙ УЧИТЕЛЬ

Занесла его в наши края степная азиатская буря. Далекий и загадочный Казахстан... Что я слышал о нем до этого? Степи, кочевники, юрты, народный подвиг на целине, Байконур. Но все было словно в тумане. И вот пришел человек оттуда. Нет, пожалуй, не так — ворвался, как неистовый вихрь, в полусонное пространство.

Нашу школу лихорадило, каждый год менялись директора, но все они были свои. А тут новый, да еще из такого далека!.. Первое, что поразило его, — яблоки. В тот год совхозный сад буйствовал во всю свою богатирскую мощь. Деревья держали на жадных ветвях больше, чем могли вынести, поэтому буквально трещали от непосильной ноши, нередко разваливаясь пополам. «Я никогда не видел столько яблок», — просто душно говорил он людям. А они пожимали плечами: эка, мол, невидаль — яблоки.

В школе все стало по-другому. Вроде то же самое здание, те же ребята-шалопайи, те же учителя. Только директор новый. Да и какой директор в нашем представлении? Важный-преважный, отделенный стеной от простого человека. К такому так просто не подойдешь. А этот, ну какой он дирек-

тор? Не сидит часами в своем кабинете. Не уезжает надолго «по делам». Может поговорить с любым: от первоклассника Коли до технички Дуси, неотесанной и грубой. Непривычно как-то. Искренне удивился, что нет теннисного стола в школе. Стал распекать физрука и трудовика: «Делайте стол». Те обещали, но потом дружно позабыли. Начальство много отдает приказов, если все выполнять, двадцати четырех часов в сутках станет мало. Авось, не вспомнит, закружится, завертится. Но не забыл — вспомнил. Закружились и завертелись физрук с трудовиком. Сделали. И опять все как-то не по нашему. Раньше как было: «Ребята, эти лыжи купили... Вы должны беречь... Все это благодаря... Мы преисполнены благодарности...» Продолжительные аплодисменты. Через неделю Витька одну лыжу сломал, Ванька палку согнул, Валька ботинок порвала, Вика с креплением невесть что сделала. Снова линейка, пулеметная очередь нареканий... А тут пришли в школу: стоит теннисный стол, и шарик с ракетками на нем лежат. Подошли, попробовали играть, а ничего не выходит. Скучно стало. Подумаете, теннисный стол! Хотели отойти, а Петр Тихонович тут как тут. Берет одну ракетку,

другую протягивает долговязому Славке. Не откажешься! Играют. Славка бегает вокруг стола, пот льет с него в три ручья, ребята чуть по полу от смеха не валяются. А Петр Тихонович стоит на одном месте, а ракетка слилась с рукой. Через неделю возле стола было уже не пробиться. Через год в школе стали проводить соревнования по теннису. Еще через год нам в школе стало «тесно». Договорились с завклубом, тот давал нам ключи. Играли по пять-шесть часов.

Не спал жар первых теннисных баталий, как новый директор «вбил» себе в голову заняться вплотную волейболом. У них, видите ли, в Казахстане ребята хорошо играют. У нас физрук приобщал, приобщал к волейболу — не вышло. А Петр Тихонович предлагает играть: он один против шестерых. Хо-хо! Да мы его в сухую обыграем. Подает. Славка нелепо отбивает, Серега пытается достать мяч... Гол! И так каждая подача. В сухую. Он нас. Заело. Стали тренироваться. Через месяц предложили сыграть. Програли, но не в сухую. Опять стали тренироваться. Хотели предложить еще сыграть, но видим: сейчас не до нас, да и год учебный подходит к концу, кому-то «двойки» срочно нужно исправлять, кому-то готовиться к экзаменам. Так и не сыграли.

Новый учебный год начался с отставки Петра Тихоновича. Серия доносов, оговоров, и человека «подсидели». Обычно бывшие директора представляют собой жалкое зрелище. Согнутые спины, повисшие, как плеть, руки, старческая походка. Вчерашние «друзья» выказывают глубочайшее презрение. Однако ничего подобного с Петром Тихоновичем не произошло. Он остался прежним. Петр Тихонович стал вести литературу в нашем десятом классе, который по традиции не очень любили, называя инертным, хотя учились мы неплохо и нареканий по дисциплине не имели. «Знаешь, — сказал мне как-то Петр Тихонович, — директором никто не шел, а мне нужна была работа...»

Его уроки сильно отличались от того, что я видел раньше. Поражала эрудиция учителя. Но наиболее ценным было то, что он не боялся сказать ученикам: «Не знаю, но к следующему уроку ответу на ваш вопрос». И держал слово, хотя мы порой и забывали

о заданном вопросе. Жизнь писателей оказалась не заунывным панегириком, а до боли простой и сложной одновременно, где простота и небывалая глубина посмотрели на нас строго и непредвзято. Так бывает иногда: смотришь в небо и видишь море звезд, однако не видишь главного. Но бывает и так, что на небе одна-единственная звездочка, а от нее теплее, чем от двадцати солнц, освещающих другие Галактики. Мы общались с ним не только на уроках и переменах. К нему можно было прийти домой и поговорить за чашкой чая. Его жизнь оказалась столь же удивительной, как и он сам. С интересом слушал я рассказы о его отце, репрессированном в сороковые годы. Казахская степь проплывала передо мной. Прекрасные каменные дома, а полудикий народ жил в юртах. Не один год прошел, чтобы приучить его к оседлой жизни... С горечью говорил учитель о том, как после развала СССР русских стали выдавливать из Казахстана. Отдать дом за бесценнок пришлось и ему. В Казахстане осталось многое, в том числе могила первой жены, погибшей в автокатастрофе. Сам Петр Тихонович чудом остался жив, спасли в больнице. С тех пор заметно прихрамывает.

Человек он на редкость общительный и разносторонний. Одно из его увлечений — фотография. Наша природа заиграла на его снимках. Смотришь и не узнаешь пруд в лучах заходящего солнца. Этот снимок послужил обложкой для коллективного сборника «Эртиль поэтический». Стихов Петр Тихонович не пишет — он пишет рассказы. Он входит в Союз писателей, знает Бондарева и Крупина не понаслышке, публикует свои произведения в воронежских и московских изданиях, активно сотрудничает с журналом «Литература в школе». Когда Петр Тихонович переехал в Московскую область, в районе вспомнили о нем, да поздно. Что умеем — не храним... Но не бывает так, чтобы луч света, пробившийся сквозь кору серости и дикого отчаяния, бесследно угас. Мне действительно хочется в это верить.

Виталий АПЕВАЛОВ,
педагог

КОГДА ДЕЛОМ ЖИВЕТ ДУША

В Богучарском районе и далеко за его пределами Николая Львовича Новикова хорошо знают как поисковика, краеведа и археолога. И не все догадываются, что в недалеком прошлом он работал шофером сельхозартели «Дубрава».

После окончания школы в 1966 году был направлен на курсы шоферов от военкомата и с января 1967 года начал работать в совхозе водителем. Затем — женитьба и служба в армии. Дома остались жена и сын. После учебной роты, где проходил подготовку два месяца, был направлен в Чехословакию выполнять, как тогда писали, интернациональный долг. За участие в этих событиях был награжден медалью «За воинскую доблесть» и отпуском на Родину.

Затем — служба в Венгрии. И там все сложилось успешно. Он награжден личной фотографией у развернутого знамени части, и его фамилия была занесена в Книгу почета.

После армии Николай Новиков вернулся к своей прежней работе. Надо было видеть, как он готовит машину к рейсу! А особенно — к уборке урожая. Обязательно покрасит ее, освежит номера. Все было за эти годы: и холод, и голод, и бездорожье. За трудолюбие, за долготелый труд награжден 20 почетными грамотами. Неоднократно получал звание «Отличник грузовых перевозок». Награжден серебряным знаком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки», а затем и медалью «За трудовое отличие», а также значком «Ударник труда».

Сегодня Николай Львович известен как педагог, человек-патриот, самобытный археолог, этнограф, руководитель поискового отряда «Память», собиратель и хранитель музейных реликвий.

С 2000 года он вместе с учащимися школ принимает активное участие в археологических экспедициях Воронежского государственного педагогического университета. Ежегодно в районе проводятся археологические исследования с участием и учащихся, и студентов в рамках детского археологического движения «Возвращение к истокам» под руководством кан-

дидата исторических наук, доцента кафедры истории России ВГПУ Валерия Березуцкого.

Ребята общаются друг с другом, участвуют не только в раскопках, но и в различных конкурсах. А полевая жизнь способствует развитию таких нужных качеств, как товарищество, взаимовыручка, умение переносить невзгоды полевой экспедиции. С именем Новикова связано и создание уникального Дубравского школьного историко-краеведческого музея, в котором в своей далекой и совсем недавней исторической первозданности представлены многие тысячи экспонатов.

Особого внимания заслуживает поистине священная работа поискового отряда «Память», командиром которого является Николай Львович. Судите сами: более тысячи найденных, эксгумированных и с почестями перезахороненных защитников нашего Отечества. Установлено много фамилий погибших, найдены их родственники. Со своим поисковым отрядом Н.Л. Новиков работал в трети районов Воронежской области. Часто на свои средства, когда не было иных источников, устанавливал памятники погибшим. Силами отряда обезврежены многие тысячи мин и снарядов времен Великой Отечественной войны. Труд неимоверно тяжелый, даже опасный и, надо заметить, совершенно бескорыстный — как говорят, на общественных началах.

— Мне приходится много общаться с учениками как младших, так и старших классов, — говорит Николай Львович. — В школе я веду кружковую работу по своей разработанной программе под общим названием «Я познаю тайны мира». В нее входят четыре программы: археологическая («Юный археолог»), краеведческо-познавательная («Я слышу Родину свою»), духовно-нравственная («Путь к Истине») и патриотическое воспитание молодежи («Богучарский поисковый отряд "Память"»).

С детьми приходится общаться не только в школе, но и весь летний период. Ходим в походы, ездим на экскурсии по достопримечательным местам, выезжаем на районные и областные археологические изыска-

ния. С мая по сентябрь с ребятами ведем поиск, эксгумацию и перезахоронение останков наших воинов, погибших в Великой Отечественной войне. С ними же попадаю в различные нештатные ситуации, из которых мы должны вместе выйти.

Ребят прошу, чтобы всю жизнь учились, честно работали, своим трудом зарабатывали на жизнь и не лезли по головам других для достижения своей цели. Поучаю, чтобы любили Родину больше, чем свою жизнь, а сердце отдавали людям. Я всегда останавлиюсь на автомашине перед пожилым человеком или женщиной с ребенком и с добрыми пожеланиями довезу до места. Дам ми-

лостыню человеку и никому не скажу об этом. Так, по моему мнению, правильно я жил и живу, не имея за свой труд богатых хоров и иномарок. Но я имею куда большее для жизни — совесть и сострадание к другим, а значит, во мне жива Божественная душа.

Именно поэтому законы совести, добра и справедливости, сострадание и душевная чуткость стали для Николая Львовича жизненными принципами.

Владимир ИВАНОВ,
г. Богучар

ТРОПИНКА ШКОЛЬНАЯ МОЯ

БЛОНДИН С ЧЕМОДАНОМ ИЗ МОЕГО РОМАНА

Вторая половина восьмидесятых резко распахнула двери в школьную литературу. Старые советские учебники отменили, новых еще не успели напечатать, учителей со стажем не переучили и ранее запретных книг не издали. Тем не менее, в стране была объявлена «образовательная реформа», напрямую коснувшаяся историков и словесников, и надо было детишек как-то обучать по-новому.

Так я, выпускница Воронежского госуниверситета, возвращенная на самой лучшей мировой литературе и выпестованная самыми демократичными и прогрессивными учеными филфака, стала сразу преподавать в десятых-одиннадцатых классах. И по-новому, свежо и интересно открылись миры измученных критикой социалистического реализма Блока, Маяковского, Есенина, Цветаевой и Ахматовой, а на уроки, наконец-то, вошли Высоцкий, Булгаков, Бродский и Пастернак.

Так начался мой новый жизненный роман. Выпуск, второй... В очередном 10-А намечалось четверо медалистов, ребята были все умные, неординарные, свободные и литературу воспринимали не как скучную обязанность, а как руководство по жизни. «Бесприданница» и «Отцы и дети» обсуждались так горячо и заинтересованно, как будто Лариса Огудалова и Базаров жили в нашем Боброве и были нам близко знакомы.

Когда мое учительское дело потребовало провести открытые уроки, я уже осознала, что мои десятиклассники вполне готовы говорить о судьбах русской эмиграции.

Героя моего романа звали Юрой. Юра Смышников — высокий красавец-блондин, которому вовсе не нужна была медаль. Ему нужна была гитара и плавание в свободной стихии симпатий, улыбок, шуток, благодушия и легкости юного бытия. Ему нужен был круг внимающих его голосу сверстников либо в школьном уголке, либо на пляже Битюга, которым бы он пел и пел, забывая о времени. Юра был из семьи военных, и путь ему предназначался в военное училище. Да... Но там не было Есенина и гитары.

Ну разве могло быть в военном заведении свободное валяжное сидение за третьей партией, на которой после уроков обязательно появлялась красивая надпись шариковой ручкой: «Смышников». Этот тайный царственный росчерк был обязателен. После звонка с урока Юрка резво покидал 21-й кабинет и забивался в самый дальний угол рекреации в толпу мальчишек, ожидая, когда я начну его вытаскивать оттуда за руку. Весь класс обожал эту игру, хохотали, когда я вела этого двухметрового красавца обратно в класс для отмывания парты. Ему хлоппали. Он улыбался толпе. Натирая мелом и аккуратненько затирая тряпкой роспись, продолжал загадочно улыбаться, наслаждаясь своей игрой. Ну кто мог тогда понимать,

что это было прелюдией к зрительским аплодисментам и раздаче автографов?

Не раз вслушиваясь в его улычиво-беглое и с гримасой «ну сколько уже можно» пересказывание текста, я в сердцах произносила: «Смышников! Тебе только в театр! Первых любовников играть!» И кто из нас мог подумать, что его действительно ждал театр?

Но по-настоящему все началось с ЧЕМОДАНА. На том самом открытом уроке о трех волнах русской эмиграции Юрка должен был исполнить белогвардейский романс и прочитав наизусть «Чемодан» Сергея Довлатова. Рассказ у меня был в самиздатовском варианте, в России в то время Довлатова еще не издавали. Брошюркой этой я очень дорожила, а для Юрки это было «У-у-у!.. Наизу-у-усть!.. Прозу!..» Но, как ни странно, рассказ он выучил и, похоже, идей проникся.

«Чемодан», что называется, пошел на «ура». Сидит такой Смышников, весь из себя блондин, свесил с колен длинные кисти рук, на плечи шинелька небрежно накинута, а у ног — советский чемодан с металлическими уголками. Вокруг — человек сорок учителей со всей Воронежской области, а он — Звезда с чемоданом! В образе! Голос с хрипотцой, на щеках — румянец. И никто-никтошеньки из гостей не знает, что температура у героя под сорок, а горло сжато гландами. Но выдержал, ни разу не запнувшись, прочитал весь рассказ!

После этого урока Юра перестал примерять на себя шинель офицера, а взял этот аплегорический чемодан и поехал с ним в Во-

ронезский институт искусств. Пройдя отборочные актерские туры, из прозы Смышников прочитал «Чемодан»! И это решило его творческую судьбу. Красивому блондину улыбалась приемная комиссия, отдавая уважение литературному вкусу абитуриента.

Думаю, что довлатовский чемодан со служил Юрке добрую службу. За доброе двадцатилетие он наполнил его самыми лучшими классическими ролями, играя «Доходное место» Островского, «Женитьбу» Гоголя, «Тартюфа» Мольера, «Вишневый сад» Чехова, «Метель» Сигарева, «Утиную охоту» Вампилова, «Театр» Трампльмейна, «Гамлета» Шекспира... А потом он вручил этот потяжелевший чемодан своему красавцу-сыну Севастьяну Смышникову. И поехал Сева в столицу, в знаменитую «Табакерку», задвинул папин чемодан под кровать, чтоб время от времени набивать его уже своими ролями.

Вот так довлатовский «Чемодан» завернул на другую дорожку прекрасную военную династию Смышниковых.

Юрий Анатольевич Смышников — заслуженный артист Воронежской области, директор Воронежского концертного зала, известнейшее медийное лицо региона, любимый герой моего романа, имя которому «Школьная литература». Правда, и отец его, Анатолий Павлович Смышников, ныне не просто офицер в отставке, а поэт, член Союза писателей России.

*Галина ДМИТРИЕВА,
МБОУ СОШ №17,
г. Лиски*

ДОРОГА В ШКОЛУ

Открываю глаза. Будильник на телефоне прозвенит еще не скоро, но «внутренние часы» уже сработали и разбудили меня. В комнате тепло и уютно. А за окном метет. Зима...

«Что-то погода сегодня не очень. Наверное, поеду на работу на машине», — размышляя про себя, иду на кухню, автоматически щелкаю кнопку электрического чайника.

На улице еще сумрак, но дорогу освещает множество фонарей. Хотя всю ночь

шел снег, асфальтированная дорога уже расчищена, поэтому через пять минут подъезжаю к школе. К издали приметному двухэтажному зданию прибывают машины, из которых выходят ребятишки: как «воробышки» выскакивают малыши и более солидно, не спеша, выходят старшеклассники. Родители привозят на занятия своих детишек.

— Здравствуйте, Валентина Тихоновна! А какую новую букву мы сегодня будем изучать?

— Валентина Тихоновна! Доброе утро! А что мы сегодня будем рисовать?

Это мои любознательные первоклашки «засыпали» меня вопросами на пороге школы. Много лет я каждый день отвечаю на множество вопросов этих любопытных малышей, не только учу их, но и сама продолжаю учиться. Я — учитель. Учитель начальных классов. А кажется, что совсем недавно, так же, как и эти малыши, сама приходила в школу. Тоже по дороге. Но это была совсем другая дорога...

...Открываю глаза. Теплая мамина рука гладит голову. В комнате еще прохладно. Совсем недавно папа растопил печку, и дом еще не успел наполниться теплом. Только слышно, как потрескивают дрова, как бы показывая, что они очень стараются как можно быстрее согреть комнаты. По дому плывет запах чабреца, боярышника, мяты и мать-и-мачехи... Это в чайнике на плите кипит чай из трав, которые мы с бабушкой собирали в оврагах за селом и сушили летом. А за окном метет. Зима...

— Доченька, пора вставать. В школу нужно собираться. Опаздывать нельзя. Дорога неблизкая.

В селе Переезжее, в котором я жила, была уютная малокомплектная школа. Учитель вел одновременно три класса. Ученики все вместе занимались в одной большой классной комнате. И как раз в тот год, когда я и пятеро мальчишек, моих одноклассников, должны были пойти в первый класс, школу закрыли. Средняя школа находилась в соседнем селе Щучье, которое было от нашего Переезжего на расстоянии трех километров. Между селами была только накатанная грунтовая дорога, которая во время дождя становилась проходимой лишь для гусеничного трактора. У наших родителей не было машин. Поэтому мы, семилетние малыши, ходили на занятия пешком. Многие наши отцы работали механизаторами, а мамы — свекловичницами в колхозе «Тихий Дон». Уходили они на работу к 7 — 8 часам утра, поэтому водить нас в школу было некому. Мобильных телефонов тоже не было.

В теплое время года расстояние в три километра было приятным путешествием, а вот зимой...

Попив ароматного травяного чая, одевшись, я садилась возле замерзшего окна

смотреть, когда проедет по дороге трактор, который хоть немного расчистит дорогу в село Щучье.

В окне замаячили несколько фигур. Это первые «смельчаки» пошли «пробивать путь к знаниям». Я выходила из дома в определенный момент. К этому времени к нашему дому подходили самые взрослые ребята — старшеклассники. Они и были в дороге нашими защитниками и провожатыми.

Так не хотелось выходить из теплого дома в полной экипировке: пальто, шапка, а сверху пуховый платок, чтобы ветер не дувал в уши, связанные бабушкой варежки, ранец с учебниками и, конечно, самая крутая, теплая обувь — валенки.

А еще снега навалило за ночь видимо-невидимо! Да и мороз, наверное, градусов 25!

Мама просила старших ребят, чтобы они меня доводили до школы. Я была очень худеньким и маленьким ребенком.

По селу дорога была расчищена, и до конца улицы идти было легко. В окнах домов еще везде горел свет, поэтому на улице было совсем не страшно. Но когда дома заканчивались, мы проваливались в темноту и меня всегда посещал легкий страх. Чтобы выйти из села, нужно было подняться на горку. Мы шли по колее, пробитой трактором. И чем выше поднимались, тем сильнее ощущался ветер и холод. Поднявшись на пригорок, нужно было сделать выбор, по какой дороге дальше идти.

Из Переезжего в Щучье можно было попасть двумя путями. Основная дорога шла по горе. Она была прочищена, но шла по открытой местности, где ветер буквально сбивал с ног. К тому же она на целых полкилометра длиннее. Вторая дорога короче, но шла по пересеченной местности. Между селами находятся холмы и овраги, поэтому, чтобы оказаться на более короткой тропе, нужно было сначала спуститься по очень крутому «серпантину» с одного холма, а затем уже возле села Щучье подняться по такому же крутому склону вверх. Эту тропинку никто не прочищал. Мы, школьники, протаптывали узкую дорожку в снегу, по которой и шли к школе. Овраги защищали нас от сильного ветра.

...Сегодня решили идти «коротким путем». Свернули с прочищенной колеи и... провалились в сугроб. Впереди уже прошли

ребята. Но ночью выпало много снега, поэтому с большим трудом протоптанную за несколько дней тропку опять сильно занесло. Нужно было попасть в следы ребят, которые они оставили. А это было трудно. Ноги замерзали. В валенки насыпался снег. Но главным «испытанием» был серпантин, с которого нужно было спуститься или скатиться. Это уж как получится! То был склон, напоминающий мне теперешнюю бобслейную трассу. «Бобами» оказывались наши портфели. Ни один современный рюкзак не выдержит той нагрузки, которую выдерживали наши ранцы!

С горы дорога шла далее по ровной местности неописуемой красоты. Слева холмы, поросшие сказочными заснеженными деревьями, справа — огромный луг. Вдалеке, как на картинах знаменитых художников, стоит загадочный лес.

В некоторых местах наш путь очень сильно переметало. Мы, малыши, буквально тоннули в снегу. Тогда старшие мальчики переносили нас на руках через эти «барханы».

Последним испытанием был крутой холм, поднявшись на который мы оказывались в начале Щучьего, где улицы уже были расчищены, а в домах также горел еще свет.

Наша школа была построена в виде буквы «п». Рядом находился пришкольный опытный участок с большим садом, в который выходило окно школьной кухни. Там тоже горел свет. Повар тетя Маруся уже готови-

ла завтрак. И мне почему-то это окно всегда напоминало маяк. После заснеженной дороги, холода становилось спокойно и тепло. Дошли!

В классе нас встречала наша первая учительница — Волошенко Раиса Петровна.

— Здравствуйте, Раиса Петровна! А какую новую букву мы будем сегодня изучать?..

— Доброе утро, Раиса Петровна! А что мы сегодня будем рисовать?..

...Мы ходили по этой дороге целых 10 лет. Зимой и летом, осенью и весной. Но это уже совсем другая история.

Сейчас между селами построена современная асфальтированная дорога. Учеников Щученской школы, живущих в селе Переезжее, на занятия привозит школьный автобус. Недалеко от старой школы построено новое школьное здание. А вот та, вторая, «короткая» дорога в школу давно уже заросла.

Но как многому нас, тех малышей-первоклашек, она научила: не бояться трудностей, доверять друг другу, помогать тому, кто в этом нуждается, и идти вперед. Пусть и по самой узкой и, казалось бы, непроходимой тропинке. В любую погоду. Вот и я стараюсь учить этому своих любознательных первоклашек, по какой бы дороге они ни приходили в школу.

Валентина ОСТРОКОСТОВА,
МКОУ «Щученская СОШ»

Лискинского муниципального района

ЕСТЬ У ШКОЛЫ ИМЯ

История Хреновской школы №2 имени Левакова началась с 1930-х годов после принятия решения о всеобщем семилетнем образовании. В сентябре 1931 года был открыт 5 класс, а в 1932 году под школу крестьянской молодежи был отдан особняк бывшего купца Бунина на Базарной площади. В 1936 году Хреновская неполная средняя школа реорганизуется в среднюю, к школьному зданию было пристроено несколько классных комнат.

В 1938 году школа выпускает первых десятиклассников. Количество учащихся достигло 1200 человек.

А дальше — суровые годы войны... На фронт вместе с учителями отправились и мальчишки-десятиклассники. А те, кто остался, старались хорошо учиться и, конечно, во всем помогать в то нелегкое время взрослым. Ребята выращивали и собирали урожай на полях, шефствовали над госпиталями, по ночам дежурили в школе.

Большая часть учителей и старшеклассников была мобилизована, призвана в армию. Они героически сражались на фронтах. Многие пали смертью храбрых на полях сражений...

Хреновская школа № 2 носит имя Героя Советского Союза Владимира Левакова.

Это было в бою за польский город Коло. Гитлеровцы сильно укрепили город поясами заграждений. Завязался бой. Каждый боец понимал, как дорога теперь каждая минута: надо не дать врагу опомниться, перевести дух. На подступах к городку враг был разбит. Уже хорошо были видны домики и лента реки. В едином порыве воины ринулись в атаку. Но в это время застрочили пулеметы вражеских дзотов. Ливень свинцового огня прижал пехоту к земле. Время решало успех боя. Враг мог подбросить силы и организовать оборону. В эту решающую минуту на глазах залегших воинов к самому дзоту подполз младший лейтенант Владимир Леваков и бросил связку гранат. Но огонь не прекращался. Тогда он поднялся и закрыл своим телом амбразуру дзота...

Младший лейтенант Леваков был так же молод, как и солдаты, которыми он командовал.

Он любил военное дело и много работал над углублением своих военных и политических знаний. Выступая на выпускном вечере, Леваков говорил о чести и долге воина, о любви к советской Родине, которая воспитала и вырастила его офицером. «Я всем обязан Родине. И жизнь моя принадлежит ей», — сказал Леваков. Когда пришел день великого испытания, Владимир не отступил. Он понимал, что идет на явную смерть, но в решающие минуты думал, наверное, о другом: о победе над врагом, о счастье своего народа, на верность которому он присягал. И вражеский огонь не мог остановить советского офицера. Дзот замолчал, и это определило успех боя.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года младшему лейтенанту Владимиру Ивановичу Левакову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Для увековечивания памяти Герой Советского Союза В.И. Леваков навечно зачислен в списки Первой стрелковой роты войско-

вой части № 61986, награжденной орденом Красного Знамени, имеющей наименование Берлинской за успешные военные операции, проведенные в районе города Берлина.

По просьбе пионеров Хреновской школы № 2, в которой учился Леваков, в 1946 году пионерской дружине было присвоено его имя. Ребята установили тесную связь с семьей героя, начали переписку с воинами части, где служил Владимир. Там тоже свято чтут память о погибшем солдате. Ежедневно на вечерней поверке старшина роты зачитывает фамилию Владимира Левакова, и правофланговый торжественно отвечает: «Герой Советского Союза младший лейтенант Леваков пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины!»

В 1960 году на классной комнате в Хреновской школе № 2, где учился Леваков, была прикреплена мемориальная доска с надписью: «Здесь учился Герой Советского Союза Владимир Леваков».

В 1965 году имя героя-земляка В.И. Левакова было присвоено его родной Хреновской восьмилетней школе № 2.

В 1965 году делегация Бобровского района побывала у воинов гарнизона, где в свое время Владимир проходил службу.

Если верить буквам этим,
Если верить цифрам этим —
Погиб он в 45-м на рассвете...

Но живет, живет мальчишка.
Став легендой, песней, книжкой,
Улицей в поселке нашем,
Нашей школой...

В школе имеется Зал Боевой Славы, где проводятся мероприятия по патриотическому воспитанию школьников. Также нашу школу окончил еще один герой Советского Союза — Козьма Козьмич Ермишин.

Елена ПРОКУРОРОВА

МОЕ СЕРДЦЕ ОТДАНО ДЕТЯМ

Истоки моей профессии уходят в далекое босоное детство, в потерявшееся среди бескрайних душистых лугов и полей село с красивым поэтичным названием Озерки Бутурлиновского района. Не раз возвращаюсь в мыслях в то удивительное, бесшабашное

время, когда ходила в детский садик. И в моей памяти возникают разные эпизоды той «маленькой жизни» — утренники и игры, песни и танцы, добрые и заботливые воспитательницы... Все это и стало отправной точкой в моей судьбе.

Теперь уже на протяжении сорока двух

лет я сама с удовольствием бегу на работу в свой родной, любимый детский сад в городе Острогожске. И каждый раз вижу доверчивые, широко распахнутые навстречу мне глаза моих воспитанников, жадно ловящих каждый мой взгляд, жест, и чувствую, что я нужна им. Мои дети простодушны и открыты для добра, красоты, чутко реагируют на ложь и несправедливость. Они мне верят, надеются на меня, ждут от меня понимания и преданности. Малыши — чуткие создания, и я чувствую их ответное тепло и стремлюсь к тому, чтобы у них было светлое, радостное настроение весь день, приучаю их жить в коллективе, учу их сопереживать ближнему и далекому, любить и понимать друг друга. Я переживаю вместе с ними их неудачи, формирую их мировоззрение, храню маленькие секреты, радуюсь успехам и победам.

Каждую минуту я стремлюсь создать для своих детей в группе атмосферу любви и радости, сделать их жизнь интересной и содержательной. Спешу передать детям все свои знания и умения, показать, как красив окружающий их мир в его многообразии; увлечь разнообразными играми и занятиями; разбудить их безудержную фантазию и развить заложенное самой природой творческое начало; даю возможность оказаться в волшебном мире сказок, поэзии и музыки — в общем, подольше насладиться минутами счастливого, беззаботного детства.

Вместе с этим я всегда помню о том, что знания и умения, конечно, необходимы в моей профессии, но они теряют смысл для ребенка, если нет главного: доброты, чуткости, жалости, терпения, юмора. Маленькому человеку всегда очень важно, чтобы рядом был добрый, понимающий и уважающий его взрослый. Потому что именно от него будет зависеть его настроение, здоровье, общение со сверстниками, его становление как личности и, если хотите, его будущее. В.А. Сухомлинский говорил: «От того, как прошло детство, кто вел ребенка за руку в детские годы, что вошло в его разум и сердце из окружающего мира — от этого в решающей степени зависит, каким человеком станет сегодняшний малыш». Вся моя жизнь стала ярким примером подтверждения этих слов.

Детский сад для меня — гораздо больше, чем работа. Я ни разу не усомнилась в выборе своей профессии, но с каждым годом убеждаюсь, как это нелегко — воспитывать детей, потому что на воспитателе лежит огромная ответственность за жизнь каждого малыша.

Максим Горький сказал когда-то, что воспитывать должны люди, которые по природе своей тяготеют к этому делу, требующему великой любви к детям, обладающие безграничным терпением и душевной щедростью. Бог дает мне это сполна. Для меня быть воспитателем — это значит по-матерински окружить заботой, нежностью, лаской и вниманием сразу более двадцати малышей. И в ответ получить бурю эмоций и новый заряд энергии и позитива.

Мне нравится быть воспитателем, потому что моя профессия соответствует моим природным способностям и наклонностям. По этой причине я отказалась от карьерного роста и нисколько не сожалею об этом. Находясь наедине с собой, я даю оценку каждому прожитому с детьми дню, анализирую свои промахи и ошибки. Потому что цена ошибки педагога слишком дорога и опасна. Рядом с детьми я забываю о своем возрасте. Кажется, что я только пришла работать — очень юная, веселая и энергичная. И так будет всегда, потому что детский сад — это «машина времени», уносящая меня в вечное детство.

Я считаю себя счастливым человеком, потому что каждый день меня встречают доверчивые, ищущие понимания и любви глаза моих воспитанников. И я не могу предать или обмануть их. Дети — самая большая ценность для меня. Это наше будущее. То, во имя чего мы живем. И хочется верить, что, отдавая детям частицу себя, я делаю этот мир добрее и чище, потому что каждый человек родом из детства. И мое сердце навсегда отдано детям!

Ольга БАХОЛДИНА,
МКДОУ детский сад № 8,
г. Острогожск

Департамент культуры Воронежской области

**Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъём»**

Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

При оформлении номера используются авторские работы, фотографии из архива редакции журнала «Подъём» и открытых источников.

Авторы присылаемых материалов должны сообщить редакции: краткую биографическую справку; домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан, регистрация); ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала в формате Word.

Корректор Стрельникова Е.С.

Телефоны редакции: директор-главный редактор — 228-64-12 / 8-903-858-64-12, заместитель директора-главного редактора, шеф-редактор (ответственный секретарь), отдел поэзии — 228-64-15 / 8-903-858-64-15, отдел прозы, корректор, отдел верстки — 228-64-09 / 8-903-858-64-09, бухгалтерия — 228-64-13 / 8-903-858-64-13, производственный отдел — 228-64-16 / 8-903-858-64-16.

Электронный адрес журнала «Подъём»: podiem@mail.ru

Сайт журнала «Подъём»: <http://www.podiemvrn.ru>

Электронный архив журнала с № 1, 2001 г. по № 6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>
ISSN 0130-8165.

Журнал «Подъём»

Главный редактор **И.А. Щёлоков**

№ 9 (708). Подписано в печать 06.09.2023.

Дата выхода в свет: .

Индекс 73312.

Тираж 1500 экз.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «School Book». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19,5 + 0,5 п.л. цв. вкл. Отпечатано с готового оригинал-макета

ГБУК ВО «Журнал «Подъём». Заказ № . Цена свободная. 12+.

Адрес редакции: 394030, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

Адрес издателя ГБУК ВО «Журнал «Подъём»: 394030, Воронежская область,
г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

Адрес типографии: ООО «Пресса ИПФ»:

394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, 43.

Журнал «Подъём» зарегистрирован Министерством печати и массовой информации РСФСР.

Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.

Учредитель (соучредители): Союз писателей России.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати
Воронежского главпочтамта: 394068, г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться
в ООО «Пресса ИПФ».

И. Александров.
Ночь

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

Каталог Почта России

П3239

Все регионы РФ

Ближайшие публикации журнала «Подъём»

- **Страницы прозы:**
повесть Владимира Крупина «Громкая читка»,
рассказы Ольги Шпиловой – обладателя Гран-при
фестиваля «Во славу Бориса и Глеба» (2023),
Владимира Шеменева, Игоря Голубя
- **Стихотворения Ивана Щёлокова,
Николая Коновского, Владимира Скифа,
Михаила Каменецкого**
- **Очерк Виктора Будакова «Слово правды и надежды» –
к 80-летию со дня рождения писателя
Ивана Ивановича Евсеенко**
- **«Судьба поэта» – очерк Олега Фенчука,
открывающий цикл публикаций,
посвященных 200-летию со дня рождения поэта
Ивана Саввича Никитина**
- **Статьи, очерки Сергея Михеенкова,
Татьяны Багринцевой, Юрия Кургузова**

ISSN 0130–8165. «Подъём», 2023 г., № 9. 1–240.

Сайт журнала: <http://www.podiemvrn.ru>